

Анастасия Котова

**Девочка в
реакторе**

Annotation

Чернобыльская АЭС, год восемьдесят шестой, начало времен перестройки: время, когда не знаешь, куда повернет жизнь и будут ли перемены настолько критичными, насколько можно представить — еще вчера цвели яблони в садах, а люди радовались каждому прожитому дню и с надеждой смотрели в будущее.

Но теперь этого будущего больше нет.

Его отобрала Она, девочка в школьной форме.

Вступление. Как все начиналось

...Черная “Волга” с тонированными стеклами въехала на территорию сельского городка.

— Ну что, мы уже приехали?! Сколько еще терпеть?

— Все в порядке, господин, мы уже почти на месте. Вы что, боитесь, что она ненароком оживет? А ее отец?

Он в курсе, что его дочь умерла?

— Он даже не помнит ее имени. Папаша, называется...

Водитель кивнул, не решаясь спорить.

— О, как я рад видеть вас, мой дорогой друг! Знали бы вы, как мы по вам соскучились! — человек с кудрявыми волосами и в строгом костюме распахнул свои объятия.

— Бросьте ваши фальшивые комплименты, товарищ Брюханов, лучше отведите к нужному месту.

— Это она?

— Она.

— Я могу взглянуть?

Мужчина скорчил недовольное лицо, но через минуту бросил:

— Взгляни.

Под свертком скрывалось лицо маленькой девочки. Все ее тело покрывали жуткие ожоги и язвы, замотанные бинтами и сокрытые гипсом.

— Чтобы ты спал спокойнее, товарищ Брюханов, несколько часов назад она скончалась от травм, несовместимых с жизнью, и этому есть соответствующее свидетельство, которое могу предъявить, если понадобится.

— Ну что вы, мой друг, я вам верю!

— Конечно верите, товарищ Брюханов, я заплатил вам за это немалую сумму. И давайте-ка закончим этот пустой треп. Время деньги, как говорят за рубежом.

Брюханов усмехнулся и, не произнеся ни слова, привел гостя к недостроенному зданию, на крыше которого возвышалась вентиляционная труба. Парочка направились через длинный, отсвечивающий золотом, коридор и вышли к толстой металлической двери. Потянув ее на себя, они вошли внутрь узкого пустующего помещения, а затем, миновав еще один коридор, прошли к цеху без крыши, в полу которого зиял глубокий котлован.

Мужчина опустил на правое колено и положил сверток на застланный плиткой пол. Развернул сверток и подхватил на руки легкое тело девочки.

— Такая короткая и такая несчастная жизнь...

— Зато ей не придется страдать, как я страдал. Для нее смерть — самый лучший исход. Ее никто и никогда не найдет. Чернобыль станет для нее вечной могилой.

Закончив последнюю фразу, мужчина опустил руки, позволяя маленькому трупiku упасть на зияющее дно котлована.

...Она сидела на горячих от солнечных лучей ступеньках, когда подошел высокий темноволосый мужчина в строгом костюме.

— Как дела?

Ее тонкие розовые губы растянулись в улыбке.

— Хорошо! А вы кто?

Незнакомец присел перед ней на правое колено:

— Ты очень скоро узнаешь, Алина.

В пронзительных синих глазах промелькнуло удивление.

— Откуда вы меня знаете?

На строгом лице появилась кривая усмешка.

— Я родственник твоих родителей, хочу забрать тебя к себе. Ну, что скажешь?

Она наградила мужчину испытывающим взглядом.

— Мои папа и мама поругались два года назад. Папа ушел, а мама привела меня сюда, в детский дом, потому что я не понравилась моему новому папе.

— Я знаю, Алиночка, я все это знаю, поэтому я хочу забрать тебя отсюда. Меня, кстати, можешь называть дядей Долгожителем. Своего имени я, к сожалению, не помню, как и детства, но мы с тобой, я надеюсь, найдем общий язык.

...Ее мама не всегда была такой сердитой и строгой.

— Папа...?

У отца была отличительная черта — он носил очки в толстых стеклах.

Когда он улыбался, в уголках глаз собирались мелкие морщинки, а лицо становилось еще круглее.

А еще папа умный, работает среди таких же умных людей, как и он сам.

— Золотце мое!..

Алина обняла его за толстую шею и припала носом в белую рубашку, вдыхая запах мужского одеколona.

— Па-ап...

— Да?..

— А почему ты не живешь вместе с нами?

Он убрал с ее лица выбивающиеся из прически волосы.

— Папе приходится работать...

— Просто у твоего отца другая семья!..

На пороге комнаты появилась высокая стройная женщина с длинными светлыми волосами. Ее глаза сияли настоящей небесной синевой. Даже золотистые пряди светились, когда солнечные лучи падали на прическу, создавая солнечный нимб.

Мама всегда поджимала губы и морщила лоб, когда папа уходил. Кончик ее носа смешно подрагивал. От недовольства она стучала ногой по полу, а в глазах металась сотня молний, готовых разорвать любого обидчика.

Девочка недоуменно посмотрела на своего отца.

— Ты еще слишком маленькая, чтобы это понимать.

— Мне пять лет, папа!..

— И ты так же умна, как и твой папа. И твой же папа научил тебя грамотно разговаривать, считать до ста и выучить весь алфавит наизусть. А еще собирался показать весь мир, но у папы возникли непредвиденные обстоятельства...

— А что такое — “непредвиденные обстоятельства”? — с трудом выговорила малышка.

— Неприятная неожиданность, которую сложно решить здесь и сейчас.

— А ты к нам еще придешь?

Отец виновато опустил глаза.

— Теперь ты видишь, что ты натворил? — грозно произнесла матушка, когда девочка, поджав губы, тихонько заплакала. — Ты нанес девочке травму! У нее вся жизнь будет сломана из-за тебя! Неужели ты это не понимаешь?! Почему ты не хочешь сделать то, о чем тебя просят?

— Я не собираюсь бросать Маргариту. А Алина... Я буду с ней видеться.

— Только через мой труп!

— Ты хочешь удержать меня ребенком?

— Я хочу, чтобы девочка росла вместе с отцом!

— Я не собираюсь больше обманывать свою семью!

— Твоя семья — это мы с Алиной!

Алина шагнула в спасительный полумрак своей комнаты, пытаясь скрыться под объятиями ночи от громкой ругани родителей. Прикрыла тихонько дверь, оставшись наедине со спасительной тишиной.

Малышка громко разрыдалась, услышав громкий хлопок входной двери и силуэт отца в окне.

Алине не спалось, и она, тихонько приоткрыв дверь, вышла из детской комнаты.

Синяк, заботливо оставленный новым папой, нестерпимо болел, но девочка сдерживала рыдания, время от времени шмыгая носом.

У малышки екнуло сердце, когда она невольно услышала разговор двух взрослых.

— Мне надоела твоя дочь! Она только и делает, что ноет и зовет своего отца!..

— Господи, Андрей, я пыталась ей все объяснить, но она ни черта не понимает!

— Ты завтра же избавишься от нее!..

— Что?!..

Новый папа был от природы жестоким человеком — едва переступив порог маминой квартиры, он тут же невзлюбил маленькую девочку с ясным взглядом синих глаз: она была слишком умная, слишком упрямая и слишком характерная, чтобы слушаться постороннего дядю.

— Тебе кто дороже: я или эта соплячка? Если ты сегодня же не избавишься от нее, я уйду от тебя, поняла?!

— Я поняла...

— Вот и хорошо. Люблю тебя.

— Вставай, доча, нам пора.

Алина нехотя открыла глаза, щурясь от яркого солнечного света, проникающего в комнату через большое окно. Мама заботливо отдернула шторы и помогла дочери встать. Девочка послушно надела красивые лакированные туфельки, привезенные отцом из-за рубежа, и вышла из комнаты следом за матушкой.

Краем глаза она замечала испытывающий взгляд отчима, выглядывающего из гостиной.

Этот человек, которого матушка привела неизвестно откуда, был неудачником — сидел на их с матерью шее и избивал девочку. Недалекий, с садистскими и сексуальными замашками (Алине приходилось наблюдать нечто подобное по ночам, когда до детской доносились подозрительные звуки, похожие на стоны), выпивающий и скандальный.

Алина смотрела на отчима через узенькие щелочки глаз и не могла понять, почему этот мужчина с залысиной и большой небритостью — ее новый папа.

Малышка послушно следовала за матушкой, когда они вдвоем вышли из подъезда, набросив на себя пальто.

На улице стояло позднее лето, холод и проливные дожди сопровождали столицу каждый день, превращая дороги в мини-реки и заставляя колеса проезжающих машин утопать в воде.

Мама молчала, а девочка испытывающим взглядом сверлила ее спину, стараясь не проронить лишнего слова.

Они остановились у трехэтажного кирпичного здания.

— Послушай, маме нужно срочно отойти, — матушка выпустила руку дочери и в упор посмотрела ей в глаза, — она не может взять с собой свою дочь, потому что это — дела взрослых, и маленькой девочке об этом знать не положено. Подожди меня здесь, хорошо? Я постараюсь освободиться как можно скорее.

И, отбросив за спину длинные золотистые волосы, женщина гордо удалилась, поправив съезжающую сумочку.

Когда небо начало покрываться кроваво-красными всполохами сумерек, Алина, поправив воротник пальто, нерешительно вошла внутрь здания, возле которого провела в ожидании несколько часов. Мимо проходили люди, интересовались, что она здесь делает, но девочка отрицательно качала головой и продолжала стоять, слизывая с губ крупные капли дождя.

— Ты заблудилась, дитя?

В холле ее встретили две полные женщины с румяными лицами и добрыми глазами.

Алина спрятала руки в карманы.

— Моя мама оставила меня здесь и ушла. Можно я подожду тут?

Дамочки переглянулись между собой.

— Милая моя, ты хоть знаешь, что это за место?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Давай-ка мы тебя умоем и накормим. Ты выглядишь просто отвратительно!..

...Он вышел из детского дома и протянул ей руку.

— Пойдем, куколка, нас уже все ждут.

Они покинули внутренний двор, прикрыв за собой калитку.

На столицу уже опускались сумерки, накрывая город своей мрачной периной. Только что прошел освежающий дождь, украшая серый асфальт темными оттенками. В воздухе стоял запах мокрой травы, а под ногами хлопала вода.

Алина успела намочить свои тоненькие туфельки, шлепая по лужам рядом с высоким темноволосым мужчиной.

Их поприветствовал водитель в таком же строгом костюме и предварительно распахнул дверцу черного автомобиля, жестом приглашая внутрь. Алина первая заскочила в машину, усаживаясь у окна.

Долгожитель, с виду мрачноватый тип, сел рядом, вытянув вдоль сидения левую руку.

Дверца громко хлопнула, и машина сдвинулась с места.

...Темный купол возвышался над вентиляционной трубой, разрезающей его напополам. Он был сплошь усеян звездами, похожими на мелкие точки. В конце апреля уже стояла теплая и сухая погода. Днем температура поднималась до плюс двадцати пяти, иногда — до плюс тридцати.

В начале месяца снег едва растаял, наступила невыносимая духота.

Ночью температура падала, становилось прохладнее.

За все это время не было ни одного намека на дождь, пусть даже мелкого, зато освежающего, пахнущего зеленой травой.

Бетонное здание утопало в зелени. Сквозь еловых, сосновых и ветвистых деревьев пробивались яркие огоньки. Как только на землю опускалась ночь, зажигались многочисленные электрические лампочки. Во тьме мелькали люди в белых одеждах, а вдалеке громко звучали сирены проезжающих мимо автомобилей.

Жизнь в одночасье замерла, как будто кто-то невидимый и всемогущий поставил ее на паузу, словно записанный на видеокассету фильм. Не было даже пресловутых мотоциклистов, что любили разъезжать на громко вопящих байках, заставляя мирно спящих людей вскакивать с кроватей.

Часы показывали начало двенадцатого.

Крупного телосложения мужчина тяжело шагал по коридору, нервно размахивая руками. Белая рубашка прилипла к спине. По лбу катились, словно бусины, градины пота.

— Господи, когда-нибудь эта жара закончится, нет?! У меня мокрое все, даже трусы! — Александр Свиридов, тот самый крупный мужчина в белой форме, вошел в просторное помещение с панелями со светящимися кнопками и экраном над ними, показывающий глубины погружение управляющих стержней.

— Бегать надо меньше, — буркнул сидящий за столом мужчина, что-то пишущий в большую тетрадь.

— Эксперимент уже начался?

— Начнется с минуты на минуту. И если кое-кто перестанет мешкать... — юноша в очках, заметив многозначительные взгляды, побледнел, — то, возможно, ближе к полуночи успеем провести эксперимент. Мы уже опустили мощность до семисот мегаватт...

— Да-а... — парень судорожно проглотил слюну, — только мощность продолжает падать...

— Ты идиот! Клянусь богом, ты самый настоящий идиот! — один из присутствующих набросился на паренька и схватил того за грудки. — Ты сам, своими хилыми ручонками, “уронил” реактор! Если ты не “поднимешь” его сейчас же, мы все пропали!..

Мужчина тоже вскочил со стула и бросил испытывающие взгляды на возбужденных напарников. Время шло, и от сильного напряжения, витающем в закрытом помещении, Александру показалось, что почва уходит у него из-под ног: еще минута, и он тоже потеряет остатки самоконтроля.

— Мы еще можем все исправить. Уйди, — кинул Свиридов разгневанному коллеге и подошел к пульту управления. — Мы тебе поможем, — успокаивающе сказал он юноше и слегка потрепал его за плечо. — Я встану возле показателей мощности, а ты будешь делать то, что тебе скажут, понятно? — парень кивнул и опустил взгляд на панель, спрятав за толстыми стеклами очков огонек недовольства.

Александр хмыкнул и склонился над приборами.

Мощность продолжала стремительно падать. Тридцать мегаватт.

— Давай ты будешь делать то, что тебе говорят, хорошо? — паренек засвоевольничал, выбрав неподходящее для этого время. — Ты начинаешь дергать стержни как попало, а лучше бы начать с тех, что свободны. Разве ты не понимаешь, как это работает?

— Я-то понимаю. Или вы принимаете меня за школьника?!..

— Ты намного хуже, поверь. Давай поговорим об этом после, как все закончится, идет?

— Вы еще долго будете мешкать?! Вы что, решили сыграть в добреньких воспитателей? Мы бы давно провели этот чертов эксперимент, если бы не ваше няньчество! Или вы хотите, чтобы я доложил куда надо?!

— Докладывай! Или ты ждешь пинка для рывка?!

Когда мощность удалось поднять до двухсот мегаватт, Александр, почувствовав облегчение, отошел от панели, вытирая рукавом пот, струящийся по лицу и бросая взгляды на полуоткрытую дверь: наверняка на улице уже окончательно спала жара, и можно наполнить легкие кислородом. Он посмотрел на тикающие часы, висящие высоко над экраном, затем — на паренька, и резко вздрогнул, когда непонятно откуда взявшиеся порывы ветерка коснулись его растрепанных темно-русых волос. Сглотнул, ощутив на себе пристальный взгляд и чье-то издевательское хихиканье.

“Почему...”

“Что — почему? — вопрос, обращенный в пустоту, повис в воздухе. — Ай, черт с ним!.. “

— Дави кнопку! Немедленно! — до него донеслись обрывки разговора двух коллег, пока он пребывал в оцепенении.

— Что произошло?..

— НЕМЕДЛЕННО ГЛУШИ РЕАКТОР!

Юноша дрожащими руками нажал кнопку аварийной защиты, обливаясь потом, и поднял глаза на экран, побледнев: ничего не произошло. Он, словно обезумев, начал бить по красной кнопке, не понимая, что его действия ни к чему не приведут.

Повисла неловкая пауза.

“Наверное это и есть тот самый выбег, — решил Александр, когда над его ухом раздался резкий и неприятный звук. — “Словно “Волга”, остановленная на ходу, пошла юзом... ду-ду-ду. Да, это нехорошо, но что поделать — ситуация выбега”. И пожал плечами, не придав значения доносящемуся сверху грохоту и вибрациям здания.

Помещение задрожало. Присутствующие опасливо заозирались.

— Продолжайте эксперимент! Все под контролем!

“Это напоминает немилость богов, — инстинктивно пригнулся Свиридов, услышав над своей головой похожий на раскаты грома рокот. — Неужели это конец?..”

Колебания с каждой минутой росли.

— Гидроудар в деаэраторах!

Находящиеся в помещении от сильного толчка дружно рухнули на пол. Последующий за первым ударом второй заставил заработать аварийную сигнализацию. Свет тут же потух. С потолка посыпалась штукатурка. Сработало аварийное питание.

— Мать честная... Что это?..

“Авария...” — первое что пришло на ум приподнимавшемуся с пола Александру.

— Пожар в четвертом энергоблоке! Нужно немедленно подать туда воду!..

— Спокойно, реактор цел и заглушен, — поморщился от криков мужчина, — просто повредились теплоносители.

— А ты сам в это веришь?

— Свиридов, что ты такое несешь? Ты хочешь посеять панику? Сомневаешься в моей компетенции?

Александр попытался найти поддержку среди коллег, но те растерянно молчали.

— Нет, товарищ Дятлов, — ответ его был достаточно холоден. — Делайте то, что считаете нужным. А я ухожу. Мне нужно убедиться, что никто не пострадал.

С широко раскрытыми глазами Александр наблюдал, как его друзья и коллеги, словно зомбированные, шли по коридору — одни падали без сознания, а некоторых вытаскивало прямо на пол, — и согнулся в три погибели от резкого удара в живот. Обильная рвота украсила некогда чистый линолеум. Он откашлялся, отхаркиваясь, и, осторожно держась за стены, побрел по плохо освещенному коридору. Невыносимая тяжесть, возникшая из ниоткуда, повалила бы его на пол, но ему удалось устоять.

— Ходемчук пропал! Он там, под завалами! Вытащите его, кто-нибудь!..

— Шашенок умер!..

Слух, на время пропавший, пронзали крики, напоминающие раскаты грома. Каждое движение давалось с трудом: ноги налились свинцом, тошнота продолжала подступать к горлу, перед глазами все поплыло, и в очередной раз зеленая жидкость украсила позолоченные полы атомной станции.

— Саша, Саш... — пришлось приложить усилия, чтобы повернуть голову и увидеть рядом с собой юношу, держащего его под руку. — С тобой все в порядке?

— А по мне не видно?.. — бледное, как у мертвеца, лицо украсила усмешка.

— Меня попросили отыскать тебя, чтобы ты вместе с Газиным открыл системы охлаждения, вручную.

— Газин... А где он?

— Он сейчас где-то на станции. Я видел, как он прогуливался, пока пожар не начался.

— А Дятлов?

— А Дятлов рвет и мечет. Я, собственно, поэтому и ушел. Проще выполнить поручение, чем слушать его крики. Ты сможешь идти? Или мне сделать это за тебя?

— Все в порядке. — Александр повел плечами.

— Вот ты где! — он повернулся и увидел запыханного коллегу. — А я тебя везде ищу! Акимов нас послал...

— Я знаю. — Свиридов кивнул на юношу. — Леня мне уже все доложил. Пошли.

Двое крепких мужчин побежали по лестнице наперегонки, замечая синий угар возле небольшой пристройки. Из набухшей деревянной двери, перед которой они оказались, показывались струйки сильного пара.

— Здесь не имеет смысла находиться, иначе мы сваримся заживо.

“Нужно немедленно включить вентиляторы дымоудаления. А лучше — выйти через другой вход”

Коридор уже заполнился дымом и пылью, не давая свободно дышать. Александр, прикрыв рукавом нос и рот, поспешил отыскать другой путь.

В машинном зале обстановка была не лучше и больше походила на описание девяти кругов ада: часть кровли обрушилась, бетонные плиты рухнули и повредили трубопроводы. Повсюду стояли завалы, залитые горячей водой из поврежденных труб. Кипяток хлестал в разные стороны, задевая электрооборудование и вызывая сотни искр. Пар, словно туман, больно бил по глазам, вызывая слезоточивость. Раздавались резкие щелчки, напоминающие выстрелы.

Александр отстраненно наблюдал, как операторы вбежали в разрушенное взрывом помещение, выпуская струи воды из огнетушителей и пожарных шлангов. Язык прилип к небу, и, как он не старался набрать остатки слюней, чтобы прогнать сухость в горле и во рту, ничего не получалось. От испуга зрачки расширились, впившись взглядом в кошмарную сцену: одного из мужчин ударило пламенной стеной, и тот, схватившись за обожженный бок, с воплями рухнул на пол. Второго просто вывернуло наизнанку. Лицо его побледнело, ноги подкосились, и тело, словно обмякший мешок, упало на расплавленное топливо.

— Здание реакторного цеха разрушено... — операторы выглядели словно ожившие трупы — с их лиц и рук ключьями свисала обожженная огнем кожа. Один из них, покачиваясь из стороны в сторону, продолжал упорно стоять на своих двоих, но, сделав два шага в сторону медпункта, все-таки не выдержал и упал.

Больше он никогда не встанет.

Четвертый энергоблок полностью охватило пламя, поедающее машинное масло. Через разбитое взрывом окно Александр разглядывал горящее здание, стена которого полностью отсутствовала, обрушившись от сильного удара. Дальнему обзору препятствовала ночная тьма. Сильно порезавшись от осколков стекла, Свиридов выскочил через окно и направился к третьему и четвертому энергоблоку. И снова его настигла обильная рвота — согнувшись в три погибели, организм выдал остатки желудочного сока. Силы начали покидать молодого мужчину.

Последнее, что он смог услышать перед тем, как рухнуть на землю, вой сирен пожарных и карет “Скорой помощи”. Саша в последний раз взглянул на небо, освещаемое ярко-синим заревом, и прикрыл веки, издав тяжелый вздох. С его губ потекла слюна.

— Алло, это ВПЧ2?

— Да!

— Что у вас там горит?

— Взрыв на... основном корпусе!.. третий, четвертый... между третьим и четвертым блоком!..

— А там люди есть?!

— Да!

звук соединения

— Подымай наш состав!

— Подымаю! Начальника поднял!

— Так всех, всех весь офицерский состав, офицерский корпус подымай!

короткий гудок

— Леонид Алексеевич?

— Да.

— Алло, Припят, третий и четвертый блок, горит крыша в результате аварии, взрыва!

— ... давай!

— Уже подтвердили?

— Не подтвердили. Авария произошла у них. Это диспетчер Припяти сказала.

снова звук соединения

— Пожарная охрана.

— Алло, Иванков?

— Да-да.

— Значит вы выезжаете в Припят... Алло!..

— Да-да, я слышу.

— На атомную станцию выезжайте, там третий и четвертый блок, горит крыша!

— Пожарная охрана. — Алло, Полесское? — Да-да. — Вы, значит, выезжаете на атомную станцию. Там горит крыша третьего и четвертого блока!

конец записи

— Авария на станции! Срочно выезжайте! — ударная взрывная волна, идущая со стороны станции, разбила стекла вдребезги.

Володя, всполошенный криками, одним жестом, дотянувшись до кнопки передач, выключил телевизор и вскочил, направляясь следом за встревоженными напарниками. На него обрушились визги шин выезжающих с пожарной части красных автомобилей. Он быстро надел свою боевую форму и выскочил на улицу.

Припять стояла в утопающих алых маках, среди которых прятались маленькие, едва заметные, пятнышки белоснежных цветов вперемешку с агрессивно-желтыми одуванчиками. Над просторными площадками и высаженными горожанами клумбами возвышались бетонные и панельные здания, украшенные яркими вывесками, привлекающие к себе внимание. Звучащая издали тихая музыка внезапно смолкла, как и пение далеких птиц, погружая город в ореол спящей и одновременно мертвой тишины.

Яростное и невидимое радиационное облако, словно средневековая чума, скапливалось над Припятью. Его опасная волна прокатилась по хвойному лесу, что находилось в паре метрах от станции, украсив ярко-салатовую зелень в ржавчину. Птицы, животные и насекомые рухнули безжизненные на черную землю. Их тушки светились во тьме, покрытые тысячами мелких точек.

Володя успел заскочить в автомобиль и покинул вместе с остальными здание пожарной части.

Возле вентиляционной трубы, находящейся на крыше между третьим и четвертым блоком, клубился дым. Издалека сложно было разглядеть огненную стену, что обдавала паром темный небосвод с мигающими звездами.

— А вы уверены, что людей хватит? — Владимир обвел взглядом напарников: те сидели молча и смотрели вдаль, ни о чем не думая.

— Ты предлагаешь вызвать подмогу из Киева? — он кивнул.

Когда красные машины заняли свои боевые посты в нескольких метрах от полыхающей станции, Володя выбежал первым. Красное зарево выглядело прекрасно: высокие языки пламени пожирали не только остатки кровли, но и мирный небосвод, время от времени задирая голову. Огонь грозил перекинуться на третий блок, чтобы окончательно погубить человечество. Мешкать было нельзя — одним рывком пожарные поставили автонасос на гидрант и подсоединили рукава к сухотрубам, ведущим на крышу машинного зала.

Владимир громко выругался, споткнувшись обо что-то в темноте, направляясь к пожарной лестнице. Молодые ребята, прихватив рукава, отправились на кровлю третьего энергоблока — оттуда было проще потушить огонь. Пламя распахнуло свои объятия и снова взметнулось высоко к небу, грозя рухнуть на их головы, но мощная струя воды остановила его, заставляя утомиться.

Еще одна струя разорвала сплошную пламенную стену, и Володя, таща за собой рукав, медленно приблизился к обрыву. Он, охнув от увиденного, застыл, словно статуя: в жерле разрушенного взрывом реактора светилось ярко-синее свечение. В миг виски охватила невыносимая головная боль, а тошнота застыла в горле комом. Сильная сухость во рту и привкус металла мешали дышать. Владимир судорожно глотал воздух, пытаясь не рухнуть в огонь без сознания.

— Прочь!! — напарники, бросившиеся ему на помощь, застыли от криков обезумевшего парня. И добавил с еще большей угрозой: — Уходите прочь отсюда! Я все равно не жилец, я все закончу сам!..

— Ты что, с ума сошел? — перекрикивая закладывающий уши шум, Виктор, только что прибывший на выручку пожарным, приблизился к обрыву. — Если мы тебя оставим, ты погибнешь! Василий, за мной! Нужно как можно скорее потушить огонь, пока не стало еще хуже!..

— Не смей! У него жена беременная, не нужно рисковать людьми почем зря! Я же сказал, я сам все потушу! Прочь!..

Разбушевавшаяся стихия взвыла, когда ее в очередной раз пронзила струя воды. Лицо окрасило в агрессивно-красный, из-за чего Виктор стал выглядеть подобно вождю краснокожих. Пожарные не смогли воспользоваться респираторами и, бросив их на горящий под ногами битум, тушили пламя без защиты. Когда огонь стал бессилён, в схватку вступила радиация. Виктор едва не рухнул в обрыв, когда Володя схватил его за шкуру и дотащил до лестницы, в какой-то момент оступившись и чудом не скатившись вниз по металлическим ступенькам.

— Немедленно окажите ему помощь, иначе он умрет!

Володя оставил товарища медикам, что уже давно пребывали на станции, и вновь вернулся на кровлю. Схватив брошенный им рукав, он снова и снова направлял струю в огненную бестию. Когда темнота покрылась всполохами предзакатного солнца, пламя отступило, свернувшись вихрем и уйдя в никуда, исчезнув под толщей воды.

Пожар остановили, но это было только начало.

Начало конца.

— Немедленно оцепить город! Никто не должен выезжать и приезжать, иначе нам не сдобровать!

— На Чернобыльской атомной станции произошла авария. Подробности выясняем. — Валерий, сдвинув очки на нос, с удивлением посмотрел на своего начальника: тот говорил спокойно, с малой толикой досады. Да и выглядел он обычно. Привычный для работы в институте костюм, начищенные ботинки, помазанные волосы. Ничего не выдавало в нем того, что произошло что-то ужасное. Простая обыденность, ничего более.

— И кто же вам об этом сообщил, позвольте спросить?

— Со станции пришел тревожный сигнал. “Один, два, три, четыре”. Вам это о чем-то говорит?

— Шифрованный сигнал, ядерная, радиационная, пожарная и взрывная опасность. Не сочтите за бестактность, но почему вы говорите об этом совершенно спокойно?

— Мы выясняем, что произошло.

Суббота, выходной день, выдалась на удивление теплой погодой.

Автомобиль скользил по свободной дороге. Ночной дождь оставил свой след — пахло свежей травой и мокрым асфальтом. По тротуару шли веселые парни в пиджаках и девушки в свободных тонких платьях, юбки которых шли волнами от легкого ветерка или невольного движения ног. Крики вперемешку со смехом разрывали остатки утреннего спокойствия. Во всей этой напыщенной радости никто не чувствовал угрозы от происходящего в нескольких километрах отсюда.

— Говорят, в Чернобыле сейчас очень жарко. У них там целый месяц стоит сильная жара, а у нас целую неделю шли дожди. Слава богу, сегодня выдался теплый денек. Я думал, в выходные будет поспокойнее, народу нет, все отдыхают...

Гулкие шаги и голоса ученых, разбивающие непривычную тишину, вместе с эхом создавали необычную атмосферу, будто бы здание заброшено, а они, двое крепких мужчин в строгих костюмах, впервые появились в этом месте спустя много лет.

Об этом ощущении Валерий будет вспоминать очень долго.

— А получилось как всегда, — тяжело вздохнул он. — Так что там, в Чернобыле?

— Пожар. Сказали, что реактор управляем. Погибло два человека. Один под обломками, второй — от химических ожогов.

— Что-то мне подсказывает, что не все там чисто...

— Специальная команда уже вылетела.

— Пока она разберется, мы потеряем много времени. Я собираюсь и немедленно отправляюсь туда.

“...Ранее я думал, чем мне заняться сегодня с утра. Взять свою жену, Маргариту Михайловну, и уехать куда-нибудь? Погода за окном прекрасная. Что может быть лучше солнца и легкого приятного ветерка, запаха мокрого асфальта после ночного дождя и свежей травы? Но все обернулось иначе...”

— Я уезжаю в командировку, — Валерий заметил немой вопрос во взгляде жены, срочно вернувшейся с работы. Когда она переступила порог квартиры, с недоумением посмотрела на своего мужа: тот выглядел очень серьезным и хмурым. — Произошла авария. Насколько все серьезно, я понятия не имею. Как только я во всем разберусь, тут же вернусь обратно.

— Вашим руководителем будет Борис Евдокимович Щербина, — сообщили Валерию по прибытию в аэропорт. — Борис Евдокимович уже вылетел. Он пребывал в одном из регионов страны. Мы объяснили ему ситуацию. Как только он появится в аэропорту, вы загрузитесь в самолет и отправитесь в Киев. А уже оттуда, на машинах, доберетесь до места происшествия.

Валерий кивнул с несколько отстраненным видом, пребывая в своих мыслях. С ним находились еще несколько человек: пока они оживленно беседовали, ожидая Щербину, он отошел в сторонку и закурил, выпустив табачный дым из полуоткрытых губ. За стеклом окон стояли расцветающая зелень и яркое солнце, своими лучами согревающее мерзлую после холодов землю.

Валерий, зажав двумя пальцами сигарету, наблюдал, как тоненький огонек пожирает табак, превращая его в пепел. Затянувшись напоследок, он выбросил окурочек в мусорное ведро, что стояло неподалеку, и вернулся к команде.

— Приветствую вас, Валерий Алексеевич. — Борис Евдокимович протянул Валерию руку. Тот деловито пожал крепкую ладонь мужчины, обхватив пальцами суховатую от возраста кожу. — Мне очень льстит, что с нами отправляется столь важный и разбирающийся в своем деле человек...

— Да бросьте. Я такой же, как и вы, Борис Евдокимович. Не нужно делать из меня избранного.

— Пройдемте в самолет. — Борис последовал совету своего собеседника и рукой показал в сторону летной полосы. — Там мы спокойно все обсудим.

— Что нам известно в данное время?

Самолет медленно взлетел, оставляя землю позади. Валерий с неохотой оторвался от иллюминатора, окинув взглядом небольшую компанию мужчин старше пятидесяти. Он был самым младшим из них. Возраст в науке не самое важное, подумал Валерий, поправляя в очередной раз очки. Как бы ему не хотелось скрыть своего волнения, все же у него это не получалось.

“Тебя никто не будет судить, если ты поделиться своими соображениями...”

— Ничего! Единственное, что мы знаем, что произошел пожар и что реактор якобы цел. Почему якобы? У меня есть свои доводы, которыми бы я хотел поделиться, — Валерий сделал торжественную паузу. — В марте семьдесят девятого, в США, произошла авария на Три-Майл-Айленд. Там случилась утечка теплоносителя, из-за чего реактор был полностью разрушен. Я понимаю, наш реактор и американский — это две разные конструкции, но исключить эту версию нельзя.

— То есть, вы хотите сказать, что авария произошла из-за некоей утечки?

— Возможно. Просто я из тех людей, которые предпочитают увидеть все своими глазами, а потом делать выводы.

— Так что же именно произошло в США?

— Во втором энергоблоке станции случилась протечка теплоносителя через затвор одного из клапанов компенсатора давления. Температура постоянно поднималась, баки-барботеры чистили через каждые восемь часов. При осуществлении регулярной процедуры выгрузки ионообменной смолы из фильтра конденсатоочистки второго контура произошло закупоривание. Его попытались продуть смесью сжатого воздуха и воды, но сделали еще хуже. Возможно, нечто подобное случилось и в Чернобыле. Хотя опять же, повторюсь, тут большая разница в конструкциях.

Борис с деланным видом кивнул.

— Все это очень интересно, Валерий Алексеевич. Безусловно, нужно учитывать опыт наших американских коллег, но все же...

— Вы считаете происходящее в Чернобыле диверсией?

— Я об этом даже и не думал, Валерий Алексеевич. — Чиновник смутился.

Валерий скрыл всполохи гнева и недовольства в глазах, в полном молчании отвернувшись к иллюминатору. Он больно усмехнулся, предпочитая держать мысли при себе. Борис это заметил и решил исправить неловкую ситуацию:

— Все, что вы рассказываете, очень интересно. Я с превеликим удовольствием выслушаю ваши дальнейшие предположения, так как вы — высочайший специалист среди курчатовцев. Прошу прощения за мои слова.

Первое, что бросилось в глаза по прилету в Киев, большая кавалькада черных правительственных автомобилей. Мужчина в строгом костюме предварительно открыл дверцу “Волги”, заведя издали членов Правительственной комиссии. Растерянный Валерий нырнул вглубь машины, усаживаясь на заднее сидение. К нему присоединился Иван Плющ, председатель Киевского облисполкома.

— Там все очень плохо, — произнес он, заметив немой вопрос на лице ученого. Тот даже рта не успел открыть, лишь бросил испытывающий взгляд на председателя. — Точной информацией мы не располагаем, но знаем только одно — это самый настоящий кошмар, что мог произойти с нами в мирное время.

Сто сорок километров прошли в траурном молчании. На ярко-голубом фоне светило палящее солнце, ослепляя своими пронзающими лучами. Валерий растегнул пуговицы на своем пиджаке, а затем снял, повесив на локоть правой руки. В автомобиле царил духота. Заботливый водитель, увидев в зеркале заднего вида разгоряченные лица попугчиков, опустил стекло.

— Я бы на вашем месте этого не делал, — как бы между делом произнес Валерий. — Если здесь действительно опасная радиационная обстановка, мы можем схватить большую дозу и умереть от лучевой болезни.

— Почему вы уверены, что здесь высокая радиация?

— Я видел отчеты, — пренебрежительно отозвался ученый, отвернувшись к окну, — там указаны малые дозы радиации. В каждом реакторе заложено определенное количество ядерного топлива. Да, я верю, что реактор цел, — жестом руки он остановил мужчин от горячего спора, — но я все еще желаю увидеть случившееся своими глазами, и реактор — в том числе.

Небо начало затягивать всполохами сумерек. В апреле по-прежнему темно рано, несмотря на по-настоящему летнюю погоду. Валерий бросил взгляд на пролетающий в окне сельский городок, жизнь в котором продолжалась, несмотря на событие планетарного масштаба.

На полутемном небосводе, поддавшись невидимой силе, сдвинулись с места серые облака, и одно из них превосходило остальные — бледно-малиновое пятно загораживало мерцание появляющихся звезд и едва заметный

полумесяц.

Валерия охватило нехорошее предчувствие.

— Чернобыль обычный сельский городок. Правда, о нем ходят темные легенды. — Щербина заметил заинтересованные взгляды сопровождающих. — Здесь когда-то жили евреи. Здешняя земля буквально пропитана кровью. Якобы этот город проклят, здесь никто и никогда больше не будет жить.

— Пока что живут, как видите, — отпарировал Валерий. — Я так понимаю, жителям об аварии не сообщили?

— А зачем? Они же не слепые. У них станция буквально под носом.

Через несколько минут черная “Волга” въехала на территорию Припяти. Валерий почувствовал нарастающую тревогу: к городскому Комитету партии, расположенной на центральной площади, собрались руководители из местных органов.

— Произошла авария. Проводились внештатные испытания, во время которых взорвался турбоагрегат. Судя по отчету, было два взрыва. Здание реакторного помещения разрушено. Несколько человек получили лучевое поражение, — словно роботы, отчеканили они, стоя по стойке “смирно”.

— Что насчет радиационной обстановки?

— Там, — один из руководителей махнул в сторону станции, — с этим все плохо. Радиационная обстановка на четвертом энергоблоке сложная. Мы сегодня замеряли радиацию в городе. Пока что с этим здесь все в порядке. Жителям раздали йод в таблетках и порекомендовали пореже выходить из дома.

— Люди не будут сидеть дома. У них много забот и проблем.

— А что насчет слухов об аварии?

— Их предостаточно. В основном, про диверсию, землетрясение и теракт. Они не могут поверить, что в их стране может случиться нечто подобное, что это провокация со стороны Запада.

— Горбачев спрашивал меня, прознал ли о случившемся Запад...

— Если в этом месте радиация действительно высокая, — перебил мирную беседу двух чиновников Валерий, — то она в течении суток распространится по всему континенту, достигнет Северной и Южной Америки, и пока мы обсуждаем внешнюю политику, большая часть территории Земли превратится в радиационную помойку. Давайте оставим политику и займемся делом.

Борис сделал приглашающий в сторону комитета жест, обрывая бессмысленный спор. Валерий поспешил за ними, бросив недокуренную сигарету в мусорный бачок, расположившийся рядом со входом. Пока компетентные в своем деле мужчины спорили, еще толком не ознакомившись с обстановкой, он достал коробок спичек и, чиркнув одной из них по фосфору, с превеликим удовольствием прикурил, выпуская табачный дым через нос.

— Я предлагаю разделить группу на несколько частей, — заявил Борис, подождав, пока все займут свои места, — одна из них займется выяснением причин произошедшей аварии. Вторая обязана организовать дозиметрические измерения на станции, в Припяти и близлежащих районах. Третья начнет подготовительные меры для эвакуации населения, если таковая потребуется. Оставшихся отправляю на разработки медицинских мероприятий. Вы же, Валерий Алексеевич, возглавите группу для разработки локализаций произошедшей аварии.

— Для начала мне нужно увидеть реактор, который у вас в целостности и сохранности. Если вы утверждаете, что обстановка на станции хуже некуда, вы должны мне все показать... чтобы я хотя бы понимал, откуда плясать, — язвительно произнес Валерий, перебив громогласные речи партийного работника. — На бумаге можно написать все, что угодно, бумага все стерпит. Но стерпят ли люди, когда начнется массовое лучевое поражение?

В зале повисла неловкая пауза. Мужчины, внимательно прислушиваясь к непростому разговору, повернулись на своих сидениях к ученому и бросили на того встревоженные и напуганные взгляды. Валерий выдержал напряженное молчание, вызванное неожиданным заявлением. Щербина, хвала ему и честь, отреагировал на его выпад достойно — улыбнувшись, он ответил:

— Хорошо, Валерий Алексеевич. Мы организуем для вас небольшую прогулку.

Валерия поразило малиновое пятно над городом: полыхающее зарево полностью поглотило ясно-голубое небо, частично загорюдив солнце. Его блеклая тень, словно при затмении, накрыла городскую площадь.

Уже вечером, когда все организационные мероприятия были завершены, ученый вышел, уставший, из общежития, куда их распределили.

— А правда, что на станции произошла авария? — к нему подошла девочка в черном платье со строгим воротничком и белом переднике. На ее ногах красовались легкие красные балетки, а икры прикрывали белоснежные гольфы. В одной руке она держала портфель, закрытый на кнопку, а в другой — сумку со сменкой.

— Не беспокойтесь. В этом году мне будет пятнадцать. И я все хорошо понимаю, — заметив метания в глазах ученого, девочка улыбнулась. Ее улыбка украсила юное личико, а в глазах засверкали искры радости.

Валерию стало горше: дитя не понимает, за какой чертой находится, какие страшные события разворачиваются в нескольких метрах отсюда. Дети еще слишком малы, чтобы разбираться в интригах взрослых.

Но и жить в сказочных иллюзиях сложно даже ребенку, когда родители мечутся в поисках решения проблемы, чтобы спасти не только свою шкуру, но и его самого, еще маленького и глупого. Хотя дети порой оказываются намного умнее большинства взрослых.

— Вот! — школьница, заметив недоверие взрослого собеседника, достала из портфеля учебник по физике за девятый класс. — Мы учили это в прошлом году. — Она начала судорожно перелистывать книгу дрожащими от волнения руками.

— Послушай, это совсем не то, о чем пишут в учебниках. Жизнь, она... она намного серьезнее научных трактатов. — Валерий до боли прикусил нижнюю губу, заметив хмурый взгляд девочки.

— Радиация опасна, я знаю!.. И я знаю, что моя жизнь находится под угрозой. — Школьница гордо задрала подбородок. Ее банты из прозрачных лент трепыхались при каждом движении ее головы. — Нам на уроке об этом рассказывали. Сегодня ночью мы с мамой видели взрыв на станции. А утром нам раздали йод в таблетках. Я не такая глупая, как вы думаете.

— Ничего подобного! Просто...

— Я понимаю, вы боитесь за мою жизнь и жизнь других детей. — Школьница, обернувшись, пристальным взглядом окинула ребятшек намного младше нее, бегущих под ногами встревоженных взрослых. Они, резвясь под заходящими лучами солнца, разбивали напряжение, царившее в городе, залившимся смехом, пытаясь поймать друг друга.

— Проводите беседы с мирным населением, Валерий Алексеевич? — из здания комитета вышел Щербина, заложив руки за спину. Он коротко кивнул девочке, и та, ответив ему тем же, со спокойной душой направилась к шестнадцатизэтажному зданию, возвышающемуся над городской площадью.

— Нет, что вы! — Валерий смутился.

— Шутка. — Борис ободряюще похлопал его по спине. — Все готово, можете отправляться.

Вертолет, поднимая вокруг себя пыль, приземлился в нескольких метрах от станции. Сильный ветер, создаваемый несущим винтом, сбивал с ног и обдавал горячим воздухом. Валерий, надев респиратор, вместе с остальными залез внутрь и устроился возле иллюминатора. Ученый бросал встревоженные взгляды на своих коллег, стучал потными ладонями по коленкам и судорожно крутил головой, пытаясь ускорить время.

Атомная станция вместе со своими помещениями, трубами, из которых видимым образом ничего не вытекало, представляло собой сооружение очень аккуратное и чистое. Даже стройбаза, расположенная рядом с разрушенным энергоблоком, выглядела ровной и строгой, словно ее создал сумасшедший перфекционист.

Но из-за происходящего абсурда атомная станция предстала грязным химическим заводом, над которым висело малиновое зарево.

— Подлетим поближе! — воскликнул один из руководителей комиссии.

— Не бойтесь?

— Погибнуть ради такого дела не страшно!

— Очень патриотично, — усмехнулся Валерий и выглянул наружу, вдыхая легкими кислород, заполненный радионуклидами. — Так что вы говорили о целостности реактора? — язвительно произнес ученый, осматривая то, что осталось после пожара: реактор был полностью разрушен, верхняя плита, герметизирующая реакторный отсек, находилась почти в строго вертикальном положении, но под некоторым углом.

Валерий, заметив ее вскрытие, покачал головой: тот, кому удалось это сделать, обладал сверхмощными способностями. Взгляд прочно уцепился за необычную картинку, создавая хаос в головах пролетающих над реактором людей. Пытаясь привести взбудораженные мысли в порядок, ученый постарался найти причину произошедшего, но не смог.

Верхняя часть реакторного зала полностью разрушилась, на крышах машинного зала и территории валялись графитовые обломки. Одни были разломаны полностью, другие — частично: наметанный глаз отметил элементы тепловыделяющих сборок.

— Это был действительно взрыв, Борис Евдокимович. — Валерий устало потирал руки, вернувшись обратно на землю. — Если предположить, что вместо двух взрывов произошел один, то его вполне хватило для такого рода разрушений. Подобный взрыв составляет, предположительно, три из четырех тонн тринитротолуола. И меня волнуют несколько важных вопросов, которые бы я хотел изложить.

Во-первых, я заметил малиновое пятно над станцией. Насколько я знаю, графит, который горит равномерно, выделяет белесый дым. Скорее всего то, что было в небе, это результат сильного горения графита.

И плюс, скорее всего, активностей из четвертого блока выходит достаточно много.

И второй, немаловажный вопрос... а работает ли еще реактор, продолжается ли процесс наработки короткоживущих радиоактивных изотопов? Последнее мне бы хотелось самому выяснить, и я надеюсь, что вы мне с этим поможете, Борис Евдокимович.

Когда Валерию сообщили, что все готово и его уже ждут, военные облепили бронетранспортер свинцовыми

щитами и снабдили специальными для радиационного измерения датчиками. Ученый вместе с солдатом в специальной защите, сидящим за рулем, двинулись с места, направляясь к станции.

Бронетранспортер, наезжая на очередной обломок графита, тряхнуло, и Валерий, охнув, судорожно схватился за первое попавшееся под руку. Выкручивая руль, молчаливый мужчина, объезжал препятствия, пока ученый пытался измерить излучение.

После долгих и изнурительных объездов, Валерий, обливаясь потом, пришел к неутешительным выводам: вокруг станции таки существуют мощные излучения. Об этом свидетельствовали громкие потрескивания датчиков и привкус металла во рту. Он нахмурил брови и готов был отстаивать до последнего свое мнение перед упрямством правительственной комиссии.

— Персонал станции врать не будет. Пусть реактор и разрушен, но он еще может работать. Нужны более веские доказательства. Мы надеемся на вас, Валерий Алексеевич.

Ему самому хотелось верить, что какая-то часть конструкций все еще жива и дышит, выдыхая из кратера нейтронные излучения. Но чем больше ученый углублялся в эти мысли, тем больше они походили на бред сумасшедшего. От перенапряжения у него затряслись руки, пересохло во рту, мышцы скрутило судорогой, а кожа покрылась мелкими мурашками.

Водитель в защитном костюме терпеливо дождался, когда взбудораженный ученый придет в себя. Он медленно постукивал пальцами по рулю, тщательно скрывая свои истинные эмоции. Валерий позавидовал мужчине: несмотря на всю сложность ситуации, на опасность, что грозила каждому из них, тот сохранял холодное равнодушие — возможно, этот человек просто не понимал, где именно оказался.

— Прошу простить меня за любопытство, — бронетранспортер вновь двинулся с места, — но как вам удастся сохранять спокойствие? Разве вы не понимаете, что происходит?

— Я все понимаю, не дурак. — Водитель хмыкнул. — А вы сами подумайте, имеет ли смысл нервотрепка. Тут поможет только холодная голова и знания. Я, возможно, не смыслю в этой научной ерунде... — тут он выдержал паузу, — но и панику я тоже не приемлю.

— Я завидую вашей выдержке... — Валерий ошеломленно покачал головой.

— А вы не завидуйте, а берите пример. — Военный усмехнулся.

— Придется подойти к реактору. — Валерий бросил взгляд на датчики. — Нужно как можно детальнее все изучить.

Мужчина коротко кивнул и добавил газу.

— Мне стало легче. — Валерий, еле держась на ногах, вернулся в штаб правительственной комиссии. От изнеможения он рухнул на стул напротив Щербины и с громким вздохом вытянул ноги, позволив себе дать немного слабину. — В общем, повторное измерение показало... — ученый вытер потные руки о пиджак и достал из кармана пачку сигарет, — что мои первичные выводы были ошибочны.

Нейтронный канал, именно как нейтронный, не работает, так как он чувствует не нейтроны, а лишь гамма-излучения. Чтобы получить достоверную информацию, нужно для соотношения взять коротко- и относительно долгоживущие изотопы йода, например, сто тридцать четвертый и сто тридцать первый.

Я провел небольшое радиохимическое измерение и быстро убедился, что наработки короткоживущих изотопов не происходит.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу: реактор не работает и находится в подкритическом состоянии.

— И что вы предлагаете, Валерий Алексеевич?

Валерий согнулся в три погибели, словно старец, и, схватившись за голову, начал раскачиваться из стороны в сторону:

— Мы весь вечер потратили на локализацию пожара. Локальный огонь был потушен, но реактор по-прежнему горит. Я чувствую бессилие. Я испробовал все, что мог, и, когда мне пришла гениальная мысль, я почувствовал себя идиотом. Юнцом на первом курсе! Как я мог так ошибиться?

— Все имеют право на ошибки. — Борис поморщился. — Вы не исключение. Даже профессионалы ошибаются.

— Пожарные потушили огонь оперативно и точно. Они ликвидировали очаги возгорания в машинном зале, но масло до сих пор горит. Из кратера же четвертого блока разносится мощный поток аэрозольной газовой радиоактивности. Горит графит. Каждая из его частиц несет в себе большое количество радиоактивных источников. Обычная скорость горения графита составляет где-то тонну в час. В четвертом энергоблоке его заложено около две с половиной тысячи тонн, и он может гореть двести сорок часов, при этом выносить и разносить радиоактивность на большие территории.

— Так в чем заключается ваша гениальная мысль, Валерий Алексеевич?

Разговор прервал тихий и короткий стук.

— Да?..

Деревянная дверь, выкрашенная в белый, медленно открылась, и на пороге небольшой комнаты появился милиционер. Он слегка подтолкнул девочку, на вид которой было лет девять отроду. Черная волнистая юбка доходила до колен и слегка задиралась, стоило ее обладательнице покружиться на месте. Прозрачная белая блузка, высокие гольфы, прикрывающие икры, балетки из кожи (редкостный дефицит!) и огромный бант. Пряди ее длинных темных волос ниспадали на плечи.

— Вот, привел вам нарушительницу. Она пребывала на станции, пока один из военных ее не заметил.

Сердце ученого рухнуло в желудок, заставляя побледнеть. Эхо падающего на пол стула разнеслось по комнате.

Валерий изумленно смотрел на девятилетнюю незнакомку, на лице которой появилась ядовитая улыбка.

Столб пламени выбросил бетонную крышку реактора, пробивая кровлю насквозь. Обломки исчезли в огненной геенне. Жар больно ударил по бледному от нехватки кислорода лицу. Легкое тело поднялось ввысь вместе с обжигающим кожу паром. От неожиданности хотелось закричать, но горло издавало лишь сдавленные звуки. Зрачки расширились, заполнив чернотой синеву глаз, с ужасом замечая приближающуюся землю.

Секунда-две, и раздался глухой удар.

Боль отозвалась в коленях и локтях, раздирая до крови нежную кожу.

Маленькая, перебинтованная, девочка лежала на сухой от дневной жары земле. В нескольких сантиметрах от нее горело бетонное здание. Языки пламени лизали черное небо над разрушенной взрывом кровле. Огненный отсвет больно ударил по глазам, заставляя прищуриться. Малышка с трудом присела на острой траве и приложила руку ко лбу, чувствуя, как виски раздирает невыносимая боль.

Вокруг стоял густой и непроходимый лес. Мелкие и тонкие веточки деревьев порезали не только кожу, оставляя глубокие, сочащиеся кровью, царапины, но и бинты, что висели на теле лохмотьями. В длинных темных волосах запутались зеленые листья. На локтях зияли крупные комки земли.

Девочка повернулась и увидела рядом с собой тушки умерших от радиации животных. Впившись взглядом в трупы, она не заметила, как всполохи мрака вытянулись подобно струнам и метнулись куда-то в сторону. Виски снова пронзила невыносимая боль. Когда неприятные ощущения сгнули, оставив после себя легкое недоумение, рядом с малышкой образовалась тень. Постепенно тьма рассеивалась, вырисовывая белые, обнаженные, груди, гордую осанку, длинные, цвета воронова крыла, волосы и стройные ноги.

Девушка усмехнулась, заметив на себе взгляд пронзительных синих глаз.

— Не бойся, я тебя не съем, — она присела перед малышкой и, склонив голову, принялась изучать ее лицо, — я — это ты, а ты — это я. К сожалению, трансформация пошла не по плану, и у тебя нет права голоса, зато у меня есть твоя ненависть. Я сделаю все, чтобы те, кто нас с тобой обидел, поплатился по счетам. Но мне нужна подпитка. Где бы только ее достать...

— Чего это ты так перепугался? — Щербина, приподняв бровь, недоуменно наблюдал за ученым: тот дрожащими от испуга руками плеснул в стакан холодной воды и одним залпом выпил. — Неужели девочка заставила тебя так понервничать?

— Борис Евдокимович, не задавайте вопросов, на которые не получите ответа. А если получите... — Валерий мотнул головой, обрывая фразу, и, повернувшись к милиционеру, спросил: — Где вы ее нашли?

— На станции.

— Где именно?!

— Я не знаю. Военные передали мне ее. — Милиционер пожал плечами.

— Так давайте об этом у нее и спросим. — Девочка смерила пронзительным взглядом синих глаз присевшего перед ней чиновника. — Не расскажешь нам, как ты оказалась на станции?

Она молча улыбнулась тоненькой ниточкой губ и подняла вверх палец, показав на графин с водой.

— Ты хочешь пить? — она кивнула.

Девчонка впила губами в граненый стакан, который ей протянул Борис, и начала жадно пить.

— Что прикажете с ней делать? — милиционер вытянулся по стойке “смирно” в ожидании приказа.

— Для начала нужно отыскать её родителей. Наверняка они сейчас в городе, а девочка просто заигралась. — Борис, услышав презрительное фырканье за своей спиной, обернулся и удивленно посмотрел на ученого. — Вы что-то имеете против, Валерий Алексеевич?

— Во-первых, давайте на “ты”, раз уж начали, а, во-вторых, у нас нет времени заниматься поисками чьих-то родителей. Оставьте ее здесь! — бросил Валерий милиционеру. — Мы потом решим, что с ней делать.

Милиционер кивнул и ушел, хлопнув дверью.

Девчушка, весело подпрыгнув на месте, отчего ее юбка пошла волнами, уселась на стул и начала свистеть себе под нос, болтая ногами в разные стороны.

— Ты сильно изменился с ее появлением. Не поделишься своими мыслями по этому поводу?

— Сейчас это не имеет никакого значения. — Валерий вытащил сигарету и, прихватив ее губами, закурил, преподнеся зажженную спичку. — О чем мы говорили? О моей гениальной мысли? С твоего позволения я продолжу.

Борис кивнул, скрывая тлеющий на дне зрачков огонек недовольства.

— Сегодня мы потратили весь день, чтобы выяснить, работает ли реактор, цел ли он или его вовсе разрушило

взрывом. Но и локализация пожара прошла не совсем так, как нужно. Пожарные потушили огонь, но масло продолжает гореть. Радиационная обстановка не позволяет нам воспользоваться водой и пеной. Мы постоянно на связи с Москвой, почему мы нам не проконсультироваться с ними? Александров, с которым я работаю в институте, мог бы нам, чисто теоретически, подсказать, как решить эту проблему.

Но это только часть наших проблем.

В основном, остро стоит вопрос об эвакуации населения города. Возможно, радиационная обстановка еще позволяет им здесь находиться, но надолго ли...?

Радиация продолжает распространяться. Скорее всего, ею уже подверглись большая часть Европы и Америки, а это, как ты сам понимаешь, несет в себе определенные проблемы.

Если люди начнут болеть и умирать... ты догадываешься, чьи головы полетят в первую очередь.

Борис опустил глаза, внимая словам ученого, снова принявшегося расхаживать по кабинету, бросая короткие взгляды на стены, обвешанные агитационными плакатами. Ответственность тяжелым грузом легла на хрупкие плечи, обвила руками шею, заставляя тяжело дышать.

— Я поговорю с медиками, — прервал затянувшуюся паузу чиновник, бросив взгляд мимо ученого. — Они должны точно знать, что делать...

— Не все медики этому обучены! — воскликнул Валерий. — Единственное, что они могут сделать, дать таблетку йода, но — сколько его должно быть, чтобы каждый раз давать людям, дабы они не умерли в первые же дни? в городе сколько человек? десять тысяч, пятнадцать? где столько йода достать? Поэтому будет проще эвакуировать население, пока не стало еще хуже!

— Допустим, ты прав. Но подготовка к эвакуации займет много времени...

— А это еще что такое?

Электрическая лампочка, висевшая на толстой проволоке, замигала, заполняя нарастающим тихим треском небольшое помещение, грозя в любой момент лопнуть. Как по щелчку пальцев, комната погрузилась в непроглядную темноту, когда свет, словно отрезанная линия жизни, погас, и тут же возобновился.

— Куда подевалась девчонка?!

Девочки и след простыл.

— *Внимание, внимание! Внимание, внимание! Уважаемые товарищи! Городской совет народных депутатов сообщает, что в связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции в городе Припяти складывается неблагоприятная радиационная обстановка. Партийными и советскими органами, воинскими частями принимаются необходимые меры. Однако, с целью обеспечения полной безопасности людей, и, в первую очередь, детей, возникает необходимость провести временную эвакуацию жителей города в населенные пункты Киевской области. Для этого к каждому жилому дому сегодня, двадцать седьмого апреля, начиная с четырнадцати ноль-ноль часов, будут поданы автобусы в сопровождении работников милиции и представителей горисполкома. Рекомендуется с собой взять документы, крайне необходимые вещи, а также, на первый случай, продукты питания. Руководителями предприятий и учреждений определен круг работников, которые остаются на месте для обеспечения нормального функционирования предприятий города. Все жилые дома на период эвакуации будут охраняться работниками милиции. Товарищи, временно оставляя свое жилье, не забудьте, пожалуйста, закрыть окна, выключить электрические и газовые приборы, перекрыть водопроводные краны. Просим соблюдать спокойствие, организованность и порядок при проведении временной эвакуации."*

— Да не беспокойся ты так. — Валерий отстраненно наблюдал, как на городской площади собираются автобусы; люди спокойно, небольшими группами, подходили к раскрытым настежь дверцам, держа сумки и малолетних детей. — Найдем мы твою девочку, я тебе это лично обещаю!

Автобусы, сопровождаемые милицейскими автомобилями, шеренгой двинулись из города в полной тишине, нарушаемой лишь визгами колес и хлопаньем выхлопных труб. Как только процессия скрылась за ближайшим поворотом, прячущимся за густым, ядовито-оранжевым, лесом, в кабинет правительственной комиссии снова появился милиционер.

— Все прошло на "ура", товарищ Щербина! — он резко выпрямился, проведя рукой по темно-синему пиджаку. — Обслуживающий персонал, как и было затребовано, оставлен и переправлен в пионерский лагерь. Меня просили спросить у вас разрешения эвакуироваться на собственных автомобилях...

— Ни в коем случае! — вмешался Валерий, отрываясь от окна. — Транспорт тоже радиоактивен!

— И что теперь, людям идти пешком? — возмутился милиционер, до этого сохранявший равнодушный вид.

— На автобусе. Так будет гораздо безопаснее.

— И бросить транспорт? Это же большая ценность!

Валерий тяжело выдохнул.

— Хорошо. Пусть отправляются на своих машинах...

— Все равно эвакуация продлится недолго. — Щербина ободряюще кивнул представителю власти. — Как

только все закончится, жители Припяти тут же вернутся обратно.

— Сомневаюсь... — буркнул ученый себе под нос.

Когда раздался жуткий скрежет, будто по стеклу провели острой бритвой, Лена подскочила, словно ужаленная. Руки заледенели, пальцы крепко вцепились в одеяло, в любой момент готовясь набросить его на голову, чтобы спрятаться от невидимых монстров. Нежная детская кожа покрылась мелкими пупырышками, и девочка, которой едва стукнуло семь лет, принялась их чесать. От стресса у нее начинался зуд: пока папа, с которым она жила в деревенском домике, заботливо не протянет чайную ложку с валерьянкой, легче ей не станет.

— Тата!! — Лена закашлялась от сжимающей жажды горло. За ночь пересохло во рту, и язык присох к нёбу. Она заозиралась и увидела на столе, в паре шагов от кровати, графин. Облизнула губы от нестерпимого желания. — Папа!..

Соседняя постель пустовала. Белье было смято и отброшено к металлической спинке. Малышка часто дышала и блуждающим взглядом пыталась отыскать отца. Накануне вечером она залезла на высокую кровать и, свернувшись калачиком, прикрыла веки и от усталости провалилась в глубокий сон.

В послеобеденное время Лена вместе с отцом — мама давно оставила их, — выходили во внутренний двор, а затем уходили за дом, в огород, где пока что ничего не росло. Девочка, перевернувшись на бок, посмотрела в маленькое окошко: среди блестящих от солнечных лучей комков земли лежало что-то светящееся синева-фиолетовым цветом.

Лена, испуганно охнув, резко повернула голову, когда тень, закрыв собою солнце, погрузила небольшую комнату в полумрак. Она спряталась под одеяло и, пытаясь прислушаться к скрипам входной двери через звуки сердцебиения, осторожно выглянула через щелку в пододеяльнике.

Обливаясь черной жидкостью, похожей на нефть, в доме появилось нечто. Издалека его можно принять за темное пятно, но Лена сумела разглядеть женский силуэт с длинными цвета воронова крыла волосами.

Девчушка притворилась мертвой, свернувшись в клубок и затаив дыхание. Но жажда еще больше скрутила горло сильной сухостью. Если поддаться животному инстинкту и выбраться из спасительного кокона, злое создание тут же схватит, впившись зубами в тонкую шею.

— Кис-кис...

Из грудной клетки вырвался тоненький писк, но Лена успела зажать рот своей тоненькой ручкой, бросая через щелку взгляды на приоткрытую дверь: можно воспользоваться моментом, пока чудище ищет ее, и прорваться на улицу, чтобы затем позвать на помощь. Но по ту сторону бревенчатой стены царила гробовая тишина: птицы больше не пели, собаки не заливались громким лаем, да и визг автомобильных колес тоже исчез.

Девочка, собрав остатки сил, высунула босую ногу из-под одеяла — создание, хищно облизнувшись, отошло к дальней стенке, пригнувшись к спертому в доме воздуху, — и, обхватив руками холодную металлическую решетку, на которой лежал набитый гусиным пухом матрас, пролезла под кровать, забившись в дальний угол.

Зубы мелко постукивали друг о друга от холода голых половиц. Лена прижала дрожащие колени к груди. Чудище, тяжело дыша и оставляя черные лужи, от которых становилось дурно, хрипя, подошла к кровати и издала закладывающий уши рык, больше похожий на вопль радости. Невыносимый звук больно ударил по барабанным перепонкам, и девочка зажала руками уши, чтобы не оглохнуть.

Когда монстр, вдоволь наевшись девочкиных страданий, отвернулся, изображая из себя агрессивно вопящую обезьяну, Лена ползком вылезла из-под кровати и на четвереньках направилась к столу, облизывая пересохшие губы. Юркнула под отцовскую постель, и, дождавшись нужного момента, продолжила путь. Оказавшись под столом, малышка высунула голову, задевая свисающую со стола клеенку, и, вытянувшись, не спуская глаз с чудища, стоящего посреди комнаты и что-то ищущего, пальцами коснулась холодной поверхности графина.

Дом наполнился пронзительным звоном падающих на пол осколков.

Монстр, вздрогнув всем телом, повернулся.

Вместо чудовищного оскала на бледном лице появилась ядовитая усмешка, а глазные яблоки, до этого налитые чернотой, вдруг засияли небесной синевой. Волосы, в беспорядке лежащие на плечах, выпрямились и заблестели, словно звезды на темном небосводе. Незнакомка, щеголяя наготой, выпрямилась, пронзая малышку острыми стилетами глаз. Упругие груди подпрыгивали при малейшем движении. Ее нисколько не смущало замешательство девочки, смотрящей на нее с широко открытым ртом.

— Здесь!.. — в дверь вломились двое крепких мужчин; один из них, полноватый, при виде голой девушки, застыл.

— Нравлюсь? — она, обернувшись, обдала его холодом своей улыбки.

Лена громко закричала, заставляя незваных гостей вздрогнуть.

— Иди сюда! — обходя ослепительно красивую незнакомку, мужчина подошел к девочке. Она юркнула к нему в объятия, обвив руками его шею. — А вы, гражданка... м-м-м... — тут неожиданный гость растерялся, —

пройдемте с нами.

— Не беспокойся. Мы встретимся еще раз. Только вот наши встречи не будут тебя радовать, — и девушка, довольно хмыкнув, шлепая по холодному полу босыми ногами, вышла из дома, оставив после себя флер замешательства.

За два дня до описываемых событий.

— Так-так, значит, в Чернобыле произошла авария, — произнес полноватый мужчина в строгом костюме. Русые, слегка вьющиеся, волосы были тщательно приглажены. Солнце беспощадно ослепляло сквозь маленькое окошко автомобиля и терзало невыносимой духотой, заставляя обмахиваться полами пиджака, — и как пить дать, сейчас там опасное скопление радиации.

— Ты в этом разбираешься? — удивленно приподнял брови его спутник.

— Не, я не хочу сказать, что я — одаренный физик-ядерщик, — гулко рассмеялся мужчина, — но даже в институтах заставляют проходить физику и химию. Ну и не забывай, как в сорок пятом американцы сбросили на Хиросиму и Нагасаки две атомные бомбы.

— Странно... если ты такой умный, почему тогда работаешь в областном комитете?

— Коля-я, в политике тоже нужны умные люди. Если страной будут управлять дураки, то трагедии не избежать. Мы с Людочкой решили немного развеяться, — прервал неловкое молчание мужчина в костюме, — да и матушка вместе с нами. Так-то мы из Хойников, а в Москве мы проездом.

— Простите меня за бестактность, но вам с женой уже больше тридцати, и вы до сих пор не обзавелись детьми...

— Значит так угодно богу. Хотя я далеко не верующий человек, да и Пасху справляю через раз. Некогда! Весной начинаются полевые работы, а летом разъезды, туда-сюда, туда-сюда, без конца! Как-то не до религиозных суеверий...

Дмитрий, так звали полноватого мужчину, являлся заядлым футболистом. В послевоенные годы он, вместе с соседскими мальчишками, выходил на имитированное футбольное поле — большой кошенный луг в паре метров от дома — и допоздна гонял мяч, сделанный своими руками. Став взрослым, свое любимое занятие Дмитрий не бросил: когда выпадал выходной, Дима брал своих коллег, что работали вместе с ним, и отправлялся в город, где уже успели построить новый просторный, огороженный забором, стадион, по утрам переполненный людьми.

В голове всплыла картинка: вот он, облаченный в спортивный костюм, кладет мяч в центре поля, бросает взгляды на других мужчин, и со всей силы ударяет ногой по плотной резиновой поверхности. Накаченный насосом шар взлетает высоко в небо, а затем парирует, когда один из игроков в ответку делает то же самое. Через пару мгновений начинается толкучка, пока изнеможденный от ударов мяч не отлетит к сетке, где его попытается перехватить вратарь.

— Ты когда-нибудь бывал в Чернобыле?

— Нет, слава богу! — рассмеялся Дмитрий, выплывая из своих воспоминаний. — Но родственники моей жены там были, да и мать Пинчука, нашего секретаря райкома партии, не раз приезжала туда для перевозки товара.

— Люди там живут как за границей, мне знакомый рассказывал. Мне кажется, за границей так не живут: там есть все, чего даже в Москве ни разу не видывали. Жалко, если люди этого лишатся. Может все-таки пронесет?

— С чего ты взял, что там все так плохо? Со слов Пинчука?

— Ты же сам сказал, его мать часто там бывает. Именно мать ему все и доложила.

— Как советский разведчик? — снова рассмеялся Дима.

— Мать его там застряла. “Меня оттуда не выпускают, а я привезла несколько килограммов колбасы и мяса, и теперь все это изобилие лежит на солнце и тухнет”. На все ее вопросы — “мы не имеем права вас выпускать!”, — поэтому она обратилась к Пинчуку. А что он сделает? Особой власти в Чернобыле он не имеет. Так что, мать его там до сих пор сидит, просит разобраться. Ну и напоследок она сказала, что это реактор взорвался, страшный пожар был. Вроде потушили, но вертолеты над ним до сих пор летают. Да еще улицы пеной поливают... в общем, полный бардак.

Дмитрий нервно постучал пальцем по дверце автомобиля.

— Мне нужно самому разобраться в этой истории. Придется отложить все свои дела. И футбол тоже, — он нахмурился, словно проглотил ложку уксуса, разжигая в нем пламя недовольства, и обратился к своему попутчику: — Отправляйся-ка ты в Чернобыль, дружок, разужнай там все как следует. А я пока съезжу в наш комитет, может, они что скажут.

— Приветствую, — Дмитрий вошел в пятиэтажное здание. Одним прыжком преодолев лестницу, он оказался на втором этаже, где за обычным столом сидел молодой мужчина, дежурный, которого оставляли в выходные и праздники на случай чрезвычайных происшествий, — прошу прощения, что отвлекаю, но мне нужно знать, что

именно произошло в Чернобыле?

— Понятия не имею, о чем вы, — буркнул под нос дежурный, не отвлекаясь от своего занятия, чтения газеты.

— Авария. На Чернобыльской атомной станции, — терпеливо объяснял ему Дмитрий, чувствуя, как терпение уступает место гневу и злости — мужчина, несмотря на возложенную на него ответственность, халатно отнесся к происходящему.

— Я ничего не знаю. Такой ответ вас устроит?

Дима громко выругался, с трудом удержавшись от желания вырвать из рук дежурного газету и разорвать ее на мелкие клочья. Штукатурка со стен и потолка от сильного удара дверью украсила его русые волосы.

— О боже, Димочка, что стряслось?

Напуганная поведением своего мужа Людмила перекрестилась: он матерно выругался и треснул кулаком по дверному косяку, разбив пальцы в кровь.

Боль от удара охладила его нервы.

— Прости. — Дмитрий прижал к груди изумленную жену. — Прости, Людочка. Я просто переволновался. У нас происходит какой-то дурдом...

— Давай-ка ты успокойся и пообедаешь. Вымой руки и садись за стол. Сейчас я отнесу обед твоей маме, и мы спокойно поговорим.

— На Чернобыльской станции произошла авария. — Дмитрий, упершись об столешницу локтями, крошил хлеб в тарелку с дымящимся борщом. Пар больно бил по лицу, оставляя бусинки пота, но Дима старательно не обращал на это внимание, витая в своих мыслях. — Мама Пинчука, нашего секретаря, любезно сообщила нам об этом, когда ей запретили выезжать из города. Якобы там рванул реактор, был страшный пожар, но милиция оцепила район и никого не пропускает. Я попытался выведать у дежурного подробности, но он и понятия не имеет, что там случилось. Сидит, мать твою, газетку читает!

— У меня есть определенные мысли на этот счет, — помолчав с минуту, хмыкнула Людмила, бросив взгляд мимо мужа, — я преподаю физику в средних классах, и поэтому кое-что понимаю. Если там действительно взорвался реактор, дело дрянь. Нужно вывозить оттуда людей. В худшем случае, они схватят огромную дозу радиации и умрут через полгода от рака щитовидки. Я понимаю, этого все равно не избежать, но все же лучше отделаться малыми жертвами.

Ее слова встревожили Дмитрия, заставляя его покинуть кухню и уединиться со своими мыслями. Тарелка супа осталась стоять на столе, одиноко пуская пар, постепенно растворяющийся на глазах. Он, не проглотив и ложки борща, вышел на улицу, вдохнув легкими разгоряченного от жары воздуха.

Со стороны столицы потянуло сухим ветром. Над головой ясное без единого намека на облачко небо. Еще ни разу Дмитрия не посещали мысли о смерти: не о своей, собственной, а об другой, чужой. Старуха с косою притаилась в тених ярких солнечных лучей, с широкой улыбкой затачивая блестящее лезвие косы, пригатавливаясь перерезать нити жизни ни в чем неповинных людей.

— Ты уже придумал, как будешь действовать?

Уснув под утро, он встал спозаранку, проспав всего пару часов. За окном уже щебетали птицы, и, перебивая друг друга, сообщали о восходе солнца и приятной весенней погоде. Им на смену прилетели черные, как смоль, вороны. Усевшись на толстые ветви деревьев, темные создания с длинным клювом оглушали громкими карканьями, напуская негатива еще больше.

Лицо опухло от бессонной ночи и тяжелых дум. В глаза словно песка насыпали, а мозг напоминал вату — любая попытка к размышлениям оборачивалась головной болью. Разум отказывался работать, сообщая об усталости.

Даже подушка, до этого ощущающаяся как камень, притягивала к себе взгляд, соблазняя пуховой периной и белоснежной наволочкой. Дима с трудом оторвался и сонно посмотрел на жену, что вытирала вафельным полотенцем кухонную посуду.

— Ничего я не придумал, — буркнул он себе под нос. Подошел к мойке, налил воды в граненый стакан и залпом выпил. — Фу-у-ух... — спасительный глоток опустился по разгоряченному пищеводу, уничтожая неприятную сухость во рту и принося облегчающую прохладу.

— И ты будешь сидеть и ничего не делать?

— Я поеду в Хойники. Переночую в гостинице, а потом, если на месте все не разужнаю, отправлюсь в Чернобыль. — Дима с трудом вынес испепеляющий взгляд жены и, вернув посуду на место, ушел в комнату, где вытащил из шифоньера дорожную сумку, побросал в нее пару вещей и устало протер глаза, вытянувшись, словно струна, на весь дом зевая.

За день до описываемых в одиннадцатой главе событий.

— Какого хрена вы творите?! — трубка в его руке нагрелась до предела, обжигая ладонь своей пылающей

поверхностью. Телефон грозил подняться в воздух и рассыпаться на тысячи осколков, не выдержав сквернословия мужчины. — У вас произошла авария, тысячи людей подвергаются радиации, а вы ведете себя как олухи! Секретари, мать вашу, правители!

— Дима, мы сами не в курсе, что именно там произошло! — извинился собеседник на другом конце провода. — Я сотню раз звонил на станцию, но никто не поднял трубку. Несколько минут назад мне доложили, что жителей Припяти эвакуировали, а насчет поселений вокруг ничего неизвестно. Самое ближайшее из них — Копачи, они рядом со станцией. Если бы я мог повлиять на тамошних властителей...

— Ладно, я сам приеду. Ждите.

— Интересно, — Валерий, откинувшись на спинку стула, выдыхал табачный дым из ноздрей, с облегчением вытянув ноги. Рубашка взмокла и, прилипая, вычерчивала плотную, как у Атланта, грудь, — как долго будет наше начальство дурачить людей?

— Это ты о чем? — Щербина оценивающе поглядывал на ученого.

— Я просмотрел все газеты, — нащупав на столе очки, Валера водрузил их на нос и, взяв с полки журналы из плотной коричневой бумаги, принялся их пролистывать, зажав губами дымящуюся сигарету, — и не нашел ни одной заметки об аварии. Они что, решили все скрыть, чтобы и дальше людей мучить? Или боятся, что западные спецслужбы начнут нас в чем-то обвинять?

— Ты не поверишь, но я понятия не имею. Прошло двое суток, мы успели эвакуировать население Припяти, но вот ликвидировать пожар в самом реакторе до сих пор не можем. Я сообщил Горбачеву о том, что происходит, и, честно говоря, он недоволен нашей работой. Люди ему и так-то не особо рады, а если просочится информация о происходящем...

— Черт... — Валера отбросил газету на пол и впился взглядом в потолок. Застыв словно статуя, он сверлил мутно-белый фон над головой, пытаясь отыскать нужные слова. — Понимаешь, Борис, скрывать дальше уже просто смешно. Чем дольше мы с этим тянем, тем больше будет претензий и слухов. Ты, как партийный чиновник, должен это понимать.

— Хорошо. — Борис буравил ученого взглядом, решая, стоит ли прислушиваться к его словам или лучше проигнорировать. — Я договорюсь с генеральным секретарем и распоряжусь, чтобы эту новость опубликовали в газете. Но мы не будем выкладывать все подробности сразу, так как не владеем всей ситуацией. И еще, я бы хотел вернуться к вчерашней истории.

— Ты про девочку? — Валерий широко распахнул веки, будто его больно укололи за бок. — А что здесь обсуждать? Девочка действительно потерялась, и нужно немедленно отыскать её родителей. Они уже наверняка объявили ее в розыск.

Щербина лишь покачал головой и молча вернулся к своим делам, уткнувшись носом в столешницу, заполненную бумагами.

...Александр Боровой увиделся со своей матерью спустя двадцать семь лет. С раннего детства он проживал вместе с отцом: матушка, будучи женщиной замужней, влюбилась в офицера и уехала с ним в другую страну.

Ему еще не исполнилось и тридцати, когда он женился на ровеснице, которая, родив двух детей, умерла, не дожив до сорока пяти, а через пару лет повстречал девушку, совсем молоденькую. Разница у них оказалась в двадцать с лишним лет.

Миле едва стукнуло восемнадцать, когда она влюбилась в мужчину намного старше себя, тем самым вызвала неодобрение у окружающих. “Зачем он тебе? Ты вон какая красивая девка, за тобой табунами парни бегают, а ты связалась с каким-то взрослым и уже стареющим мужиком!”

— О чем думаешь?

— Мама моя — очень суеверный человек, — немного помолчав, заявил Боровой, погладив обнимающую сзади жену по ее свисающей руке. — Я не раз бывал у нее дома, и видел, как к ней приходили совсем молодые девчонки, как ты, например. Они постоянно просили у нее погадать.

— Ух ты! Твоя мама — гадалка?

Стекла в маленьких стареньких окнах трещали от ударов снежной бури поздним зимним вечером. Снежинки россыпью падали на узкие подоконники, засыпали протоптанные дорожки. В печи потрескивали дрова, заранее принесенные из дровника, находящийся во дворе рядом с будкой, в которой мирно посапывала сторожевая собака. Огромных размеров псина, сидящая на цепи, вытянув лапы с огромными когтями и положив на них свою остроугольную морду, прикрыла глаза и лишь черный, как смоль, нос время от времени двигался, принимаясь вновь подниматься ветру.

Маленькая комната, освещая большой абажурной люстрой, висящей над круглым столом, наполнилась таинственностью и загадочностью. Александр, поставив рядом зажженную керосиновую лампу, сел в кресло, сложив ногу на ногу, и положил на колени “Приключения Тома Сойера”. Из-за непогоды радио не работало, и пришлось довольствоваться чтением и гостеприимством своей мамы, жестом пригласившей в комнату молоденькую девицу.

— Тебя Люда зовут?

Девица еще не успела открыть рта и застыла в оцепенении.

— Да-а-а... вам моя подруга сказала?

Лицо престарелой женщины украсила хитрая улыбка.

— Садись. — Она жестом указала на стул рядом с собой. — Карты все знают. — Колода с нарисованными черными и красными знаками, обозначающие пики, червы, трефы и бубны, спокойно легла на старую клеенку. — У тебя есть муж, его звать Володей. Молодой, симпатичный. Я вижу, пожет тебя что-то... — на столе появились еще пара карт. — Считаешь, что у твоего Володи есть любовница? И подозреваешь в этом свою подругу?

На лице девушки отразился плохо скрываемый ужас.

— Я об этом никому не говорила... даже маме...

— Как ты все угадываешь? Неужели кусок бумаги тебе об этом рассказывает? — отложив книгу, Александр подошел к матери, когда девушка, получив утвердительный ответ на свой вопрос, ушла, оставив банку смородинового варенья.

— Я и сама этого не знаю, — престарелая женщина пожала плечами. — Мне приходится настраиваться, тогда имена и события как бы сами вспыхивают в мозгу, подобно импульсу. Но и это выходит не всегда. Однажды, когда я сидела дома одна, решила разложить карты. Раз разложила, два... и каждый раз, когда я их собирала, тасовала и раскладывала по-новой, они вновь и вновь показывали мне дату: двадцать шестое апреля тысяча девятьсот восемьдесят шестой.

— Карты-то твои хоть объяснили, что это значит?

— Ни один расклад не приоткроет завесу тайны. Но я все-таки попыталась. Случится что-то страшное. Валет бубей обычно обозначает маленького мальчика, но это не столь важно. Именно ребенок станет причиной большого несчастья. Как это объяснить, я не в курсе.

— Добрый день, Александр Александрович, — рано утром, незадолго до поездки в больницу, раздался оглушающий звук звонящего стационарного телефона. — Это вас Беляев беспокоит, директор вашего отделения. — Боровой уже давно работал в курчатовском институте, изучая ядерную физику и все, что с ней связывает. — Вы бы не могли мне помочь в расчетах для Чернобыля?

— Да, конечно, — смущенно ответил Александр. Тревога, появившаяся после последнего слова, начала медленно нарастать в нем, как снежный буран пару лет назад в материнском доме. — А что случилось?

— Авария, — коротко произнес директор и положил трубку.

— Что-то случилось? — почувствовав резкую смену настроения, Мила подошла к мужу и обняла его сзади, обхватив худыми руками плотную грудь. Вдохнула резкий запах тройного одеколona и продолжила: — Звонили из института?

— Да, зовут на расчеты. Не понимаю, у них полно блестящих теоретиков, а они позвали экспериментатора.

— Может, потому и позвали? — девушка пристально взгляделась через плечо в его хмурое лицо.

— Вас уже ждут, — когда машина подъехала к жилому дому и любезно сообщила о своем прибытии, просигналив на весь двор, Александр, перекинув через правую руку пальто — “не доверяю я погоде, она у нас дама легкомысленная”, — вышел на улицу. Сделал ладонь козырьком и взгляделся в абсолютно чистое небо.

Но не успел он сделать и шага, как солнце закрыла огромная грозовая туча, взявшаяся непонятно откуда. Птицы, что мирно щебетали, тут же взмыли вверх, превращаясь в мелкие темные точки. Ветер, поднимающий пыль у дороги, разогнал навязчивую духоту.

— В институт, — коротко бросил Боровой, напоследок хлопнув дверцей.

— Сынок, ты хочешь что-то сказать, — после долгого изнурительного разговора в институте Александр отправился в больницу. Матушка продолжительное время лежала, охваченная параличом. Вечером дежурный медперсонал уходил, и за престарелой женщиной ухаживать было некому.

Боровой переступил порог палаты, где мама лежала одна, изучая пустым взглядом потолок, и, присев на краешек кровати, он погладил морщинистую руку.

— Да-а все в порядке, мам. Для меня самое главное твое выздоровление, — Александр взял со стоящего рядом столика тарелку с дымящейся манной кашей и, зачерпнув белую субстанцию, поднес ложку к ее пересохшим от жажды губам.

Он понуро опустил взгляд, когда матушка, поведя головой, отказалась от еды. Обтянутое кожей лицо заставило его прерывисто выдохнуть, чувствуя, как рвущиеся наружу эмоции терзают сердце, становясь непосильным грузом. Где-то в глубинах разума шикнула мужская гордость, не давая чувствам волю и не позволяя разразиться бурными рыданиями.

Ему так и не удалось узнать мать до конца, все еще ощущая себя брошенным ребенком. “Я не такой как все!” — каждый день замечая жалость в глазах ровесников, живущих в полных семьях: матери, прошедшие войну и оставляющие детей на пьющих отцов, вернувшихся с фронта. Эти дети не чувствовали то, что чувствовал мальчишка, с завистью и съедаемой сердце болью поглядывающий на них.

“Откуда у тебя появились такие мысли?” — когда матушка, спустя несколько лет, появилась на пороге отчего дома, распахнув ранее невиданные теплые объятия, прижала его к своей груди, такой большой и женственной, он почувствовал себя маленьким мальчиком, ощущая, как руки заледенели и безжизненно повисли, будто лохмотья, а по телу прошлась дрожь, покрывая кожу мурашками.

— Мам...

Женщина распахнула глаза, прежде прикрытые от ослепляющих лучей солнца, проникающих в палату через окно. В теплую пору темнело поздно, и солнце еще долго возвышалось над еле заметной линией горизонта. Проплывали седые облака, грозя обернуться проливным дождем.

— Я буду заботиться о тебе, как и прежде. Я не имею на тебя обиды, — на этом слове Александр заботливо погладил маму по почти безжизненной руке. Ее прерывистое дыхание разрывало молчание, временами возникающее между слов, показывая, что жизнь в брэнном теле еще есть, держась за тоненькую ниточку и балансируя на грани, — как бы отец не пытался разубедить меня в обратном.

— Пока тебя не было, — еле слышно начала матушка, с трудом моргнув налившимися свинцом глазами, — я увидела чудное создание, девочку. Она такая маленькая и беззащитная. У нее роскошные длинные волосы, словно в прядях затаились глубины ночи, — ее бледное лицо озарила улыбка. — Дитя стояла возле моей кровати, пока я просила прощение у Господа за все свои грехи. Ее глаза блестели синевой, она была счастлива...

— Я не понимаю, о чем ты говоришь! — Александр от отчаяния всплеснул руками.

— По твоим глазам я вижу, что тебя что-то беспокоит, — матушка, словно очнувшись от бреда, снова продолжила беседу, как ни в чем не бывало, — давай на прощание поговорим с тобой, как самые близкие люди. Не спеши, — дрожащей рукой она оборвала возражения, рвущиеся с губ сына, — я все понимаю. Ты до сих пор переживаешь из-за моего отсутствия в своей жизни, хоть и хорошо это скрываешь. Не терзай свою душу, расскажи все как есть.

— В Чернобыле произошла авария. Меня отправляют туда в командировку.

— Чернобыль. Она из Чернобыля, — снова эта безумная и одновременно счастливая улыбка. — Сашенька, возьми-ка Библию и открой “Откровения” Иоанна Богослова, — матушка, в очередной раз обретая адекватность, рукой указала на шкафчик, где лежала ее дорожная сумка.

Александр, пораженный поведением матери, вытащил из шкафика, стоящего рядом с кроватью, большую дорожную сумку в сеточку и, открыв ее “молнию”, достал очень старую книгу, от которой веяло мудростью, многовековым знанием и — таинственностью. Боровой понятия не имел, что там написано, ибо с самого детства хранил холодную отстраненность к религии.

— Читай.

— (10) *“Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод”*

(11) *“Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они сделались горьки”*

— Солнышко мое, поезжай туда. Мне скоро будет лучше. Надо ехать, я знаю это, я чувствую. Чернобыль — твоя звезда, нельзя уйти от судьбы, твое место там. — На этой фразе матушка закашлялась, облизнув пересохшие губы. — Не бойся за меня. Помни молитву, что я тебе на листочке записала. Благослови тебя Бог! И не обижай ту девочку. То, что она совершила, не со зла. Ее обидели, она всего лишь защищалась.

На следующий день Александр отправился в Чернобыль.

“Ракета”, небольшое судно на подводных крыльях, отошла от пристани и двинулась вверх по Днепру. Александр всматривался вдаль, на позолоченные верхушки монастырей и церквей, блестевших от ярких солнечных лучей. Медленные волны нехотя бились о судно. Запах воды больно ударил ему в нос, вдыхая полной грудью воздух и смакуя предсмертные слова матери.

Боровой возвышался над палубой, переодетый в рабочий костюм защитного цвета, скрывая под толстым слоем ткани белое солдатское белье и нитяные носки, держа в руке “лепесток”. Второй, такой же, лежал в конверте, который он спрятал в карман куртки.

— Нам сказали надеть это... приспособление, — к нему подошла Мила, отправившаяся вместе с ним в Чернобыль, и покрутила в руке респиратор, пытаясь детально его рассмотреть, — якобы оно защитит дыхание от попадания каких-то там частиц. Я не понимаю, как им пользоваться-то!.. — вспыхнула она, вновь и вновь расправляя “лепесток”, при этом смешно морща нос.

— Не волнуйся, я тоже не знаю, как им пользоваться. Половина наших их надели как бог на душу положил. Выглядит это так себе, но что поделать, инструкций нам никто не давал.

Супружеская пара, обменявшись напоследок парочкой фраз, отправились к остальным. Всю дорогу они молчали, сидя на затянутых белым материалом и полиэтиленом сиденьях, прислушиваясь к редкому шептанию среди молодых солдат и ученых. “Ракета” же, подойдя к устью Припяти, миновала причаленные к берегу судна, служащие жильем для рабочих, и встала у пристани.

— Добро пожаловать в Чернобыль!

— Вам помочь, бабуля?

Автомобиль, везший важных гостей в город, находящийся в нескольких километрах от атомной станции, остановился, когда на дороге, таща на хрупких женских плечах, появилась бабушка “божий одуванчик”. На вид ей можно было дать все сто из-за сторбленности и шаркающих по асфальту ног.

— Помоги, коль не шутишь, — старушка заулыбалась, осмотрев высокого молодца с ног до головы.

Тот, вместе с водителем, пришедший ему на выручку, ловко подхватили обычный мешок из-под картошки и потащили в сторону грузовика, что стоял и терпеливо ожидал оставшихся в городе людей. Под конец мешок порвался, и куча нищенского тряпья высыпались на землю.

— Мы все соберем, не волнуйся, старуха! — спешно произнес водитель, согнувшись в три погибели и собирая бабушкины пожитки голыми руками.

— Ой, спасибо вам, добры молодцы! — старушка едва не расплакалась. — Храни вас бог! — она поцеловала мужчин и, напоследок перекрестив их, уехала в набитом вещами грузовике.

— Добрый день, — Александр вдохнул прохлады и критически осмотрел ничтожные размеры пустующего помещения, переступив порог бывшего горком партии. На улице по-прежнему царил душная жара, лишь слабый порыв ветра на мгновение разгонял духоту.

— Почему вы приехали один?! Где все остальные? — на Александра набросился начальник оперативной группы, низенький полноватый мужчина с проплешиной на голове. — Где, мать вашу, дисциплина?!

— Вы мне выговариваете, как профессор, к которому на лекцию пришло только два студента. Он на них кричит и упрекает в невнимании к предмету. Но ведь эти люди как раз пришли и их надо хвалить, а не ругать, — попытался разрядить обстановку Александр, заметив на лице своего нового руководителя запредельную усталость.

— Ладно, — тот рассмеялся, — поднимайтесь на второй этаж. Если там есть кто-нибудь из

правительственной комиссии, обратитесь к нему.

— Здравствуйте, я приехал к вам с важным поручением, — поздоровался Александр с respectableным пожилым мужчиной, — я — Александр Александрович Боровой, работаю ученым в институте имени Игоря Васильевича Курчатова...

— Вы можете просто назвать свою профессию?! — закричал мужчина словно ужаленный.

— Могу, физик.

— Нам не нужны физики, на кой черт здесь физики! Нам нужны специалисты по реакторам!

— Специалисты по реакторам все, что могли, для вас уже сделали.

Пожилый мужчина забулькал от ярости и махнул рукой в сторону двери. Александр, расстроено хмыкнув, отвернулся от своего нового начальника, понимая, что построить отношения с высокопоставленными чиновниками уже не получится. Любая реакция, даже самая спокойная, может вывести их из себя, и в таком случае неприятностей ему не миновать.

Опрятно одетая девочка своим пронзительным взглядом синих глаз заставила впасть в оцепенение. Сидя на краешке стула и упершись об него руками, она внимала словам двух взрослых мужчин и насвистывала себе что-то под нос.

— Что здесь делает ребенок?

— Ее привели милиционеры. Уже второй раз ее отлавливают на станции. Какого черта она там делает, непонятно! — снова вспылил пожилой начальник. — Мы дали приказ отыскать её родителей, отправили фоторобот по всем газетам, но результата это не дало! Она, как привидение, из ниоткуда!

— А у нее спросить не пробовали?

— Так иди и спроси, раз такой умный! — вновь забулькал от ярости мужчина. — Девчонка не разговаривает, она даже писать не умеет! Вот, погляди, — немного успокоившись, он взял со стола альбомный лист бумаги и показал его Александру, — это все, что она смогла изобразить.

На скомканной бумаге цветными карандашами и детской рукой был нарисован разрушенный взрывом четвертый энергоблок и вентиляционная труба, рядом с которой — огонь агрессивно-оранжевого цвета, а люди, что тушат пожар — выпрыгивающие из пламени темно-синие человечки.

— И что это обозначает?

— Одному лишь богу известно! — всплеснул руками чиновник.

Пятидесятилетний усатый молдаванин вместе с пилотом и дозиметристом в белой форме, с респираторами на лицах, пролетали над украшенным ржавчиной хвойным лесом. Чем больше вертолет приближался к месту происшествия, разрывая винтом небо, тем ярче и агрессивнее становился ядовито-оранжевый оттенок.

— Иллюминаторы не открывать! Это смертельно опасно! — воскликнул пилот, наморщив потный лоб и бросив взгляд вниз, на дорогу, где столбом поднялась пыль от колес легкового автомобиля.

Стояла сухая, безветренная, погода: солнце к тому времени висело высоко в небе, пронзая перистые облака своими ослепляющими лучами.

— Да ладно тебе, не выступай, — проворчал молдаванин. Его кудрявые волосы торчали из-под белой шапочки, которую пришлось надеть по настоянию инструкции. Он настроил одну из фотокамер, висевших у него на шее, заранее приготовленные для полета, и, нацелившись на картинку под брюшием вертолета, засверкал сотнями ярких вспышек. — Все будет о'кей, как говорят американцы.

— Как ты вообще об этом узнал?

— О чем? Об аварии? Из газет. Откуда еще-то? Я пару лет назад занялся корреспонденцией. До этого работал глянцевым фотографом, снимал богему, побывал во всех республиках, познакомился с кучей людей, но удовольствия мне это не принесло.

— Какое уж тут удовольствие...

— ...поэтому и ушел, начал делать документалистику, тему всей жизни ищу. Как подсказывает мне мое профессиональное чутье, — мужчина сделал паузу, перенастраивая камеру, — я ее уже нашел.

— А что пишут-то, в газетах?

— Ничего, ничего толкового. Написали, что произошла авария, погибли два человека и что создана специальная команда. Мне, как репортеру, стало интересно. Поэтому-то, дружище, я тебя уговорил на эту поездочку. Хочу это увидеть своими глазами! Я, как ненасытный волк, охочусь за добычей, и вот, — фотоаппарат снова щелкнул, — она уже у меня в зубах.

Вертолет сделал круг над реактором, пытаясь сохранить безопасную дистанцию, и застыл в воздухе. Молодой мужчина в белой форме открыл иллюминатор и начал измерять радиацию, высунув наружу дозиметр. Рубашка на нем колыхалась, как трава на ветру, а по лицу ручьями стекал пот, бросая взгляды то на прибор, то вниз, в кратер разрушенного энергоблока.

Увиденное воистину представляло собой жуткое зрелище: словно разгневанное человечеством божество, напоминающее древнее мифическое существо, восседающее на знаменитой греческой вершине, метнуло молнию в здание, разрушив его до основания, превратив обломки в черную бездну, в которой легко погибнуть. В голове молдаванина возникали одна за другой взбалмошные мысли, пока он, судорожно вцепившись потными руками в свой фотоаппарат, успевал щелкать затвором, стараясь запечатлеть все до единой детали.

— Эко как его расколбасило! — нарушил благоговейную тишину пилот, цепляясь взглядом за жерло реактора. — А я думал, “ерунда, выдули из мухи слона!”, а тут вон оно что...

— Придется спуститься обратно на землю, чтобы снимки проявить. Может быть, если повезет, я уговорю одного из штатского сводить меня к реактору.

— Ты думаешь, они согласятся? Они сами боятся туда ходить. Там радиация невероятная!

— Посмотрим, — молдаванин нахмурил лоб.

— Вы что, спятили?! Вам жизнь недорого? — вскричал, словно ужаленный, один из правительственных чинов, восседающих в чернобыльском общежитии.

Молдаванин, представившись как репортер из газеты “Новости”, показал “корочки” и любезно попросил сопроводить его к разрушенному реактору, чтобы сделать снимки для будущих поколений.

— Я Игорь Костин, репортер из газеты “Новости”, — терпеливо повторил он, — если вы мне не верите, можете связаться с моим руководством, они все вам любезно подтвердят. Я всего лишь хочу сделать пару фотографий и опубликовать их, на случай, если нечто подобное случится в будущем, чтобы люди знали, как мы, советский народ, боролись со стихией, вырвавшейся из-под власти человека.

— Говорите вы складно, товарищ Костин. Но мы запрещаем посещение блока даже ученым. Знаете ли, здесь не туристический городок, а заведомо опасное для людей место. Я думаю, ни один человек в своем уме не позволит вам сделать то, о чем вы просите, если, конечно, кому-то из них жизнь недорого.

Единственное, в чем бы вы могли нам помочь, это сделать пару фотографий девочки. Она уже пару дней как ошивается на станции, непонятно по какой причине. Мы ищем ее родителей, возможно, во время эвакуации, они

забыли про нее.

— Я не занимаюсь розыскными мероприятиями. — Игорь развел руками.

— Очень жаль.

Репортер вышел из общежития ни с чем и озадаченно почесал голову, взъерошив темные кудри, выбивающиеся из-под шапочки. Мимо проходили люди в специальной защите, не обращая внимание на двухметрового гиганта с двумя камерами на шее, кроме девушки с огненно-рыжими волосами в белой форме, поверх которой была застегнута куртка, скрывающая упругие груди.

— Привет? — она остановилась и, прищурившись, пригляделась к Игорю.

— А? — тот выплыл из своих дум и посмотрел на девицу, что пронзала его взглядом миндалевидных глаз. — А, привет-привет! Что такая молодая и обворожительная девушка делает здесь, среди смертельной опасности и старых пердунов?

— Ты тоже далеко не молод. — Девушка демонстративно сложила руки на груди. — Я здесь работаю, как и мой муж.

— А кто твой муж?

— Физик-ядерщик.

— Ого! Престижная профессия.

— И опасная. — Девица кивнула в сторону атомной станции.

— Слушай, если твой муж действительно физик-ядерщик, он наверняка знает, опасно ли сейчас находиться на станции или нет, — без обиняков начал Игорь, — мне нужно попасть к реактору и сделать пару снимков. Я облетел его на вертолете, сделал несколько фотографий, половина из них оказались засвечены...

— В реакторе они тоже будут засвечены, — перебила его незнакомка. — Твоя идея заранее обречена на провал. Ты говоришь, половина засвечены, значит, снимки все-таки получились, верно? — она, казалось, этим фактом заинтересовалась.

— Верно, — настороженно кивнул Костин. — А к чему ты ведешь?

— Я бы могла посмотреть на эти снимки. После того, как отыщу девочку.

— Девочку? — репортер наморщил лоб. — Я уже не первый раз слышу о какой-то девочке. Не расскажешь, в чем дело?

— Здесь ребенок. Его нужно поймать и отвести к родителям.

— Поймать?

— Она каждый раз сбегает, когда ее пытаются отвести от станции. Ее там что-то держит.

— Дела... — покачал головой Игорь, оттопырив нижнюю губу.

— Так что, мой тебе совет, не лезь ты в реактор. Он унес жизнь нескольким людям, не хочется, чтобы ты к ним присоединился.

Темный небосвод покрылся первыми всполохами предрассветного солнца, когда черный автомобиль заехал на территорию атомной станции, переполненной военной техникой. Дмитрий тщето тер глаза, пытаясь прогнать остатки сна, задремав на пару часов в кресле на правительственном заседании, где разглагольствовал высокий темноволосый мужчина в очках, представившись Валерием Легасовым, ученым из московского института.

— Дмитрий Константинович, останьтесь на пару слов, — его остановил низенький и пухлый мужчина в строгом костюме — копия московского ученого, правда, в отличие от последнего, он очки не носил. —

— Борис Евдокимович Щербина, — Дмитрий пожал крепкую руку соотечественника, — ваш новый руководитель. Я бы хотел поговорить вот о чем. Мы с моим товарищем, Валерием Алексеевичем, измерили радиацию возле разрушенного блока, но до самой станции наши руки не дошли. Не могли бы вы выполнить это несложное задание?

— Конечно, Борис Евдокимович!

Дима с трудом сдерживал себя, дабы не отвернуться, сбросив тяжелый взгляд собеседника, словно пытающегося высверлить в нем дырку. Он снова пожал чиновнику руку и вышел на улицу, разминая затекшие мышцы. Шея неприятно хрустнула, по позвонку прошлась легкая боль, возвращая жизнь в полуживое от усталости тело.

— Мои ребята прихватили все дозиметры, что были на станции. — Николай, тот самый спутник, с которым он направлялся в соседний город на футбол, вернулся в Чернобыль спустя сутки после своего отъезда. Его лицо покраснелось, на лбу выступили бусинки пота, а рубашка намочила и прилипла к телу.

Коля показал на двух молодых парней, которые, заметив на себе взгляд Дмитрия, в знак приветствия кивнули.

Дима, выхватив дозиметры из их рук, включил прибор и, преподнеся его близко к земле, принялся ходить из стороны в сторону, словно искал среди ярко-салатовых травинки одиноко упавшую монету. Под ногами что-то хрустело — то ли веточка, принесенная ветром, то ли чьи-то косточки, ибо среди хвойных, покрытых ржавчиной, деревьев, обнаружили обтянутые кожей тушки животных.

— Что за черт? — дозиметр втянул в себя струйки зараженного радиацией воздуха, и, жалобно пискнув, отключился. — Он что, бракованный?

— На станции сказали, что это самые надежные дозиметры, — молодой парень, близко стоящий к Дмитрию, недоуменно пожал плечами. — Возьмите второй.

— Твою мать! Неужели это все дозиметры, что были на станции?! — Дима, выхватив второй такой же дозиметр, заводил прибором по траве, пока тот, последовав примеру собрата, не испустил дух.

— Есть еще два...

— Мне кажется, дело не в приборах, а в самой радиации. — Николай ткнул пальцем в сторону разрушенного энергоблока. — Ее здесь столько, что даже приборы не выдерживают. Мы можем сколько угодно использовать эти дозиметры, но они не предназначены для измерения высокой радиоактивности.

— И что ты предлагаешь? — жара вкупе с радиоактивностью действовали на нервы лучше любого алкоголя. Дмитрий, негодуя, топал ногами и тыкал пальцем в сторону станции. — Если бы не эта чертова махина, моей бы ноги здесь не было! Мне дал распоряжение сам Щербина, мы должны это выполнить, во что бы то ни стало!..

— Тогда будет лучше попросить того же Щербину доставить другие дозиметры, ибо эти не в состоянии нам помочь.

Автомобиль быстрым движением рассекал пространство, поднимая пыль у дороги, что проникала в салон через приоткрытые окна — уже ранним утром стояла невыносимая духота, и в запертой машине нечем было дышать. Военные, вооружившись шлангами, деактивировали дороги в послеобеденное время: сначала мыли прибывающий на станцию транспорт, а уже потом, под вечер, когда солнечные лучи касались линии горизонта, отправлялись в сторону пустыющего шоссе.

Дима, подъехав к ступеням административно-бытового корпуса, остановил автомобиль и вышел, громко хлопнув дверцей. Тщательно приглаженные волосы стояли дыбом, впитав в себя пот, из-за чего Дмитрий перестал выглядеть респектабельно. Правда, на его внешность мало кто обращал внимание, даже выходящий из здания высокий стройный незнакомец в строгом, оттеняющем его фигуру, костюме, спрятав руки в карманах. Часы поблескивали от ярких солнечных лучей, а на бледном, словно мертвом, лице появилась кривая усмешка.

Дмитрий проводил незнакомца с открытым от изумления ртом. Быстро обернулся и заметил, как странный мужчина, синхронно повернувшись, наградил его презрительным взглядом, который тут же спрятал в уголках губ, растягивая их в довольной усмешке. Этот тип носил маску притворного равнодушия, когда в глазах поблескивал огонек настоящего удовольствия.

“Это что за странный тип?”

— Там, — солдат, подбежавший к Дмитрию, сильно побледнел, судорожно тыкая пальцем в четырехэтажное здание, — бардак! Кто-то из посторонних побывал в этом административном корпусе и перевернул все вверх дном!..

Дима посмеялся над его бдительностью.

— Это свои...

— Вы не понимаете! Свои уже трое суток не отходят от реактора, а там ходит какой-то незнакомец и что-то ищет!

— Тот, который в черном костюме?..

— Да! И у него кувалда в руке!

Пауза.

— Ты что-то попугал, парень...

— Сам посмотри!!

Среди полумрака, окутывающего здание, валялись разорванные кем-то документы и книги, под ногами хрустели осколки стекла, а куски аппаратуры были разбросаны то тут, то там. Дмитрий, приехав на станцию, надеялся встретить здесь Щербину, но ошибся, хотя странный незнакомец плотно засел у него в голове. По коже пошли мурашки, когда по помещению эхом разнеслись оглушающие удары, и, едва успев скрыться за ближайшей, окрашенной штукатуркой стеной, из-за угла вышел двухметровый мужик, одетый в противодождевой костюм. Своим гигантским молотом он разносил все, что попадалось под руку: столы превращались в щепки, аппаратура — в мятый металлолом, на бумагах оставались следы от невероятно больших сапогов. И, пробуянив как следует, он, перекинув через плечо кувалду, ушел обходными путями, попутно снеся с петель несколько, ни в чем неповинных, дверей.

— Вы где пропадали, Дмитрий Константинович? Как успехи с радиацией?

— Никак, Борис Евдокимович! Нам выдали четыре дозиметра. Четыре! И все они — сломаны. Эти приборы якобы заготовленные на случай аварии, абсолютно бесполезны. Я потому и вернулся к вам, чтобы попросить доставить нам совершенно другие измерительные приборы.

И еще: мы бы с моим приятелем, Николаем Юрьевичем, хотели бы провести эвакуацию пригородных поселений...

— Если честно, вы меня озадачили, Дмитрий Константинович. — Щербина откинулся на спинку стула, бросив шариковую ручку на стол. Его взгляд уперся в лежащие перед глазами бумаги. — Я договарюсь, чтобы вам в кратчайшие сроки доставили дозиметры, — произнес чиновник после длительной паузы. —

— А насчет эвакуации, то начинайте сегодня же. Мы подгоним вам транспорт, людей, а вы займетесь сельскохозяйственным предприятием. Вы же вроде на этом специализируетесь, Дмитрий Константинович?

— И еще один вопрос: я ездил сегодня на станцию и видел там одного типа в черном костюме. На нем не было средств специальной защиты. Высокий такой, стройный, вы ничего о нем не знаете?

— О чем вы, Дмитрий Константинович? Черный человек в костюме и без защиты?.. — брови высокопоставленного начальника поползли на лоб от удивления.

— Да, именно так, Борис Евдокимович! Вы вообще следите за происходящим на станции?

— Я поставлю другую охрану, Дмитрий Константинович.

— Ну, что? — на выходе из общежития Дмитрия встретил Николай, стоящий напротив правительственной машины, за рулем которой сидел совсем еще молодой мужчина. — Что Щербина сказал?

— Доставят нам и дозиметры, и транспорт, чтобы вывезти оставшихся людей.

— А насчет того типа?

— Поставит другую охрану. А толку? Все заняты тушением пожара, им сейчас не до нас.

Поеду-ка я в гостиницу, если ты не против, отдохну пару часиков, а потом вернемся к делам насущным. Я чертовски устал, да еще ни черта не спал... как назло...

— Я тебе сообщу, когда все будет готово.

— До гостиницы, — Дмитрий, усевшись в черный автомобиль, пристегнул ремень и уставился перед собой.

Водитель, не сказав ни слова, завел двигатель, и, круганув руль в сторону, сдвинулся с места, оставляя после себя облака пыли.

Дмитрий, откинувшись на сидении, расслабленно прикрыл веки, желая как можно быстрее заснуть, но вскоре почувствовал неладное: покрутив головой, он, к своему ужасу, заметил водителя без сознания, и, попытавшись нащупать пульс, пришел к неутешительному выводу — молодой мужчина скончался.

Диме с большим трудом удалось остановить машину, и, судорожно вцепившись в ручку, он дрожащими руками распахнул дверцу. Шоссе пустовало, ни одного автомобиля, только нескончаемая жара и пыль. Волнение невидимой рукой перехватило дыхание. Непреодолимое желание бежать полностью захватило разум, поглотив

собою рой тяжелых мыслей.

Когда на горизонте появился женский силуэт, радость отодвинула бегство на задний план. Уже было неважно, кто она и каким образом появилась на пустующей дороге, но с каждым приближающимся ее шагом в голове закрадывались подозрения: незнакомка напоминала ту девицу из бревенчатого домика, где сидела маленькая светловолосая девочка.

Остался только один выход — бежать.

Дмитрий старался не оглядываться, услышав за спиной пронизывающее до мозга костей рычание, и нырнул в спасительные кусты, надеясь укрыться среди плотной зелени от непонятного существа.

На тропинке стояли молоденькие девушки в летних платьях и косынках, когда из листвы кубарем свалился мужчина в деловом костюме. Они громко завопили, оглушив визгами незваного гостя, и бросились врассыпную. Спустя секунду его настигло обернувшееся диким зверем существо, уронив своим весом забор. Задрвав голову, оно пронизывающе прорычало, заставляя вскочить и бежать куда глаза глядят, прерывая воем воцарившуюся в деревне гробовую тишину.

Избы в пустующей деревне оказались заколоченными, и в одной из них Дмитрий нашел прибежище от дикого зверя, спугнувшего уезжающих из села местных жителей. Дом поприветствовал своей пустотой и кухонным столом, на котором стоял стационарный телефон. Обнаружив, что связь еще работает, Дима судорожно набрал номер:

— Але? Заберите меня отсюда!..

— Что с вами случилось? Меня попросили вас забрать, сказали, больно голос у вас перепуганный.

Дмитрий с недоверием заглянул в салон автомобиля, услышав звонкий девичий голосок. За рулем сидела девушка с огненно-рыжими волосами, перехваченными тугой резинкой. Лицо ее было прикрыто респиратором, из-под полы армейской куртки выглядывала белая рубашка, а глаза загадочно блестели и, не отрываясь, смотрели на мужчину.

— Не думал, что мне на помощь придут школьницу, — Дмитрий, бросив ехидное замечание в сторону незнакомки, нырнул в салон, потянув дверцу на себя, — неужели не нашлось кого-то постарше?

— Полегче на поворотах, дядя, — девчонка сняла респиратор, выставляя на показ манящие пухлые губы. Дмитрий смотрел на ее милую мордашку и внезапно ощутил себя молодым, как тогда, несколько лет назад, когда он и Людочка только познакомились. Миндалевидные глаза с оттеняющими темными ресницами могли сразить любого мужчину, и, если бы не штамп в паспорте, он сорвал бы с этих соблазняющих уст поцелуй, тем самым прикоснувшись к чему-то запретному и непозволительному. — Мне всего лишь двадцать, школу я закончила три года назад, но это не означает, что я пустоголовая девица!..

— Э-э-э... я не имел ничего такого в виду...

— Так что случилось? Или это тайна, покрытая мраком?

— Мой водитель умер, — сморщившись от язвительного тона спутницы, ответил Дима, стараясь смотреть на дорогу, а не на поднимающуюся от спокойного дыхания девичью грудь, — и на меня напало какое-то существо непонятное, то ли одичавший зверь, то ли оборотень, — он почесал двумя пальцами переносицу, вкушая абсурд сказанных слов. — Что у вас тут вообще творится? Сегодня я видел странного типа в черном костюме, потом какого-то мужика с кувалдой, неужели на станции не следят за порядком? Или всем на все наплевать?

— Ты не первый, кто об этом спрашивает. Когда я прибыла сюда со своим мужем, знаменитым физиком-ядерщиком, первое, что я увидела, так это маленькую девочку...

— Разве Валерий Легасов твой муж?

— Причем здесь Валерий Легасов?

— Ты просто сказала, что твой муж...

— Боровой, Александр Александрович Боровой. Валерий Легасов его лучший друг, и они вдвоем физики-ядерщики.

— Так и что же, с девочкой-то? Возможно, ее кто-то оставил. Или родители ее потеряли...

— С ее появлением начались какие-то странности. Я двое суток бегала за ней, чтобы поговорить, но она исчезла, словно тень.

— А разве милиция не занимается поисками ее родителей?

— Они сделали ее фоторобот и разослали по всем управлениям и газетам, — девушка тяжело вздохнула, — а толку от этого ноль. Никто не откликнулся, никто не знает, кто она и каким образом попала на станцию. Не может же человек появиться из ниоткуда, у нее же есть своя история, в конце концов!

— Мне нужно обратно в штаб, — после короткой паузы произнес Дмитрий, уставившись усталым взглядом на дорогу. — Я постараюсь что-либо выяснить по поводу твоей девочки. Единственное, о чем бы я хотел попросить тебя напоследок, так это оставить свое имя, чтобы не бегать и не искать тебя по всему Чернобылю.

— Мила. Мила Боровая.

— Дмитрий Демичев, из Гомеля.

— Ты белорус?

— В некотором роде. Мать моя русская, отец — белорус. Оба погибли в Великую Отечественную. Бабушка воспитывала. А потом, как все, отучился, пошел работать, женился на своей землячке, ничего особенного.

— Но ты партийный чиновник...

— Меня это нисколько не красит! Я просто помогаю людям. Я начинал как обычный продавец бытовой электроники, это уже потом шлея попала мне под хвост, и я решил выучиться на бухгалтера. А свободное тогда место было только в областном комитете. Можешь верить, можешь нет, но как в одном выражении — “оно само”. Само как-то получилось.

— Ты можешь отказаться, если тебе это в тягость...

— Да поздно уже!.. Мне предстоит эвакуировать несколько тысяч человек, спасти еще столько же, если не больше, и все из-за сломанного реактора. Не думал я, что подобная участь ляжет на мои плечи. Что ж. Так угодно богу. Дожил, называется, — позволил себе короткую усмешку Дмитрий, — скоро в бога начну верить и в церковь ходить. Глядишь, и в священники подамся.

Пустой город представлял из себя печальное зрелище: эвакуированное население не вернулось сюда спустя обещанные три дня, и заброшенные своими жильцами квартиры заполнились милиционерами и партийными чиновниками, большая часть из которых остановились сначала в гостинице, затем в горисполкоме и в других помещениях иже с ними. Газ, холодную и горячую воду спустя пару недель отключили, как и третий энергоблок в первые часы аварии, который чудом не пострадал от пожара в реакторе.

Гробовую тишину, царившую после эвакуации местных жителей, нарушило тихое поскрипывание детских каруселей. Колесо обозрения, возвышаясь над пустыющей площадью, восхищая своим гротескным величием, все так же стояло неподвижно, будто застыв во времени. Звонкий лязг металлических цепей, что висели прикрепленные к качелям с выкованными из металла цветочками, сообщал о незримом присутствии еще одного невольного горожанина.

Раскаленный жарой асфальт сдирает с кожаных балеток черную краску, оставляя уродливые царапины. Юбка, свисающая с узкой деревяшки, подчиняясь законам физики, мирно поднималась и опускалась, позволяя слабому ветерку играть тончайшей тканью. Бледное детское личико украсила довольная улыбка, когда новенькие качели приходили в равномерное движение, вызывая небывалый восторг. Тяжелые пряди взлетали и тут же обратно падали на плечи и грудь, поблескивая от солнечных лучей. Лишь только бант оставался неподвижным, напоминая искусственный цветок среди живых бутонов.

Девочка залилась громким и непринужденным смехом, когда ветер вновь начал играть с ее волосами, что едва касались кончиками ярко-салатовой зелени, заставляя парить в невесомости. Отбросив голову назад, она вдыхала струйки воздуха освобожденными после долгого заточения легкими, и это напоминало ей жаждущего в пустыне, которого спасло несколько глотков освежающе прохладной воды.

Неприятное ощущение, внезапно сковавшее грудь железными клешнями, заставило малышку остановить свой полет: качели в пустынном городе напоминали карусели из детства, когда она вместе со своей мамой посещала новенький парк аттракционов — ей удалось стать и космонавтом, взлетев на маленькой металлической ракете, способной завоевать вселенную вместе со своими планетами и звездами, и ковбоем, взобравшись на гладкую спину циркового пони.

Машинки же в припятском аттракционе оказались для нее слишком скучными — не осталось зрителей, что встретили бы юную автолюбительницу.

Девчушка ловко спрыгнула на ходу с качелей, и, приземлившись, быстрым движением поправив задрвшую юбку, направилась в сторону атомной станции. Остановившись неподалеку, будто собака-ищейка, втянула носом воздух, полный радионуклидов, и ощутила, как по венам, подобно крови, разливается свобода. Заметив приближающийся бронетранспортер, обшитый свинцовыми щитами, она, недолго раздумывая, шагнула в темноту, превращаясь на мгновение частичкой тьмы, одним целым с мраком, обратной стороной света. Она, подобно аэрозолю, растворилась в черной перине, позволяя шестому чувству вырваться наружу, чтобы видеть все, но при этом оставаться невидимой.

Ни один из присутствующих не почувствовал легкого сквозняка, не увидел промелькнувшей в тени маленькой девочки в школьной форме, которая, подобно молнии, пролетела сквозь оживленную толпу, пребывая на темной стороне света, исходящего от уличных фонарей. Керосиновые лампы, что зажигались поздно ночью, покачнулись от слабого порыва ветерка и вновь замерли, а маленький огонек на конце фитилька едва не погас, с трудом выпрямившись.

Пространство по ту сторону напоминало черно-белое кино, покрытое россыпью помех, что мешали всматриваться в сцены жизни обычных людей, пытающихся спасти миллионы собратьев, и девочка, с трудом привыкнув к новой реальности, склонив голову набок, наблюдала, как супружеская пара за закрытыми дверями отдается запретным страстям. Она слышала мерцание далеких звезд и проблески едва заметного полумесяца, но не замечала треска дозиметра, что лежал на столе в комнате, с каждым ее шагом начинающий сходить с ума.

В этот момент у малышки промелькнула заманчивая мысль: вытянув вперед руку, она начала всматриваться в ладонь, где, по ее мнению, должно было что-то произойти.

Шли секунды, но ничего не получалось, и девочка от нетерпения поджала губы, недовольно постукивая ногой по полу. На мгновение бросив взгляд в окно, где за разрушенным энергоблоком промелькнула молния, ее вновь осенило, и, оперевшись о подоконник, протянула руку вперед. Когда вспышка повторилась снова, она ловко перехватила молниеносный зигзаг подобно маленькому котенку и потянула его к себе. Посыпались искры, электрический ток осветил комнату и тут же погас, поглощенный девочкиной ладонью.

Помещение наполнилось сияющим светом, когда девочка, резко обернувшись, сделала выпад рукой в сторону

висящей над ее головой люстры. Лампочка, не выдержав чудовищного напряжения, разорвалась на мелкие осколки, что упали на линолеум и на мгновение вспыхнули, оставив после себя черные пятна.

— Пожар! Пожар!

Девочка усмехнулась, удовлетворенная удачной проказой, но усмешка быстро сменилась тревогой: то неприятное ощущение, похожее на постепенно нарастающий ной, как в коленях в плохую погоду, вернулось с трехкратной силой, призывая следовать за собой. Она раньше никогда подобное не чувствовала, хотя, напрягая память, девочка вспомнила, как дважды пребывала на грани, вкусив сладковатый запах смерти, преследующий ее с самого рождения.

Что ж. Если смерть хочет забрать невинную детскую душу, так тому и быть.

Вдохнув в легкие воздуха, девочка застыла перед дверью, прикрыв веки, и прошла через деревянную поверхность, обернувшись вспышкой молнии.

— Я перепробовал все, но это чертово масло продолжает гореть!.. — прокричал в телефонную трубку Валерий, сидя на своем любимом стуле и кусая от волнения колпачок шариковой ручки. — В тот же день, по прибытию, мы испробовали добрую половину материалов, но в итоге это ничего не дало, кроме высокого парообразования и распространения воды по транспортным коридорам в соседние блоки. Так что теперь у нас появилась новая головная боль, откачать воду. Ладно, я буду держать тебя в курсе, всего хорошего.

— Что, твой Александров ничего не смог предложить? — в комнату вошел Борис с заложенными за спину руками, когда телефонная трубка, сообщая о своем возвращении на прежнее место, громко звякнула. — И как теперь мы будем решать проблему с реактором? Восславим Господа Бога, чтобы он нам помог?

— Господу Богу плевать на нас, так что оставьте свои неуместные шуточки при себе, Борис Евдокимович, — язвительно отреагировал Валерий на его ехидное замечание. — У меня выстроилась определенная логика решения этой задачи, — он преподнес зажженную спичку к сигарете и, затянувшись, выпустил табачный дым, — на станции есть запасы боросодержащих компонентов. Они менее загрязнены, так что, подойдут для тушения горящего масла. Эти компоненты обеспечивали бы нахождение в кратере реактора эффективных поглотителей нейтронов. Например, при внезапном передвижении топливной массы, или, упаси бог, на новую аварию. Я уже дал команду вертолетчикам, выдал им разрешение на пользование складскими карбидами бора, и завтра утром пилоты сбросят все сорок тонн, что у нас имеются, в реактор.

Если вы, Борис Евдокимович, думаете, что это все, вы сильно заблуждаетесь, это только первая наша задача. Впереди предстоит еще много работы.

После сбрасывания карбида бора, нужно каким-то способом стабилизировать температуру, тем самым перенаправить энергию, выделяющуюся при распаде мощной топливной массы, на затрачивание фазовых переходов. Я подумываю побросать в реактор железной дробы, ее обычно добавляют в строительный бетон, чтобы он стал тяжелым, поэтому на складе ее предостаточно. Будем надеяться, что радиоактивного излучения там намного меньше, чем за пределами станции.

Уже поздно вечером следующего дня, попытавшись выполнить вышеперечисленное, Валерий вернулся в штаб в расстроенных чувствах. Настроение человека напоминает меняющиеся морские приливы: спустя несколько дней пребывания в Чернобыле во взгляде ученого поблескивала чудовищная усталость. Бледное лицо украсили темные круги под глазами. Задорная улыбка с небольшими морщинками вокруг губ сменилась гримасой полного отчаяния.

Ученый громко закашлялся, прикуривая и в очередной раз заполняя легкие полным ядовитых веществ табачным дымом. Частые глотки кислорода практически не помогали бороться с последствиями зависимости.

Отодвинув запыленную штору, прикрывающую небольшое окно в штабе, Валерий посмотрел на опустевшие городские улицы через мутное стекло. Темнота медленно окутывала Чернобыль своим плотным одеялом, закрывая мягкой периной яркие звезды. Тучи продолжали свое медленное движение, грозя обернуться проливным дождем. Свет уличных фонарей на короткое время погас, а затем вновь осветил асфальтовые дороги — по приказу ученого станцию отключили из-за пожара в реакторе, а электричество начали подавать через специальные генераторы для дальнейших работ по борьбе за счастливое будущее.

На хрупкие плечи вновь навалилась тяжелая усталость, поедающая остатки здоровья и жизни. Ученый, бросив взгляд на затемненную от пятен поверхность, хмыкнул, увидев в отражении силуэт маленькой девочки в школьной форме. В ушах прозвучал пронзительный детский смех, а затем все прекратилось, обернувшись гробовой тишиной.

— Я побывал сегодня на площадке и видел, как вертолетчики сбрасывали бор в реактор. Единственное, что меня смутило, когда мы прибыли в город, это строительные краны рядом с блоками. Судя по всему, они уже давно там стоят. Да, я видел, стройка третьей очереди продолжается, в этом году должны запустить пятый и шестой блоки.

И я также видел оставшиеся документы в административном корпусе.

Я не хочу обсуждать работу ваших людей, Борис Евдокимович, но работают они очень скверно. В

административном корпусе ЧП. Пропали ценные бумаги, перебиты двери и окна, аппаратура стоимостью в несколько десятков тысяч советских рублей, безвозвратно погибла.

И это еще далеко не все, Борис Евдокимович, сегодня, во время спецоперации, погиб человек. Вертолет с бором зацепился за краны и, потеряв управление, упал неподалеку от реактора. Теперь его останки будут вынуждены отправить на специализированную свалку, которую я поручил построить, ибо большая часть привезенной сюда техники погибла.

Мой замысел с дробью не удался. Она оказалась так же радиоактивна, как и все, что есть на станции. Склад накрыло проходящим первичным облаком взрыва, работать с сильно зараженным материалом представляется невозможным. У меня есть некоторые мысли по поводу других материалов, которые, к сожалению, придется доставать, так как на станции их нет.

Знаете ли вы, что свинец достаточно легкоплавкий металл, который обладает некоторой способностью экстрагировать радиоактивные элементы? И, застывая, он создает защитный экран от гамма-излучения? Единственное, что, если в реакторе температура выше тысячи семисот градусов, то часть свинца испарится, прибавляя к радиационной загрязненности еще и свинцовую. Я распорядился, чтобы команда из Донецка, принадлежащая Министерству энергетики Украины, начала постоянные облеты четвертого блока. Они, кстати, располагают техникой шведской фирмы, которая должна нам помочь, прежде чем окажется на радиоактивной свалке.

Я понимаю, моя просьба прозвучит подобно грозовой молнии среди ясного неба, но меня вынуждают обстоятельства. Необходимо достать две тысячи четыреста тонн свинца. Цифра чудовищная, понимаю, но мне самому не по себе, когда я начинаю об этом думать. Вы, как руководитель правительственной комиссии, должны нам помочь, если, конечно, понимаете, до каких масштабов может разразиться данная проблема. Мы уже потратили немало времени, и впереди предстоит масштабная работа по устранению последствий.

— Я прекрасно тебя услышал. И я не слепой, чтобы не видеть происходящего у своего носа. Только пообещай мне, что сегодняшнюю ночь ты проведешь в постели. Не хотелось бы потерять столь ценного работника.

От Совета Министров СССР

Как уже сообщалось в печати, на Чернобыльской атомной электростанции, расположенной в 130 километрах севернее Киева, произошла авария. На месте работает правительственная комиссия под руководством заместителя председателя Совета Министров СССР т. Щербины Б.Е. В ее состав вошли руководители министерств и ведомств ученые и специалисты.

По предварительным данным, авария произошла в одном из помещений 4-го энергоблока и привела к разрушению части строительных конструкций здания реактора, его повреждению и некоторой утечке радиоактивных веществ. Три остальных энергоблока остановлены, исправные и находятся в эксплуатационном резерве. При аварии погибли два человека.

Приняты первоочередные меры по ликвидации последствий аварии. В настоящее время радиационная обстановка на электростанции и прилегающей местности стабилизирована, пострадавшим оказывается необходимая медицинская помощь. Жители поселка АЭС и трех близлежащих населенных пунктов эвакуированы.

За состоянием радиационной обстановки на Чернобыльской АЭС и окружающей местности ведется непрерывное наблюдение.

30.04.86 г.

“-Я не знаю, о чем рассказывать... о смерти или о любви? Или это одно и то же... О чем?”

“Чернобыльская молитва”

— Что случилось?..

За плотно закрытым окном раздавались, напоминающие раскаты грома в безмолвную летнюю ночь, невыносимые крики и шум. В маленькой комнате царил непроглядная тьма, которую тут же разбил пронзающий свет, появившийся этажом ниже. Раиса, оперевшись локтем в отброшенное мужем одеяло, привстала на кровати, пытаясь спустить ноги и надеть на них мягкие домашние тапочки.

— Я закрыл форточки, — она бросила взгляд на пробегающего мимо Василия, рослого парня с темными вьющимися волосами, — можешь спать дальше. На станции пожар. Я скоро буду, — он поцеловал ее на прощание и ушел, тихонько прикрыв входную дверь.

Рая, перевернувшись на другой бок, посмотрела в окно, находящееся напротив кровати. Лунный свет, освещающий застеленные линолеумом половицы, уступил место проблескам страшного пламени. Его языки поднимались высоко в небо, пожирая темный небосвод и слизывая маленькие звездные точки. На стекле проявились грязные пятна копоти, и Раиса, прикрыв веки, напоследок подумала, что вечером, пожалуй, она займется уборкой.

В комнату проникли резвые солнечные лучи, заставляя проснуться и, недовольно распахнув веки, издать слабый зевок, возвращая сознание из мира сна в суровую действительность. Раиса протерла глаза маленькими кулачками и перевернулась на другой бок, пытаясь вновь окунуться в царствие грез, но наваждение схлынуло, будто его и не было.

Время шло. На улице воцарилась мирная обстановка. За окном ходили люди в военной форме, по дороге ездили бронетранспортеры, обшитые свинцовыми щитами, а жители с равнодушным видом шли по своим делам, не обращая внимание на горящую в нескольких метрах от города станцию.

Сначала Раиса не придавала большого значения происходящему, с любопытством взирая на разрушенный энергоблок. На бегущих взад-вперед людей в военной форме, казавшихся мелкими таракашками по сравнению с бетонной взорванной машиной. Но уже через мгновение перебирающую края ночной рубашки девушку начали одолевать тревога и нехорошие предчувствия.

Часы размеренно тикали над головой. Деревянная кукушка выскочила из самодельного дупла и громко прокуковала шесть часов. Солнце все еще высоко стояло над городом, иногда пропадая под малиновым заревом, идущим со стороны станции. Раиса, отложив все свои дела, ходила по комнате взад-вперед, бросая взгляды на часовой циферблат. Еще минута, и входная дверь откроется, ее горячо любимый Васенька появится на пороге, прижмет к себе, прошепчет на ушко парочку ласковых слов, и все неприятные мысли отойдут на задний план.

— Василий в больнице!

Раиса впопыхах надела летнее платье и, прихватив вязаную кофту, выбежала из общежития. Духота, больно обжигая, ударила в лицо, а легкий ветер, подняв с земли клубы пыли, взъерошил волнистые волосы, кое-как собранные в хвост. “Что же я скажу его родителям? Мы же собирались с ним на картошку!” — и, разозлившись на саму себя, девушка отмахнулась от этих неуместных мыслей.

“Какая к черту картошка! Васенька в больнице!”

Перед медсанчастью уже собралась разъяренная толпа беременных женщин. В паре метрах от здания остановились кареты “Скорой помощи”, и, пропуская медиков внутрь, вокруг них выстроились в ряд милиционеры, большая часть из которых стояли перед стеклянными дверями.

— Не приближайтесь к машинам, счетчики зашкаливают!..

Раиса бегала взад-вперед вдоль толпы, вставала на носочки, чтобы высмотреть подходящий до входа путь, но из-за маленького роста она видела только взъерошенные волосы беременных дамочек, надрывающие глотки своими требованиями. Рая одним движением набросила на себя кофточку и принялась локтями пробивать себе дорогу, отыскивая среди разгневанных женщин работающую в медсанчасти знакомую.

— Пропусти меня!.. — та как раз выходила из машины, когда Раиса, вцепившись ей в халат, взмолилась, роняя слезы на разгоряченную солнцем землю: — Пропусти меня, прошу!..

— Не могу! С ним плохо. С ними со всеми плохо!.. — и знакомая попыталась уйти, стараясь не смотреть на горячо рыдающую девушку, как та еще сильнее вцепилась ей в халат, не давая уйти:

— Только посмотреть, умоляю!..

— Ладно, — дамочка осмотрелась, — тогда бежим. На пятнадцать-двадцать минут, и не больше, ясно?

— Васенька... — на застеленной кровати сидел молодой мужчина, отекший и опухший, в больничной форме,

практически без глаз, заставляя любимую супругу испуганно охнуть и прижать ладони к мокрым от слез щекам.

— Надо молока, много молока, хотя бы литра три, не меньше.

— Он не пьет молока...

— Жить захочет — будет пить. А тебе лучше уйти отсюда. Здесь небезопасно.

— Позвольте мне с ним поговорить! — воскликнула Раиса заметно севшим голосом, в очередной раз вцепившись в рукав знакомой. Из ее груди вырывались протяжные стоны вперемешку с рыданиями, вызывая сочувствие и жалость у присутствующих. — Я не уйду отсюда, пока с ним не поговорю!..

Женщина пожала плечами и отошла в сторонку.

— Васенька, что же делать? — почва начала медленно уходить из-под ног, обещая провалиться в пропасть, где нет выхода. На душе скреблись кошки, стенания иногда прорывались наружу, когда тяжелые мысли в очередной раз атаковывали, не давая проблеску надежды пролиться на темноту и безысходность.

— Уезжай отсюда, уезжай! У тебя будет ребенок, я не хочу, чтобы он пострадал! — Раиса охнула от резкого и слегка грубоватого тона мужа, и ее глаза наполнились слезами.

Одинокая соленая струйка прокатилась по щеке, оставляя мокрый след, за ней — еще одна, и еще.

“Я все вынесу. Я все вынесу, обещаю! Ради Васеньки и нашего ребенка, все, до последней капли!..”

— Уезжай! Спасай ребенка!

— Сначала я принесу тебе молоко, — сжав пальцы в кулаки до боли в мышцах, твердым голосом произнесла девушка, — а там решим.

— Раечка!.. — когда Рая, тихонько прикрывая за собой дверь, вышла из палаты, к ней бросилась невысокая темноволосая подруга, обливающаяся горькими слезами, — о боже, за что нам это все... мой Витя... он тоже... тут...

— Я видела его.

— Что произошло на станции?

— Василий мне об этом ничего не сказал. Он сказал уезжать, а я не хочу. Не хочу! — в сердцах выпалила Раиса и громко разревелась будто обиженный ребенок. — Не хочу оставлять его одного, хочу спасти его и нашу любовь! Я люблю его до безумия, почему я должна его терять?

— Так, подруга! — темноволосая девушка схватила ее за плечи и хорошенько встряхнула. — Первое правило — не раскисать! Безвыходных ситуаций не бывает, мы что-нибудь сделаем, обязательно!

— Врач сказала, нужно молоко, три литра, оно должно помочь...

— В деревне есть молоко. На улице меня отец ждет, он на машине. Поехали!

До ближайшей деревни три километра через Припять. На город уже опустилась темная завеса. Где-то вдалеке все еще раздавались милицейские сирены. Их отзвуки долго стояли в ушах двадцатитрехлетней девушки, сидящей позади, от нетерпения подпрыгивающей на сидении и пытающейся мысленно ускорить время.

Зловещая беззвездная чернота поглотила верхушки покрытых отвратительным ржавым оттенком деревьев. Трава вытянулась тонкой струной, скрывая сплошной зеленой стеной странное создание с сияющими глазами. Оно с удовольствием облизывало обнаженные, как у вампира, клыки. Машины проезжали мимо, поднимая столбы пыли и скрывая полуночного монстра, передвигающегося мягкими лапами по раскаленной полуденной жарой земле.

Раиса первой выбежала из машины, громко хлопнув дверцей, едва заметив немолодую доярку с двумя ведрами, полных молока. Она, закрыв ставнями стойло, увидела бегущих к ней двух девиц в развевающихся на ветру летних платьях.

Неподалеку раздалось пронзительное рычание, хотя над районом весь день стояла мертвая тишина, разбиваемая лишь военным транспортом и милицией.

— Бабуся, чи не позичиш ти три літри молока? Мій чоловік, Василь, зліг від пожежі на атомній станції, я хочу йому допомогти!

Женщина, не останавливаясь, проследовала к своему бревенчатому домику, на вид которому лет было намного больше, чем Чернобылю, и усмехнулась, внимая словам молодой с зареванным лицом девице:

— Коли мені було стільки ж років, тут орудували фашистські окупанти. Вони перебили добру половину людей. Перед тим, як померти, вони прокляли це місце, як і ті, що жили тут до них. Але я допоможу тобі. Негоже закоханій дружині ховати свого чоловіка. Він помре, ти не сумнівайся. Але любов-велика сила, вона творить чудеса.

— Значит, нашим мужьям не помочь?! — встряла темноволосая подруга, и по ее бледному лицу покатались крупные слезинки. Прикрыв лицо руками, она горько разрыдалась, дав волю эмоциям.

Доярка лишь покачала головой и достала трехлитровые банки из небольшого чуланчика. Струйки дымящегося молока напоили мелкие травинки под ногами престарелой женщины. Когда последняя капля упала в стеклянную,

доверху наполненную, тару, бабушка отставила в сторону звякающее металлической ручкой ведро.

— Дякую.

— Шесть банок... — мужчина за рулем, виски которого уже украшала седина, задумчиво наблюдал, как две хрупкие девушки грузят в автомобиль большую стеклянную тару в красных сетках, — а вы уверены, что молоко поможет? Если правду говорят про радиацию, то вряд ли это подействует.

— Папа...! — одернула его девушка, обрывая неприятный разговор.

Когда подруги вернулись в больницу, волоча за собой неподъемный на вид груз, народу в медсанчасти не становилось меньше. Люди в медицинских халатах пробегали мимо с разгоряченными лицами, в резиновых перчатках несли одежду пожарных, тушивших огонь на разрушенном взрывом энергоблоке.

Одна из присутствующих, стоя спиной к стене, смертельно побледнела и, выдав все съеденное за день, рухнула на пол словно безжизненный куль. За ней последовала еще одна, приземлившись у ног Раисы, что несла одну из шести трехлитровых банок. Коридор заполнился оглушающим звуком разбитого стекла. Один из пробегающих мимо медиков поскользнулся на белой луже и упал, растянувшись во весь рост.

— Я не... хотела... — девушка застыла как вкопанная, изумленно раскрыв рот, не в силах пошевелиться.

— Рая!.. — подруга привела ее в чувство, схватив за руку и потащив в сторону приоткрытой палаты, из-под щели которой выглядывали вытянутые тени.

— Вася?!

Рая подскочила будто ошпаренная. Летнее платье, подаренное на годовщину свадьбы его родителями, украсили крупные белые пятна, оставляющие после себя темно-серые следы.

Когда девушки, судорожно толкнув дверь, влетели в палату, заставленную металлическими койками, то бойко проводили медиков до выхода и поставили банки на столик посреди комнаты, разливая молоко по кружкам. Придерживая подол платья, Раиса присела напротив Василия и, слабо улыбнувшись, подставила ладонь под его подбородок. Струйки белого напитка капали на раскрытую ладонь, быстро впитываясь в нежную кожу.

Василий поперхнулся и выдал на свою жену только что выпитое им молоко, капли которого украсили не только летнее платье, но и сверкающий линолеум под ногами.

— Пока вас не было, они трижды теряли сознание, — сказала медсестра, стоя в сторонке. — Вероятнее всего, они отравились газами, поэтому мы поставили им капельницы, чтобы привести их в чувство...

— А разве газы способны превратить человека в ходячего мертвеца?!

За окном медленно проезжала машина, омывая бетонные здания белым порошком и сопровождаемая военными в респираторах. Парное молоко закончилось. Рая вместе с подругой привезли шесть банок для шестерых человек, надеясь на чудо. В глубине души она надеялась, что медики говорят правду, и это простое отравление газами, а слова деревенской доярки просто бредни городского сумасшедшего.

— И что нам теперь делать?

Раиса выплыла из раздумий и посмотрела на подругу.

— Где нам теперь достать молока?!

— Я в ту деревню не поеду. Небось, та сумасшедшая бабка снова начнет твердить про смерть и чернобыльское проклятие.

— А если это и правда проклятие? Ведь город построен на крови, сколько людей погибло во время войны!..

— Я и не думала, что ты суеверная...

— А что мне еще делать?! Мой муж лежит там, больной, немощный, наверняка на всю жизнь калекой останется!..

— Таня, я тебя отлично понимаю! Мой Васенька тоже там, и я тоже хочу ему помочь, но эти бредни меня все больше погружают в уныние! Я не хочу думать ни о смерти, ни о проклятии, ни о чем, только об самочувствии Васеньки, это все, что меня сейчас заботит!..

— Нас больше к ним не пустят, — произнесенные подругой слова казались далекими и чужими, — сказали, газ, это очень опасно, жизнь на грани...

— Какой газ? Какая опасность? Ты погляди на улицы! — Рая отчаянно развела руками в стороны. — Жизнь продолжается! Вон, человек идет с магазина, хлеб несет, ребятишки с конфетками, вкусные пирожные на лотках, о чем ты, Таня?

— Но ведь улицы неспроста моют, верно?!

Раиса опустила взгляд и пропустила сквозь приоткрытые губы тяжелый выдох.

— Ты права. Здесь что-то неладное.

Их разговор прервал стук в окно.

— Вася?..

По ту сторону показался Василий с обожженным лицом.

— Что он говорит? — мужчина стучал по стеклу кулаками, раскрывая и закрывая рот, а в его глазах заблестели слезы, и окно вновь выдержало ряд яростных ударов, напоследок жалобно скрипнув.

— Вы слышали? наших мужей сегодня увозят в Москву...

— Не дадим им увезти наших мужей!

— Не дадим! Не отпустим!

— Либо с нами, либо они останутся здесь!

— Не дадим! Не дадим!

Милиционеры, вышедшие из здания медсанчасти, бросились отбиваться от обезумевших женщин. Раиса вместе с подругой, как и остальные, царапались и больно бились, присоединившись к бунту беременных дамочек. Новость эта была подобно урагану, вызвавшему плачевные последствия: нескольких схватили и держали крепко за руки, не давая наносить удары, других же растолкали по разным сторонам. Кое-как утомив толпу, мужчины в строгой темно-синей форме выстроились в ряд, не пропуская внутрь.

— Не беспокойтесь, ваших мужей отправляют подлечиться! Как только все закончится, вы тут же их увидите! — на ступени вышел врач в ослепительно-белом халате, очки его болтались на веревочке, а лицо покрывали красные пятна.

— Не дадим! Не отпустим!

— Дайте нам увидеть наших мужей!

— Вашим мужьям понадобится чистая одежда! Те вещи, в которых они были на станции, сгорели, вы же не хотите отправить их гольшом?

Дамочки дружно стихли и переглянулись между собой.

— Нужно немедленно собрать вещи, пока Васенька не улетел! — подруга кивнула в знак согласия, и девушки побежали в сторону общежития, находящегося рядом с пожарной частью.

Автобусы уже не ходили.

Девушки, сдерживая дыхание и рыдания, добежали до крупного трехэтажного здания, вихрем поднялись на второй этаж, побросали в дорожные сумки первые попавшиеся вещи и, громко хлопнув дверьми, выскочили наружу, навстречу беспросветной тьме.

Когда они вернулись, их мужей уже не было.

— Поздравляю вас, Валерий Алексеевич! Я выполнил вашу просьбу в самом лучшем виде!..

Валерий оторвался от чтения оставшихся на станции документов и пристально взгляделся в партийного чиновника.

— Вы достали две тысячи четыреста тонн свинца? Поздравляю!

— Бери больше, Валера, я умудрился заказать шесть тысяч тонн свинца!..

— Шесть... тысяч...?

— Знаете ли, Валерий Алексеевич, я не хочу, чтобы при тушении горящего масла мы испытывали дефицит. Бог его знает, сколько понадобится свинца, чтобы потушить этот чертов огонь!..

— Спасибо, Борис Евдокимович.

— Я смотрю, ты что-то узнал и не хочешь делиться, — председатель правительственной комиссии прищурился, прожигая ученого взглядом. — В чем дело, Валера? Что ты постоянно скрываешь? В последнее время ты очень странно себя ведешь.

— Вы ошибаетесь, Борис Евдокимович.

— Тайное становится явным, запомните это, Валерий Алексеевич! — торжествуя произнес Щербина и гордо удалился, покрутив в воздухе пальцем.

Заявление:

я, [зачеркнуто], прошу директора Чернобыльской атомной электростанции Виктора Петровича Брюханова об оказании мне [зачеркнуто] услуги, дабы исправить свою [зачеркнуто] и навсегда ее похоронить. [зачеркнуто] в сумме [зачеркнуто] будут предоставлены 26 [зачеркнуто] 1985 года.

Подпись: +

[на обратной стороне]

Фамилия:...

Имя:...

Отчество:...

Место рождения: [зачеркнуто], Москва.

Отец/мать: —

[зачеркнуто] семи лет, взятая [зачеркнуто], но в дальнейшем умерла [зачеркнуто] [зачеркнуто] [зачеркнуто], 15 [зачеркнуто] ... года.

Заболевание: [зачеркнуто]

+

[на полях крупными буквами]

Об этом никому ни слова!!!

Валерий в сердцах скомкал бумагу, крепко сжав ее в кулаке. Его лицо покрылось багровыми пятнами, а на щеках заиграли желваки. Стиснув зубы, он швырнул скомканный листок в мусорное ведро:

— Он меня и здесь нашел!..

— Как они могли?! Это же не по-человечески! — навзрыд плакала Раиса, вытирая градом бежавшие слезы рукавом кофты и еле-еле плетясь за своей подругой.

Ночью посвежело. Подул прохладный ветер, принес с собой запахи озона со стороны разрушенной станции. Город, погруженный в темноту, постепенно отходил ко сну, хотя улицы с каждой минутой заполнялись автобусами и милицейскими машинами с выключенными мигалками. По другую их сторону стояли разбросанные пожарные машины, один только вид которых приносил девушкам боль, заставляя рыдать навзрыд и канючить. Даже задранные сквозняком подола летних платьев не смогли их отвлечь от горьких рыданий.

Под ногами хлюпала белая пена. Омытые улицы словно после проливного дождя. Весь месяц стоял сухой — тут климат совсем другой, чем на западе, хотя город расположен на севере. Его жители расхаживали в летних костюмах, открытой одежде, не боясь прохладного по вечерам ветра, дожидаясь с благоговением первых, срывающихся с неба, тяжелых капель.

— Уважаемые припятчане, связи с аварийной ситуацией на Чернобыльской атомной электростанции, было вынесено решение о временной эвакуации. Просьба собрать теплые вещи и спортивные костюмы. Срок предполагаемой эвакуации — пять-шесть дней. Пребывание на природе приветствуется. Палатки брать разрешается. Всего вам доброго.

Рая оторвалась от клеенки, смутно осознавая происходящее. На маленькой кухне, через стенку от комнаты, где она проживала с Василием, заработало радио: объявив о временной эвакуации, усталый голос дикторши сменился на веселую музыку, не совсем уместную обстановке.

По ту сторону здания вновь воцарилась духота, но девушка продолжала шеголять в вязаной кофте. Золотистые кудри свисали из-под прически, сделанной впопыхах, а лицо, вымазанное сажей (и где она только успела ее подхватить?..), оставалось заплаканным.

— Зато встретим Первомай на природе. Возьмем теплые вещи, гитары, купим самое лучшее и самое дорогое вино, наделаем шашлыков... красота!..

— Да уж... — вяло отреагировала Раиса, состроив унылую мину, — красота среди бегущих, первых нет и отстающих. Высоцкий. Вася любит его до умопомрачения. Даже пластинку с его песнями умудрился заслушать до дыр.

— Бедный Высоцкий, не дожил до наших дней...

— Интересно, какую бы песню он посвятил нашему происшествию?

— Переделанный Шопен на современный лад?

— Мне не до веселья, Таня! Мне не нужен никакой отдых на природе... без Васеньки...

Рая подошла к окну, плотнее закутавшись в кофту. Пронзающим взглядом зацепилась за крышу пожарной части, где все еще стояли распахнутые настежь ворота. По грязной щеке пробежала одинокая слеза. Лицо уже опухло от нескончаемых рыданий: едва вернувшись домой, девушка села за стол, молитвенно сложив руки, и начала протяжно выть, подобно голодному волку. Слезы лились куда попало, а сердце нещадно билось в груди.

Машина долго колесила вдоль пустыющей дороги. Милицейские автомобили и бронетранспортеры стояли на въезде в Чернобыль, шоссе же близлежащих деревень осталось абсолютно свободным. Татьяна, та самая темноволосая подруга, повезла ее в деревню, к родителям ее мужа.

Весь путь прошел в странном забытьи, и девушка внезапно вздрогнула, услышав откуда-то издалека собственный пронзительный крик:

— Мама, Васенька в Москве! Увезли специальным самолетом!

Еще один день пролетел незаметно, напоминая короткий черно-белый фильм: перед глазами, покрываясь россыпью помех, возникали образы припятской медсанчасти, толпа возмущенных женщин перед входом. Их крики еще долго будут звенеть в барабанных перепонках. Маленькая комнатка в общежитии, оставленная на несколько дней, с разбросанными по полу вещами, дневниками и аудиокассетами.

И злополучная Чернобыльская АЭС.

— Вася там... в Москве...

Под вечер, когда на деревню опустились сумерки, когда среди темноты вновь проглядывались чьих-то два зорких глаза, Рая почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Едва забежав за угол и прогнувшись в три погибели, на мокрую от поливов землю полилась обильная рвота. Кое-как добравшись до постели, девушка рухнула на кровать и отключилась, полностью погрузившись в сновидение.

— Рая! Рая!!

От пронзительного мужского голоса она резко распахнула веки. Сон как рукой сняло. На минуту ей показалось, что любимый, вложив в клич остатки сил, плакал, тянул к ней руки и умолял о помощи, хотя по ту сторону реальности она слышала только зов. Рая снова прилегла на кровать, положив голову на мягкую подушку, и перевернулась на бок.

“Я поступаю не очень хорошо, оставляя его там одного...”

— Ну куда ты такая? — она бегала по дому с вещами в руках. — У тебя же токсикоз, останься лучше дома, ничего с Васенькой не случится! Его там подлечат, и он вернется домой, как новенький!

— Мама, вы же знаете, что это невозможно...

— Упертая ты. Погубит тебя твое упрямство.

— Мама, я все решила. Вы только не переживайте так, все будет хорошо.

— Пусть отец повезет тебя в Москву!

Сняв со сберегательной книжки все деньги, что были у родителей мужа, машина двинулась в долгий путь. Дорога снова выпала из памяти. Происходящее вновь скрылось за завесой забывания, оставляя отчаяние наедине с упертостью — эти черты характера не совладали друг с другом, постоянно менялись местами, вызывая противоречивые желания: рыдать и сворачивать горы. Последнее взяло свое, и слезы на бледном лице моментально высохли.

— Вы не подскажите, в какой больнице лежат чернобыльские пожарники?

Милицонер, что встретился им на пути, совершенно спокойно ответил:

— Шестая больница, на Щукинской.

“Хм, странно. Он говорит об этом совершенно спокойно, а нас пугали, что это государственная тайна,

совершенно секретно...”

— Без специальных пропусков не пускаем! — воскликнула вахтер в белом халате, испытывая осматривая незваную гостью.

Раиса, недолго думая, вытащив кошелек из недр платья, достала советскую купюру и положила ее перед носом девушки.

— Иди, — деньги тут же исчезли.

Рая, подобрав подола платья, на одном дыхании взлетела на нужный этаж. В узком коридоре царил какое-то столпотворение: медики, одетые в специальные защитные костюмы, напоминающие дождевики, с респираторами на лицах, проходили мимо, лишь иногда бросали недоуменные взгляды на встревоженную девушку. Не все равнодушно приняли гостью — ее хватили за локти и долго выспрашивали, после чего ей пришлось, заливаясь горькими слезами, о чем-то умолять. Слова утопали в слезах и криках отчаяния.

— Миленькая моя! Миленькая моя... Дети есть? — перед девушкой сидела женщина намного старше нее, с рыжеватыми кудрями, в белом халате — заведующая радиологическим отделением шестой больницы.

Рая кусала губы и хлопала ресницами, делая невинный вид. В ее взгляде блеснул огонек испуга, грозя обернуться настоящей эмоциональной бурей.

“Нужно соврать, иначе меня не пустят”, — из-за худенькой комплекции пока еще не видно живота, хотя наступил уже шестой месяц.

— Есть.

— Сколько?

“Надо сказать, что двое. Если один — все равно не пустит”

— Мальчик и девочка, — девушка снова хлопала густыми ресницами.

— Раз двое, рожать, видно, больше не придется. Теперь слушай: центральная нервная система поражена полностью, костный мозг поражен полностью...

“Ну ладно, станет немножко нервным. На самом деле мы все — немножко нервные, но это не такая уж и большая беда”

— И еще: если заплачешь — я тебя сразу отправлю домой. Обниматься и целоваться нельзя. Ближе не подходить. Даю полчаса.

“Я отсюда никуда не уйду. А если и уйду, то только с ним. Клянусь!..”

Общежитие располагалось в здании городской больницы, в гинекологическом отделении. Этому было простое объяснение: его проще дезактивировать плюс совсем рядом два душа и ванная. Большинство помещений выложены кафелем, стояла мебель из нержавеющей стали. Стены и потолки выкрашены в белую масляную краску.

“Идеальные” условия для дезактивации.

Однако помещения эти быстро превратились в “радиационный свинарник”: остался только один душ на двадцать пять человек, выделенные комнаты для работы и спален превратились в одно целое, а уж про туалеты и говорить нечего. Кровати с сияюще чистым постельным бельем расставили в хаотичном порядке и сделали из них коровьи стойла — ученые, вернувшись со станции, заваливались спать прямо в одежде, не снимая ее.

Александр пришлось поработать в подобных условиях.

Поздно вечером после большой пробежки между штабом правительственной комиссии и атомной станцией, он вернулся в общежитие полностью разбитым. Ученый, пребывая в Киеве, не представлял себе, где будет спать и что будет есть, лишь ближе к ночи один из милиционеров провел его в “гинекологию”, где большинство приезжих сюда работников уже мирно посапывали в постелях.

Боровой завалился на одну из грязных постелей, не снимая формы, растянулся во весь рост и, прикрыв веки, погрузился в сон. Сквозь неясное сновидение он услышал чью-то возню на соседней кровати, но не придал этому значения, продолжив спать.

На следующее утро, наступившее в пять утра, ученый разомкнул веки и тут же сощурил их от больно бьющего по глазам солнечного света. Что-то промычал себе под нос и, проведя рукой по волосам, перевернулся на другой бок.

На соседней кровати лежала раздетая девочка. На ней была майка на бретельках, которую обычно надевают под белую прозрачную блузку, и трусики. В ногах — скомканное одеяло. Темные пряди рассыпались по подушке, а бант, распущенный от случайного движения, свисал с матраса, касаясь кончиками линолеума.

Школьная форма, сложенная в несколько раз, лежала на краю постели, а балетки, слегка запыленные, стояли рядом с прикроватной ножкой.

Александр потер глаза в очередной раз, пытаясь прогнать остатки сна. Затем, свесив ноги с постели, надел резиновые сапоги и тихонько подошел к кровати.

Девочкины веки были сомкнуты, а слегка вздернутый носик едва заметно шевелился, когда она вдыхала и выдыхала воздух из маленьких ноздрей. Он отпрянул, когда малышка повернулась на спину, поерзала на матрасе и снова застыла, погрузившись в сновидения. Ее не смущала легкая прохлада помещения, по-прежнему оставаясь неприкрытой одеялом.

“Ничего же не случится, она же просто девочка...”

Александр слегка прикоснулся к открытому лбу — челка сползла на бок, как и тяжелая прядь волос, перехваченная бантом — и провел пальцами по нежной детской коже.

Сердце упало в желудок, когда девочка резко перехватила его руку и прижала к щеке.

“Она действительно просто ребенок...”

— Опять эта наглая девчонка!.. — в сердцах крикнул один из проснувшихся работников: спустя полчаса их подняли на работы, и они тут же ушли, спустившись в столовую.

— По-моему, это просто ребенок. — Александр пожал плечами. — Не понимаю, чего вы все на нее так злитесь.

— Она — хамка! — изрек мужчина в грязной форме и, резко развернувшись, с демонстративным видом ушел.

Боровой спустился в полутемное помещение на первом этаже.

У небольшой стойки столпились мужчины в грязных ватниках и шапках — они ни разу не мыли руки перед едой. Но никто не отчитывал их за несоблюдение гигиенических норм. Даже пухлая повариха, одетая так же, лишь раз за разом размахивала половником, успевая наливать в изумительно чистые тарелки дымящихся щей. Рядом с ней сновали девицы помоложе — они забирали грязную посуду, раздавали хлеб и компот, а также прибирались, когда столовая пустела.

Через несколько минут на пороге появилась девочка. Школьная форма по фигуре выглядела безупречно чистой, а носы кожаных балеток были тщательно начищены. Отбросив толстую прядь с бантом за спину, она прошла в помещение, вызывая фурор у сидящих за столами взрослых дядечек.

— Опять она!

— Какого хрена?!

— Где ее родители? Куда они смотрят?

Малышка, слегка хмыкнув и задрав подбородок, подошла к стойке и, как примерная ученица, вытянула руки вдоль линии на юбке. Когда повариха обернулась, девочка, спрятав надменную ухмылку в уголках губ, тут же опустила глаза.

— Булочек больше нет! Можешь больше не просить! И если я тебя еще раз застукаю за воровством, то не сомневайся, мой ремень тебе вправит мозги!

— Что-то здесь совсем не чисто, — к одиноко сидящему за столом ученому присоединился коллега. — Во-первых, практически у всех работников в первые же дни “накопители” показали большие дозы. У меня есть мысли по этому поводу, но мне нужно время, чтобы понаблюдать за обстановкой, дабы не быть голословным.

— А во-вторых?

— Девочка! Она здесь уже на протяжении двух недель! Я попытался поговорить об этом с Легасовым, но он ушел от ответа. Мне кажется, он что-то скрывает...

— Ты просто параноик. У него огромная куча дел, а ты лезешь со своими ненужными вопросами.

— Ты его защищаешь, потому что он твой друг!

— И что? Он хороший специалист, он просто делает свою работу! Что ты привязался к нему с этой девочкой?!

— А ты сам? — приятель прищурился и оценивающе посмотрел на ученого. — Ты сам что думаешь по поводу этой девчонки? — он с особой неприязнью ткнул пальцем в девочку, продолжающую стоять напротив стойки.

— Ничего. — Александр отложил ложку и откинулся на спинку стула.

— Совсем?

— Совсем. У меня есть дела поважнее.

Тучи сгустились до предела. В любой момент мог развернуться настоящий ливень из проблем и неприятностей. Радовало только одно: спустя десять дней масло в кратере реактора перестало гореть и выделять смертельно опасные вещества. Их выброс практически тут же прекратился. Топливо само растворилось в расплавленных металлах, образовав радиоактивную лаву.

Однако в день окончательного тушения оно начало прожигать нижние уровни энергоблока.

— Валерий Алексеевич, а вы помните, раньше была такая шутка: при тяжелой аварии на АЭС ядерное топливо прожжет всю Землю насквозь и дойдет до Китая?

— “Китайский синдром”?

— Так вот, Валерий Алексеевич, я не хочу вас пугать, но появилась возможность для этого “Китайского синдрома”: верхние и нижние барботеры будут проплавлены, а какая-то часть топлива попадет в землю и, проплавляя ее насквозь, дойдет до водоносных слоев.

— Я отлично понимаю вас, Евгений Павлович. Эти самые водоносные слои располагаются в тридцати двух метрах под станцией. Я уже давно заметил, что Чернобыльская АЭС построена крайне неудачно. Я докладывал об этом и Рьжкову, и Лигачеву. Они нашли этому простое объяснение: станцию строили очень быстро, материалы дешевые и некачественные, и большую часть из них сворованы самими строителями. Укладка бетона произошла ошибочно, но мы же обсуждаем риск радиационного заражения грунтовых вод, верно?

И, кстати, прошу заметить, что этот “синдром” маловероятен, но если все же малая часть топлива попадет в подземные воды, произойдет существенное заражение большого бассейна, питающего заметную часть Украины. И опять же повторюсь: вероятность этого крайне мала, поэтому я не вижу смысла озадачиваться подобными проблемами.

— Но я все же настаиваю на этом, Валерий Алексеевич! Нужно немедленно соорудить нижний поддон под фундаментной плитой реактора. Я знаю, что вы специалист в своем деле, но не нужно ко всему относиться с такой халатностью...

— У меня не было и тени намека на халатность, Евгений Павлович! Мне, как и вам, очень тяжело достаются подобные решения. Вы отлично знаете, что пожар окончательно потушен, выброс радиоактивных веществ на время приостановлен, но а дальше-то что? Эта дыра реактора будет стоять открытой до конца наших дней? Тогда мы подпишем смертный приговор не только себе, но и ни в чем неповинным людям!

— Я вам предлагаю выход: заняться строительством поддона, чтобы радиоактивное топливо не попало в грунтовые воды. А этой дырой, как вы ее прозвали, мы займемся сейчас же. Я позволю себе заметить, Валерий Алексеевич, что это не займет много времени, да и проблему эту решить очень легко: нужно накрыть реактор неким сооружением, что-то типа “коронки” на большой зуб. Вы понимаете, к чему я веду?

Валерий проводил взглядом уходящего коллегу и, когда тот вышел, прикрыв дверь, вытащил дрожащими руками из кармана брюк начатую пачку сигарет.

— Может, стоит им все рассказать? — обращаясь к самому себе, произнес он, стоя у запыленного окна и наблюдая за мужчинами в грязных ватниках. — Это не обойдется без последствий, зато под охраной он меня не достанет.

— Ты не прав, Валера, ой как не прав.

Ученый резко обернулся и встретился с серыми глазами незнакомца.

— О, братцы, я пропал! И здесь нашла! — раздался громкий смех.

Шестеро парней сидели на кроватях и играли в карты. Василий, опершись об постель локтем, лежал спиной к выходу, когда Раиса с замиранием сердца вошла в палату.

— Вася! — закричали его друзья по палате.

Он обернулся.

“А он такой смешной!” — Рая прикрыла улыбку кончиками пальцев и спрятала искорку волнения на дне зрачков: терзающая сердце тяжесть отошла на задний план, уступая место бурной радости.

На нем была пижама не его размера. Короткие рукава, короткие штанишки. Опухоль уже сошла с лица. Рядом стояли капельницы с каким-то непонятным раствором, который вливали в вену через определенное время.

С улицы на пол струился золотистый солнечный свет. На окнах висели легкие белые занавески. Со двора доносился шум, растворяющийся среди тотальной суматохи больничных стен.

— А чего это ты вдруг пропал?

Василий встал с кровати и, довольно улыбаясь, подошел к девушке, раскинув руки в стороны, но врач его тут же одернул:

— Сиди-сиди! Нечего тут обниматься.

— И правда жеж! У нас впереди еще столько времени, успеют нам надоесть эти объятия! — пошутила довольная Раиса.

— Братцы! Наша, из Припяти, приехала!

Услышав шум за спиной, девушка обернулась и увидела несколько человек в коротких пижамах, толпящихся на пороге. Мысленно сосчитала их и, повернувшись обратно к Василию, улыбнулась.

Двадцать восемь человек.

— Как там дела? Что нового у нас в городе?

— Эвакуация. — Рая тяжело вздохнула и опустила голову. — Весь город увозят на пять дней, если не больше. Нам ничего толком не объясняют, говорят, государственная тайна, совершенно секретно...

В палате воцарилась гробовая тишина. Ребята как по команде замолчали, поджав губы и сверля друг друга испытывающими взглядами. Раиса терзала рукав кофты, не представляя, что будет дальше, и лишь опустила взгляд, скрывая за густыми ресницами тревогу о ночлеге.

В больнице ей не позволят остаться.

“Я готова биться и кричать, лишь бы остаться здесь, с ним!..”

— Господи! — голос встревоженной женщины, дежурившей в день аварии на проходной, заставил выплыть из мрачных раздумий. — Там мои дети! Что с ними?!

— Наверняка они в хорошем месте, под присмотром хороших людей. Не волнуйтесь вы так, все будет хорошо.

— Она уже который день панику здесь наводит. Говорит, живыми мы отсюда не выйдем. Знаешь, в стрессовых ситуациях у человека может помутиться рассудок. Мы ее сначала успокаивали, а потом рукой махнули. Женщина.

— Ребята, а не сходить ли нам в столовую? Здесь очень вкусно готовят!

— Я не хочу есть. Но я посижу в коридоре. Здесь воздух спертый.

Раиса, едва палата освободилась, тут же вскочила и обняла Василия за шею, уткнувшись носом в рубашку. Он, поглядев на нее странным взглядом, отстранился и показал на стульчик, на котором она минуту назад сидела:

— Не стой рядом. Лучше сядь вон туда. — Василий указал на угол в двух шагах от кровати.

— Да глупости все это! — девушка раздраженно махнула рукой. — А что насчет взрыва? Ты видел его? Вы были первыми, когда это произошло...

— Скорее всего, это вредительство. Кто-то специально это устроил. Все наши ребята такого мнения.

— Запад? Американские спецслужбы? — охнула Раиса. — Об этом только и говорят! Они давно точат зубы на нашу страну, только я понять не могу, по какой причине. Зла мы им не делали, отбили от фашистских оккупантов, чем мы заслужили такую нелюбовь? Впрочем, я далека от политики и ее интриг. Главное, что с тобой все в порядке.

Раиса пришла на следующий день в больницу, переночевав у своих московских знакомых, и заметила, что ребята теперь лежат по отдельности в разных палатах — облысевшие, с потрескавшимися губами, еле живые. “Каждый организм по-разному реагирует на дозы облучения. То, что выдержит один, другому будет не под силу”.

Поражало еще и то, что на этажах под и над ними всех выселили, оставив лишь голые стены. Ни одного больного. Как будто врачи чувствовали угрозу для остальных, ни в чем неповинных, людей.

Мир начал сужаться до одной точки...

Раиса без конца варила бульон из индюшки, разливала его по банкам и, раздавая поллитровые тарочки матерям (жен пускать перестали), кормила шестерых ребят. Затем весь день бегала по городу, покупая все необходимое: миски, кастрюли и туалетные принадлежности.

— Привези-ка яблочко. — Его пришлось потереть на терке.

Рая с разрешения заведующей переехала в гостиницу для медработников, что находилась на территории больницы.

— Но тут же нет кухни!.. Как я буду готовить?

— Тебе уже не надо ничего готовить. Их желудки перестали воспринимать еду.

В первый же день у нее забрали все вещи, оставив только деньги: одежда, сумка, кошелек, туфли, даже нижнее белье, все “горело” от сильной радиации. Взамен выдали больничный халат пятьдесят шестого размера и тапочки сорок третьего. Все это сидело на худенькой и маленькой девушке как на вешалке.

“Одежду твою, может быть, привезем, а может, и нет, вряд ли она поддастся “чистке””

— Батюшки, что с тобой? — испугался Василий, увидев свою жену в подобном облики.

Он стал меняться на глазах. Каждый день Раиса встречала другого человека. Ожоги выходили наверх. Во рту, на языке и щеках появились маленькие язвочки. Пластами отходила слизистая. Цвет лица и тела тоже становился разным: сначала синий, потом красный, а затем и вовсе серо-бурый.

Рая, словно обезумевшая, продолжая варить бульон, бросая маленькие кусочки курицы в банку с кипятильником и мелко нарезанную свежую петрушку, принесенную кем-то из работников больницы.

Но все усилия оказались бесполезными.

Василий не мог даже пить.

Однажды девушка заснула, сидя на полу перед палатой, где лежал Вася. Ее не могли потревожить прикосновения белых халатов, которые при быстром движении поднимали легкий сквозняк. Даже подергивания за плечо мало срабатывали.

В один прекрасный момент, словно почуввав что-то, Раиса резко распахнула веки: обстановка вокруг превратилась в замыленную картинку. Постепенно она начала проясняться, но ненадолго — снова все покрылось россыпью черно-белых полос, как на испорченной видеокассете. Посреди иллюзии появилась девочка в школьной форме — ей было лет девять от роду. Она шла, громко стуча каблучками, по коридору. Юбка двигалась из стороны в сторону подобно полету птицы. Тяжелые, волнистые, темные пряди подпрыгивали на ходу. Длинные кончики бантов трепыхались за спиной. От ее улыбки отдавало холодом и скрытой враждебностью. В бездонных синих глазах промелькнула откровенная издевка.

“Что здесь делает ребенок?..”

Малышка, продолжая постукивать каблучками, направилась дальше.

Когда Игорь появился в радиологическом отделении, по коридору, сломя голову, бежали медсестры и медбратья в защитных костюмах, не обращая внимания на двухметрового гиганта с двумя камерами на шее.

— Я прибыл сюда, чтобы сделать фоторепортаж для будущего поколения. Я хочу, чтобы люди знали, если им придется столкнуться с этим в будущем, как советский народ боролся со стихией, которая вырвалась из-под контроля человека...

— Бросьте свои объяснения, я все отлично понимаю, — фотограф пожалел сильно побледневшую девушку в белом халате. — Я как смогла, так и подготовила его для ваших съемок. — Она проводила Игоря в нужную палату, где, кроме пожарных, находились парочка медицинских работников. — Валяйте, снимайте, только знайте: я готова на все, чтобы мой Васенька как можно скорее вылечился от этой напасти. Я и дня без него не проживу...

— Я покажусь назойливым, но, если вам это облегчит душу, вы бы не могли мне все рассказать? Я вижу, как вам плохо. Если хотите, мы выйдем на свежий воздух, чтобы никто не увидел ваших слез...

— Мне запрещено плакать, иначе меня больше к нему не пустят.

— Это очень тяжело...

— Оставьте свою жалость при себе. Вы пришли сделать фотографии? Так делайте.

— Ну а вы хотя бы понимаете, в каком они состоянии? Как они будут жить дальше? Или вы надеетесь на лучшее, якобы ничего страшного не произошло, а болезнь эта пройдет сама по себе?

— Вы только что озвучили мои мысли. Я вот сейчас вспомнила одну санитарку, пожилую, она работает на том же этаже, где и мой Вася. Она постоянно твердит: “Есть болезни, которые не излечиваются. Надо сидеть и гладить руки”. Но у нас же медицина прогрессирует, великая советская медицина!.. — девушка покачала головой. — Или это только лозунги? Я уже не знаю, чему верить. Меня утруждает эта новая реальность. Но я не хочу, чтобы эта реальность забрала моего Васеньку.

Игорь вернулся в московскую квартиру поздним вечером. С больницы ему удалось принести достаточное количество снимков, и теперь их необходимо проявить. Перед этим он столкнулся с маленькой девочкой в коридоре, которая будто дожидалась его, стоя у окна.

— Что ты здесь делаешь?

Она пожала плечами.

— У тебя здесь родные?

Девчушка опустила взгляд.

— Радиации не боишься? — Игорь, не получив ответа, покачал головой. — Ладно, пошли, провожу тебя до дома.

Малышка потупилась и, захлопав густыми ресницами, потопала рядом с рослым дядей, спрятав откровенную издевку под маской напуганного ребенка, которому очень хочется домой.

В Москве прошел дождь. На улицах пахло свежей травой и мокрым асфальтом. Дороги утопали в грязных ручейках, а вместе с ними и колеса проезжающих мимо машин, и пешеходы в летней обуви. Подул прохладный ветер, задирая юбку шедшей рядом девочки. Она не обратила на это никакого внимания, лишь послушно следовала за темноволосым репортером и смотрела перед собой.

— Где ты живешь?

В невинном взгляде пронзительных синих глаз появилось легкое недоумение, затем блеснула искра любопытства. Девочка поджала губы, очерчивая глубокую полосу на подбородке, и повертела головой.

— Ты не знаешь, где твой дом?

Она хитро улыбнулась и, подняв правую руку, указала пальцем на север.

— На другом конце города?

Малышка повертела головой.

— Я тебя не понимаю.

На город опустились сумерки. Среди темного небосвода проплывали грозовые тучи, что могли обернуться новым проливным дождем. Игорь устало отпер двери и, бросив ключи на деревянную этажерку, разулся. Пока чернота не завладела ясным голубым фоном и мирными белыми облаками, он стоял возле подъезда и курил одну сигарету за другой.

Девочка внезапно исчезла — тщетно репортер пытался отыскать ее в ближайших закоулках. Она словно в воду канула.

— Проклятье!

Электрическая лампочка начала быстро-быстро мерцать. Сейчас не до технических поломок: самая главная из них на севере — необходимо как можно скорее проявить все отснятые за сегодня снимки и вернуться обратно в Чернобыль, иначе неумолимый фотограф пропустит все самое интересное.

Свет замигал агрессивнее, и когда угольная нить была готова погрузить комнату во тьму, появилась та самая девочка. По длинным волосам пробежали лоскутки мрака, очерчивая тяжелую прядь с бантом.

В глазах цвета неба пробежала яростная молния.

Игорь застыл посреди коридора, не решаясь сдвинуться с места.

— Как...?

Мальшка, застигнутая врасплох, лишь пожала плечами.

— Как ты узнала, где я живу? — она подняла руку и, оттопырив два пальца, изобразила передвижение. — Ты следила за мной? Но зачем? — и в этот раз тоже не последовало конкретного ответа. — И как тебе это удалось? Я никого не видел за своей спиной.

Девчушка ехидно улыбнулась и, крутанувшись на месте пару раз, молнией ударила в лампочку. Игорь невольно отпрянул, когда искры посыпались в разные стороны. Электричество на миг исчезло, а когда вернулось, явилась и девочка, стряхивая с юбки мелкие светящиеся точки.

— Ты способна вырабатывать электрический ток? — репортер с широко раскрытыми глазами наблюдал за малышкой в школьной форме, которая, вытянув по обе стороны руки, закружилась на месте, насвистывая себе что-то под нос. — Я должен рассказать об этом Легасову. Он любит подобные вещи.

Тут девочка остановилась и метнула яростный взгляд в сторону фотографа. Поджала губы, разжигая огонь ярости на дне черных, как ночь, зрачков. Некоторое время их глаза пожирали друг друга в легком смятении, и когда Игорь готов был сдаться, малышка, подбежав к подоконнику, рванула с четвертого этажа вниз, превратившись в молнию и оставив после себя черное пятно.

...Лиза бежала по забитым машинами дорогам. До больницы оставалось всего ничего, пара метров, но почувствовав, как скорость перехватила дыхание в груди, она остановилась и, набрав воздуха в легкие, продолжила путь. Большой бюст, поддерживаемый бюстгалтером, давил на ребра, а мелированные русые волосы, собранные в хвост, развевались на ветру.

Узнав о произошедшем на атомной станции, что находилась в нескольких километрах от столицы, ею овладела паника, щемящая сердце и заставляющая подкармливать тяжелые предчувствия мрачными мыслями. Любовь всей ее жизни находилась под угрозой: высокий статный мужчина в наглаженном черном костюме, с намазанными гелем темными волосами и глубокими глазами, в которых могли утонуть сотни электрических искр.

Лиза успела набросить красный кардиган, так как погода резко испортилась: солнце спряталось за тучи, а на землю обрушился настоящий ливень, превращая автомобильные трассы в настоящие реки.

Девушка на одном дыхании влетела в здание больницы, миновала молоденькую вахтершу, уткнувшуюся в журнал советской моды, и оказалась в прохладных коридорах. Пробираясь среди толпящихся медработников и бросая взгляды в приоткрытые палаты, она продолжала рыскать подобно гончей.

“Он сказал, что девчонка должна быть здесь. Но ее здесь нет!..”

Лиза тщетно бегала по коридорам, открывая и закрывая двери больничных палат. Остановившись перед выходом, она перевела дыхание и, почувствовав, как сердце, успокоившись, перестало бешено биться, улыбнулась. Поправила кардиган и вышла на улицу, вдыхая запах мокрой травы.

— Господи! — стоя на коленях перед темнотой, кричал в пустоту, содрогаясь от нескончаемых рыданий, темноволосый мужчина в круглых очках. — Я знаю, что мне осталось всего ничего! Мне нужно закончить это дело, прежде чем погибнут ни в чем неповинные люди! Я закрою этот чертов реактор и приду к Тебе, чтобы просить прощения за совершенные злодеяния!

Тишина.

— По моей вине пострадал ребенок, маленькая девочка, которую я хотел спасти, хотел вырвать ее из грязных лап... я... хотел ее... спасти...

— Нет, папа, ты бы меня не спас.

Валера вздрогнул и, обернувшись, увидел девочку, по темным волосам которой стекала дождевая вода. По одежде струился электрический ток и оплетающие утонченную фигурку лоскутки мрака. Она стояла, приоткрыв розовые губы и отвернув взгляд бездонных синих глаз.

— Алина...

— Он хотел, чтобы я продолжила его дело. Он хотел, чтобы я поставила весь мир на колени и заставила умолять человечество о прощении. Меня не спрашивали, чего хочу я. Но мне стало легче, когда я впервые оказалась за пределами детского дома. Там... отвратительно!.. — сквозь слезы прошипела малышка. — Моя мать предпочла животную страсть, а не любовь к своему ребенку.

— Твоя мама...

— Да, она отказалась от меня!.. Особенно когда ТЫ ушел...

Валерий опустил глаза. Его руки, подобно лохмотьям, безжизненно повисли.

Дочь и отец стояли друг напротив друга и каждый думал о возникшей ситуации.

Взгляд маленькой девочки был переполнен грусти. Ее наливающиеся слезами глаза блестели. По грязной щеке потекла одинокая соленая струйка, оставляя после себя след. Ее поджатые губы дрожали от плохо сдерживаемых рыданий. И уже через мгновение малышка разревелась, склонив голову и позволяя горьким слезам течь по белоснежной ткани.

— Я смогла поговорить с тобой только потому что *она* пошла мне на уступки. *Она* ушла и забрала мой голос, мои чувства и эмоции, и теперь я как робот хожу среди людей и отбираю у них жизни. Потому что мне так хотелось!.. — повысив голос, воскликнула девочка. — Больше всего на свете я хотела отомстить, наказать всех за свои страдания, но сейчас я поняла, что пошла путем своего хозяина. Я так не хочу! Но и сделать с этим ничего не могу...

— Прости меня... я не хотел...

— Твоя судьба уже предрешена. Единственное, о чем бы я хотела тебя попросить... береги себя, пожалуйста!.. *Она* придет к тебе, не сомневайся. *Она* придет к тебе так же, как и к нему, когда история подойдет к концу. Пожалуйста... мамы у меня больше нет, но... я очень сильно переживаю за тебя...

— Стой!.. — девочка сделала шаг назад, постепенно погружаясь в темноту.

— Мне пора. Сохрани в тайне наш разговор. Пропу!..

Валерий с горькими слезами на глазах наблюдал, как последние девочкины слова растворяются в темноте, оставив после себя пятнышки мрака. Они ползали по полу, в тщетных поисках электрического напряжения и, не найдя такового, обиженно охнув, исчезли подобно наваждению.

Когда Алину привели за руку в помещение с белыми стенами, она остановилась, отпустив руку сопровождающего. Комната выглядела совсем не так, как в детском доме или в той жуткой больнице, в которой ей пришлось лечить множественные синяки и ссадины, заботливо оставленные маминым любовником.

— Устраивайся поудобнее. Теперь это твой дом.

Она проводила Долгожителя взглядом. На его место пришел темноволосый мужчина в толстых очках. Сердце больно кольнуло, когда ей удалось узнать знакомые черты лица человека, с которым ее мама прожила три года, а затем бросила.

Шестилетняя девочка с вьющимися цвета воронова крыла волосами смотрела на мужчину в очках на пол-лица и не могла произнести ни слова. Синие глаза наполнились слезами, а губы мелко задрожали. Боль сковала грудь железными цепями. Одинокая соленая струйка пробежала по щеке.

Малышка тихонько всхлипнула и, опустив голову, расплакалась.

— Боже... я и не думал, что он возьмет именно тебя...

Она промолчала, продолжая плакать.

— А как же мама тебя отпустила? Почему ты оказалась в детском доме?

— А почему ТЫ ушел?

Мужчина опустил голову. Любое слово покажется неправдоподобным, высосанным из пальца — и все для того, чтобы успокоить маленькую девочку и снять с себя ответственность. Он ушел, потому что его самого сковывали супружеские обязанности. Эта малышка его вторая дочь. Старшая даже не подозревает, что у нее есть младшая сестренка.

— Папа...? — девочка всхлипнула.

Он погладил ее по длинным рукавам платья.

— Все хорошо, цветочек. Ты еще слишком мала, чтобы разбираться в отношениях двух взрослых людей.

— Ты ушел, потому что у мамы появился другой. Ты просто не стал биться ни за нее, ни за меня. И да, я знаю, что у тебя другая семья!.. — в девочкином голосе послышались нотки обиды и боли. — Я понимаю, что с моей мамой у тебя было мимолетное. Но я — не мимолетное. Я всего лишь ребенок. Почему ты меня не любишь?

Она увидела в его взгляде полнейший шок.

— На удивление ты рассуждаешь довольно здраво. Но тебе всего шесть лет. Это он тебя научил подобным словам?

— Ты не ответил на мой вопрос!..

— Я люблю тебя, цветочек. Просто жизнь такая штука...

— Все ясно.

Мужчина тяжело вздохнул.

— Почему он взял именно тебя...

— Ты не рад меня видеть?

— Ты не понимаешь, где ты сейчас находишься. Наверняка он тебе что-то наплел. Я не хочу, чтобы ты страдала...

— Но я страдаю, папа! Я так по тебе соскучилась, а ты придумываешь глупые оправдания!

— Прости...

— Оставь нас, куколка, — в их разговор вмешался Долгожитель, положив руку на плечо девочки, — двум дядям надо поговорить.

Алина наградила отца испытывающим взглядом и ушла в соседнюю комнату.

— Почему ты выбрал именно ее?! — Валерий набросился на Долгожителя.

Тот с вызовом сложил руки на груди:

— Ну, ты не хотел идти на уступки, поэтому я решил воспользоваться ситуацией. Ты с девочкой все равно не общался, раз она жила в детском доме...

— Я ничего об этом не знал!

— Делаем вывод: дочь тебе нужна поскольку-постольку.

— Да что ты знаешь об этом?!

— О-о-о, многое! Я, если хочешь знать, был когда-то на месте твоей дочери.

— Меня не интересует твоя биография! Отпусти ее, немедленно!

— Поздно. Теперь она часть моего эксперимента. Нравится ли тебе это или нет, мне все равно. Да и в

принципе, твое участие уже больше не нужно. Я сделаю все, чтобы оградить Алину от твоего присутствия. Поверь, так будет лучше для тебя.

Молния, разбросав грязные комки, ударила в землю. Явившись перед огромным зданием больницы и одновременно смахивая электрические искорки, девочка направилась внутрь. В груди ныло сладковато-приторное ощущение, растекаясь нугой по всему телу. Она облизала губы, бросив взгляд на небольшую лужицу. Глоток воды сейчас бы не помешал.

Внутри больницы было пусто. Большая часть медработников ушли, оставив молоденькую медсестричку на посту. Когда незваная гостья появилась в коридоре и подошла к ней, девушка мирно спала, положив голову на большую раскрытую тетрадь. Постояв несколько минут, девчонка двинулась дальше, касаясь стен кончиками пальцев и приносясь к запаху медикаментов. Медленно дошла до упора, повернула за угол и оказалась перед открытой палатой, где лежала девчушка на пару лет младше нее.

К хрупкому телу подключили непонятные приборы, которые от легкого детского прикосновения тут же выключились. Маленькая пациентка лежала неприкрытая одеялом. Она вся была перебинтованная.

Какое-то время пациентка лежала неподвижно, будто бы уже перейдя заветную черту, но чертовка в юбке понимала, что она еще жива. Подошла к ней и всмотрелась в лицо, украшенное уродливыми ожогами.

Веки широко распахнулись. Грудная клетка поднялась и тут же опустилась. Раздался громкий кашель. Голос превратился в сплошной хрип. Выключенные приборы светили темными экранами. Перевернувшись на бок, девчонка попыталась дотянуться до кнопки вызова медсестры, но, не выдержав, рухнула на пол. Поползла в сторону выхода, где ее перехватила гостья в школьной форме и потащила в сторону кровати, подхватив за подмышки.

Когда не получилось уложить на постель подругу по несчастью, девочка аккуратно пристроила ее на пол и, расправив юбку, села. Осторожно взяла к себе малышку на руки, подперев свесившуюся голову локтем.

— Мы с папой жили в Припяти до того, как все это случилось, — сказала она, жадно лоя ртом воздух. — А потом произошла авария, и я... оказалась здесь... кхе-кхе... Папа сказал, что это из-за радиации... кхе-кхе... Он сказал, что она невидима. И я... боюсь ее... “Тысяча журавликов”... Песенку вспомнила... которую мы пели в детском саду, кхе-кхе... Я никогда не думала, что буду на ее месте... кхе-кхе... Ты ведь пришла помочь мне... да?.. Спаси меня!.. — девчушка вцепилась в рубашку забинтованными пальцами. — Мне надоели эти... врачи... Белые халаты... Хочу увидеть папу... Свет... Я не... — и тут же застыла с открытым ртом.

В широко распахнутых глазах сияющие искры погасли. Руки обмякли и безжизненно упали на пол, как и голова, откинувшись на спину.

Девочка провела пальцами по бледному лицу, закрывая веки. Убрав еще теплое тело с колен, она встала с пола, отряхнулась и, повернувшись, последовала к выходу.

Срочное сообщение в Ивано-Франковск: *“У меня умирает муж! Приезжайте как можно скорее!”*

— Ты не представляешь, какая Москва красивая, особенно на День Победы, когда салюты пускают. Я хочу, чтобы ты это увидела.

Затем резко открыв глаза:

— Сегодня день или вечер?

— Девять вечера.

— Открывай окно! Начинается салют!

Раиса судорожно отперла деревянные ставни и, выплянув наружу, охнула. Восьмой этаж. Земля далеко. Темнота уже опустилась на столицу, накрыв ее своей мрачной периной с разбросанными, напоминающими алмазы, звездами.

— Вот это да...

Букет огня взвился ввысь, а затем распался на сотни искр. За ним полетел еще один и еще, усеивая темный купол мелкими всполохами.

— Я обещал тебе, что покажу Москву. Я обещал, что по праздникам буду всю жизнь дарить цветы...

Раиса, тронутая словами, обернулась.

Василий достал из-под подушки три гвоздики.

— Дал медсестре деньги, чтобы купила.

— Мой единственный! Любовь моя! — девушка бросилась к болеющему мужу и начала покрывать его лицо, украшенное язвами, многочисленными поцелуями.

— Тебе что врачи говорят? Нельзя меня целовать, нельзя меня обнимать!

— Но я же люблю тебя... — по лицу скатилась счастливая слезинка.

Раиса вышла в коридор совершенно обессиленная. В больничных помещениях окна держали закрытыми, и девушка, обмахиваясь руками от внезапного головокружения, пожаловалась на духоту.

Ближе к обеду началась тошнота.

Когда головокружение стало сильнее, Раиса зацепилась за подоконник. Перед глазами появились белые “мушки”.

Она невольно зажмурилась, чувствуя скорый обморок.

— Вы беременная? — ее подхватил мимо проходивший врач.

— Нет-нет, что вы!.. — испугалась Рая.

— Не обманывайте, — тяжело вздохнул он.

Раиса растерялась и опустила взгляд.

— Почему вы меня обманули? — строго спросила заведующая на следующий день.

— У меня не было выхода! Скажи я вам правду, вы бы отпустили меня домой! Святая ложь во спасение!

— Что вы натворили...

— Но зато я с ним! Ясно вам?!

Заведующая покачала головой.

— Миленькая ты моя! Миленькая моя...

— Надежда все-таки есть. Маленькая, но есть, — утешал девушку американский профессор, доктор Гейл. Его акцент немного смущал, но Раиса решила не придавать значения всякого рода мелочам, когда речь идет о жизни любимого мужа. — Такой могучий организм, такой сильный парень!

“Нужна пересадка костного мозга...”

Эта фраза крутилась в голове целый день. Рая сидела в палате недалеко от мирно спящего Василия, дожидаясь его родственников: двух сестер из Беларуси и брата из Ленинграда. Приехала и младшая сестра, Наташа, которой было всего четырнадцать лет. Когда ей сообщили об операции и что ее костный мозг подходит лучше всего, девочка-подросток заплакала:

— Я очень, очень боюсь!..

— Я лучше умру, но не трогайте Наташу, ей же всего четырнадцать!! — закричал Василий, когда девушка вместе с американским врачом принесли ему эту новость.

— Его старшей сестре, Людмиле, двадцать восемь. Почему бы вам не попробовать взять ее костный мозг? — выйдя из палаты, поинтересовалась Раиса.

— Успокойся, — она обернулась и увидела медсестру. — Твой муж уже не человек, а реактор. Сгорите оба.

— Врете вы все! Ваша наука и гроша ломаного не стоит!

А где-то в подкорках сознания грелась проворная мысль: а что, если действительно Васеньку не спасут, и он умрет, как те шестеро ребят, что работали вместе с ним? Сердце нещадно заколотилось о ребра, будто пытаясь выпрыгнуть из грудной клетки. Рая с трудом взяла себя в руки и сжала пальцы до побеления: если кто-то увидит слезы на ее бледном лице, то немедленно выпроводят из больницы.

Васе с каждым днем становилось все хуже, и ее отчаянные рыдания только добавляют ему страданий.

— Рая, где ты? Рая!

Услышав страдальческий зов, она врывалась в палату, машинально убирала за ним простынку, на которую он ходил под себя, не подпускала к нему солдат, что обхаживали остальных, и верила. Верила, что ее любимый Васенька встанет на ноги, сможет победить эту чертову болезнь и жить нормальной, человеческой, жизнью.

Раиса погладила руки, покрытые волдырями, и улыбнулась.

“Такое все любимое... родное...”

— Рая!!

Самолет прибыл в столицу ранним утром.

Сидя у иллюминатора, ученый в толстых очках и багровым лицом, пряча черные руки в карманах куртки, наблюдал, как земля неминуемо приближается — пришлось на время покинуть место происшествия и вернуться обратно домой, где ему предстоял тяжелый разговор.

Она стояла недалеко от трапа, провожая его. Ее длинная юбка развевалась на ветру. Волосы волнующе трепыхались за спиной. Банты пытались распуститься и улететь в ясное небо.

На бледном лице пробежала одинокая слеза.

Девочка, не отрываясь, смотрела, как самолет, поднимаясь ввысь вместе с отцом, исчезает среди ясного неба.

И он тоже проводил ее печальным взглядом.

“Моя дочь...”

Другая дочь встретила его в московском аэропорту. Вместе с ней была Маргарита Михайловна, жена.

Инга распахнула объятия и обняла отца, обхватив руками его шею.

— Я рада, что ты наконец-то вернулся.

— Здравствуй, цветочек.

Они втроем прошли к черной машине.

— Ты выглядишь очень плохо...

— Работа. — Валерий отмахнулся.

— Там все плохо, да?

Он опустил глаза.

— Я вижу это по твоим глазам. Но если ты не хочешь говорить, твое право. Тебе нужно время, чтобы прийти в себя. Потом расскажешь, что там происходит.

“Отвратительные вещи там происходят”, — хотел сказать ученый, сняв очки и протирая от бессонной ночи глаза. Отвернулся к окну, прижав к носу сжатый кулак, и надолго замолчал.

“Как им сказать то, что я долгие годы скрывал?”

— У меня сегодня встреча в Политбюро, поэтому я приехал обратно в Москву. К десяти часам меня уже будут ждать. Я заскочу домой, отмоюсь, переоденусь и снова уеду.

— Скажи, Валера, ты ничего не скрываешь?

Он в упор посмотрел на жену.

Маргарита Михайловна все поняла.

— Я не стану больше об этом спрашивать, пока ты сам не захочешь все рассказать. Но все же... не покидай нас так быстро...

— Не могу, у меня слишком много дел и забот, и я понятия не имею, когда и чем все это кончится. Да, мы перестали общаться, но на это есть свои причины, — Валера погладил жену по плечам. К горлу подкатил комок боли от несказанных слов, но он сдержался, обещая, как только выйдет за порог, то даст волю своим эмоциям, — все у нас будет как прежде, вот увидишь.

— Позовите Владимира Губарева. У меня с ним назначена встреча.

В кабинет вошел невысокий мужчина с поредевшими волосами в белой форме и с камерой на шее.

Валерий на следующий день вернулся обратно в Чернобыль:

— Мне неважно, кто виноват и в чем причина происходящего! — генеральный секретарь с коричневой “отметиной” на затылке грозно ударил кулаком по столу. — А теперь будьте любезны вернуться на свои места, — произнес он после долгой тирады, махнув рукой в сторону выхода.

— Мне стоит задержаться, товарищ Щербина? — когда руководители, прихватив с собой папочки с документами, вышли из огромного, увитого колоннами, зала, ученый подошел к Борису Евдокимовичу, спрятав руки в карманы темных брюк.

— Да, вы остаетесь здесь, Валерий Алексеевич.

Едва переступив порог своего кабинета, Валера бросился к телефону, набрал на нем номер и прокричал в трубку:

— Я хочу немедленно с ним поговорить!

Аппарат снова громко зазвонил:

— Щербина просит вас вернуться в Чернобыль!

В четыре дня самолет вылетел в Киев.

“Задачи остаются прежними. Во-первых, необходимо пронаблюдать за состоянием четвертого блока, так как основные засыпки уже окончены. Нужно вводить специальные зонды, чтобы измерить температуру внутри реактора, его радиационные поля и контролировать движение радионуклидов в воздухе.

Во-вторых, необходимо как можно скорее расчистить территорию промышленной площадки вокруг атомной станции.

И, в-третьих, начать работать по сооружению туннелей под фундаментом разрушенного блока.

Ну и последнее: оградить тридцатикилометровую зону, начать работы по измерению радиационных доз на ее территории и за ее пределами, и дезактивировать большую ее часть”

Когда приглашенный Владимир Губарев, журналист из газеты “Правда”, присел перед ученым, тот встал, засунул руки в карманы брюк и, подойдя к зашторенному окну, остановился, бросив взгляд на улицы опустевшего города.

— Вова, я знаю тебя со студенческой скамьи. Мы проучились с тобой до самого последнего курса...

— Слушай, на тебе лица нет. Ты, случаем, не заболел?

Валера достал из кармана пиджака пачку сигарет и прикурил. Издал тяжелый вздох и посмотрел на огонек на кончике сигареты. Поднес ее ко рту и затянулся. Выпустил дым через приоткрытые губы и вновь устремил взор на улицу.

— У меня столько всего накопилось, ты себе это представить не сможешь.

И академик продолжил, выдержав паузу:

— Это случилось десять лет назад, я уже тогда работал в курчатовском институте, преподавал неорганическую химию, изучал ядерную реакцию и писал статьи на тему атомных реакторов.

Однажды я увидел одну девушку, журналистку. Она захотела пообщаться со мной тет-а-тет.

Мы с ней не раз беседовали после, а потом у нас все закрутилось. Я переспал с ней раз, потом еще раз, и еще раз, а потом я узнал, что она беременна. У нас родилась дочь. А потом я ушел, оставил ее с дочерью потому что любил только одну женщину, свою Маргариту.

Все, что со мной случилось, я посчитал кошмаром наяву. “Это был не я!” — кричал я сам себе по ночам.

Дочь свою, вторую, я не видел два года. В последний раз мы увиделись, когда ей исполнилось четыре.

И спрашиваю себя сейчас, почему тогда я поступил так глупо, не по-мужски? Что произошло во мне, когда я очнулся от наваждения, длившегося целый год, понимая, к чему привели мои действия? Почему я тогда не признался Маргарите, что у меня появилась вторая дочь? Почему я до сих пор обманываю ее, Ингу и себя? Чем они заслужили такое отношение?

— Если я правильно понял, тебя терзает появление внебрачной дочери? — когда ученый надолго прервал свой монолог, погрузившись в тишину, заговорил Владимир задумчиво. — И это все, что тебя сейчас беспокоит? А как насчет аварии? Ты уже выяснил ее причину?

— Пока что нет.

— Но у тебя-то есть определенные мысли на этот счет, просто делиться ими ты не хочешь, я так понимаю?

— Мне нужно подождать еще немного, прежде чем смогу понять, что же именно здесь произошло.

...На столе лежал принесенный кем-то апельсин.

— Меня угостили, — улыбнулся Василий. — Возьми себе.

Раиса застыла на пороге, терзая взглядом круглый, некогда оранжевый, фрукт — из-за большого радиоизлучения, что исходило от ее мужа, толстая корка покрылась приятным и ровным розовым цветом. Проглотив слюну, девушка неуверенно подошла к тумбочке и остановилась.

— Ну съешь! Ты же любишь апельсины!..

Рая отпрянула, когда из-под земли выросла полуголая девица с длинными темными, как летняя ночь, волосами. Их кончики достигали маленьких бедер, укрытых атласной юбкой.

— Ешь. — Возложив апельсин на ладонь, незнакомка протянула его испуганной девушке.

Реальность застыла подобно стоп-кадру и покрылась белыми всполохами будто фильм на испорченной видеокассете. Картинка пошла волнами, вызывая головокружение.

Девица, не двигаясь и не моргая, смотрела на Раису.

“Бери...”

Голос возник из ниоткуда, ласково коснувшись барабанных перепонки и переходя на зловещий шепот. Издевательское хихиканье заставило вздрогнуть и судорожно обернуться, в тщетных попытках отыскать этому причину.

— Ешь!..

Раиса разозлилась и схватила фрукт.

Девица разошлась дьявольским смехом и, отступив на шаг назад, исчезла в непонятно откуда взявшейся

темноте.

Апельсин растворился на ладони, превратившись в обжигающую кожу черную кислоту.

Единственное, что она помнит о том дне, это большое окно в операционной.

Василий и его старшая сестра лежали рядом на двух столах. Раиса, абсолютно притихшая, сидела на стульчике в углу и безудержно молилась, раскачиваясь из стороны в сторону.

“Это какой-то кошмар, самый настоящий ад...”

Операция длилась два часа.

Девушка облегченно перекрестилась, когда Василия вернули в палату, и позволила себе слабую радостную улыбку.

Людмиле в этот момент было намного хуже: восемнадцать проколов на груди, тяжелый наркоз. Рая, прибегая к ней снова и снова, думала, что она не выживет — прошло уже больше пяти часов, а веки ни разу не дрогнули; грудь медленно опускалась и поднималась. И пульс слабый.

Василия перевели в барокамеру, держали за прозрачной пленкой, запрещая заходить за нее. Через специальные приспособления делали уколы, ставили катетеры, и при этом — все на маленьких липучках и замочках.

Рая вскоре научилась ими пользоваться.

Возле кровати поставили стульчик, и она, отодвинув пленку, сидела рядом, не отворачивая взгляд.

Как-то раз девушка, услышав подозрительный шорох, повернулась и увидела девочку в школьной форме. Малышка стояла на пороге палаты и переводила взгляд с удивленной Раисы на мирно спящего Василия.

— Вот и она пришла, — он резко проснулся и заулыбался.

— Кто...?

— Маленькая смерть, — и вновь заснул.

Ночь.

Тишина.

— Хочу поскорее увидеть нашего ребенка. Каким он будет?

— Кстати, а как мы его назовем?

— Ну, это ты уже сама придумаешь...

— Почему я сама, если нас двое?

— Тогда, если родится мальчик, пусть будет Вася, а если девочка — Наташа.

— Как это — Вася? У меня уже есть один Вася, ты! Мне другого не надо.

— Что-то случилось, Андрей Михайлович?

Когда рыжеволосая бестия из правительственного штаба привезла его обратно в Чернобыль и уехала, громко хлопнув дверцей, бедному секретарю райкома партии пришлось поехать в Москву: в городе возникали куда более глупые ситуации.

— Специалисты из Минска уже едут, — сообщил ему Щербина, в своей манере заложив руки за спину, — и привезут современные приборы. Я объяснил им ситуацию. Они пообещали помочь.

— Отлично. Когда их ждать?

— С минуты на минуту.

Дмитрий удивленно повел бровью.

— Откладывание важных дел смерти подобно, вы так не думаете, Дмитрий Константинович?

— Вы правы, Борис Евдокимович! — наиграно закивал головой Дима. — Я сообщу вам, когда будут сняты первые показания.

Он вышел из здания чернобыльского штаба и перекрестился. В душе закрались нехорошие предчувствия. Черный автомобиль его уже ждал. На этот раз за рулем сидел взрослый водитель. Дмитрий взглянул на него и мысленно пожелал ему доехать до станции живым.

Трое крепких парней в защитных костюмах его уже ждали, прогуливаясь недалеко от разрушенного реактора.

— Ну что, привезли?

Они продемонстрировали зонды с приборами.

— Но это же те же дозиметры, что и на станции!..

— Других нет.

— Твою мать!..

Но Дмитрий все же решил испытать удачу еще раз:

— Ладно, давайте свои дозиметры! Может, в этот раз нам повезет, в чем я очень сильно сомневаюсь.

Но результат был тот же.

— Проклятье, что же делать с этой, мать ее за ногу, радиацией?!

По прибытию в столицу Дмитрий набросился на представителя власти:

— Ну хоть ты скажи что-нибудь утешительное!..

Тот лишь смущенно улыбнулся.

— Что на этот раз?!

— Я им сказал: “этого не может быть, потому что не может быть никогда”.

— Не понял...

— Звонил дежурный из МВД, интересовался обстановкой. Ему кто-то сказал, что, якобы ты бежал вместе с женой на машине из Хойников. Я ему деликатно объяснил, кто он такой и куда ему следует идти.

“Вы за кого принимаете секретаря райкома партии? За трусливого сорванца? Он не тот человек, чтобы паниковать и драпать!”

— О, “выражаю чувство глубокой благодарности партии и правительству за столь высокую оценку моей личности”, — произнес Дмитрий голосом Брежнева.

Но неприятный осадочек все же остался. Кому понравится, если его посчитают трусом и предателем? Человека, пытающегося спасти чужую шкуру ценой своей собственной. Таков долг советского человека: он впитывает его вместе с молоком матери, как мораль и доблесть.

Но паршивцы есть везде и всегда.

Дмитрий, отыскав мелочь в карманах пиджака, направился к ближайшему киоску, в котором продавалось мороженое.

Еще издали он заметил девочку в школьной форме: девчушка протягивала сжатые в кулаке проржавевшие монеты.

— Что ты мне даешь?! — воскликнула возмущенная продавщица.

Малышка тут же ловко выхватила пломбир из рук пухлой женщины и бросилась наутек.

— Эй, ты...!

Дмитрий побежал следом.

Девчонка попыталась скрыться в полупустых закоулках.

— Стой, сейчас же!..

Дима остановился на перекрестке нескольких зданий, пытаясь отыскать взглядом знакомую фигурку в школьной форме.

Ее силуэт промелькнул в ближайшей подворотне, а затем снова исчез подобно галлюцинации.

Дмитрий, часто дыша, побагровел от невыносимой, распалюющей лицо, жары.

В конце концов, он потерял маленькую чертовку из виду и остановился посреди пустой улицы, чтобы перевести дыхание.

— Вот жеж... твою мать...

“Интересно, поверят ли мне, если я расскажу, что бегал по Москве в попытках поймать маленькую воровку...?”

В любом случае, я уже немолод, чтобы так бегать...”

— Валерий Алексеевич, генеральный секретарь просит вас к телефону! — когда моложавый мужчина в офицерской форме громко провозгласил с порога, отдав честь, ученый вздрогнул и оторвал взгляд от маленькой девочки, что сидела напротив его стола.

Перед ним были разложены необходимые бумаги, но он в упор смотрел на молчащую малышку и поджимал губы в тщетной попытке заговорить с ней.

“Что же мне делать с тобой...”

— Сейчас подойду.

Она проводила его равнодушным взглядом.

— Слушаю вас, Михаил Сергеевич.

— Мне бы очень хотелось узнать, что у вас там происходит, — без обиняков начал генеральный секретарь. — Меня несколько волнует сложившаяся ситуация в мире. О нас треплются, придумывают всякие небылицы, обвиняют непонятно в чем, сплошной массовый психоз! Не расскажете, Валерий Алексеевич, каково же истинное положение вещей?

“Таково, что это я во всем виноват...”

— Ситуация в данный момент вполне контролируема. Масштабы загрязнений самой станции и ее территорий а также всего мира мне более-менее понятны. Вспышки лучевой болезни, что произойдут в дальнейшем, ждать не имеет смысла. Мы ведем тщательный контроль за населением. Если на территориях других стран выпадет большее количество радиоактивных веществ, мы примем необходимые информационные и санитарные меры, чтобы

никаких последствий в дальнейшем не последовало.

— Отлично, Валерий Алексеевич...

Валерий плохо помнил, о чем он дальше рассказывал генеральному секретарю, пребывая мыслями в соседней комнате. Там ждала его внебрачная дочь, что каждый раз приходила к нему, садилась напротив и сверлила в нем дырку пронзительным взглядом синих глаз.

— Золотце мое... — снимая очки, ученый издал тяжелый вздох. — Я предал тебя, поступил как последняя свинья. Мне очень тяжело об этом говорить, и я не знаю, как мне искупить свою вину перед тобой.

Малышка склонила голову.

— Я представляю, что ты сейчас чувствуешь, и, пожалуйста, не пойми меня неправильно, — встав из-за стола, академик затушил сигарету в стеклянной пепельнице, и, подойдя к девочке, обхватил ее руками за тоненькие плечи, — я не мог поступить иначе. У меня семья, работа, и моя репутация уже давно трещит по швам, с той поры, когда я попытался сделать так, чтобы твои страдания закончились.

Знал ли я, что ты все это время была здесь? Да, знал, как и то, что реактор, детище моего старого учителя, достаточно несовершенен.

Если хочешь, я могу познакомить тебя с Ингой. Она намного старше тебя, и я уверен, что вы подружитесь.

Девочка покрутила головой.

— Валерий Алексеевич, вас снова просит генеральный секретарь!

— Съезди со мной на кладбище... я без тебя не смогу!..

Раиса всю ночь просидела у кровати мирно спящего мужа. Когда подруга ушла, она на прощание погладила его по руке, слегка касаясь пальцами покрытой язвами коже, и вышла, тихонько прикрыв дверь.

Татьяна плакала навзрыд, пока правительственные машины вместе с катафалком направлялись на Митинское кладбище через всю столицу. Утром, когда медики заворачивали тело ее мужа в полиэтиленовый пакет и укладывали в цинковый гроб, умерли еще трое человек.

— Я просила Горбачева, умоляла: отдайте его нам, мы сами его похороним! — воскликнула Таня отчаянно. — Отказали! Сказали, что похоронят его здесь, в Москве, со всеми почестями! Он герой, он спаситель всего мира!.. О боже... Витя... Как я дочери объясню, что папы у нее больше нет!..

Рая молча выслушивала причитания подруги и, опустив взгляд на цинковую крышку гроба, погрузилась в мрачные размышления. Пересадка костного мозга не помогла ни этому несчастному, ни Василию: радиация оказалась намного сильнее и проворнее.

Раиса прикрыла веки, чтобы скрыть появившиеся в глазах слезы.

— Василий умер пятнадцать минут назад.

Раиса вернулась с кладбища ближе к обеду. Прибежала в номер больничной гостиницы и позвонила на пост медсестре:

— Как там Василий?

— Он умер.

“Как?!”

Она просидела у кровати тяжелобольного мужа до самого утра, не отлучаясь даже в туалет. Ее не было-то всего три часа! Отвратная старуха с косой воспользовалась удобным моментом, прокралась в палату умирающего пожарного и, взмахнув косой, окончательно оборвала нить его жизни.

Раиса проиграла в схватке за жизнь любимого мужчины.

— А-а-а, за что?!

Это какая-то вселенская несправедливость. У нее отняли то, чем она дорожила больше всего на свете — ее опору и защиту.

Когда первые эмоции схлынули, появилось желание на прощание увидеть его, дотронуться до него в последний раз.

Рая кубарем скатилась по лестнице, ворвалась в палату, где Василий все еще лежал в барокамере.

— Вася! Вася!! — закричала девушка что было сил, но медсестра успела перехватить ее и оттащить от тела мертвого мужа. — Пустите меня к нему! Пустите!! — не выдержав, она рухнула на пол и, закрыв лицо руками, продолжала горько плакать.

— Хотите, мы вам покажем, во что он будет одет?

— Хочу!

Раиса плохо помнила, что было дальше: заботливые руки подняли ее с пола, помогли добраться до гостиницы, где она сидела на постели и безудержно плакала, не прерываясь ни на минуту.

— Он звал тебя все это время. Мы успокаивали его как могли, а потом он затих. Проверили его пульс — нету, не дышит. Мы зафиксировали смерть. Мы пытались спасти его жизнь, но оказались бессильны. Сочувствуем вам и вашему горю, — она только кивала и продолжала уповать на несправедливость.

Василия принарядили в парадную форму, фуражку оставили на груди. Завернув его тело в полиэтиленовый пакет, аккуратно положили в деревянный ящик, который потом, обернув целлофаном и забив гвоздями деревянную крышку, запаяли в цинковый гроб.

Парадную форму пришлось разрезать — труп сильно распух, превратившись в одну кровавую рану. Найти нужный размер обуви не удалось. Ноги стали похожими на бомбы.

В итоге Василия похоронили босым.

— Подпишите этот документ. Это ваше согласие на их погребение в Москве, на Митинском кладбище, так как они отныне государственные люди, герои своей страны.

На кладбище поехали тем же маршрутом, что и вчера. На похороны собрались родители молодоженов, близкие, знакомые и друзья. Один из них предоставил безудержно рыдающей девушке плакальщицу, что вызвало удивление у присутствующих.

— Зачем нам плакальщица? — незнакомка в черном одеянии невинно захлопала ресницами. Ее длинные волосы были заплетены в косы, а на ней самой темное платье по фигуре до самых пят, скрывая ноги в туфлях на высоком каблуке.

Машины долго колесили по городу в тщетной попытке оторваться от назойливых иностранных журналистов.

— Что вы делаете?! Сколько можно издеваться над человеком? — не выдержала Раиса, в очередной раз вытирая бежавшие по опухшему лицу слезы. — Зачем нужно скрывать моего мужа?! Он что, убийца? Вор?! Кого мы хороним? Уголовника?!

Плакальщица заботливо коснулась ее рукой, пытаясь успокоить. И никто из сидящих в катафалке не заметил на белоснежном лице насмешливую улыбку, которую девица с косами тут же спрятала в уголках густо накрашенных губ.

— Тихо, доченька, тихо, — едва слышно произнесла рядом сидящая женщина в черном платке.

— Поехали-ка прямо на кладбище, вдова нервничает, — произнес по радиации полковник.

Катафалк, развернувшись на полдороги, отправился на кладбище.

Процессию тут же окружили солдаты. Впереди понесли гроб под пристальным наблюдением конвоя. Когда цинковый ящик водрузили на табуреты, ни одного присутствующего не подпустили к телу умершего пожарного.

Церемония прощания прошла в полном молчании.

— А теперь засыпайте, быстро, быстро!

Блестящая крышка гроба постепенно исчезала под тяжелыми землянистыми комками. Офицеры, сдвинув “лепестки” на подбородки и обливаясь потом, дружно подхватывали лопатой мокрую от дождя землю и тут же бросали ее в яму. Глухой стук по цинковой поверхности разрывал сердце.

Офицеры разровняли могилу лопатами и отошли в сторонку. Один из них, взяв из рук девушки букет живых цветов, возложил их на бугор.

— Прощай, Васенька...

— За Победу, товарищи! За нашу Победу!

Валерий посмотрел на партийного чиновника с поднятым в руке бокалом портвейна и слабо улыбнулся.

— За Великую Победу!

Девятого мая решено было отпраздновать скромным застольем. На столе появилась дорогая выпивка (и это во время сухого закона!), закуски и еда из столовой. Дружно устроившись за столом, мужчины принялись поздравлять друг друга с Днем Великой Победы.

— Поговаривают, Чернобыль сильно пострадал от немцев. Вы видели сосну недалеко от станции? — Валера кивнул. — На ней вешали расстрелянных евреев. Жуткое зрелище!

— Давайте не будем о плохом. Просто отпразднуем этот день как следует!

— Не получится.

Ученый долго размышлял, стоит ли сообщать только что полученную им новость или же оставить ее под конец застолья.

— Валерий Алексеевич, попрошу вас объяснить!

— Мои помощники обнаружили малиновое пятно внутри блока. В реакторе все еще держится высокая температура. Непонятно только, парашюты это горят, в которых мы сбрасывали свинец, или что-то другое. Скорее всего, это раскаленная масса песка, глины, в общем, всего, что было сброшено внутрь реактора. Простите за испорченный праздник, Борис Евдокимович, но нам придется сбросить еще семьдесят тонн свинца, чтобы свечение это прекратилось.

День Победы отпраздновали в спокойной обстановке вечером десятого числа.

— Валерий Алексеевич, вы отлично понимаете, какая ситуация складывается в мире связи с аварией, и я доволен тем, с каким рвением вы занимаетесь спасением всего человечества...

— Михаил Сергеевич, бросьте, я уже говорил вам, что большой угрозы отныне авария не представляет. Измерительные и подготовительные работы к предстоящей масштабной ликвидации уже сделаны, теперь дело предстоит за малым. Мы с Евгением Павловичем решили построить поддон под реактором, так как ядерное топливо может проплавить нижние части блока и загрязнить грунтовые воды. А затем, с моего позволения, мы начнем строительство некоего сооружения, которое позволит навсегда закрыть дыру, сбрасывающую радиоактивные вещества.

— Хорошо, хорошо, Валерий Алексеевич. Я лишь попрошу вас об одном: напишите для меня подробное письмо, что и как происходило, чтобы я мог выступить по центральному телевидению.

Инга не сразу узнала отца — тот похудел еще больше, под глазами появились темные круги, а лицо стало багровым, как переспелый помидор. Ее сердце тревожно забилося, а с полуоткрытых губ сорвался едва слышный стон.

“Мы теряем нашего папу... О, мама, как же ты была права! Эта работа его окончательно погубит!”

— Папочка! — девушка бросилась к отцу с распахнутыми объятиями. — Боже, что с тобой? Ты выглядишь отвратительно!

— Все в порядке, цветочек. Я просто устал, — его голос сильно охрип.

— Там над тобой издеваются что ли?! — с возмущением отозвалась Инга. — Тебя невозможно узнать! Я вижу, что с тобой происходит, и меня, как дочь, это очень сильно пугает. Ты себя так до могилы доведешь!

— Мне там самое место.

— Папа...

Валера поднял глаза — его старшая дочь захныкала так же, как и младшая, что осталась в Чернобыле. Малышка вновь явилась в аэропорт и, стоя вдалеке, провожала отца пугающе отстраненным взглядом.

— Цветочек, — однажды он перехватил ее за руку, поймав недалеко от станции, — тебе не нужно там ходить, там радиация, это очень опасно. Я не хочу, чтобы ты пострадала еще сильнее. Пойдем, золотце.

Валерий повел ее в штаб по опустевшей дороге: на город уже опустились сумерки, и большая часть работников уже мирно посапывали в своих постелях.

“Мне нужно сказать Инге, что у нее появилась младшая сестра. Я представляю ее реакцию...”

— Мама на работе, так что, мы можем побыть вдвоем. — Инга привезла отца в их московскую квартиру. Они прошли на кухню, где девушка разлила горячий чай по кружкам и расставила посуду с дымящимся напитком на столе. — Я очень сильно переживаю за тебя, папочка. — Она взяла его за руку. — Я бы очень хотела, чтобы ты

больше не летал туда...

— Инга, цветочек, у меня к тебе очень важный разговор.

У нее появилось испуганное выражение лица:

— Что случилось?..

— Единственное, о чем я тебя хотел бы попросить, не рассказывай ничего маме, она очень сильно расстроится, когда обо всем узнает.

— Я не понимаю...

— Инга, понимаешь, тут такое дело, что девять лет назад появилась на свет моя вторая дочка.

Девушка опешила:

— Что?..

— Вторая дочка... в Чернобыле...

— Дочка?.. В-в... в Чернобыле?..

— Я никому об этом не рассказывал, даже самому себе. Я предал твою маму, я предал тебя, я связался с журналисткой, она очаровала меня, и я не мог ничего поделать. Спустя год наших тайных отношений появилась моя вторая дочка. Она очень сильно похожа на меня, и когда-нибудь ты сама ее увидишь, в этом я, в общем-то, не сомневаюсь.

— Но почему ты об этом никогда не рассказывал?..

— Я боялся позора, и, если честно, до сих пор его боюсь. Я совершил массу ошибок за свои пятьдесят лет, и ты отлично знаешь, что твой отец далеко не честлюбивый человек, и, как все, имеет грехи за душой, но говорить о них всем подряд большая глупость.

— А девочка?

— Ее зовут Алина. Она прекрасна, как и ее отец.

Они надолго замолчали.

— Я не могу в это поверить...

— Увы, это правда, и то, что произошло в Чернобыле, это отчасти моя вина.

— Это все реактор, папа! Ты тут совершенно ни причем!

— Если бы ты узнала всю правду... ты бы ужаснулась, какой твой отец монстр.

— Не говори так! Ты никакой не монстр! Все совершают ошибки, это нормально! Как говорит мой муж: “кто не ошибается, тот не живет”! Вся наша жизнь состоит из проб и неловких шажков, проблем и неприятностей, без них бы человеческая жизнь стала бы скучной и бессмысленной!

Валерий устало улыбнулся:

— Я воспитал достойную дочь...

Улица Советская, двадцать шесть. Здесь двумя днями ранее обосновалось министерство угольной промышленности. Город Чернобыль ничем не отличался от обычных сел и поселков: такие же здания, такие же названия улиц. Единственная его отличительная черта — пугающая история.

Поздним вечером к двухэтажному зданию подъехало два автобуса, внутри которых сидело несколько крепких мужчин. Одним уже было за сорок, другим еще не исполнилось тридцати — совсем молодые ребята.

Прихватив с собой увесистые сумки, они выходили из транспорта друг за другом, останавливались, закуривая заранее приготовленные сигареты, и, когда перекур закончился, их повели к непримечательному парадному входу, где на ржавых петлях висела деревянная дверь.

— Добро пожаловать в Чернобыль!

— Мы наслышаны о нем, — мрачно произнес невысокий мужчина, поставив дорожную сумку у входа.

...Он уезжал из Тулы с тяжелым сердцем: его жена была на раннем сроке, сидела дома и часто закатывала скандалы, стоило ему прийти на пять минут позже.

— Я тут токсикозом мучаюсь, а ты где-то шляешься!..

Но он все равно ее любил. Безумно, до одури. Иногда казалось, что его приворожили, затащили в ловко расставленные сети, и — как вдруг из прекрасной красавицы любимая жена превратилась в оголтелую ведьму с бигудями в волосах и испачканном халате. Замени старое тряпье на модное платье, бигуди на природные кудри, а деревянную скалку, оружие массового поражения в семейных ссорах, на засосы, оставленные в порыве страсти — и ничего не изменится.

Это все та же ведьма.

Когда она забеременела, то стала еще невыносимее. Беременность способна превратить спокойную добрую женщину в лютую истеричку: “хочу то, хочу это, ты слишком мало уделяешь мне внимания!..”

Но он все равно ее любил.

— Люсенька, мне приходится пропадать на работе, чтобы прокормить тебя и нашего будущего ребенка. Будь

хоть немного снисходительна...

— Ладно, — смеется, — я расценю это как прощение. Правда, посмертное.

И в этот раз началось то же самое:

— Нас вызвали...

— Куда?

— В Чернобыль...

Она посмотрела на него квадратными глазами:

— В Чернобыль?..

— Ну-у...

— Туда, где радиация?

— Ее, возможно, там и нет...

— Откуда ты знаешь?

Он замялся.

“И правда жеж...”

— Меня же еще там не было!..

— Ты дурак, Тима. Я всегда это знала!

— Значит, ты вышла замуж за дурака.

— Зато с тобою веселее.

— Это не шутки, Люся! Нас вызвали, чтобы помочь родине...

— А мне кто поможет?

— Так я же не навсегда уезжаю...

— Кто знает!..

Это уже походило на идиотско поставленный спектакль.

— Если бы я хоть что-то мог изменить... но, увы, от меня ничего не зависит.

И это была правда — пока на улице шел непрекращающийся майский ливень, он вместе с коллегами по работе едва спустились в шахту, когда их позвал к себе полноватый мужчина.

“Собирайтесь, к директору”

Это походило на гром среди ясного неба.

“Что случилось?” — недоумевающие мужчины переглядывались между собой и послушно шли по коридору до двери с заветной табличкой “Дирекция”.

Их там уже дожидались: уже довольно немолодой бухгалтер, кассир и человек из военкомата.

— Мужики, Родине нужна помощь.

“Ну раз нужна-а-а...” — и в ту же секунду их отправили по домам, собирать пожитки.

Автобус выехал из Киева уже вечером. Солнце еще стояло над городом, освещая бурную зелень, скрывающую бетонные здания.

Здесь красиво и по-современному, нежели в скромном городишке недалеко от Тулы.

Но по приезду в Чернобыль восхищение сменилось разочарованием.

Это место выглядело еще старше шахтерского поселка.

— До Припяти рукой подать, но туда никого не пускают. Да, сам Чернобыль, конечно, не самое лучшее место, куда бы я хотел попасть, но ты посмотри, какая красота вокруг! Все такое зеленое, цветастое, уже вон, и черешня вовсю растет... жалко только есть ее нельзя. Радиация. Здесь ее очень много.

— И все брошенное...

— А что делать? Жить-то хочется! Жалко, конечно, собственным трудом нажитое, но ничего не поделаешь...

Их поселили в интернате, недалеко от чернобыльского штаба.

— Гинекология. Там важные чины заседают.

— Гинекология? Почему гинекология?

— Понятия не имею.

— Боюсь, все же часть топлива попадет в подземные воды. Пока они соберутся, пока их проинформируют, пройдет много времени. Каждая минута на счету!

— Не понимаю вашего волнения, Иван Степанович.

Прошло немного времени, как одного партийного начальника сменили другим: Щербина уехал, оставив вместо себя Ивана Степановича Силаева — тоже большая шишка. По прибытию он установил крупное вознаграждение за выполнение опасных заданий. Да и сам Валерий, пробыв всего пару дней дома, снова уехал в Чернобыль — дело не терпело отлагательств.

— Как там Инга? — между делом спросил Иван Степанович: в отличие от своего коллеги он мирно сидел за

столом, а не расхаживал по кабинету с заложенными за спину руками.

— Нормально.

— Она уже вернулась из Парижа?

— Иван Степанович, это к делу не относится! Как говорится в одной известной поговорке — я вам про Фому, а вы мне про Ивана.

Силаев рассмеялся:

— Ладно, докладывайте, что у вас там!..

— Нужно проверить, если в барботерах вода. И, если они свободны, то стоит ли заливать их бетоном, закапывать и тому прочее. Правда, подойти к этим барботерам довольно трудно, так как рядом расположенные коридоры заполнены водой. Ее активность — до кюри в отдельных точках. Нужно сначала откачать воду, а потом повернуть задвижку. Нужен доброволец.

На пороге возник мужчина с побледневшим от усталости лицом. Его рабочая форма была изрядно испачкана.

— Это один из работников станции...

— Они всегда вызывали у меня сомнения. Но сейчас не об этом. Вы должны проверить, есть ли в барботерах вода, — обратился Валерий к мужчине, и тот, не говоря ни слова, кивнул.

— Я приказал включить откачные устройства, — заявил Силаев. — По окончанию их работ, вы, премногоуважаемый, спуститесь в бассейн под реактором и откроете задвижку. Удачи.

Прошел не один час, когда отправившийся на опасное задание работник станции вернулся с багровым, перекошенным от ужаса, лицом.

— Я спустился туда, — придя в себя, начал он, — вот здесь, — ткнул дрожащим от волнения пальцем на расстеленные перед ученым чертежи, — должен быть свободный проход. Я работал на поверхности и ни разу не спускался в эти помещения. Я ударился о бетонную стену, когда до него дошел. — Об этом красноречиво говорила большая распухшая шишка на лбу. — Мне пришлось развернуться и искать другой проход...

— То есть, чертежи не соответствуют действительности?

Работник поморщился:

— Позвольте мне договорить, — и продолжает дальше: — Я пошел по другому коридору и запутал еще больше. Да еще этот чертов фонарик сел!.. Я не знаю, сколько времени прошло, но я отыскал нужное помещение, нащупал задвижку и повернул ее. Я последовал вашему совету, уважаемый... э-э-э...

— Валерий Алексеевич.

— Да, Валерий Алексеевич, я последовал вашему совету и изучил чертежи прежде чем спуститься. Я запомнил местоположение барботеров. Я знаю, как они выглядят, нас же проинструктировали, прежде чем поставить на блочный щит управления. Чтобы не утомлять вас своим долгим рассказом, я скажу, что воды в барботерах нет. Они совершенно пусты.

Валерий вместе с Силаевым издали вздох облегчения.

— Слава богу! Хорошо, когда все хорошо заканчивается!.. — ученый поморщился от напыщенных слов партийного чиновника. — Я должен поблагодарить вас за спасение своей страны и всего человечества! Вот, держите. — Силаев протянул бумажный конверт, в котором лежали тысяча рублей, растерянному работнику.

Валерий удивленно приподнял брови: бедолага мял конверт грязными руками и отводил глаза, не решаясь произнести ни слова. Конечно, это огромная радость получить столь большую сумму — зарплату инженера за пять лет непрекращающегося упорного труда, — но мужчина испытывал неудобства, ведь отказаться от денег он не мог.

“Он борется с аварией, борется с радиацией ценой собственной жизни, поэтому награда эта его не шибко радует”

— Спасибо...

Как-то раз Александр пребывал на заседании правительственной комиссии. Подобные мероприятия происходили довольно часто — и всегда во время громких речей и представлений что-то да случалось.

В чернобыльской зоне отчуждения появилась торговля для работающих на загрязненной радиацией территории.

“Нас же тоже нужно чем-то кормить, верно?” — объяснял физик-ядерщик своей молодой жене.

Она часто пропадала, работая водителем правительственных машин.

“Это все, на что я способна”

Мысли о Миле посещали мужчину довольно часто, и ему казалось, что она начала отдаляться от него.

“О чем я вообще думаю?”

Среди присутствующих находились двое мужчин и женщина — начальники торговли. На первых двух сидели два дорогих штатских костюма, на даме — роскошный женский плащ. Впрочем, и на улице погода

соответствующая: шел нескончаемый ливень. Вечером стояла невыносимая жара, на которую перестали обращать внимание. Перед самым рассветом с неба начали срываться крупные капли дождя, питая засохшую землю влагой.

Доклад длился уже больше часа.

— Вы закончили? — первым не выдержал председатель, грозного вида мужчина с уже изрядно поседевшими волосами. Это был их новый руководитель, Иван Степанович Силаев: он уже успел поработать с Валерием Легасовым и оценить его высокий профессионализм. — Очень хорошо. Значит, за последние три дня чернобыльцам продали всю обувь?

— Да, товарищ председатель, — ответил ничего не подозревающий докладчик.

— Ничего не осталось в магазинах и базах?

— Практически ничего. Наш долг — как можно скорее передать все героям-чернобыльцам.

Силаев замолчал, поджав губы.

В зале повисла пауза.

Докладчик начал заметно нервничать.

Александр с некой долей удивления наблюдал сие событие.

— Вот ведь что странно, — спустя недолгое молчание начал председатель, обращаясь к залу, — сегодня с утра все члены правительственной комиссии разбились на группы и объехали магазины, которые должны были торговать австрийской обувью.

В зону повышенной радиоактивной загрязненности ежечасно доставляют некоторые продукты питания — икру, кофе, кока-колу, пепси-колу, — и вещи — ту же австрийскую обувь, французскую косметику и канадские дубленки. Если же вкратце, доставляют то, что простым советским гражданам пока недоступно.

Так вот, мы опросили сотню людей, и никто из них не видел и не слышал об иностранной обуви. Я думаю, что вся она была увезена и продана подпольно! И это и есть результаты вашей работы, а не то вранье, которые мы слушаем почти час!! Есть в зале кто-нибудь из прокуратуры?

Среди недоуменных и одновременно напуганных неожиданным поворотом зрителей сидели высокопоставленные люди из советской и украинской прокуратуры. Их гражданская форма сливалась с рабочей, позволяя им не выделяться среди простого люда. Александр заворуженно наблюдал, как двое высоких и крепких парней дружно встали, не произнеся ни слова.

— Необходимо немедленно возбудить уголовное дело по поводу этой преуспевающей шайки. А сегодняшний доклад приобщите к материалам следствия, он только на это и годен.

Лицо докладчика стало белым, как простыня, когда до него долетели последние слова председателя. Крепкие парни, аккуратно обойдя сидящих в зале людей, подошли к начальникам и, мягко подхватив их за локотки, вывели из зала.

Александр заметил среди мужчин в военной форме маленькую девочку с пронзительными синими глазами. Она всматривалась в лица людей, изучала их движения, склонив набок голову, и невинно хлопала ресницами.

Малышка, ощутив на себе его взгляд, повернулась и улыбнулась.

— Ты так и не выяснил, что здесь делает эта маленькая девочка? — в голове всплыл недавний разговор двух лучших друзей.

— Пусть она побудет здесь.

Удивленный ученый посмотрел на старого приятеля.

— То есть... как это? Ты же знаешь, здесь полно радиации, тут детям не место!

Ответом ему послужил тяжелый, преисполненный грусти, вздох.

ПОВЕСТКА

лейтенанту Осиповой Марине Витальевне

Предлагаю вам “б” июня 1986 года к 8.00 часам явиться в Дзержинский райвоенкомат г. Харькова для убытия на учебные сборы сроком на 25 дней.

При себе иметь: паспорт, военный билет, комс. билет, две пары нательного белья, два полотенца, две пары портянок и носков, два носовых платка, исправную обувь и одежду, принадлежности личного туалета.

ВРИО Дзержинский райвоенкома

(Костюк)

Подполковник: [кудрявая подпись]

[на подписи — фиолетовая круглая печать: в центре — герб СССР; по окружности печати — текст: “Дзержинский районный военный комиссариат гор. Харькова, Харьковской области”]

— Внученька, это тебе.

Престарелая женщина, опираясь на клюку, протянула молоденькой девушке запечатанный конверт с фиолетовой печатью.

“Райвоенкомат”

— Странно... — оторванная рукой полоска запечатанного треугольника медленно упала на пол, — я же совсем недавно вернулась оттуда. Или случилось что-то такое, что пришлось призвать на помощь армию?

— Четыре года прошло, внученька.

Девушка в упор посмотрела на старушку.

— Для меня жизнь течет иначе, бабуся. Для тебя четыре года — целая жизнь, для меня — секунда.

— Ты еще молодая. Потом сама все поймешь.

— А разве я еще не повзрослела?

Дом наполнился громким женским смехом.

— Ой, Марина, Марина... Ты еще так молода и глупа...

— Да, так глупа, что родила двое детей. И замуж вышла.

— Выйти замуж не напасть, как бы замужем не пропасть.

— На все у тебя есть поговорка.

Старушка развела руками:

— Я прошла войну, деточка. Потеряла двух сыновей. Тебя вот воспитала. И все одна. Дед пьяницей был, никогда мне ни в чем не помогал. А когда он сгинул, — пауза, — жизнь наладилась. Чего уж греха таить, без него стало намного спокойнее.

Марина усмехнулась:

— Любишь же ты дедушку, однако...

— Читай, что там.

— Хм, — на пожелтевшей бумаге печатной машинкой было написано всего три небольших абзаца без каких-либо подробностей, — меня отправляют на какие-то учебные сборы. Шестого числа. А сейчас... — девушка бросила взгляд на настенный толстый календарь, — уже пятое!.. Придется завтра ехать в райцентр.

— Учебные сборы?..

— Ну да!..

— Есть у меня кой-какие соображения... — старушка потерла сморщившийся подбородок. — Я вот по вечерам люблю радио слушать. Там иногда очень интересные программы ведут. Ну и музыка. Музыку я люблю. И как-то раз передали, что на севере произошло какое-то событие. Дай-ка вспомнить... м-м-м... А-а! Чернобыль! В Чернобыле произошло что-то, взрыв, что ли...

— Ядерная война?!

— Да не-е-е, что ты! Хотя наши недруги из-за рубежа способны на подобное, — бабушка ехидно подмигнула.

— Ой, ну тебя, бабушка!..

Они рассмеялись.

— А Паша? Он же...

— Ему это не понравится.

— И что делать? Я не хочу бросать страну в беде!

— Мы что-нибудь обязательно придумаем.

Первым же автобусом Марина отправилась в Харьков.

Дорога из деревни, в которой она проживала вместе с бабушкой, до райцентра занимала полтора часа. С неба медленно снизошел рассвет, рассекая всполохами ночную темноту. Небольшая металлическая будка в столь раннее время уже заполнилась людьми: будничные день начинался очень рано и заканчивался поздно, когда мгла закрывала ясный синий небосвод своим черным покрывалом, разбросав по нему блестящие, как алмазы, звезды.

Душа наполнилась неясной тревогой. Любопытство полностью захватило разум и подкидывало всевозможные версии, начиная от самых страшных до самых абсурдных. За окном пролетала насыщенная зелень: ветки деревьев хлестали по стеклу, трава с каждой минутой становилась все выше, а от недавней слякоти не осталось и следа.

Красивая и благоухающая, без пяти минут летняя, природа.

Перед входом в райвоенкомат собралась небольшая очередь из мужчин. Крепкие, красивые, с поредевшими волосами и редкими седыми волосиками на висках, худые, полноватые, низкие и рослые. Каждый обладает своей отличительной чертой. Но появление среди представителей сильного пола молоденькой девушки произвело фурор — заметив женский силуэт в летнем цветастом платье, они громко присвистнули, осматривая стройные ноги и высокую грудь, длинные развевающиеся на ветру золотистые волосы.

— Чего уставились?!

Солдаты как по команде отвернулись.

— Ты всегда такая добрая?

Марина повернулась и увидела высокого незнакомца старше нее, темноволосого и стройного. Он крутил пальцами сигарету и стоял поодаль ото всех, словно происходящее его нисколько не волновало.

— Не люблю, когда меня оценивают, как товар в магазине. А ты кто такой?

— Человек.

— Я поняла. У тебя отличное чувство юмора.

— Ты еще не знаешь, какое у меня это самое чувство юмора. Сергей. Пришел сюда по приглашению. И в Чернобыль отправляюсь тоже по приглашению. “Не соизволите ли проехать в места столь радиационные...”

— Откуда ты знаешь, что нас отправляют именно в Чернобыль?

— Об этом трубят из каждого угла. А ты что, не в курсе?

— Там война.

Сергей усмехнулся:

— Если бы там была война, такой толкучки не было бы...

— Логично.

— Как я уже соизволил заметить, мы все здесь по приглашению. Среди них, — Сергей кивнул на небольшую группу юношей, — не отыщется ни одного дурака, который бы горел желанием поехать в Чернобыль. Горел именно желанием, а не чем-то другим. Да и мне тоже не шибко-то хочется туда ехать. Я по жизни юморист, из любой трагедии сделаю комедию. Не вижу смысла лить крокодиловы слезы.

— Ты циник, а не юморист.

— Да? Неужели ты разбираешься в людях?

Марина сложила руки на груди:

— Предположим. Это плохо?

Сергей усмехнулся:

— Смотря при какой ситуации.

— Ладно, скоро моя очередь. Бывай.

— Э-э-э, в смысле? Прекрасная дама уйдет и даже не назовет своего имени?

— У прекрасной дамы есть муж.

— Муж не стенка, подвинется.

— Твоей наглости даже танк бы позавидовал...

— Ну не знаю. Я с танком тягаться не привык.

Марина вернулась домой уже вечером. Она сняла с опухших ног туфли на высоком каблуке, отбросила их в сторону и издала вздох облегчения, когда стопа коснулась прохладной поверхности. Девушка подошла к раковине и, поддав соском снизу, зачерпнула в ладони холодной воды. Плеснула себе в лицо и застыла, наслаждаясь струйками воды, стекающих по обнаженной шее. Затем прошла в комнату, прихватила полотенце и вытерлась.

Марина с удивлением заметила, войдя в военкомат с новоиспеченным знакомым, что людей внутри не намного меньше. Покачала головой, пролезла сквозь толпу мужчин и присела на скамейку.

Сергей присоединился к ней, убрав сигарету в кармашек куртки.

— Значит, мои опасения оправдались.

— По поводу войны?

— Ты не видишь, сколько здесь людей?

— “На Чернобыльской атомной электростанции произошел взрыв”, — отчеканил Сергей голосом диктора. —

Никакой войны. Техника вышла из строя.

— Техническая поломка? А солдаты зачем?

— Увидим.

— Не нравится мне все это... — произнесла Марина, рассматривая выходящих из кабинета мужчин с озадаченными лицами.

— Меня когда в первый раз призвали, мое лицо было таким же.

Девушка посмотрела на нового приятеля снизу вверх.

— Тебе что, здесь не нравится?

— Уже четыре года прошло после моей службы. Сейчас у меня двое маленьких детей, муж. Муж, кстати, будет очень недоволен, если узнает, куда я еду.

— Ревнивый.

— Ха, причем тут это?

— Ну как же? Его жена будет среди мужиков, не дай бог, уведут.

— Ты по себе судишь.

“А ведь он прав...”

— У меня у самого пятилетняя дочка...

— А жена?

Сергей ничего не ответил.

— Осипова! — из кабинета выглянул молодой человек в форме.

— Я первая, — усмехнулась Марина, поправляя платье.

— Главное, что не последняя.

— Юморист.

Войдя в кабинет, где заседали несколько взрослых мужчин в военной форме, она, растеряв былую самоуверенность, застряла на пороге, крепко сжав руками ремешок сумочки.

Военные начальники дружно подняли головы и критически осмотрели девушку с ног до головы.

“Сейчас начнется...”

— Присаживайтесь, чего же вы встали?

— А мы думали, вы старше...

— Так там же написан год моего рождения.

“Хотя кого сейчас интересуют бумаги...”

— Вы прислали мне повестку, и я пришла.

— Да. Вас призывают в Чернобыль.

— А что там?

Марина села на стульчик напротив господ с блестящими медалями.

— Сами все увидите.

“Ну вот... еще больше сомнений добавили...”

— Отправляйтесь завтра же, рано утром.

“И что я скажу мужу?”

— Да уж, Паша точно устроит мне тысячелетний разнос...

— Да ладно тебе, поворчит и перестанет. Куда ему теперь деваться-то? Ладно, увидимся завтра.

Сергей на прощание помахал рукой и скрылся вдалеке.

— Что сказали?

Марина повернулась и увидела суровое лицо мужа со сложенными на груди руками.

— Завтра рано утром сборы. Отправляемся в Чернобыль на двадцать пять дней.

— И ты поедешь?

Она отчаянно всплеснула руками:

— А куда я денусь? Мне нужно ехать в любом случае, хочу я этого или нет!

Неожиданно Павел обнял ее, прижав к себе:

— Я сильно за тебя переживаю, а вдруг ты оттуда не вернешься...

Руки Марины безжизненно повисли. По спине прошлись приятные мурашки от нежных прикосновений мужа.

— Да меня вроде никто там убивать не собирается... но мне очень приятно, что ты так обо мне заботишься, — она уткнулась носом в его плечо и прикрыла веки, вдыхая запах мужского парфюма.

Над ними светило безжалостное солнце, стоя во дворе посреди узенькой дорожки.

Повисла долгая и неловкая пауза.

— Мне пора собираться. Не хочу опоздать.

— Знаю, что изменить ничего не могу, но мне не нравится, что ты туда едешь. И все же я буду ждать тебя, сколько потребуется. И наши дети тоже. Только прошу тебя, береги себя! Без тебя я совсем пропаду.

Марина обернулась и, грустно улыбнувшись, кивнула.

Поезд из Харькова до Киева отправился ранним утром.

Марина, переодетая в военную форму, сидела в гордом одиночестве на скамейке вокзала и бросала короткие взгляды на проходящих мимо мужчин. В очередной раз склонила голову, рассматривая армейские ботинки и прокручивая недавнюю прощальную сцену с мужем в своих мыслях: убитый новостью о ее скором отъезде, он стоял с демонстративно-отстраненным видом и наблюдал, как она собирает вещи, отправляясь в дальний путь. Под конец девушка не выдержала, обняла Пашу за шею и едва не расплакалась.

А потом ушла, прихватив сумку и бросив на него взгляд, преисполненный грусти.

— Ты, часом, не меня ждешь, красавица?

Марина, подняв голову, увидела своего нового приятеля.

— С какой это стати мне тебя ждать?

— Да мы вроде как с тобой в одной лодке, даже гребем потихоньку. На тебе лица нет. Муж?

— Нет... то есть да... то есть тебя это не касается!..

— Я уже понял, что грубить ты у нас любительница.

— У меня такое ощущение, что мы с ним больше не увидимся.

— Ты не поверишь, я сегодня тоже дочку обнял как будто в последний раз. Что с нами происходит? — Сергей присел рядом. — Массовая паранойя?

— Наверяд ли. Просто все это как снег на голову.

— И хрен знает, надолго ли это.

Мужчина швырнул окурок в ближайшую урну.

— Задолбало все. Уехать хочу. На моря.

— Как будто тебя там ждут, — усмехнулась Марина.

— Ждут не ждут, но отдохнуть все равно хочется.

Девушка хмыкнула и ничего не ответила.

Из ее уст невольно вырвался удивленный вздох — перед ними открылся изумительный и одновременно пугающий вид разрушенного бетонного здания, у которого полностью отсутствовала крыша. Вместо нее зияла огромная черная дыра, напоминающая пасть устрашающего животного.

Пассажиры автобуса бросились к окнам, глаза на необычную картину и тыкая пальцем в четвертый блок.

“Я слежу за тобой...”

Марина заозиралась, пытаясь отыскать источник едва услышанного ею тихого голоса, наполненного угрозой и детскими нотками. Приятная на ощупь кожа покрылась мелкими пупырычками. Душа съежилась и спряталась на самом дне, найдя там успокоение. Сердце часто забилося, и глаза забегали, будто у испуганного воришки.

Никто ничего не слышал.

“Это просто крыша едет. Если все пойдет по такому же сценарию, меня надолго не хватит”

Раздалось чье-то издевательское хихиканье.

А потом все смолкло.

...Ее глаза казались бездонными. Где-то на глубине черных, как ночь, зрачков грелось любопытство. Это как загадка, тайна, которую хотелось вкусить, добраться до сути, и, напившись, облегченно вздохнуть. И — одновременно — бежать, боясь переступить запретную черту.

Она была роковой красавицей с прямыми золотистыми волосами. Средь длинных прядей запутались лучи солнца, сверкая, как грани отесненного драгоценными камнями бриллианта. Грудь то поднималась, то опускалась. Маленький выпуклый живот был скрыт под прозрачной блузкой. Валерию хотелось просунуть под нее руку, дотронуться до гладкой кожи, почувствовать, как отвердевает мужское достоинство...

И она заметила это, игриво прищурившись.

— Что, нравлюсь?

Валера почувствовал, как постепенно краснеет, ощущая неловкость, но отвести глаза не может, впившись взглядом в пульсирующую соблазняющую шею. Тонкая рука, шаловливо, расстегивая пуговицу за пуговицей, открывала соблазнительный взор на два больших бугорка в обтягивающем бюстгальтере.

— Ты — ведьма...

Она громко рассмеялась.

— Ты это говоришь, потому что я тебе нравлюсь. И не надо доказывать обратного! Просто, — Валерий ощутил прикосновение ее жаркого дыхания, — возьми меня здесь и сейчас. Мы в институте одни, нам никто не мешает. Знаешь, — не дожидаясь ответа, она сняла бюстгальтер и отбросила его в сторону, — я так соскучилась по мужскому вниманию...

Сорокалетний мужчина, увлеченно отдающий себя работе, чувствовал давно забытый бурный всплеск гормонов — еще в годы молодости, когда он впервые встретился со своей женой, ему пришлось прочувствовать то же самое: мурашки, бегущие вдоль позвоночника, внезапный холод, бросание в пот, мелкое подрагивание пальцев и заикание, будто в миг все слова забываются, уступая место блаженному ощущению, что заставляет сердце биться чаще. Маргарита была не такой развязной, как молоденькая журналистка из “Правды” — скромная, застенчивая, иногда — молчаливая, но очень добрая и сердечная.

Валерий, проглотив слюну, подошел к девушке и, обхватив ее шею дрожащими пальцами, приблизился к полуоткрытым губам, прикрыв веки.

— Валерий Алексеевич! Валерий Алексеевич! Валерий Алексеевич!!

Валерий окончательно проснулся, подскочив на стуле от громкого крика.

— Прошу прощения, что прерываю ваш сон, но вас уже все ждут.

Ученый, все еще пребывая в странном сне, встал из-за стола, плеснул себе воды в стакан и выпил. Вытер рукавом куртки губы и ясным взглядом всмотрелся в лоснящееся лицо партийного чиновника.

— Люди все прибывают и прибывают. Теперь сложновато передавать поручения с глаза на глаз, нужно выделить по одному начальнику каждой группе.

— И где вы отыщете столько начальников?

— У вас есть предложения?

Они вышли из штаба.

Валерий достал сигарету из кармашка куртки и закурил.

Двое мужчин стояли под откосом, наблюдая, как стекают на землю ручейки воды, окропляя траву под ногами. Небо затянуло серыми облаками, куда-то медленно плывущими.

— Слава богу, радиоактивные выбросы закончились.

— Это ненадолго.

Пауза.

— Я решил, что будет лучше поделить всех пребывающих на станции людей на две группы. Первую группу возьмет под свой контроль Силаев. Я буду командовать второй. Что-то погода сегодня бушует. — Щербина достал из куртки берет и надел его на голову. — Скоро Воронин на площадке появиться, он займется дальнейшим планированием работ. Он собирается закупать нужные материалы для постройки объекта “Укрытие”.

— Отлично.

Борис посмотрел на задумчивого ученого и, по привычке заложив руки за спину, прищурился:

— Вы что-то скрываете, Валерий Алексеевич.

Валерий поднес сигарету к губам и, затянувшись, выдержал паузу.

— С чего вы взяли?

— По тебе видно, что тебя что-то гложет.

— Любите вы, Борис Евдокимович, переходить черту вежливости. Надеетесь таким способом получить мое доверие? Я нисколько не сомневаюсь в вас, товарищ Щербина, но есть вещи, которыми не захочет делиться ни один человек на этой планете. И плюс, я не понимаю, по какой такой причине вас интересуют мои грешки.

— Я не думаю, что у такого человека, как ты, есть грехи.

— Я такой же человек, как и все, не нужно делать из меня святого.

Валерий развернулся, чтобы уйти, но Щербина бросил ему в спину:

— Между тобой и той девочкой явно есть связь. Вы очень сильно похожи.

— И вам всего доброго, Борис Евдокимович.

— Военные прибывают с каждым днем все больше и больше! Нам не хватает помещений, чтобы разместить их всех!

— Твои предложения?

Валерий, сильно намочив под проливным дождем, вернулся в штаб. С бледно-салатовой куртки ручьями стекала вода. Ему хотелось прогуляться, выплеснуть эмоции, которые он долго держал в себе. Если знаменитый академик Легасов разреветься как маленький мальчик среди подчиненных, то что они о нем подумают?

“Нам прислали слабохарактерного специалиста!”

Валера искал девочку с пронзительно-синими глазами, которая наверняка где-то пряталась, не смея высунуть нос наружу. Он остановился посреди огромного, заросшего высокой травой, поля. Задрал голову, жадно ловя губами крупные капли дождя.

С полуоткрытых уст вырвался крик отчаяния, похожий на рык оголодавшего зверя.

По мокрому лицу потекли первые соленые струйки.

Девочка, склонив голову и поджав губы, из-за чего на подбородке появилась глубокая вертикальная линия, стояла за его спиной. Она замерла, наблюдая за рыданиями своего отца.

Мрак облепил тоненькую фигурку, создавая энергетический купол. Капли воды, падая на девочку, сыпались искрами во все стороны и падали на мокрую траву, мгновенно затухая.

— Предлагаю построить несколько поселков, чтобы наши солдаты могли там проживать. Знаешь ли, одного сельского городка на всех не хватит, — с сарказмом произнес ученый после недолгой паузы.

Александр Боровой потушил сигарету в стеклянной пепельнице и, встав из-за стола, распахнул форточку, запуская в небольшое помещение запах мокрой травы, ибо комната погрузилась в дымную завесу.

— Как вам с Велиховым пришла идея накрыть реактор бетонной коронкой?

— Нужно было что-то делать с развалами реактора. Не будут же они стоять вечно открытыми. Мы с ним всю ночь работали над его идеей. Он предлагал накрыть это дело куполом, чтобы полностью его похоронить, оставив старые конструкции внутри. Я же предложил построить новую конструкцию, задействовав при этом старые.

Мы остановились на втором подходе. Для этого нужно провести некоторые испытания, дабы проверить, подходят ли старые конструкции в качестве опоры. Но это невозможно, вокруг блока такие радиационные поля, что мы вместе со своей техникой попросту “сгорим”.

— Можете задействовать вертолет.

— Но все равно прочность этой конструкции будет под вопросом.

Валера отвернулся к окну.

— Мне кажется, с тобой происходит что-то странное, — прищурившись, произнес Александр. — Ты замкнулся в себе, ходишь мрачный да еще и выглядишь отвратительно. Хотя это уместно здешней обстановке, тут кругом сплошная радиация. Мне тоже иногда бывает плоховато. Ты не расскажешь, что с тобой происходит?

Валера опустил глаза.

— Расскажу, но боюсь, ты мне не поверишь.

Боровой покачал головой:

— Ты сомневаешься во мне как в своем друге?

— Нет, просто ты чересчур консервативен.

— Я же ученый. Каким я еще должен быть?

Академик пожал плечами.

— Так в чем же дело?

— У меня появилась внебрачная дочь, Алина. Ей всего девять лет.

— И что же в этом такого катастрофического?

— Да ничего собственно, если не учитывать тот факт, что девочка, которая бежит на территории станции, и есть моя дочь.

Их распределили по расставленным среди поля палаткам и раздали постельное белье. Внутри стояли раскладушки с разбросанными на них матрасами и подушками.

Одеяла выдали уже после.

Поужинали они в отдельной палатке, на неудобной скамейке, куда приносили еду в специальной армейском котелке.

Марине крупно повезло — к ней подселили еще двух человек, один из которых был ее новоявленный приятель.

— Нас сама судьба носами сталкивает! — отреагировал он в своей шутливой манере. — Может, после разведешься со своим Пашей и выйдешь за меня замуж?

— Бегу и спотыкаюсь!

— Ну во-о-от... — с наигранным огорчением протянул Сергей. — Я к ней, значит, со всей душой, а она...

— Что здесь делает ребенок?

На пороге палатки появилась маленькая девочка в школьной форме. Длинные вьющиеся волосы прятались за спиной, как и белые ленточки, которыми перехватили тяжелую прядь. Бант напоминал яркий полумесяц среди ночной черноты. На подбородке вырисовывалась вертикальная, едва заметная, линия. В уголках пронзительных синих глаз собирались мелкие морщинки, стоило малышке улыбнуться. Кончик носа слегка подрагивал, пытаясь распознать незнакомцев через обоняние и прочувствовать ранее неведомый запах.

— Тебя как зовут? Как ты здесь оказалась?

Девочка остановила свой взгляд на светловолосой даме, прищурилась, изучая ее сквозь маленькие щелочки глаз, и расплылась в довольной улыбке.

— Она что, не умеет разговаривать?

— Да не-е-е, притворяется.

Марина пожала плечами:

— Может быть.

Марина всю ночь не могла уснуть. По лицу текли струйки обильного пота, заливая и щипая глаза. Едва прикрытые одеялом ноги жутко чесались. Кожа на стопах горела от долгого ношения носков из плотной ткани. Да и пижама была намного толще армейской куртки.

“Они решили о нас так позаботиться? Забавно...”

Марина перевернулась на другой бок и почесала икры.

Одеяло от неловкого движения упало на голую землю.

“Комаров здесь нет. Тогда откуда этот чертов зуд?!”

Сергей, разбросав руки по разные стороны и отбросив в ноги пододеяльник без одеяла, спал на соседней раскладушке. Здоровенный детина храпел так, что палатка сотрясалась будто от раскатов грома в ясный летний день.

“Храп хуже комаров...”

Им строго-настрого запретили покидать палаточный городок: в эвакуированной Припяти разбушевались мародеры, вытаскивая из оставленных жильцами домов мебель, технику и другие вещи.

Вечером, укладываясь спать, Марина заметила двух солдат с автоматами наперевес недалеко от своей палатки.

Сев на постели и свесив ноги, Марина бросила взгляды на спящих приятелей. Раскладушка предательски скрипнула, но ни один из них не проснулся. Подойдя к закрытому на “молнию” выходу, она взялась за “собачку” и потянула ее вниз. Затем осторожно выглянула на улицу и покрутила головой в разные стороны: солдаты с автоматами исчезли.

Девушка пролезла через небольшую дыру и, выпрямившись, отряхнулась.

Перед глазами зияла глубоко протоптанная тропинка.

Пожелтевшая трава вонзилась в потрескавшуюся кожу. Хрустнула тоненькая веточка под ногами. Непроглядная темнота давила на психику, подпитывая страхи не реалистичными картинками из своего воображения: два блестящих, без зрачков, белых и смотрящих из-за кустов глаза.

Порывы ветра прогнали, подобно песку пустыни, непроглядную темноту, вычерчивая контуры серебристого здания: из черноты проявилась металлическая труба, что разрезала темный небосвод на две половины. Звезды сгнули, как и яркий полумесяц, некогда освещавший тропинку. Выплыл темный, как уголь, прямоугольник,

состоящий из нескольких этажей с мелкими непроглядными окнами. За ним показалась верхушка бетонного вентиляционного канала.

Внезапный ветер взборошил длинные золотистые волосы и бросил в лицо горсть мелких зеленых “самолетиков”. Марина обернулась и заметила, что палаточный городок растворился в темноте. Из уст невольно вырвался испуганный стон, когда она нос к носу оказалась перед разрушенным взрывом энергоблоком, пугающим своей развернутой черной пастью и величиной в несколько человеческих ростов.

— *Добро пожаловать в Чернобыль!*

На фарфоровом лице появилась ядовитая улыбка. Темные распущенные волосы незнакомки неподвижно висели у нее за спиной. Нагое тело прикрывали какие-то непонятные черные лохмотья. Холодный взгляд синих глаз заставил Марину остолбенеть. Пот выступил на ее лбу, чувствуя, как душа, испугавшись резких перемен, ушла в пятки. Руки покрылись мелкими мурашками. Сердце пыталось выскочить наружу, пробивая своими ударами грудную клетку.

— Кто ты...?

— Тебе лучше не знать.

— Что я здесь делаю...?

Девушка подняла вверх палец:

— Ты задаешь слишком много вопросов! Не пора ли нам повеселиться?

— Что...?

— *Повеселиться!*

Незнакомка, осев на землю, превратилась в злобного зверя, с острых клыков которого стекала обильная слюна.

— *Я вас всех ненавижу! Вы все сдохните, сдохните!*

Некогда былая храбрость и отчаянная смелость покинули девушку — она, сорвавшись с места, бросилась бежать. За спиной раздавалось хриплое рычание — монстр прыгал по стенам, пытаясь догнать жертву, придавить к земле и вонзить клыки в тонкую шею.

— *Сдохните, сдохните!*

Дыхание от сильного бега сбилось и заставляло жадно ловить ртом воздух.

В горле забулькало, мешая свободно дышать.

Кашель раздирает легкие и адски бьется сердце.

Ноги нестерпимо горели дьявольским огнем.

Марина, завидев место, где можно укрыться, одним прыжком достигла его и спряталась, поджав ноги к груди.

Звезды, словно по мановению волшебной палочки, вновь появились на темном небосводе, зияющем над головой. Полумесяц выплыл из черного тумана, рассекая мрачную перину серебристыми лучами. Ветер, некогда разбушевавшийся, утихомирился, прильнув к разгоряченной земле.

Она осторожно выглянула из-за угла.

Никого.

Марина крепко зажмурилась. Струйки обильного пота стекали с побледневшего лица на кофейного цвета пижаму. Грудная клетка одновременно опускалась и поднималась, пытаясь стабилизировать дыхание. Кашель все еще пытался пробить невидимую преграду.

Золотистые локоны висели грязными прядями, прилипая к мокрому лицу.

Из царапин на ступнях медленно капала кровь.

Когда ожидание стало невыносимым, Марина на четвереньках выползла из своего временного пристанища и, резко выпрямившись, побежала вдоль бетонного забора, появившегося непонятно откуда.

Убраться отсюда по добру, по здорову не получится — где-то бродил рычащий отвратительного вида монстр, хриплое дыхание которого было слышно за версту.

Марина увидела лежащий на земле автомат Калашникова. Недолго думая, она схватила его и, наведя прицел, медленной поступью отправилась на детальный осмотр места, куда ее занесла нелегкая.

Из разрушенного блока не показывалась даже знакомая малиновая зарево — черная пасть взорвавшегося реактора выглядела как детская игрушка.

Раздался оглушительный свист свинцовых, проходящих через толстую кожу зверя, пуль. Монстр, истекая кровью, тяжело захрипел и рухнул на землю, сраженный автоматной очередью.

Марина отбросила автомат в сторону. Тот издал треск падающего оружия.

Ноги резко подкосились.

Не справившись с силой земного притяжения, она рухнула на черный, засохший от жары, грунт без сознания.

Воспользовавшись кратковременной паузой, Валерий незаметно вышел из двухэтажного здания и направился

в сторону атомной станции. Но на полпути остановился, понимая, что там работает огромное количество людей. Его внезапное появление вызовет вопросы — правительственная комиссия редко посещала площадку рядом с четвертым блоком, разве что, в самые критические моменты.

“Все равно придется туда наведаться...”

Поправив зеленую кепку с полукруглым козырьком, покручивая пальцами заранее приготовленную сигарету, Валера — пешком! — направился на станцию. Через весь город, по асфальтированной дороге. Возможно, где-то в этих местах бродит его дочь в школьной форме. Но взору попадалась только плотная, закрывающая дальние просторы, зеленая занавеса. Деревья укрывали своей листвой. Трава ярко-салатовой полосой заслоняла протоптанные тропинки. Чуть дальше зияли вырытые тракторами котлованы для захоронений техники и вещей из Припяти.

Валерий остановился и прижал к губам сигарету, набирая в легкие табачного дыма. Выпустив яд через ноздри, он снова оглянулся, тщетно высматривая тоненькую фигурку среди агрессивно-зеленого фона.

“Может, все же стоит признаться не только самому себе, но и всем остальным, что моя дочь...” — из-за кустов раздался громкий рык, на миг прерывая тяжелые мысли ученого, заставляя того вздрогнуть и несколько раз обернуться.

“Показалось...”

Усталость своей невыносимой тяжестью давила на хрупкие плечи — хотелось все бросить и сесть посреди дороги. Валерий бы обязательно последовал этой затее, если вовремя не вспомнил, что этим путем военные бронетранспортеры добираются до станции. Он представил их лица и продолжил путь.

Машины со свинцовыми щитами заезжали на станцию со стороны стройбазы, минуя первую очередь и третий энергоблок, который уже был остановлен.

Валера выбросил окурочек недалеко от входа в административно-бытовой корпус [АБК-2], находящийся с обратной стороны второй очереди. Такое же административное, черное, напоминающее прямоугольник, здание [АБК-1] располагалось в двух шагах от второй очереди.

— Приветствуем вас, Валерий Алексеевич!

Ученый махнул рукой в знак приветствия.

— Пока без происшествий?

— Слава богу!

— Кто-нибудь заходил?

— Обижаете, товарищ Легасов, у нас здесь и комар не пролетит!

— Ничего подозрительного не замечали?

— Например, девочки в школьной форме? Так ее сегодня здесь не было!

— Пропустите? — улыбнулся охранникам ученый.

— Ну что вы, Валерий Алексеевич, проходите! Это не вы у нас должны спрашивать, а мы!

Внутри было так же прохладно, как и снаружи. Над станцией медленно собирались дождевые облака, грозя обрушить стихию на головы работающих людей. Ранним утром солнце стояло высоко над городом, пробуждая природу от ночного сна, а ближе к обеду погода резко изменилась.

— Товарищ Легасов, мы сегодня не видели маленькой девочки. А зачем она вам?

— Ее родители нашли!..

— Боже, слава богу, вы не представляете, как мы от нее устали!..

Валерий вышел на улицу, тщетно пытаясь отыскать внутри полутемных помещений маленькую девочку. Вытащил из кармашка куртки маленький беленький приборчик с проводками. Поднеся к губам прикуренную сигарету, ученый принялся его распутывать.

— Товарищ Легасов, товарищ Легасов!

Валерия окружила толпа людей в армейской форме.

— Мы давно хотим с вами поговорить, у нас к вам вопросы!

— А это что за штука? Это дозиметр такой, что ли?

— А это штука, накапливает, да?

— И накапливает, и иногда показывает мощность дозы, — с зажатой во рту сигаретой ответил ученый, ткнув указательным пальцем на серый экран приборчика, — и интеграл, но какой сейчас интеграл, ноль-ноль, он и есть ноль!..

Валерий убрал дозиметр обратно в кармашек куртки.

— А когда вы летели на самолете, над реактором...

— Нет, там другое. Когда мы летели, — обратился к мужчине в толстых очках академик, выдохнув табачный дым, — там было максимально ноль семь рентгена, скажем, в час, мощность дозы... в час. Значит, когда мы пролетели, дозы накопились, ноль три рентгена, ноль пять рентгена, где-то вот так...

— А детишки у меня будут, нет?

Толпу разразил громкий смех.

Валерий, наигранно закатив глаза, цокнул.

— Будут, будут!..

— Вот именно теперь и будут!.. — произнес ученый и по-настоящему улыбнулся — впервые за все это время.

Его дружно поддержали остальные.

— Будут, будут, не переживай, — подмигнул один из присутствующих. — Я с шестьдесят четвертого года работаю с источником радиоактивного излучения, детишки у меня есть, и все нормально... по этой части, так что, не переживай.

Счастливые мгновения в большинстве своем недолговечны — ученый убедился в этом, когда группа радостных мужчин разошлась по рабочим местам, заполучив ответы на волнующие вопросы. Осталась только пустота, которую сложно чем-то заполнить, да и чувство вины его тоже не покидало. Ему хотелось объясниться со второй дочкой, сказать ей все, что накопело.

Валерий, трясущимися от волнения руками, плеснул себе в граненый стакан холодной воды из графина. Выпил, наслаждаясь текущими по шее ручейками. И вернулся к столу с бумагами.

Посреди комнаты сверкнула молния, за ней другая, заставляя перепуганного ученого выскочить из-за стола, дабы не попасть под немилость стихии. Мрак, прячущийся по углам, накрыл всполохами тонкую девичью фигурку.

— Золотце мое...

Девочка смущенно улыбнулась и опустила взгляд.

Валерий бросился к дочери и, присев перед ней на колени, погладил по рукаву рубашки.

— Ты только не беспокойся, хорошо? Мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем!

Малышка вопросительно посмотрела на отца.

Легасов вскочил и принялся расхаживать по комнате, словно обезумевший.

— Ты даже не представляешь, под каким ударом ты находишься! Это все очень и очень серьезно!

Девчушка продолжала невинно хлопать густыми ресницами.

— И что нам теперь делать? — академик сложил руки на груди, возвышаясь над девочкой. — Ты подставляешь под удар не только себя, но и меня тоже. Что подумают люди, когда узнают о тебе и твоих способностях?

Девочка стыдливо опустила блестящие от слез глаза.

Валера наградил дочь испытывающим взглядом.

В пронзительно-синих, как ясный небосвод, глазах промелькнуло настоящее отчаяние.

Слезинки покатались бусинками по грязному лицу, оставляя мокрые дорожки.

Малышка захлопала ресницами, пытаясь унять порывы душевной боли.

— Изобретение, обеспечивающее всем необходимым, награждает маленького ребенка своей силой. Это очень и очень необычно для века ядерных технологий. Наши взаимоотношения с мирным атомом не настолько развиты, чтобы познать его как можно глубже. Ты не подумай, я не хотел тебя обидеть или, скажем, как-то задеть, — академик провел ладонью по девичьей руке, — я просто очень сильно переживаю за тебя, мой цветочек. Ты же не обижаешься на своего папу, верно?

Девчушка отрицательно pokrutila головой и неожиданно обняла его, обхватив руками толстую короткую шею.

— Сейчас самое главное, сделать все, чтобы ты была в безопасности. Ты не должна ходить там, где не положено. И, пожалуйста, не показывай людям свои умения. Не потому что ты так опозоришь своего папу. А потому что у тебя могут начаться проблемы, очень большие проблемы.

Валерий провел свою дочь в небольшой закоулок. Маленькая комнатка напоминала чулан обычной жилой квартиры. В углу стоял одинокий стул без сидухи, а на полу — старый, погрызенный молью, матрас.

— Я принесу тебе чистое постельное белье. Ты будешь жить здесь, за стенами моего кабинета.

Я подозреваю, что ты сегодня же сбежишь, и мне, скорее всего, снова не удастся тебя отыскать.

Валера приблизился к лицу девочки и положил руку ей на плечо:

— Просто будь осторожна, хорошо? А насчет твоих умений поговорим позже. Все. Иди.

Малышка кивнула и, подойдя ко входу в закуток, напоследок обернулась.

— Давай поговорим об этом позже, хорошо?

Ей ничего не оставалось сделать, как раствориться во мраке маленького чуланчика.

Новоприбывших подняли с постелей, заставили наспех одеться и отправили по длинной протоптанной тропинке к стоящему неподалеку автобусу. Тот молча загрузил пассажиров и отправился в Чернобыль.

Салон погрузился в сонный час — мужчины и женщины, прижавшись лбами к мокрому от ночного дождя стеклу, заснули.

Внезапная вспышка фотокамеры заставила Сергея разомкнуть веки. Он взглянул на двухметрового темноволосого молдаванина и, промывчав ругательство себе под нос, вновь опустил голову. Но сон упорно не хотел возвращаться. Тогда ему пришлось довольствоваться наблюдением за молодыми женщинами, которые, несмотря на обстановку, выглядели очень недурно.

У Сергея от этого зрелища засосало под ложечкой.

Когда автобус прибыл на место и приветливо распахнув дверцы, пассажиры вышли наружу, громко зевая и протирая заспанные глаза.

— Поехали! Чего стоишь?

Сергей повернулся и увидел группу молодых ребят, которые радостно махали руками, приветствуя нового командира. Старый же, нахмурившись, оценивающе поглядел на приближающегося к нему мужчину, и тоже резко отмахнулся, указав головой на бронированную, разведывательно-дозорную, машину.

— Залезай. Ты теперь у нас командир. Я уже отработал свои положенные двадцать пять дней.

— Давай, поехали, товарищ лейтенант! В нашем бронике! — закричали ребята.

Сергей, не сказав ни слова, залез в машину.

Первым пунктом назначения был лес, находящийся в паре шагов от атомной станции.

— Вон АЭС, а вон то, — один из парней показал рукой вверх сосен, когда они направились по полупустующей трассе, — четвертый энергоблок виднеется.

— Здание как здание — промышленное, длинное, белое. Энергоблок, правда, как коробка, над ним выступает, да все вроде целое. — Сергей пожал плечами. — Не понимаю, в чем тут проблема.

— Так отсюда же плохо видно!.. Подъедем поближе, там все и рассмотрите.

Остановились у раскрашенной бетонной эмблемы Чернобыльской АЭС:

ЧАЭС имени В.И.Ленина

ВСЕСОЮЗНАЯ

УДАРНАЯ

КОМСОМОЛЬСКАЯ

СТРОЙКА

[слева “факел” с изображением Владимира Ильича Ленина]

Парни выскочили из бронированной машины и, вытащив дозиметры с зондами, принялись мерить радиацию.

— Беру свои слова обратно. — Сергей повернулся в другую сторону и увидел развернутый взрывом энергоблок: с того места был замечен только больший его кусок, все остальное скрывалось прямоугольником с выпирающей арматурой.

— Здесь самая большая доза — тысяча двести миллирентген в час, то бишь одна целая, две десятых рентгена в час. Это приблизительно сто тысяч нормальных природных уровней радиации.

— Съездили, называется...

— Во время взрыва здесь не одна волна прошла, поэтому все деревья — абсолютно все! — покрылись ржавчиной. Их только рубить и захоранивать. Хотя я сомневаюсь, что это как-то поможет, радиация впиталась в почву, и, как мне кажется, останется там надолго.

— Ладно, поехали! Я есть хочу.

Дальше ехали уже молча.

— Как дорога?

Новая приятельница, молодая светловолосая девчонка, имени которой он до сих пор не знал, уже сидела в палатке, разминая опухшие от армейских сапог ноги.

— “Засветились” немного и домой поехали.

— Что, большая доза?

— Будем сиять, как новогодние гирлянды.

Она усмехнулась.

— А ты чего такая хмурая?

— Да день не задался, — тяжелый вздох, — направили к женщинам... в качестве поломойки, — милое личико стало еще мрачнее.

— А чего ты хотела? Вы, женщины, очень хрупкие создания...

— Я не такая! — отчеканила девчонка, повернувшись к нему.

— “Я не такая, я жду трамвая”

— Да пошел ты...

— Ладно-ладно...

Ее лицо внезапно просияло:

— Слу-у-ушай, а ты бы не мог взять меня к себе в роту?

— Вот те на! — громко рассмеялся Сергей. — Как ты себе это представляешь, солнышко?

— Как? С тобой ездить буду. Ты же начальник, верно? Ты решаешь, кого взять, а кого послать.

— Ты просто гений. Только вот имя этого гения мне незнакомо.

Девчонка заулыбалась:

— Марина.

— Только вот мы, мужики, народ очень одинокий, — Сергей взъерошил волосы, — и молоденькая девчонка среди таких же, как мы... ну-у-у... не очень-то очень...

— Так и скажи: брать тебя я не хочу! Зачем весь этот цирк?

— Ладно, твоя взяла. И почему я вечно иду у вас на поводу?

Марина с вызовом сложила руки на груди:

— Потому что ты одинокий мужчина?

— Ты меня поддела. Я оценил.

— Ты вроде есть собирался.

— Ну как?! Как я могу вкушать скромные армейские блюда в присутствии обворожительной дамы!?

— Смотри, слюнями не подавись.

— Девушка, вам бы поучиться манерам...

— Пошли!..

Ужин прошел в довольно скромной обстановке, и Сергей, улегшись на свою раскладушку, уснул.

На следующее утро он, приоткрыв веки, почувствовал, как его распирает в туалет. Встав с постели, лейтенант с запаса тихонько вышел из палатки и порысил взглядом в поисках местного сортира.

Палаточный городок, освещенный утренним солнцем, казался каким-то прозрачным, пустым и нереально спящим.

Подъем начинался в шесть утра.

До него Сергей посетил уборную еще три раза, размышляя над причинами сия действия.

— Что с тобой?

— Да приболел немного...

Марина усмехнулась:

— Неудивительно.

“Странно... Когда только попадаешь в армию, возникают проблемы как раз “наоборот” — все эти каши постоянные плюс нервный стресс плюс непривычный режим, в итоге делаешь это по привычке, чем по необходимости...”

— Ой!..

“Где-то тут был медпункт... Господи, пусть он будет открытым!..”

До завтрака оставались считанные минуты.

Сергей, с трудом сдерживаясь, чтобы не опрофиниться перед сослуживцами, отыскал палаточный медпункт. Потянув за продолговатые белые деревяшки-пуговицы, он расстегнул вертикальный ряд до пола и прошел в темный тамбур.

Полусвет лился из шатра палатки.

Пустота и чистота.

Лейтенант подошел к стоящему сбоку от окошка деревянному столику, накрытому марлей. Слегка приподнял ее и принялся исследовать многочисленные баночки и скляночки со всевозможными лекарствами.

“Здесь должен быть активированный уголь...”

Но его, как назло, не оказалось.

“Проклятье! Медпункт батальона радиационной разведки...”

— Что, занимаешься спортом?

— Ага. Гажу в душу унитазу.

— Счастливчик! Не успел в Чернобыль попасть, все унитазы обосрал.

Пока остальные на завтрак поедали кашу, стуча ложками об металлические чашки, лейтенант, боясь попасть впросак и быть осмеянным, скромно жевал корку черного хлеба ипил горячий чай.

В импровизированную столовую, выпятив грудь, вошел начальник медицинской службы батальона — такой же лейтенант из запаса, только старший.

На гордо расправленных плечах заблестели погоны с изображением змей.

— Прошу прощения, но вы не подскажете, где в данном месте можно отыскать активированный уголь?

Начальник приподнял бровь:

— У нас его нет.

“На пятьсот человек нет ни одной таблетки?!” — Сергей мысленно схватился за голову.

— Черт бы вас побрал вместе с вашей АЭС... — прошипел он сквозь сжатые зубы.

“В сортир опять хочется... Что же делать?..”

Колонна бронированных машин уже дожидалась своего командира, пока тот, покинув палаточный городок, размышлял над тем, где бы справить нужду.

“Такое ощущение, будто я проглотил круглую оборонительную гранату, “лимонку”, с радиусом разлета осколков двести метров...”

— Товарищ лейтенант, вы где были? Мы вас уже заждались!

— Поехали!..

На стоянке в Чернобыле потуги отступили.

— Следующий маршрут — Рыжий лес-2.

Живот предательски заурчал.

“КА-РА-УЛ!!”

“Что сейчас будет!!”

Марина, сидящая рядом с ним, пыталась подавить насмешливую улыбку. Золотистые локоны свисали из-под бледно-зеленой треуголки. Спустив ноги в темно-коричневых кожаных сапогах, она бормотала что-то себе под нос, не обращая внимания на муки лейтенанта.

— Ты почему не носишь респиратор?

— Мне в нем душно.

— Ты у нас, получается, бессмертная.

— Все там будем.

Машины, как назло, ехали по центральной улице одна за другой.

“Да и ребят просить остановить... ну неудобно как-то!..”

“Ладно, черт с ним, потерплю!..”

Бронированная машина свернула с трассы.

“Вот оно! Сейчас остановимся — и тогда...!”

Дозиметрист спрыгнул с броника, перехватывая на ходу дюралевый держак с зондом, и сделал несколько шагов к кустам.

“Ну! Не тяни ж ты...!”

Спрыгнуть с машины, сказать “подождите”, зайти за куст, снять штаны и — о-о-о!..

— Двадцать девять миллирентген в час!

Сергей аж побелел.

“Зайти за куст, снять штаны и присесть, свесив яйца на 29 миллирентген в час...”

“Это же немного... совсем немного...”

— Что, не вышло облегчить душу?

Он поднял голову и наградил девчонку с золотистыми локонами испытывающим взглядом.

Марина сидела на вершине бронированной машины и улыбалась.

— Поехали... — проскрипел зубами Сергей.

“А если с броника? Рукой за скобу, а задницу свесить за броник — полтора метра высоты...”

Вертикальный кормовой лист брони — расписанный веером разлетающихся “осколков”...

— ПОЕХАЛИ!

— Да ладно тебе, изнемогать. Ближайшие кусты — и дело сделано!..

— Опустив свое “приданое имущество” на двадцать девять миллирентген в час?! — шепотом прошипел лейтенант. — Ну уж увольте, мне мои потроха еще дороги...

Марина захихикала, поведя плечами:

— Знаешь, я представила себе это дело, и теперь не могу удержаться...

— Смейся, смейся! Хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Она озорно улыбнулась и отвернулась.

— Ну вот смотрите, — рослый темноволосый безусый мужчина, расстелив карты с изображением атомной станции, водил пальцем по плотной бумаге, — вам предстоит проложить ста тридцати шести метровый тоннель под четвертым блоком, провести по нему коммуникации и уложить рельсы для вагонеток. Необходимо построить холодильную камеру под реактором на тот случай, если он провалится.

Тимофей, сложив руки на груди, пристально наблюдал за происходящим.

Стены небольшого помещения впитывали каждое слово и звук. Дымовая пелена окутала комнату, специально выделенную для министра угольной промышленности.

И он, и его помощники, не переставая, курили одну сигарету за другой.

Впрочем, как и все, кто работал в Чернобыле.

— Радиации в этом месте, — чиновник постучал пальцем по схеме четвертого блока, — немеренно, так что, ребята, вы под большим ударом. Долго находиться там нельзя, поэтому мы разделили сутки на восемь смен по три часа каждая. Как только сообщат, что ваша смена окончена, немедленно уходите оттуда! Все ясно?

— Ясно!

— Даем вам два месяца. Ни днем больше!

— *А теперь — вперед!..*

— Наворотили они дел, мама дорогая, — сообщил Тимофею его коллега, когда они вместе с остальными вышли на улицу.

— Это могло произойти где угодно.

— Говорят, за рубежом было нечто подобное.

— Меня это интересует меньше всего. Пошли. Нас автобус ждет.

Автобус, загруженный шахтерами, двинулся из города по центральной дороге. В салоне повисла пауза, нарушаемая лишь чьим-то кашлем или шмыганием носа. Когда на горизонте показалось здание атомной станции, мужчины в белой униформе вскочили с мест и, подбежав к окнам, всматривались в постепенно выплывающий разрушенный взрывом энергоблок.

Они проехали мимо стройбазы, ровной земистой площадки, где даже редкие травинки не росли, и обогнули вторую очередь с другой стороны.

Тимофей рассмотрел экскаваторы, убирающие груды строительного мусора.

— Смотри. Удручающее зрелище, не правда ли?

Он молча кивнул.

Шахтерам выдали лопаты и кирки.

— Удачи!

Острие лопаты пронзило насквозь сухую от жары почву. Отброшенные черные комки прилетали на землю неподалеку от копающих мужчин.

С лиц на белоснежную ткань обильными ручьями стекал пот. В респираторах стало душно — приходилось снимать их, делать вдох и надевать снова. Кожа рук, что крепко обхватывали скользкую деревянную ручку, невыносимо горела.

Тимофей, оказавшись наедине с самим собой в мрачном помещении интерната, кормил маленьких золотистых рыбок в стеклянном аквариуме.

Через три часа предстояла новая смена.

Болящие от изнурительной работы руки и ноги казались мелочью по сравнению с штуковинной, изрыгающей радиацию.

Проходила дезактивация жилых помещений — солдат в защитном костюме поливал длинный узкий коридор из резинового шланга.

В нос ударил запах жареной рыбы.

— Вам запрещено ловить рыбу, есть местные фрукты и овощи, а также заниматься охотой! Все здесь заражено радиацией и представляет опасность для человеческого организма! — вспомнил Тимофей слова местного председателя.

Он с грустью посмотрел на обитателей аквариума.

“Все равно сдохнут...”

— Эй, землекоп, иди к нам! — из комнаты выпянул молодой мужчина и махнул рукой. — Мы тут селедки нажарили! Проходи, угощайся!

Тимофей долго раздумывать не стал.

— А нас за это не накажут?

Рыбаки рассмеялись:

— Все здесь занимаются тем, что запрещено! Мы вообще в эту радиацию не верим!

— Ты сам посмотри: рыба как рыба. Что в ней плохого?

На этот вопрос оставалось только пожать плечами.

— О, смотрите-ка, — засмеялся мужчина, — у нас гостя!

На пороге стояла девочка в школьной форме.

— Бедняжка...

Пронзительные синие глаза впились в кусочки жареной рыбы.

— Ты хочешь есть?

— На, бери! Не бойся!

Тимофей во все глаза таращился на малышку, нерешительно топчущуюся на пороге.

— Почему вы ее так радостно встречаете? Разве ей можно тут находиться?

— Она тут частенько бегаёт. Мы уже привыкли. Придет, поест и уйдет.

Девчушка все же набралась смелости и присоединилась к группе мужчин, присев на краешек одиноко стоящего деревянного стула.

Она ловко подхватила кусок рыбы, разломала его пополам и, поднеся ко рту, начала быстро есть.

— Дикарка, самая настоящая дикарка!

Девочка вытерла жирный рот рукавом рубашки.

— Ну не чудное ли создание, а?

— Ее же все ищут...

— Ищут да поймать не могут! По-видимому, деваться ей некуда, поэтому она ошивается здесь.

— Разве у нее нет родителей?

— Судя по всему — нет. За все это время за ней никто не пришел.

Девчонка, отужинав вместе со взрослыми мужчинами, выскользнула из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

— Когда мы ее обнаружили, она была вся в бинтах, еле живая. Помыли, накормили, одели и выпустили. Я уже тогда понял, что она бродячая и никому не нужная. Жалко все-таки, ребенок еще.

Спустя три часа Тимофей вновь отправился на станцию.

Над огромным бетонным зданием светило безжалостно палящее летнее солнце.

По спине, под испачканной землей майкой, текли соленые ручейки пота, пощипывая царапины, полученные в проходах узкого тоннеля.

Респираторы пришлось снять. В них невозможно дышать.

— Вы радиации не боитесь?

Тимофей ответил сквозь зубы:

— Не боюсь! Как можно бояться того, чего не видишь?

Любопытная журналистка из очередной комсомольской газеты. Эти ненасытные репортеры лезли везде и всюду, не замечая, что подвергают собственную жизнь смертельной опасности. Тимофей не мог на них злиться. Люди должны знать правду о происходящих здесь ужасах.

Когда шахтеры подобрались к реактору чуточку ближе, крупные комки песка посыпались им на головы.

Мужчины отпрянули, вытаращенными глазами наблюдая странную картину.

Маленькая фигурка девочки в электрическом куполе.

— Мы сделали все необходимое, чтобы грунтовые воды не подверглись радиоактивному загрязнению. Мы в самые кратчайшие сроки построили несколько защитных дамб. Теперь же нам предстоит соорудить холодильную камеру под реактором. У нас появилось предположение, что рано или поздно он провалится, когда горящее масло расплавит нижние части блока.

Но вместо реактора на людей свалилась девочка в школьной форме.

— Уходите оттуда, немедленно!..

Шахтеры, побросав лопаты, рванули к выходу.

Снаружи уже собрались милиционеры, построившись вокруг второй очереди.

— Что случилось?!

— Девочка! — вырвалось у Тимофея. — Девочка в школьной форме!

— Что?..

Темноволосый мужчина в толстых очках побледнел.

— Ее нужно как-то оттуда увести!

Незнакомец в темно-синей куртке начал протискиваться сквозь толпу.

— Валерий Алексеевич, что вы делаете?!
— Я выгашу ее, пока она все не разрушила!
— Легасов...!

Работники зашептались.

Наступило напряженное ожидание.

По толпе прокатился вздох облегчения, когда незнакомец вышел из тоннеля, держа за руку девочку.

Она, опустив глаза, мирно шла рядом, даже не пытаясь вырваться.

— Ее нужно немедленно передать в руки милиции!

— Я сам этим займусь.

Шахтеры проводили странную парочку недоуменными взглядами.

— Простите, а мы уже можем вернуться к работе?

Милиционер смерил их с ног до головы:

— Можете.

— Саша, слушай, только внимательно. На блок ездить это тебе не к теще на блины ходить. На книгах и на том, что в институте узнал, там долго не протянешь. Выполнять все обычные инструкции по безопасности — лучше вообще в Чернобыль не приезжать, ничего здесь сделать не сможешь, все СТРОГО ЗАПРЕЩАЕТСЯ. Но ве; авария... Чтобы работать и жить подольше, надо знать правила игры. Здесь много людей пожглось прежде, чем эти правила поняли. Но раз поняли, их еще раз проверять на своей шкуре уже ни к чему. Поэтому слушай и запоминай, как “Отче наш”.

“Правила игры...”

“Игры...”

— Поднимитесь, Александр Александрович.

На пороге возник темноволосый ученый в толстых очках и темно-синей куртке.

Глубокие морщины на лице. В глазах какое-то уныние. Уголки губ остались неподвижны, произнося сухие приказные слова. На подбородке вырисовывалась строгая вертикальная линия.

Легасов был мрачнее тучи.

— Хорошо, Валерий Алексеевич, через минуту я поднимусь к вам.

“Черт, это все не к добру...”

— Простите, уважаемый...

Ранним утром к нему подошли двое молодых офицеров.

— Александр Александрович. Боровой.

— Простите, товарищ Боровой, нас попросили передать вам датчики. Вы сегодня пройдете внутрь блока и установите там измерительные приборы. Нам необходимо знать уровни радиации на протяжении всего рабочего дня.

— Я понимаю вас. Трудно работать, когда под боком... такое...

— Всего вам доброго, Александр Александрович.

— Благодарю.

С ним пошли еще двое ребят из его института.

— Ладно, товарищи специалисты, какими будут ваши предложения? — с важным видом вопрошал Щербина, обводя взглядом небольшое помещение.

Председатель часто собирал их и долго выпрашивал.

Александр уже привык сидеть в своем уголке.

Сначала включался интерес, возникали вопросы, поднималась рука, а в ответ — ничего.

Ученый больше месяца играл роль пустого стула.

Можно быть бесконечно умным, но от этого легче не станет.

“И что я здесь делаю?”

А за окном жизнь продолжалась.

“В Москве наверняка прохладнее, чем здесь” — приходил к грустному заключению Александр и отворачивался к окну.

Легасов назначил его в группу по обследованию помещений четвертого блока.

“Мне кажется это бесполезным. Я могу ползать там сколько угодно, но мне важности не добавляет”

— Нам передали защитные костюмы, Александр Александрович.

— Очень хорошо! Значит, так быстро мы не “сгорим”.

В считанные минуты они переоделись и, прихватив принесенные офицерами датчики, отправились ко второй очереди.

Летнее знойное солнце уже стояло высоко в небе, освещая стройплощадку перед разрушенным энергоблоком. Неподалеку шумели экскаваторы и тракторы, гудели грузовые машины, слышались режущие слух милицейские сирены.

Полным ходом шла подготовка к строительству объекта “Укрытие”.

Над головой раздался плач новорожденного младенца.

— Коршуны. Здесь неподалеку заячья нора. Мы когда территорию обходили, случайно ее обнаружили. Жизнь продолжается, как не крути! Кругом такая красота...

— Деревья все в листве, вишня в цвету...

— И птички поют!

— Ага! Соловьиное щепетание!

Александр тяжело вздохнул:

— Пойдемте, ребята.

На входе посадили человека для измерения радиоактивных доз у работников станции.

— Как только выйдете, я вас тут же замерю. Мы тут ведем учет каждого, — он постучал указательным пальцем по раскрытой на столе тетради, — чтобы знать, кто какую дозу получил и когда кого отправлять домой.

— На лечение?

— А это уже как повезет.

— Пожарникам уж точно не повезло...

— Ну кто же знал!.. — дежурный развел руками.

Внутри было все так же темно.

— Мы подвели сюда запасные генераторы. — Щелкнули лампочки. — Иногда мы задерживаемся допоздна.

Работать в темноте — нехорошо.

— Отлично.

— Мы вам выдадим простые фонарики на батарейках. Провести туда свет не представляется возможным.

— Хорошо.

Ученого слегка потрясывало.

“Я никогда не отличался особой храбростью. Наверное, не найдется ни одного человека, которому будет по силам признаться в собственной трусости”

— Ни пуха, ни пера!

— К черту.

Вдоль узкого коридора были проложены длинные провода и кабели.

Тоненький луч света пронзил непроглядную темноту, разрезая ее на части.

Боровой, возложив на плечи датчики и приборы, начал отставать от группы.

Молодые ребята ушли далеко вперед.

Голоса раздались в самом конце коридора. Потом и вовсе смолкли.

“Надо поспешить...”

По лицу ручьями стекал пот.

Респиратор нельзя было снять — на полу лежала радиоактивная пыль, осевшая после взрыва.

“Я завидую тем, кто побывал здесь до меня. Они очень храбрые и смелые ребята... не то что я...”

Человеческий мозг — штука непредсказуемая и одновременно сложная: в самые тяжелые моменты он подкидывает нереалистичные мысли и фантазии.

Видеть в полной темноте, подобно шизофренику, размытые и одновременно мрачные человеческие силуэты — сначала неясные, подобно миражу, что маячит на горизонте. И уже воображение начинает добавлять более яркие детали. Например, чья-то рука, выплывающая из черноты подобно привидению в заброшенном средневековом замке.

Мрак придает им форму, оплетая в затейливые фигуры, и уже потом рождается голос.

И тоже из ниоткуда.

Александр ощутил себя именно таким шизофреником, услышав на грани восприятия чей-то издевательский смехок. Он покрутил головой, сбрасывая странное оцепенение, и продолжил путь по мрачному коридору.

“Странно, коридор не заканчивается!..”

Впереди должна показаться дверь, что вела в разрушенные взрывом помещения.

“Ну где же ты?!”

— Хи-хи...

“Это уже какой-то психоз, вашу маму!”

— Хи-хи-хи...

По коже пошпи мурашки от легкого прикосновения.

— Тебе страшно?..

— Кто это...?!

Снова пронзительный издевающийся смешок.

Ученый, бросив датчики, пустился наутек.

— Бля-я-а-а...!!

Тело пронзила острая боль, когда он, споткнувшись на ровном месте, свалился.

— ХА-ХА-ХА!

“Это сам дьявол смеется надо мной. Я никогда не был суеверным, но сейчас готов поверить во что угодно, лишь выбраться отсюда как можно скорее!”

Это что-то вроде конспирации — пригласить к себе в кабинет, при этом обращаясь друг к другу по имени-отчеству. Так уж вышло, что старый приятель с институтской скамьи побаивается, что его тайна станет явью, и от неприятностей ему не отвертеться.

Александр с трудом пришел в себя.

— Ты что, привидение увидел?

— А вы... ничего не... не заметили?

Молодые мужчины с недоумением переглянулись между собой:

— Нет. А что, должны были?

— Прошу прощения, но я всю ночь не мог заснуть, привиделось что-то...

— Бывает.

— Саша, ты какой-то мрачный.

Ему хотелось побыть в одиночестве в своей комнате, наблюдая за игрой теней. Огарок свечи стоял на столе в подсвечнике с ручкой. Присев на краешек кровати, ученый сверлил пустым взглядом пол под ногами. И думал, не переставая, о кошмарной сцене, что произошла с ним в темном коридоре энергоблока.

— А, ерунда! — Боровой отмахнулся. — Мне спростонья что-то привиделось. Мы сегодня ходили в помещения четвертого блока, расставили там измерительные датчики. Завтра же утром снимут первые показания. Раз уж ты решил облегчить работу вертолетчикам...

— Они снимали показания над реактором, а для нас необходимы показания в самом реакторе.

— Но ты ведь меня позвал не из-за реактора, верно?

Валерий тяжело вздохнул:

— У меня назрел очень серьезный разговор.

— По поводу твоей дочери?

— У нее, скажем так, есть некоторые способности, которые нуждаются в оценке со стороны. Я позвал тебя не только как лучшего друга, но и как опытного физика-ядерщика. За время нашей дружбы не возникло ни единого момента, когда бы я сомневался в тебе.

— Я тебя не понимаю.

— Алина, солнце, выйди.

У Борового перехватило дыхание, когда из ниоткуда появился сгусток электрических молний, обернувшийся маленькой девочкой в школьной форме. С двух огромных хвостов струился мрак, спустившись темным пятном на пол. Съежившись, его всполохи скрылись в ближайшем углу. Искры с одежды еще долго падали на окружающие малышку предметы.

Девочка посмотрела на ученого пронзительными синими глазами, хлопнула густыми ресницами и внезапно присела, взявшись двумя пальцами за края платья.

Физик-ядерщик отказывался верить в происходящее.

— Золотце мое, продемонстрируй нам еще что-нибудь из своих умений.

Девочка прищурилась, всматриваясь в лицо мужчины через маленькие щелочки глаз.

Потом неопределенно пожала плечами и замерла, впившись взглядом в соседнюю стену.

В ее глазах заблестели маленькие искорки.

Лампочка яростно замигала.

Свет в комнате погас.

Малышка подняла вверх руки, сложенные подобно молитве, и начала медленно отдалять ладони друг от друга. Засверкала, осыпая искрами, агрессивная молния.

Зрачки стали кроваво-красными, а на фарфоровом лице появилась ядовитая улыбка.

Девчонка, покрутившись на месте, швырнула молнию, словно древнегреческий бог, в лампочку, висящую над головой.

Та сначала засияла, а потом разбилась на тысячи осколков.

— Я... в-в... в шоке...

Валерий придвинул стул и сел напротив своего друга.

— Вчера произошел один неприятный инцидент — шахтерам было поручено прокопать тоннель под реактором. Когда они до него добрались, с нижних уровней посыпался песок. Им пришлось срочно эвакуироваться. Алину я вывел оттуда за руку. Что она там делала, я понятия не имею. Я не смог отыскать причину ее внезапной немоты. Она у меня очень общительная, болтливая. И меня до сих пор вгоняет в ступор ее молчание. Ее поступки наталкивают меня на определенного рода мысли, которыми я собираюсь с тобой, как с опытным коллегой, поделиться.

— И что ты от меня хочешь?

— Мне нужна твоя помощь. Ты разбираешься в этом куда лучше химика-неорганика.

— грустно улыбается —

Если быть совсем честным, меня пугает моя дочь. Ее силы неуправляемы. Они с каждым днем все больше растут, и, боюсь, это не предвещает ничего хорошего. И плюс, мне, как человеку, отдаленному от медицины, показалось, что у девочки развиваются нездоровые наклонности.

— делает большой вдох —

Я собираюсь поведать тебе, скажем, кое-какие мысли, на которые меня натолкнула моя дочка. Я был бы очень рад, если ты примешь их со всей серьезностью и ответственностью. Пусть для тебя это будет, скажем, некая такая игра, правила которой тебе уже озвучили. Все очень и очень серьезно. И, будь добр, не говори никому о нашем разговоре. Я не ручаюсь за твою безопасность.

Как ты уже убедился, моя дочь очень необычный человек. Скажем так, у нее появились некоторые способности, природу которых мы достаточно давно знаем. Это — электрический ток, известный нам с начала девятнадцатого века. Спустя каких-то пару лет электричество начало поступать в жилые дома, начались массовые производства, по, эм, выработке электроэнергии и так далее.

Но это очень опасная вещь. Я человек не суеверный, но, если бы относился к какой-нибудь религиозной касте, то наверняка подумал бы, что это изобретение нечистых сил. Когда-то в древние времена Птолемей одарил нас божественным огнем. Так и мы смогли одарить самих себя таким вот подарком. Сейчас наша жизнь не представляется возможной без электричества. Мы все связаны с ним по-своему. Кто-то работает с ним напрямую, а кто-то косвенно.

Сейчас технологии не стоят на месте. Каждый день что-то придумывается, что-то создается.

Но мы приблизились к той самой точке невозврата.

— делает перерыв в рассказе, прикуривает сигарету —

Любой из нас в детстве мечтал иметь сверхспособности.

Есть, конечно, люди, которые считают себя выше бога.

Средневековая инквизиция считала таких людей еретиками, их сжигали на костре.

Необычные способности моей дочери как раз таки направлены на наше уничтожение. Я сужу очень однобоко, по тому, что произошло в тоннеле под реактором. Нет смысла отрицать, что мы сами себя разрушаем. Войны, природные катаклизмы, вызванные деятельностью человека, различного рода болезни. Ни для кого не секрет, что своими действиями мы мучаем природу и себя, в первую очередь.

Однако рано или поздно, но Алина дойдет до этой самой точки невозврата. Она уже неуправляема, как и сам реактор. На данный момент существует неразрешенность проблем взаимоотношений человека и машины. А сейчас, представь, появилась другая неприятность, сам человек-машина. Изобретение, созданное нашими руками, смогло одарить своими силами одного из нас. Но к чему это может привести, если человек, наделенный этой силой, ею управлять не умеет?

Скорее всего его ждет следующий сценарий:

а) так как реактор это сооружение с ядерной начинкой, то, скорее всего, Лена начнет излучать радиацию, если, конечно, подобное, уже не происходит;

б) я понимаю, что подобное прозвучит как нечто что-то фантастическое, но она, скорее всего, сможет перемещать вещи, предметы с места на место, если исходит из того, что мы знаем об электричестве;

в) возможно, девочка дойдет до той точки, до той грани, когда ее силы станут настолько, скажем, могущественными, что она перенесет саму атомную станцию, куда-нибудь в другое место.

Ну и самое страшное, что меня волнует в данный момент, ее тяга к насилию.

Ты можешь считать меня сумасшедшим или еще кем-то. Как говорится, каждый имеет свое мнение.

В любом случае, для нас все это очень большая загадка.

— затягивается сигаретой в последний раз и тушит ее в пепельнице —

Поэтому мне необходим человек с определенным образованием. Нужно как можно скорее разобраться, какова природа этих способностей, нужно научить девочку управлять ими, держать, так сказать, под контролем. Ну, если это, конечно, в твоих силах, то можно даже пресекать на корню.

Кто знает, к чему эти, м-м-м, мягко говоря, “шалости” могут привести?

— И как ты себе это представляешь?

— Ну, тебе решать.

— Но ты же ее отец!..

— Если честно, я стал отцом только сейчас. Мы с ней не общались два года. Когда ей исполнилось четыре годика, я ушел.

Но это сейчас не представляет интереса.

Я просто прошу тебя, как своего лучшего друга и как опытного ученого, последить за моей дочерью, чтобы она, и весь мир, в том числе, были в безопасности.

В общем, я как смог, тебе все объяснил, теперь дело за малым.

Знаешь, у меня впереди много важных событий, мне нужно принять несколько ответственных решений, поэтому для меня будет лучше побыть, хоть какое-то время, в одиночестве. В какой-то момент я стал слишком мнителен, поэтому уже успел мысленно попрощаться и с Ингой, и с Алиной, так как я чувствую, что скоро умру.

Поэтому я попросил тебя о помощи.

Встреча была назначена на шестнадцать пятьдесят в понедельник. Член редколлегии “Химии и жизни” академик Легасов Валерий Алексеевич пригласил сотрудника редакции “Правды” Владимира Губарева, чтобы обсудить состояние текущих дел.

Легасов незаметно для всех покинул Чернобыль ранним субботним утром.

Самолет вылетел вместе с ним из Киева жарким полуденным днем.

Репортер из газеты и ныне знаменитый химик-неорганик встретились неподалеку от курчатовского института.

Валерий вышагивал, чуть сугулясь, в сопровождении большого пушистого пса, который казался третьим лишним. Он погладил его по круглой голове, чуть прижав ладонью повисшие уши.

— Хорошая причина, чтобы уехать, товарищ Легасов, — произнес с сарказмом репортер, поправляя висящие на шее камеры. — Да не обижайся ты, я просто издеваюсь.

Он махнул рукой, заметив хмурое лицо приятеля.

— У меня появилась история намного драматичнее Чернобыля.

— Ты меня заинтриговал.

Устроившись на скамейке, Валера, прикурив сигарету, сгорбился, словно старик, опустив на колено руку с сигаретой и разглядывая мелкие травинки под ногами.

— Моя жизнь кардинально изменилась еще до чернобыльской аварии. Я тебе уже поведал историю, как я, будучи тридцати девяти летним мужчиной, увлекся молоденькой журналисткой. Мне сложно представить, как на это отреагирует Маргарита, если обо всем узнает. Как я буду смотреть ей в глаза? Не знаю...

Легасов выпрямился и, затянувшись сигаретой, осторожно осмотрелся вокруг:

— Знаешь, я начинаю побаиваться за свою жизнь...

— С чего это вдруг? Тебе кто-то угрожает?

Легасов тяжело вздохнул:

— Да-а... просто нервы...

— Давай-ка ты, дружок, рассказывай все как есть, иначе я с ума сойду.

Академик усмехнулся, выбросил окурочок в мусорную урну рядом со скамейкой и, выпрямившись, поправил съехавший пиджак.

— Год восемьдесят третий, мой самый любимый год среди остальных. Мы вместе с моим учителем, Анатолием Петровичем Александровым, и несколькими приятелями по работе выступали тогда на торжественном мероприятии, куда нас пригласили по случаю юбилея нашего института.

Мы приоделись, сели в повозку, снимали и вновь надевали свои шапокляки, и толпа бурлила от радости вокруг нас.

Тогда еще оркестр цирковой звучал, как я помню.

Среди всей этой красоты я мельком заметил представительного мужчину.

Ну, мужчина как мужчина, думаю, но на следующий день как раз таки этот мужчина пришел к нам в институт.

Ну, пришел и сказал:

“У меня есть то, что вам нужно”

Мы любезно переспросили, что он имеет в виду.

“Я в курсе, что Советский Союз расширяет границы для использования “мирного атома”. Вы создали неплохое оружие, господа коммунисты. Нет, я ничего не имею против советской власти, я такой же, как и вы, несмотря на отличительную особенность”

— Это какую же?

— Мы тоже об этом спросили.

“Мне едва исполнилось восемнадцать, когда я отбывал наказание за злодеяния своего отца.

Сейчас мне сто четырнадцать лет”

— Сто четырнадцать лет?

— Мы его на смех подняли, но он не смутился. Даже заулыбался.

“Зря вы, господа, смеетесь. Мой старый, но неплохо сохранившийся, разум помнит те времена, когда вы, отныне свободные вкушители гранита науки, приходили на поклон к царю.

Нет, не к Николаю Второму, а к его отцу, Александру Третьему.

Человеком он был, скажем, своенравным. Но в отличие от сегодняшних правителей он никогда не вел войн, даже между родственниками и друзьями.

Но мы ведь собрались не российскую историю обсуждать, верно?”

Он был человеком, каким-то подозрительным. Мы ему не до конца поверили.

“Вы задаетесь вопросом — а что же делает сумасшедший человек в институте среди физиков и химиков?”

И главное — как он сюда попал?

Я не стану нагружать вас своим долгим рассказом. Ограничусь лишь сухими фактами из своей жизни.

Мне довелось провести тридцать лет на урановых рудниках и чудом не умереть от радиации. Еще мне довелось прожить с лейкозом больше двадцати лет, прекрасно осознавая, что завтра я окончательно умру.

Каждый мой день как последний.

Я жил и пока живу на широкую ногу, зная, что может меня ждать на следующее утро.

Самое странное, что лейкоз не уходит, но и не убивает меня.

Я ездил с этим вопросом по всему миру.

Даже к советским врачам обращался.

Поэтому я здесь.

Я хочу сделать поистине ценное предложение.

Я вижу, что вы, господа, мне не верите. Возьмите мою кровь на анализ. И вы поймете, что все сказанное мною, вплоть до последнего слова, правда”

Мы отвели его к нашим лучшим врачам. Они взяли у него кровь, провели несколько экспертиз и пришли к однозначному выводу, что у данного мужчины лейкомия. Лейкоциты постепенно вымирают. Болезнь не проходит. Эритроциты в крови отсутствуют. Мы долго гадали, в чем же там дело, пока один из наших не упал в обморок, перед этим выдав содержимое желудка.

Радиация, причем, дозы очень впечатляющие.

Его организм уже давно был разрушен.

При этом он как-то умудрялся дальше жить.

Владимир прикурил сигарету:

— Но вы хоть разобрались, в чем дело?

— Скажем так, это не представляется возможным.

— Как это?

— У него нет ни имени, ни фамилии.

Репортер усмехнулся:

— Разве такое возможно в наше-то время?

— И он не умеет ни читать, ни писать.

— А как вы тогда с ним общались?

— Он назвал себя долгожителем.

— Ну, допустим. Хотя я больше чем уверен, что вся его история высосана из пальца. Он наверняка облучился где-нибудь под “Маяком” и выдает это за события из своей жизни.

— Возможно. Но с лучевой болезнью, как ты уже знаешь, долго не живут.

А у него была именно лучевая болезнь, как у пожарных, из Чернобыля.

Самый известный урановый рудник в магаданской области, в Бутугычаг. Туда до и после войны завозили узников ГУЛАГа, для добычи урановой руды.

По документам заключенные якобы добывали свинец и альбит.

Я в свое время читал рассказы людей, отбывавших там наказание.

— Сомневаюсь, что наш приятель там был. Этот рудник открыли в тридцать седьмом году.

— И опять же все по документам.

— И плюс, как мне известно, об этом рассказывал некий Жигулин, чьим словам я, мягко говоря, не доверяю.

— Это просто предположения. Правду никто не знает.

Да и слова этого долгожителя проверить не представляется возможным.

Он явился для чего? Чтобы просто посмеяться над нами. Мол, смотрите, какие недоумки тут сидят.

— Ты сказал, он сделал вам некое предложение. Что это было за предложение?

— Это были самые настоящие чудовищные эксперименты...

Губарев удивленно приподнял бровь:

— Эксперименты? В наше-то время?

— Знаешь, за все это время я понял единственную вещь: хорошее время или нехорошее, человек пакостит всегда.

Ну, у всех нас есть темная сторона, что с этим поделать?

Ну да, это были самые настоящие эксперименты. Мужик этот, долгожитель, все проверить хотел, сможет ли обычный человек протянуть столько же, сколько он сам, или не сможет.

“Мы решили, что для подобной затеи лучше всего подойдет ребенок”

Кто мы? И что значит решили? И кто вам дал такое право?

“Нет, мы решили”

Это просто редкостная сволочь, у меня других слов нет!..

Я, конечно, никогда никого не оскорблял, но тут и святой на моем месте не выдержит...

Какой-то, значит, черт подзаборный, творит всякие злодеяния, а мы с этим сделать ничего не можем!

— вздыхает —

Потом я узнал, что похитили мальчика восьми лет.

Его мама вместе с бабушкой искали его по всему городу. Не нашли. Им потом сказали, что это маньяк ребенка убил.

Но тело все равно не нашли.

Его к тому времени уже поместили в одну из подпольных лабораторий.

В течение суток мальчика не стало, он умер.

Как после выяснилось, отравление радиоактивным ураном.

— Как это?

— Есть такой химический элемент, называется уран двести тридцать восемь. Он слаборадиоактивный... в маленьких-то дозах. Те, кто с нами работал в этих подпольных лабораториях, растворяли его в специальном растворе, состав которого даже мне неизвестен.

Его остужали, а затем вводили, через шприц или капельницу.

— А с какой целью вводить внутривенно радиоактивный раствор? Этот ваш долгожитель совсем умалишенный?

— Просто поблизости не оказалось урановых рудников, — усмехнулся Легасов.

Пауза.

— Получается, мальчишка умер от лучевой болезни?..

— Отравление химическим элементом в больших количествах. Он умер на следующий день. Это произошло еще до меня. Но когда мне предложили поработать на человека со “светлыми целями”, спустя какое-то время подсунули доклад об этом инциденте.

— И причем здесь твоя дочь?

— Моя дочь оказалась в приюте. Мы перестали общаться, когда ей стукнуло четыре годика. Ее отдали в детский дом. Моя бывшая любовница нашла себе кавалера, а тому не понравилась девочка, вот они и решили от нее избавиться.

Через год она оказалась в лаборатории.

Я с ней пообщался наедине.

Знаешь, не может шестилетняя девочка говорить такие вещи. Только взрослые, и никак иначе.

Да и долгожитель этот влезал в наше с дочерью общение...

Мне приходилось тайком к ней пробираться.

О чем мы разговаривали? Да ни о чем, практически. Так, сущие мелочи. Да это уже и неважно.

За год ее тело покрылось ожогами. Мне пришлось приложить все усилия, чтобы девочку перебинтовали. Раны жутко гноились.

К ней приставили медсестру, но отношение не изменилось, нас всех заставили относиться к ней нейтрально.

— И что с ней стало после?

— Через год меня перестали к ней подпускать. Выставили охрану, запугивали, один раз даже избили.

Но один раз все-таки позволили увидеть.

Правда, дочери моей там уже не было.

Меня довело это до ручки. Я полез с ними в драку. Думал, убью его, вот этими руками, гада этого...!

А он взял и растворился.

Я думал, у меня голова уже поехала. Я все из-за дочки переживал, все думал, как к Маргарите подойти, да и рассказать ей обо всем, уже сил никаких не было!

Да и Алину мне очень и очень жалко. До сих пор!..

Ну, и начал Алину искать. Искал, искал... и нашел...

— И где ты ее нашел?

Валерий поднял глаза:

— В Чернобыле.

Порывы ветра задрали полы длинной юбки. Носок туфли легко подцепил обломок графита и оброкинул его в чернеющую под ногами пасть.

Внизу раздался глухой стук.

Ветер принес прохладу откуда-то издалека, растрепав длинные волнистые волосы. На фарфоровом лице появилась довольная улыбка. Бешено забилося сердце, ударяясь о ребра. По венам пошло напряжение, разряды коснулись одежды и спустились на бетон под ногами.

Грудь клетка то поднималась, то опускалась, вдыхая кислород, наполненный радионуклидами.

Легкое, будто невесомое, тельце медленно воспарило.

— Несите сюда, быстро!..

Девочка испуганно вздрогнула и, опустившись на землю, спрыгнула вниз, в жерло реактора.

“РОБОТ ИДЕТ ПО БЛОКУ”

“На помощь ликвидаторам пришла наша передовая робототехника”

— Простите, а где можно увидеть ту самую передовую робототехнику?

— Катись отсюда к чертям собачьим, пока я тебе все зубы не повыбивал!

— Нам нужно немедленно изобрести свою собственную робототехнику для сохранения жизней чернобыльцев!

— Робот оригинальной конструкции?

— Да поскорее!

— Это же возможность хорошо заработать...

— А может, лучше не надо?

— Я вам головы поотрываю, если вы этого не сделаете! На кону миллион ни в чем не повинных жизней, а вы решили отлынивать, чертовы тунеядцы! Даю вам неделю, если робот не будет испытан, отправитесь под трибунал!..

— Итак, дорогие наши курчатовцы, вам предстоит испытать отечественного робота, созданного специально для сохранения жизней людей, работающих в Чернобыле. Возражения не принимаются. Робот страшно дорогой, и мы, как и вы, отвечаем за него головой.

Несчастливым курчатовцам оставалось только вздохнуть.

— Ну, как прошли испытания?

Тяжелый вздох:

— Мы все засняли на телекамеру, вечером будем показывать начальству, там все и увидите.

Вечером предстояла демонстрация телефильма, если, конечно, так можно назвать десятиминутный ролик.

Руководство оперативной группы, как и создатели робота, стояли с гордо выпяченной грудью.

Шел доклад.

Сначала появилась картинка коридора, в котором должны были проходить испытания. Место это было известно своими высокими радиационными полями, которые возрастали по мере продвижения вглубь блока.

Робот стоял в боевой стойке, оператор и другие участники прятались за выступом стены.

После коротких приготовлений робот двинулся вперед.

Он благополучно прошел восемь метров и застрял, наткнувшись на металлическую трубу, лежащую поперек коридора.

По сравнению с внушительными размерами робота это препятствие выглядело жалко.

Однако преодолеть его самостоятельно данный механизм не смог.

Двое людей в белых формах выскочили из-за стены и, схватив робота, с большим трудом перетащили его через трубу.

Робот благополучно продолжил свое движение.

Пройдя три метра, он снова застрял.

Оператор в течении нескольких минут дергал различные ручки на пульте управления, но безрезультатно.

“Я же предупреждал, что не надо было расписываться за это дерьмо! Какого хрена, Юрка, ты за него расписался?! Теперь опять в рентгены лезть!”

И снова две белые фигуры подбежали к роботу и развернули его назад. Оператор буквально прыгал у пульта, но механизм оставался неподвижен. В конце концов он махнул рукой, оставив всякую надежду оживить механизм.

Так прошли пары минут.

Совершенно неожиданно и нелепо замахав своими щупальцами и замигав лампочками, робот, развернувшись, бросился вдоль коридора, заскрежетал и свалился на бок.

— Звук! Выключите звук!! — закричал на стоящего у телевизора сотрудника руководитель испытаний.

Опоздали.

Из динамиков телевизора на зрителей обрушились такие виртуозные ругательства, что те невольно встали.

Так в торжественной обстановке закончилась демонстрация.

— Вытащили?

— Игорь и Юра вытащили.

Маленький пластмассовый танк рассекал развалины энергоблока. Детская игрушка умело обходила препятствие, то пропадая за обломками графита, то появляясь вновь — на башенке умелые дельцы установили прибор для измерения радиации, протянув шнур на десять метров. По длинному кабелю шло питание от батарейки на пульте к электромоторчику.

Те же дельцы добавили к дозиметру измеритель температуры и закрепили сильный фонарь.

Маленький игрушечный пластмассовый танк выполнял работу охотничьей собаки, бегая впереди на поводке перед “охотниками” — исследовал завалы разрушенного блока и при случае предупреждал об опасности.

И при этом — легко отмывался от радиоактивности.

Танк почил уже весной восемьдесят седьмого года.

Для постройки собственной робототехники появилось новое предприятие “Спецатом”, созданное на территории бывшего завода “Юпитер”.

— Этот злосчастный “Спецатом” специально построили для того, чтобы издалека наблюдать за нашими с вами действиями. Мне частенько приходит в голову такая мысль. Я сомневаюсь, что после ряда неудачных экспериментов наш приятель бросил это дело и затаился.

— Это уже похоже на паранойю. Представляю, что о тебе начнут говорить газеты: “Знаменитый академик Легасов превратился в психопата-параноика! Что это — воздействие радиации на психику или неокрепший академический ум?”

После взрыва обломки реактора усеяли крышу третьего блока. Предстояло убрать их, сбрасывая в разверзнутую черную пасть.

С той же кровли медленно приближались конструкции будущего объекта “Укрытие”.

ЗГИ ЧАЭС по ЛПА —

— Заместитель главного инженера Чернобыльской атомной электростанции по ликвидации последствий аварии —

— Юрий Самойленко.

Он приехал из Смоленска, где работал на тамошней атомной электростанции.

Это все, что было о нем известно.

В его подчинении находилась команда “крышных котов”.

— Впервые здесь встречаю такую прекрасную девушку.

Мила, положив грудь на стол, слегка придвинулась к собеседнику:

— Ты что, ко мне клинья подбиваешь?

— А что такого? Да, я не скрываю, что ты мне нравишься!

— У меня муж! Я занята!

— Кого это когда останавливало...

— Меня! Мне не нравится, что за мной, будучи замужней женщиной, бегают какой-то фотоаппаратчик!..

— Я попрошу...! Фотоаппаратчик намного лучше физика-ядерщика, он хотя бы не помрет раньше жены!

Небольшая компания, состоящая из девушек, сидели неподалеку и громко смеялись, воспользовавшись коротким перерывом.

Женщины в Чернобыле работали уборщицами, посудомойками и прачками, медсестрами и врачами.

Мила, оглянувшись, бросила на ровесниц переполненный грустью взгляд и снова обратила взор на сидящего напротив фотографа-молдаванина. Его кудри забавно торчали из-под шапочки. Сам он носил усы и выглядел довольно старомодно.

— Смотрите-ка, наша Милка нашла себе кавалера! — и снова брызнул громкий смех, похожий на пороссячий визг.

— Тебе что, одного мало?

— Бедная, бедная Мила!

— Они меня недолголюбивают, — девушка грустно улыбнулась, опустив взгляд на пустой граненый стакан, — с тех пор, как меня назначили их главной.

Затем тяжело вздохнула:

— Наша жизнь никогда не будет прежней...

Одна из дамочек, выглядевшая чуть постарше громко хохочущих девиц, присоединилась к их столику.

— Ты права. Я директор местного ресторана. Услышала, что вы беседуете, решила к вам присоединиться. Не хочу болтать с этими квакушками. Они только и делают, что сплетничают и смеются.

У нее были слегка рыжеватые, кудрявые, волосы. Круглое лицо с темно-кариими глазами. Она без устали поправляла очки, съезжающие с переносицы.

— Я несколько раз отказывалась сюда ехать. Мне сказали: “Вы обязательно должны поехать и помочь родине”.

Сотрудников здесь постоянно не хватает, работаю то за официантку, то за повара или уборщицу. У женщин очень тяжелый труд. Хотя нам постоянно и делают поблажки, все равно хочется как можно скорее покончить со всем этим и уехать.

Мила подняла глаза и в упор посмотрела на фотографа.

— Я Мила. Это Игорь. Он фотограф, снимает тут все.

— Я Люба.

— Меня назначили старшей. А я даже не знаю, что делать...

— Следи за порядком, да и все. Вон тех пигалиц, — Люба ткнула пальцем в громко смеющихся девушек, — ремнем под зад да по рабочим местам. Совсем раскудахтались, курицы!

— Да-а-а... — грустно протянула девушка, вновь опустив взгляд.

— Ты какая-то убитая. Это они тебя так заделали, что ли?

Мила промолчала.

— Да не обращай ты на них внимания. У них вместо мозгов газетные вырезки.

— Все нормально.

Мила встала из-за стола и вышла на улицу. Вытащила припрятанную сигарету из кармашка темно-зеленых брюк и прикурила, пустив одинокую слезу.

Игорь неожиданно возник рядом.

— Вот уж не знал, что ты куришь.

— Мне просто одиноко. Мой муж там, — Мила кивнула в сторону атомной станции, — и я не вижу его уже который... месяц?..

На бледном лице появилась кривая, преисполненная боли, усмешка.

— Ты можешь поговорить со мной. Я тебя внимательно выслушаю и поддержу.

Девушка в упор посмотрела на возвышающегося над ней фотографа.

— Послушай, я тебя уже все сказала. Я не хочу, чтобы эти сплетни дошли до моего мужа, ясно?!

— Ясно. Я понял. Незачем так нервничать.

Мила фыркнула и, бросив недокуренную сигарету в мусорную урну, быстрым шагом направилась в сторону городской площади.

— Мы не намерены получать лишние дозы из-за твоих фотографий.

В тот же день уставший репортер направился к “крышным котам”, убирающим обломки графита на кровле третьего энергоблока.

“Роботы, что дали нам западные партнеры для устранения последствий аварии, оказались бесполезны — высокие радиационные поля на кровле третьего блока вывели их из строя. Пришлось отнести их на специализированную свалку, куда доставляют сломанную радиоактивную технику”

— Вы не понимаете, мне нужно — нет, просто необходимо! — снять жерло разрушенного реактора! Я делаю это не для себя, а для людей, что будут жить после нас, чтобы они знали, как мы боролись со стихией, вырвавшейся из-под нашего контроля! Как вы этого не понимаете...!

“Коты”, сложив руки на груди, смотрели на фотографа испытывающими взглядами.

— Ну поймите же вы, насколько это важно! Я ни в коем разе вам не помешаю. Ведь вы, в конце концов, должны делать какую-то работу, вот и делайте, а я буду рядом делать свое дело.

— Рядом? Что значит “рядом”? Там, где с виду неприметный обломок графита “светит” похлеще самого реактора?

Игорь смутился.

— Ну... да...

“Коты” переглянулись между собой.

— Ладно, черт с ним! Мы так только время потеряем!

Они поднялись на чердак третьего энергоблока.

Там уже были пробиты и защищены свинцовым стеклом специальные смотровые отверстия, сделанные курчатовскими учеными.

И кусок металлической трубы, возвышающейся над третьим и разрушенным четвертым энергоблоком.

— Это все не то! Мне нужно попасть на крышу!

— Нет, нет и еще раз нет! Советую вам не подвергать лишней опасности ни себя, ни моих ребят! Там, чтобы вы знали, излучения куда больше, чем в самом реакторе! Вам что, мало приключений на пятую точку? Вам нечем себя развлечь?

— Мне просто нужны фотографии.

— Я же беспокоюсь о своих ребятах...

— Не-е-ет, товарищ Юрченко, вы беспокоитесь обо мне. Ну и о себе, совсем чуточку. Вы же знаете, если дозы

достигнут определенного уровня, нас с вами отправят на отдых. А он будет долгим, настолько, что мы с вами можем сюда и не вернуться. Вы, как и я, боитесь допустить мысли, что все будет сделано без вашего участия.

“Коты” наградили друг друга насмешливыми взглядами.

На настырного репортера надели свинцовую манишку, сверху защитный костюм, шапочку и капюшон, закрывающий лоб и плечи. Выдали десять пар перчаток, респиратор-”лепесток” и специальные ботинки на свинцовых прокладках.

Камеры вложили в свинцовый бокс.

— Как только я досчитаю до двадцати, ты немедленно вернешься на чердак. Понятно?

— Вполне.

— Вперед!

Игорь поднялся с чердака по хлипкой металлической лестнице на кровлю третьего блока, приготовив заранее камеру.

— Раз!

Съемка началась.

Больно хлестнул порыв ветра.

— Два!

Игорь осторожно направился к жерлу реактора.

— Три!

При этом он держал одну из своих тяжелых камер, пытаясь зафиксировать все, что попадет в объектив.

— Четыре!

Обломки графита поблескивали от света солнечных лучей.

— Пять! Шесть!

Оставалось всего ничего до реактора.

— Семь!

Сердце нещадно билось о ребра, грозя выпрыгнуть из груди.

— Восемь!

Вот и жерло реактора.

— Девять! Десять!

Увиденное заставило фотографа охнуть.

— Одиннадцать! Двенадцать!

Перед этим пасть разрушенного реактора ему удалось видеть с высоты птичьего полета.

— Тринадцать! Четырнадцать!

Игорь включил камеру, занеся ее над чернеющим жерлом.

— Пятнадцать! Шестнадцать!

Он старался записать все детали увиденного, понимая, что для этого понадобится больше времени.

— Семнадцать! Восемнадцать!

Фотограф, прервав съемку на самом интересном месте, побежал обратно к чердаку.

— Девятнадцать! Двадцать!

Игорь пролез в отверстие и скатился по лестнице.

— Ну?

— Все прошло на “ура”, но этого недостаточно, чтобы снять интересный фильм. Мне придется снова просить вас пустить меня на крышу.

— Знаешь что...! С меня хватит! Ты рискуешь не только своей шкурой, но и моими ребятами, ставишь под удар всех нас, чтобы снять дурацкий фильм! Такого ненормального я еще нигде не встречал!

Тебя что, в детстве головой роняли? Ты хоть понимаешь, насколько это небезопасно? Я пошел тебе навстречу, а ты решил сесть мне на шею?!

Ладно, черт с тобой! Даю тебе еще двадцать секунд! И больше — не проси!

Вернувшись, Игорь, несколько не смущаясь и мысленно приготовившись к бурному потоку брани, попросил еще раз подняться на крышу.

Тем временем на крыше третьего энергоблока бурлила работа.

— Так, товарищи солдаты, — скомандовал генерал-майор Тараканов, обводя крепких мужчин в плотных защитных костюмах, — делаем все как и вчера — заходим на крышу по восемь человек, берем специальное снаряжение и сбрасываем заранее намеченный обломок графита в реактор. Даю вам сорок секунд. Как только прозвучит сирена, тут же возвращаемся обратно. Марш!

Восемь солдат, подхватив лопаты, побежали на кровлю по хрупкой металлической лесенке.

— Вы ждете особого приглашения, товарищ репортер?

Игорь, оцепенев от увиденной картины, лишь растерянно кивнул.

На крыше он был девятым.

Одна из фотокамер тут же защелкала.

Восемь бравых ребят, подцепив лопатами выброшенные из реактора обломки графита, потащили их к обрыву.

Неподалеку Игорь заметил дозиметриста. Его он тоже сфотографировал.

Прозвучала оглушающая сирена.

— Благодарим вас за помощь родине!

Солдатам вручили благодарность и денежную премию.

— Завтра же поедете домой. Вы уже достаточно накопили свои дозы. А вас, товарищ репортер, я попрошу остаться.

Игорь с недоумением обернулся.

— Командование попросило вас сделать панорамную съемку. Так они быстрее запомнят, где какой обломок лежит. И запомните: нужно заснять все обломки, даже самые мелкие. Вы меня поняли?

В двадцать ноль-ноль на столе у командования уже лежала панорама кровли третьего блока.

“Победа?”

Нет, поражение.

Какую глупость я допустил, не засняв человека у развала реактора — доказательство того, что все под контролем”

И так Сергей ездил до конца маршрута, желая, изнемогая и не смея.

И — терзаясь!

“Что, муки неразделенной любви? По сравнению с этим муки неразделенной любви утонченное наслаждение жизнью!..”

Его кидало из жара в холод, из стороны в сторону на ухабах и кочках, из холода в жар, покрываясь испариной от невероятных усилий.

Сергей трясся внутри бронированной машины всю дорогу.

Когда тяжелый военный броник ехал уже вдоль трассы мимо АЭС и на Чернобыль, он лихорадочно прикидывал, глядя на обочину — то на левую, то на правую:

“Здесь? А какой там уровень? А вон там?.. Уже проехали... А тут — голяк, ни кусточка! Ладно... Там? Людей много... Машин по трассе до черта!”

Лейтенант что было сил сцепил зубы, иногда, если позволяли силы, проглатывал слюну, ибо в животе яростно бурлило и давило ниже спины.

И его раздражало невероятное спокойствие спутницы.

— Ну ты же женщина! Войди в мое положение!

Марина усмехнулась:

— Я тоже обязана обсираться?

— Ну хоть капельку любви... сочувствия...

— Терпи, казак, атаманом будешь.

Сергей едва не расплакался.

К его небольшой компании, состоявшей из него самого и золотоволосой молодой девчонки, примкнул еще и дозиметрист, один из “крышных котов”.

— Я кое-как добился, чтобы мою службу продлили! — он приземлился рядом с Мариной у костра — лейтенанта мучило несварение желудка, и он бегал через каждые пятнадцать минут в сортир и обратно. — Я Андрей. Я работаю здесь дозиметристом. Сначала погнали на крышу третьего блока, сейчас несущ службу на земле.

— Тебе что, жить надоело? — простонал Сергей.

— Меня просто дома никто не ждет.

И каждое утро все начиналось по-новой.

Кто-то из советских фигуристов жаловался (даже не жаловался, а скорее обращал внимание): когда штангист толкает штангу, ему позволительна любая гримаса, рык и прочее. А фигурист, толкая вверх свою партнершу — тоже, отнюдь, не невесомую — и которую, в отличие от штанги, уронить нельзя, — должен наигранно улыбаться, светясь от счастья.

Вот так и лейтенант, тратя сто пять процентов имеющихся сил, чтобы мышцами живота брюшины давить, ежесекундно держать эту клятушую периодически взрывающуюся гранату в животе — давя, мня, жмя внутри этот взрыв, — одновременно ходил, залезал в машину, спрыгивал с нее, получал приказания, отдавал приказания, улыбался где надо, чувствуя себя как фигурист, завидующий штангисту.

И желание, одно-единственное — спустить штаны и сидеть в любом скрытом от людского взора месте, пусть даже в самом загаженном сортире...

И млеть от счастья...

Где тут поблизости?!?!

И спутница как назло куда-то подевалась.

Марина ускользнула под шумок, скрывшись за густыми, покрытыми яркой салатовой зеленью, ветвями. Она раздвигала листву руками и шла вперед. Бронированная машина стояла в паре шагов от деревни, где они с Сергеем и его командой остановились, чтобы измерить уровень радиации.

Марина слышала тихий, на самой грани восприятия, жалобный писк.

“Если там какая-то скотинка, как я ее тут брошу? Роте все объясню. Они хорошие, все поймут”

Девушка сбросила с плеча хвост кое-как собранных в спешке волос и, надвинув респиратор на лицо, медленно продвигалась вглубь лесной чащи, прищурившись, словно хищница, высматривая дичь среди плотной зеленой занавеси. Она вздрогнула и резко обернулась, услышав подозрительные шорохи за своей спиной.

Потом свободно выдохнула.

“Показалось”

Марина поплотнее закуталась в накидку.

“Не верю я этой обстановке. С виду все спокойно, будто ничего не случилось, а если заглянуть в самую суть, то тут такие ужасы творятся... даже обычному человеку не поздоровится...”

Неподалеку раздались крики и чьи-то голоса.

“Это меня ищут! Они, видимо, вовремя спохватились!”

Марина невольно завизжала, когда путь ей преградил огромный дядька в темном защитном костюме и с противоголозом на голове, свалившийся с крыши ближайшего заброшенного домика.

Девушка невольно отступила, увидев перед своим носом увесистый каменный баек.

Земля под ногами содрогнулась. Дядька в очередной раз замахнулся, чтобы произвести еще один удар.

Кувалда с пронзительным свистом рассекала воздух.

Незнакомец вконец рассвирепел, заметив поколебимость своей жертвы, и треснул огромным молотом по сухой почве еще раз.

“Я как-то видела в одной из палаток автоматы. Мне придется прихватить один из них, чтобы выжить. Иначе я и месяца здесь не протяну”

И — о, чудо! — на земле лежал брошенный кем-то АК-47.

Марине не составило никакого труда перетянуть затвор, и, направив прицел в сторону врага, выпустить автоматную очередь. Пули пробили плотную ткань, оставив дырки, из которых полилась темноватая бордовая кровь. Девушка, опустив оружие, с удивлением наблюдала, как поверженный бугай с молотом, пытаясь прикрыть полученные раны, сначала с протяжным стоном упал на правое колено, а потом и вовсе потерял сознание.

Марина перебросила автомат через плечо и направилась в сторону тропинки, заманчиво выглядывающей из-за кустов.

— Ты где была? Мы тебя везде обыскались! — когда фигурка девушки показалась из-за густой, едва проходимой, чащи, парни с облегчением перекрестились. — Никуда этих баб отпускать нельзя! Мы уж думали, тебя зверье утащило!

— Не дождетесь. — Марина поправила съезжающий с плеча автомат.

— А ты где, дорогуша, автомат-то взяла? Ты что, забыла, что здесь оружием нельзя пользоваться?

— Нельзя. Но моей жизни вечно что-то угрожает, и мне приходится отбиваться.

— От кого? От радиации?

— Да лучше б это была радиация.

— Здесь кругом полно голодного зверья!

— Сомневаюсь, что звери способны ходить с кувалдами.

— Послушай, здесь все равно нельзя ходить с оружием!

— Мне наплевать.

— Тебя отправят домой!

— Пускай отправляют. Я хоть живая останусь.

Один из парней направился к девушке, чтобы сорвать с ее плеча ремешок с автоматом, но та быстро наставила на него дуло, готовясь выстрелить.

— Отдай автомат! Не дури!

— А я и не дурую! Вы что, дальше своего носа не видите? В Чернобыле творится полная жуть, а вы ходите, как дураки, ничего не замечаете!

— Я все доложу главнокомандующему.

— Докладывай, стукач!

Марина усмехнулась, заметив изменившиеся лица приятелей. Залезла на броник, сняла автомат с плеча и положила его себе на колени, отвернувшись с деланным лицом от укоризненных взглядов.

— Мирный нас за это по головке не погладит...

Девушка позволила себе еще одну усмешку:

— Ему сейчас не до вас.

На третий день сил на поддержание положенного по уставу “молодцеватого вида” уже не хватало. Поднялась температура, лейтенанта лихорадило, и он перестал из себя что-то изображать, сконцентрировавшись вокруг одной, главной, основной, основополагающей, цели:

НЕ ОБОСРАТЬСЯ!

Марина наградила приятеля, забившегося вглубь броника, насмешливым взглядом. Они подъехали к пруду-охладителю, который находился на территории станции, чтобы разведать радиационную обстановку.

Девушка, прихватив оружие и надев респиратор, выпрыгнула из машины, отправившись следом за парнями.

Небольшое искусственное озеро, созданное для охлаждения работающих на станции энергоблоков, поражало своей красотой и необыкновенным спокойствием.

На бережку росла бурная зелень.

Земля находилась на одном уровне с водой.

Плавное и одновременно усыпляющее течение нарушил брошенный мелкий камушек, который Марина подцепила носком сапога, чтобы с любопытством посмотреть на расходящиеся по воде круги.

Раздался едва слышный “бульк!”, а затем все снова стихло.

— Когда пруд заполняли, — один из парней достал зонд с прибором, — вода затопила карьер по добыче песка и Нагорцы. По ту сторону, — он неопределенно махнул рукой, — осталась часть их кладбища. Здесь всегда много моллюсков, рыб, микроорганизмов всяких. Живут как видишь. Радиация не сильно их зацепила.

— Да, только вот на дне большое количество обломков, и их нужно каким-то образом достать. И радиоактивность здесь ой-ёй-ёй. Легасов вместе со своей компанией постоянно берут пробы воды, говорят, в ней много тепловыделяющих веществ и радиоактивной пыли. Так что, не соблазняйся красивым видом, здесь полно “подводных камней”.

— Я заметила, что Легасова тут не особо жалуют. Личная неприязнь?

— Девчонку видела?

— Темноволосую которую?

— А у нас есть другая?

— Может быть и есть. А причем здесь она-то?

— Да все при том! — повысил голос другой солдат. — Это маленькое исчадие ада дочь нашего дорогого академика Легасова!

— А ты что, со свечкой стоял? — усмехнулась Марина, сложив руки на груди.

— А разве это незаметно? Они же как две капли воды похожи друг на друга!

— А я похожа на Золушку. И что?

— С тобой бесполезно разговаривать...

— Мы закончили. Пойдемте.

В тот день Сергей впервые был допущен в чернобыльский штаб.

Показав часовому — обтерханному и апатичному “партизану” — свой пропуск (прямоугольник из плотной бумаги с фамилией и инициалами, с пустой круглой печатью, внутри которой был написан только номер), он первым делом направился на поиски местного сортира.

Сортир в штабе, в здании бывшего чернобыльского райкома партии и райисполкома, обеспечивал интимность: кабинки были разгорожены, и даже створки спереди прикрывались.

Сергей уединился. А потом вышел из сортира счастливым (без тени преувеличения!) и понес данные в разведотдел, чувствуя себя могучим, легким и невесомым.

Хватило этого ощущения ровно на десять минут.

“В штабе же должен быть медпункт!”

И намного лучше, чем в лагере!

И активированный уголь там точно есть!

Медпункт представлял собой узкую комнату с окном в торце. Цивильного вида молодой холеный доктор и молодая же медсестра — девушка с длинными мелированными волосами и с таким большим бюстом, что пуговицы на халате в любой момент могут оторваться.

Завидев лейтенанта, медсестра уткнулась в тетрадь, делая вид, что что-то записывает.

— Добрый день.

Побитые рыжие, бывшие в употреблении, сапоги да еще коробом сидящая новая форма — резкий контраст на фоне стерильного уюта.

Сергей, как можно вежливее и с замиранием сердца, обратился к одному из медработников:

— Добрый день, извините, у вас активированного угля не найдется?

— Прощу меня простить, моя прекрасная Лизавета, — доктор оборвал любезный разговорчик с медсестрой, что застенчиво опустила глаза, а ее щеки покрылись тонким пунцовым румянцем, — как видите, пациенты не заставили себя долго ждать. Как только у меня появится свободная минутка, я приглашу вас в ресторан.

“А этот доктор ничего так, высокий, темноволосый, стройный, да и медсестра ему под стать”

Доктор тем временем немного покопался в шкафчике и подал лейтенанту заранее отрезанную полоску с двумя таблетками.

— Э-э-э... а еще не найдется?

— Ну, вообще-то, мы по столько не даем... — уже протягивая еще одну полоску с двумя таблетками.

“Четыре таблетки, вся упаковка, десять штук, стоит по четыре копейки! О бессмертная, в отличие от своих пациентов, бессмертная советская медицина!”

И, протягивая лейтенанту жалкую полоску, доктор и медсестра обменялись понимающе-насмешливыми взглядами.

Они-то отлично себя чувствовали...

“Чтоб вы усрались!!”

Сергей, собрав в кулак всю свою волю — или чем там приходится сдавливать потроха! — не спеша, неторопливо, держась из последних сил, спрятал шелестящие полоски в офицерскую сумку.

“Не хватало только в главном штабе...!!!”

— Большое спасибо, — ответил он, как можно обаятельнее улыбаясь, — а то самогон такой вонючий, просто сил нет. Теперь хоть есть чем почистить. Спасибо от всего коллектива. Выручили. Выпьем за ваше здоровье. Обязательно.

Зашелкнув сумку, лейтенант честно, прочувственно заглянул доктору и медсестре в глаза. Затем закрыл дверь — неторопливо, с достоинством, вполне благополучный и уверенный в себе человек.

И пулей бросился в сортир.

“В три часа дня, Иваново, Московский сквер”

[приписка]

“Ты же хотел меня видеть, верно? Теперь появился повод. Я уже давно не виделся со своим старым другом, академиком Легасовым”

Асфальт потемнел от недавнего дождя. Над городом собралась дождевые облака, грозя вновь обернуться настоящим летним ливнем. Царил полумрак, как в поздний вечер, закрыв темной пеленой яркое солнце. На скамейках блестели крупные капли воды, что скатывались с гладкой деревянной поверхности.

Мимо проходили люди, прикрыв головы зонтиками. Никто из них не обращал внимания на темноволосого высокого мужчину, одетого в элегантный черный костюм — пиджак, жилетку и брюки, — и его спутницу, совсем еще молоденькую девчонку с длинными темно-русыми волосами и в солнечных очках. На ней красовалось кожаное пальто — это выглядело издевкой на фоне тотального дефицита в стране.

Каблучки стучали по тротуару. Губы, густо покрашенные темно-коричневой помадой, растягивались в довольную улыбку.

Сквозь коричневатые стекла нельзя разглядеть блеск зеленых глаз.

Маленький носик смешно подрагивал, стоило девушке нахмуриться.

— О, Валерий Алексеевич Легасов, мой старый друг! — Долгожитель распахнул объятия, когда к нему приблизился мужчина с мрачным лицом.

Широкий лоб украсили глубокие морщины.

Поправив толстые очки, ученый устало спросил:

— Я так понимаю, ты вызвал меня для того, чтобы обсудить предстоящий доклад, что пройдет в Вене?

— А еще ты сам требовал встречи. — Долгожитель спрятал руки в карманы брюк.

Тут Легасов неожиданно расвирепел:

— Требовал, еще как! Мне нужны объяснения!..

В ответ раздался тяжелый вздох:

— Какие еще объяснения?

Валерий побагровел:

— Как моя дочь оказалась в реакторе!

Долгожитель отвернулся, поджав губы.

Валерий буравил его спину испытывающим взглядом, сжимая и разжимая кулаки, готовясь напасть на обидчика своей дочери.

— Твоя дочь, говоришь... хм-м...

Белые всполохи погрузили сквер в молочную пелену.

Сгустки отступили, вырисовывая медицинскую кушетку, на ней — забинтованную маленькую девочку.

Веки малышки были прикрыты.

Кроваво-красные губы выделялись на бледном лице.

Рядом стояла капельница и стул.

— Если это твоя дочь, зачем же ты ее бросил? Разве ты не знал, что она попадет в плохие руки?

Легасов изменился в лице, впившись взглядом в свою, лежащую на кушетке, дочь, не в силах произнести и слова. Руки похолодели, и даже кровь застыла в жилах от осознания, что эта маленькая, ни в чем не повинная, девочка по его вине оказалась в чернобыльском реакторе.

Валерий дрожащими пальцами снял очки.

Одинокая слеза прокатилась по щеке, оставляя мокрый след.

— Алина...

Долгожитель усмехнулся, с издевкой поглядывая на побледневшего академика.

— Папа не хотел так с тобой... поступать...

“Этот умный мужчина плачет, потому что осознает, что он натворил. И ему предстоит разгрести эту кучу дерьма, пока не станет хуже, — мужчина обернулся и посмотрел на девушку. Та только едва заметно кивнула, — если, конечно, сможет. Мы с Лизой не дадим ему это сделать”

— Я бы хотел предупредить тебя, дружок, что на венском докладе не должно прозвучать ни моего имени, ни всего того, что ты наблюдал в подпольных лабораториях. Ты меня знаешь, я как тень, есть везде и всюду. Тебе предстоит потратить не один год своей жалкой жизни, чтобы осознать, что ты натворил. А твоя дочь, — долгожитель подошел к кушетке и слегка погладил пальцами по забинтованной руке, — отлично справляется с заданной ей ролью. Ты не представляешь, как долго я этого ждал...

Валерий продолжал стоять, как истукан, впившись взглядом в маленькую хрупкую девочку.

В памяти всплыло воспоминание, как он, уходя, оборачивался и напоследок замечал ее взгляд, полный грусти и любви.

Глаза без густых темных ресниц поблескивали от слез, а перебинтованное лицо украшала добрая детская улыбка.

— Ладно, бывай. — Долгожитель хлопнул академика по плечу и позвал к себе девушку в очках и пальто. — Пойдем, моя Лизавета, нас впереди ждет очень много работы.

“Занято!!!”

Сергей едва не завизжал от возмущения и предчувствия скорого позора.

Все кабинки в бывшем райкомовском туалете, рассчитанном на совсем иной ритм жизни — заняты!!!

“Черт побери!”

Проаживаясь перед рядом кабин, лейтенант изо всех сил сдерживался, обжимая мышцами живота уже разорвавшуюся внутри гранату. Он поднимался на цыпочки, тянул шею, покусывал нижнюю губу и прошагивал пространство от окна до дверей — обратно, мимо кабинки, обратно...

“Чтоб вы пропали!..”

Плотный майор вышел через несколько минут, одергивая куртку.

“Ка-а-айф...”

Сергей запил сразу две таблетки водой из-под крана.

Туалет, хоть и в таком не последнем месте, как штаб оперативной группы Министерства обороны СССР, был изрядно вонюч.

“Загадили...”

Кто ж рассчитывал на такую “пропускную способность”...

И так на протяжении нескольких дней.

А в одно прекрасное утро...

Сергей открыл глаза. И понял, что спал спокойно. Он умиротворенно поглядел на потолок палатки.

На всякий случай на завтрак он выпил только чаю.

Маршрут разведки Рыжий Лес-3 начинался у километрового столба.

Дозиметрист Петро измерял уровень радиации на земле у его основания (“землю”) и в воздухе (“фон”).

Сергей записывал номер точки и величины уровней.

Бронированная машина съехала с заброшенной автотрассы в лес, в смоляную тенистую прохладу.

Высунувшись вверх из люка, лейтенант из запаса высмотрел дорогу получше, сверяясь с лежащей на рации схемой маршрута, грубо нарисованной от руки, и подал короткую команду Коле-водителю.

Мотор броника мощно урчал.

Зеленый поролоновый респиратор глушил слова.

Приходилось кричать, наклоняясь внутрь:

— Направо!..

— Налево!..

— По правой!

— По левой!

— Возле куста — замер!

Коля затормозил.

Петро спрыгнул, на ходу доставая зонд, и принялся измерять фон и землю на точке.

Сергей спешно записал данные карандашом.

Петро, тщательно оббивая песок с сапог о броню, залез наверх, на крышу бронированной машины.

— Вперед! — и броник тронулся с места.

Замер, еще замер...

Уровни радиации возрастали.

Поперек пути “выросла” вырубленная посадка молодняка: косые белые острия рядами — полоса шириной метров семь.

— Объедем?

Николай кивнул.

“У броника задние скаты лысые. Если проколемся, то непонятно, как нас потом будут оттуда стаскивать. Да и уровни тут приличные...”

Среди косых белых рядов появилась тоненькая фигурка девочки с длинными темными волосами. Над тяжелыми прядями возвышался роскошный бант, кончики которого трепыхались за спиной. Малышка ходила вдоль вырубленных деревьев и пинала носком туфля мелкие комочки земли.

Сергей обомлел.

— Коля, стой! Тут ребенок!

Он вместе с Петро-дозиметристом выпрыгнул из бронированной машины и направились к девочке.

Та остановилась, впившись взглядом синих глаз в двух крупных мужчин, и невинно захлопала ресницами.

— Мы-то думали, ты испугаешься и убежишь...

Она опустила голову, спрятав злорадную усмешку. Потом вновь подняла пронзительные, с оттенками глубокой синевы, глаза и посмотрела на военных так, будто видела их впервые.

— Что ты здесь делаешь?

Малышка пожала плечами.

— Ты кушать хочешь?

Она активно закивала головой.

— Тогда поехали с нами в лагерь. Только придется немного потерпеть, работа еще не закончена.

Сергей, обхватив руками девочку талию, ловко подхватил ее и посадил на самый верх.

— Поехали, Коль!

Бронированная машина в очередной раз сдвинулась с места.

Маршрут разведки Рыжий Лес-2. Два километра южнее АЭС.

Уровни — несколько десятков миллирентген в час.

По широкой песчаной дороге ехала зеленая бронированная машина.

Справа сосняк: мелкий, молодой, зеленый, с другой стороны — дома, заборы, палисадники.

Край села Копачи.

Кудахтали куры.

Было очень жарко.

Девчушка, сидя на верху броника, не обращала внимание на палящие солнечные лучи. Казалось, жара не приносила ей никаких неудобств, а лишь приятно согревала бледное лицо.

Алые губы растянулись в довольной улыбке.

Девочка прищурила синие, как летнее небо, глаза.

Волосы тяжелыми прядями ниспадали на плечи.

“Вот же чертовка! И даже не понимает, где она находится!..”

— А где же наша приятная златовласка?

— В лагере, наказанная сидит.

— Что ж ты ее так...

— Когда мне сообщили, что среди нас женщина с автоматом, мне стало страшно.

— Думаешь, она может пристрелить?

— Да кто ее знает...

В селе ни единой души. Уже три месяца.

— О, смотри-ка, кто к нам пришел!..

Возле БРДМ-а возникла маленькая собачонка, год от роду. Маленькие висячие ушки. Острая мордочка с черным “пятачком”. Шерсть стояла дыбом, а хвост поднимал небольшие клубочки пыли.

Пес еще раз облизнулся и устремил темные глаза на незваных гостей.

— У нас у самих-то поесть нечего...

Собачонка продолжила неотрывно на них смотреть.

Девочка спрыгнула с машины и вплотную подошла к животинке.

— Смотри, укусит!..

Мальшка присела на корточки и провела кончиками пальцев по круглой голове. Шерстка слегка заискрилась, но ни пес, ни девчонка ничего не почувствовали. Зверек благоговейно склонился к ногам маленькой хозяйки и начал повизгивать от удовольствия, вытираясь мордочкой о ноги девочки.

— Ни у кого ничего нет?

— Не-а...

— Ну нету... ничего нет, — сказал Сергей собачонке.

— погоди! — Коля-водитель нырнул в черную дыру люка.

Появившись обратно, он развернул засохший бутерброд.

— Точно!..

— Завалился в ящичке, заначили когда-то как НЗ, а потом забыли!..

Пес схватил добычу на лету.

Посмотрев вслед уезжающей по трассе бронированной машине, собачонка побрела обратно к домам.

— Интересно откуда она?..

— Да черт его знает! Когда мы только приехали, она уже была на станции.

Сергей и его команда объезжали маршрут вокруг пустой Припяти.

— Как-то уныло это все выглядит...

Посреди красивого соснового леса, у быстрой полноводной речки Припять, в удобных многоэтажных домах жили сорок пять тысяч человек, всего лишь три месяца тому назад. А сейчас БРДМ ехал вдоль забора из колючей проволоки, который отделял город от остальной чернобыльской зоны.

Разведчики продолжали измерять радиацию через каждые сто метров.

— Тут будут жить люди!

Аккуратный ученый — их еще называли “наукой” по роду деятельности, — в белой робе, в белом колпаке на голове, с внутренней стороны колючей сетки, растянутой на столбах, мерил землю светлым прибором.

Девочка спрыгнула с крыши бронированной машины и направилась к “науке”.

Петро ткнул зондом темно-зеленого ДП-5 в тот же столб с обратной, наружной стороны:

— Ага, будут, как же, с 60 миллирентген в час!..

— Правда? — обрадовался Сергей, не обращая внимания на ехидное замечание приятеля. — А говорили, тут жить уже никто не будет...

— В Припяти будут жить люди. Припять будет нормальным живым городом, — уверенно произнесла “наука”.

— Для этого мы, физики, тут и работаем. А вы офицер — кадровый?

— Да нет, я вообще-то химик...

— А тут?

Лейтенант пошутил:

— “Командир взвода сталкеров”, по зоне каждый день лазим, меряем...

Разговор перешел на “Сталкера” Тарковского: как режиссер показал Зону в фильме — и какая она настоящая...

— Никогда не думал, что увижу нечто подобное...

— Я тоже...

— Жаль, самого “Сталкера” мы больше не увидим.

— Да-а... теперь, когда Тарковский стал невозвращенцем, уже точно никогда...

— Нет теперь в Советском Союзе такого режиссера... — тяжелый вздох. — И не было никогда.

— И фильмов его нет.

“Эх, жаль”

— Жаль...

Сергей скользнул взглядом по настоящей зоне.

Каждый видел своего собеседника через колючую проволочную паутину на столбах.

За спиной “науки” стояла пустая, полуразграбленная, Припять.

“Мерзость запустения”, грязно-зеленый угловатый броник у колючей проволоки; мертвый “парк культуры и отдыха”, над лесом торчит огромный разноцветный круг, аттракцион “чертово колесо”.

Перед внутренним взором бежали кадры фильма Тарковского, которые удержались в памяти, и которые не предстоит увидеть как-то иначе, пребывая в радиоактивной зоне.

— Счастливо! — искренне пожелали друг другу собеседники через колючую проволоку и, кивнув на прощание, разъехались.

Девочка осталась в городе.

Бронированная машина проехала мимо фруктового сада.

В саду работало военное подразделение, тоже “партизаны”, из запаса.

БРДМ остановился для очередного замера.

Мужики обступили транспорт со всех сторон.

— Вы откуда?

— А вы откуда?

Подошел их командир.

Сергей сидел на верху броника, на плоской башне, пригретой солнцем, в ожидании данных. Подняв глаза, он неожиданно увидел, как несколько человек, что стояли поодаль у деревьев, подошли к БРДМ-у, поедая зеленые яблоки.

— Вы че, охренели?! Тут же кругом десятки миллирентген в час! У вас совсем мозгов нету?! Хотите, чтоб вас еще и изнутри излучало, притом, круглые сутки?! Ну вы во-о-обще-е-е!

Но лейтенанту Сергей ничего не сказал, лишь наградил его выразительным взглядом:

“Куда ж ты, блять, смотришь?!”

Эффект от сказанного был зримым и мгновенным: движение челюстей тут же замерло, а потом кто-то будто нажал кнопку РЕВЕРС на корморезке: рот открылся, и из него наружу полезла бело-зеленая пережеванная масса посыпалась вниз, на сапоги...

27.07

Мы в Диброве, в командировке.

Приглашают на обед.

Только 1-е и 3-е.

А у нас на троих, на весь экипаж, только два котелка.

К еде положена соль. Соль насыпана горкой на штабеле досок почти по грудь высотой.

Я ем первый, а хозяин котелка (Коля) в это время курит, ожидая, пока я закончу.

Местный лейтенант сгоняет нас с дров, мне:

— А вы, товарищ лейтенант, вообще пошли б в офицерскую столовую. Там бы вам тарелку дали, все как положено...

Я промолчал.

Ему ж не объяснишь, что мы — один экипаж.

С нами еще Маринка была, та еще выскочка.

Красивая, но с характером.

И ей от лейтенанта тоже досталось:

— А вам, девушка, не помешало бы работать среди женщин, вы суету среди мужчин создаете.

Но она, в отличие от нас, молчать не стала:

— А у вас, мужиков, вечно бабы виноваты! И вообще, здесь правила не писаны, где хочу, там и ем, без вашего, разрешения!..

В это время старший прапорщик появляется, говорит то же самое, но рекомендует солдатскую столовую (палатка рядом).

Делать нечего, прихватил Маринку, и мы с ней зашли.

Грязные столы с зелеными перьями лука, грязь на земляном скользком полу, запах хлорки, темень.

Вышли обратно, едим на дровах.

— Молодой человек, а вы дорогу до палаточного городка не подскажете? Я тут петляла, петляла, но так ничего и не нашла...

Длинные, цвета воронова крыла, волосы были перехвачены тканевой резинкой. Глаза с удивительной синева густо подкрашены черным карандашом. Темно-бордовая помада выделяла губы на бледном лице. Ярко-зеленая форма по фигуре. Слегка выглядывающие персиковые бугорки. Из-под рукава торчал черный ремешок.

Игорь остановился и посмотрел на незнакомку снизу вверх.

— Конечно! — и слегка растерялся, когда девушка приосанилась, надувая губы. — Я могу даже проводить... если вы, конечно, не против.

— Нет, что вы! Я как раз таки не против! — девица захлопала густыми ресницами.

Игорь посмотрел в ее пронзительные синие глаза и почувствовал, как сознание медленно отходит на задний

план, уступая место приятному наваждению.

На улице стемнело.

Большинство военных уже разошлись по палаткам и конторкам, уступая место ночной тишине.

На территории станции все еще пребывали люди, дежурившие в ночные смены — как только солнце появлялось на линии горизонта, появлялись и сменщики.

И так каждый день.

Они едва не споткнулись о порог небольшой комнаты, где ночевал репортер, а после, ранним утром, отправлялся на поиски новых репортажей: его невероятно манил вид разрушенного блока, и каждый раз, пребывая перед развалами реактора, ему казалось мало.

Игорь никак не ожидал, что не станет сопротивляться, когда девушка толкнула его на постель и принялась стаскивать с себя одежду.

Лямка бюстгалтера съехала с плеча, приоткрывая мужскому голодному взору тонкие ключицы. Грудь все еще оставалась прикрытой, заставляя возбужденно фантазировать. Девчонка будто бы ждала решительных действий со стороны любовника — сидя на нем верхом и обнажив белые ягодицы, она беспрестанно гладила его по груди и, не отрываясь, смотрела ему в глаза.

Игорь схватил чертовку за тонкую шею и впился губами в алые уста. Она слегка растерялась, но скрыла довольную улыбку, прикрыв от удовольствия веки. Дрожащей рукой фотограф сорвал ненавистный бюстгалтер и отбросил его куда-то в сторону, принимаясь гладить маленькие бугорки.

Девушка, издав протяжный стон, прикусила нижнюю губу, и даже не пискнула, когда разгоряченный двухметровый мужик, перевернув ее на спину, без зазрения совести вошел в нее.

— Игорь!!

Костин, вскочив как ужаленный, подхватил с пола вещи и, отвернувшись, принялся одеваться.

Мила, сложив руки на груди, с явным презрением наблюдала за его паническими телодвижениями.

— Тебя сегодня ночью видели с какой-то девицей! А утром я застаю тебя в чем мать родила!

— А тебе есть дело? Я свободный человек!

— У вас какие-то проблемы?

Мила вздрогнула и, обернувшись, увидела перед собой Легасова.

У него был усталый вид, он крутил пальцами сигарету, а в глазах царили такая апатия и безысходность, что девушка невольно посочувствовала ученому.

— Нет, все в порядке, Валерий Алексеевич!..

— Милочка, можно поговорить с тобой тет-а-тет?

Перепуганная девушка вопросительно посмотрела на Игоря.

Тот пожал плечами.

— Э-э-э... а в чем дело? Что-то случилось?

Легасов бросил взгляд на репортера, а затем тяжело выдохнул:

— Мне просто очень нужно с тобой поговорить.

Мила с наигранным равнодушием пожала плечами и пошла следом за академиком, спрятав в густых ресницах огонек беспокойства. Она буравила испытывающим взглядом спину попутчика и гнала прочь тревожные мысли: зачем так волноваться, если знаешь, что ничего дурного не совершала.

Или же дело было в другом?..

Они прошли в кабинет ученого, располагающегося в оперативном штабе, куда, опять же, допускали не каждого.

Над Чернобылем давно повис ореол таинственности и загадочности с оттенками легкого страха и бескрайнего любопытства. Каждый новый день как открытие, каждый новый час происходило полного волнения и испуга событие, заставляя вздрагивать от настоящего, пробирающего до костей, ужаса.

— Так о чем же вы хотели поговорить со мной, Валерий Алексеевич? И да, позвольте заметить, выглядите вы просто ужасно. Хотя-я-я это неудивительно, судя по тому, где вы работаете...

Легасов не произнес ни слова и, подойдя к мрачному закутку своей комнаты, отодвинул плотную штору.

Мила приподняла бровь и, нерешительно подойдя, заглянула внутрь.

— Это же та девочка, которую все ищут!..

— Это моя дочка.

Девушка застыла с раскрытым от удивления ртом.

— Дочка?! В смысле... дочка? А что она делает здесь, в Чернобыле?

— Мы с твоим супругом, Сашей, в последнее время перестали общаться. Он ушел в работу, ему стало не до дружеских разговоров. Мы тут все заняты, так что это ни в коем разе не упрек. И в какой-то момент я ощутил одиночество. У меня есть дочь, и не одна, и жена, а по сути, я... ну, я остался один. Мне не с кем поделиться,

вылить свои эмоции, освободить душу, хотя иногда я позволяю себе согласиться с тем, что так намного лучше, так намного безопаснее.

— Валерий Алексеевич, я вас не понимаю.

— Зови меня просто Валера.

Девушка потупилась и смутилась:

— Но вы же старше...

— Мы здесь все равны.

Мила позволяла себе с этим согласиться.

— И что же вы... ты от меня хочешь?

“Все равно он не признается, по какой-то причине здесь находится его дочь”

— Я спрашиваю это не из-за простого любопытства, я понимаю, насколько тебе сейчас трудно, и, судя по всему, на душе у тебя какой-то камень, поэтому ты ничего рассказывать не хочешь. Ну и, скорее всего, ты уже с кем-то делился своими переживаниями, но тебя не услышали и не поняли, поэтому ты обратился ко мне.

— Мне нужно, чтобы ты присмотрела за девочкой, — произнес академик, когда девушка окончила свою тираду. — Я уже обращался с этим к твоему мужу, но он меня не понял и отказал.

Понимаешь, в чем дело, моя дочь не так проста, как кажется. Я боюсь, что рано или поздно она поставит не только себя и меня под удар, но и всех нас. Я думал, что Александр Александрович мне в этом поможет, но он не готов помочь мне решить эту проблему.

Моих знаний недостаточно, и, если честно, я поставил свои профессиональные качества под сомнения...

— Прости, но я опять не понимаю, куда ты клонишь...

Их беседу нарушило появление заспанной девочки.

Она громко зевнула и посмотрела на парочку слегка удивленными глазами.

— Поздоровайся, это Мила. Я попросил ее присмотреть за тобой.

Малышка недоверчиво осмотрела Милу с ног до головы.

— Понимаешь, золотце, я здесь ненадолго. Мне предстоит скоро уехать.

Девчушка насупилась, поджав губы.

— Я понимаю твои чувства и приму их в расчет, но сделать пока что ничего не могу. Тебе лучше остаться здесь.

Раиса доплелась до кровати и рухнула на постель, не раздеваясь.

Разум погрузился в черную бездну, где не осталось места ни для ярких сновидений, ни для бурных, полных боли, воспоминаний.

Просто темное, бесформенное, нечто.

Оно затягивало все глубже и глубже, превращаясь в темное озеро с большими и постепенно исчезающими кругами.

— Нет, она не умерла, она просто спит. Но это такой страшный сон...

“Васенька?..”

И тут всплыли недавние события: радиологическое отделение, столица, погруженная в хаос, любимый муж, покрытый ожогами и чудовищными язвами, медленно превращающийся в ходячий труп.

И бездонные синие глаза маленькой девочки, смотрящие на еле живого пожарного через пленку барокамеры.

Раиса пришла в себя через трое суток.

— О господь благочестивый, наконец-то ты пришла в себя!.. — охнула матушка, всплеснув руками. — Я уж думала, ты умерла, господь милосердный, отче наш, нехай освятиться ім'я твоє...!

— К сожалению, я еще жива. — Девушка встала и огляделась вокруг. — Мне до сих пор не верится, что все это произошло на самом деле. Моего Васеньки больше нет!.. Я потеряла всякий смысл жить. У нас осталась только Наташенька... у меня только она осталась. — Она приложила руку к животу.

— Грех так говорить, доченька! Бог не дает испытаний, что нам не по силам!

— Тогда почему Бог все это допустил? Почему Он не смог ничего остановить? Изменить?! Почему Он ничего не сделал, что мы с тобой не страдали?!

— Не гневи Бога, доченька. Все самое страшное позади.

— Сомневаюсь.

Однажды во сне к Раисе пришла умершая пару лет назад бабушка. Она наряжала новогоднюю елку и насвистывала веселую песенку, вешая красивые и блестящие шары.

— Бабушка, почему у нас елка? Ведь сейчас только лето!

— Так надо. Скоро Васенька ко мне придет. И Наташенька тоже.

Раиса попыталась ухватиться за остатки уходящего сна, но, открыв глаза, перевернулась на другой бок, и, уткнувшись носом в подушку, тихонько заплакала.

Сердце щемило, душу терзала острая боль, будто кошки когтями прошлись. Или грудь изрезали кинжалами, и алая кровь сочилась из ран, окропляя землю.

— Доброе утро, Раечка.

— Доброе утро, маменька.

— Ты выглядишь еще хуже, чем вчера. Не терзай себя, доченька! Мы не в силах ничего изменить. Лучше сходи в церковь поставь свечку, помолись за душу Васенькину, пусть будет небо ему в облаках.

— Вася приходит ко мне во сне, зовет Наташеньку. А она такая большая уже!.. — девушка смахнула слезы кулаком. — И она еще не родилась, и... такая красивая девочка, с длинными волнистыми, как у Васеньки, волосами, и я...

О мой бог!

— вскакивает и подходит к окну —

Как же я люблю его, маменька, ты не представляешь, как!.. Никто так не любит, как я его люблю!..

— уже спокойнее —

Васенька, весь в белом, и наша еще не родившаяся дочка, Наташенька, такая большая. Они смеются, и Вася весело подкидывает Наташу... и...

— замолкает, тяжело вздыхая —

И я понимаю, что счастье это так... просто...

Так просто!..

— снова плачет —

Потом я долго бродила с ним по воде. Долго-долго.

“Ты не плачь, пожалуйста”, сказал он мне.

А я не могу! Я чувствую, как мое сердце разрывается на куски, как мне тяжело осознавать, что я похоронила любимого мужа, что мне придется растить нашу дочь одну, что мне придется все ей рассказать... как все было...

И мне снова хочется плакать.

Спустя два месяца Раиса приехала в Москву и прямо с вокзала направилась на кладбище.

“Кто нам возместит ущерб, кто?! Кто вернет нам наших мужей, отцов, сыновей? Стоит ли ваш чертов атом жизней наших близких?!”

Рая присела перед могилой мужа и вдохнула хвойного воздуха, принесенного порывами ветра.

Искусственные цветы наравне с живыми бутонами склонились к могилке, подчиняясь законам природы.

Небольшая ладанка давно погасла.

По щеке потекла слеза.

Рая дрожащей рукой провела по гранитной, гладкой, поверхности, собирая в ладонь мелкие капельки воды.

— Почему же ты оставил меня? Неужели нам не суждено быть вместе?

Откуда-то подул ветер, растрепав кудрявые волосы. Тщательно собранные пряди рассыпались по плечам, а плотная резинка спала на землю.

Очередной порыв больно ударил по лицу.

Девушка в спешке, подобрав с земли резинку, принялась приводить себя в порядок.

— Это ты, ты, воспитал такого сына! — Раиса невольно обернулась, услышав неподалеку ругательства. — Это все он, он, взорвал эту чертову станцию! Если бы не он, мы бы и дальше жили спокойно, motherfuckers!

Пожилой мужчина в ответ лишь горько вздыхал и буравил взглядом могилу сына — такого же молодого человека, как и ее Васенька: они лежали вместе в радиологическом отделении и умерли почти в один день.

Раю возмутило поведение прохожих, что тыкали в несчастного старика пальцем и называли его последними словами, да еще какими, иностранными!

— Прекратите, это некрасиво!

Раиса вскочила, намереваясь отогнать невоспитанную молодежь, но резкая боль пронзила ее насквозь, заставляя согнуться в три погибели. Она рухнула на колени, приложив руки к животу, и едва не ударилась лбом об асфальт, когда тот самый пожилой мужчина не подхватил ее под руки и не понес в сторону автомобиля.

— Рожать приезжай к нам!

— А куда я такая еще поеду?!

Рая неохотно вынырнула из глубин собственного разума.

Перед глазами бегали белые “мошки”, картинка плыла, покрываясь мутными всполохами и грозя оборваться в любую секунду. Слабыми руками она схватилась за обрывающуюся нить и попыталась “вынырнуть”, жадно глотая ртом воздух и цепляясь пальцами за ускользящее сознание.

— Она теряет сознание! В реанимацию, живо!

— Мамочка?..

— Что...? Кто ты?

Кое-как разлепив веки, она увидела посреди болотистой местности темный силуэт, напоминающий фигурку маленькой девочки.

И как малышке удалось попасть в столь отвратительное место, кишащее черной липкой жидкостью и отвратительным, больно ударившим в нос, запахом азота?..

Раиса лежала на вонючей земле, опершись локтями, и растерянно наблюдала, как силуэт медленно приближался к ней.

Мрак отступил, вырисовывая всполохами утонченную фигурку девочки в школьной форме.

— Кто ты...?

Девчонка присела на корточки и внимательно взгляделась в бледное лицо девушки, изучая мелкие детали через узенькие щелочки глаз.

— Ты меня не интересуешь, — через некоторое время ответила девочка. — Ты — слабачка, не умеешь бороться с обстоятельствами. Хм, хотя, откуда мне знать, — выпрямившись, она встала, — я ведь всего лишь ребенок, верно?

— Я... Я... А что я здесь делаю?

На бледном детском личике появилась усмешка:

— Уже ничего.

Раиса прикрыла веки, пока глаза не привыкли к свету. Потом вновь распахнула их и взгляделась в белоснежный потолок, пытаясь понять, где находится. Покрутив головой, она вспомнила, что лежит в радиологическом отделении, одна, среди пустых коек, слушая раздающиеся за дверью крики.

В голове все еще отчетливо раздавалось хлопанье болотистой воды.

— Проснулась, наконец! Радуйся, мамаша, у тебя родилась девочка!

— Наташенька...

— Она самая.

Ей в руки вложили маленький сверточек.

Красное личико покрылось тонкой корочкой.

Мальшка прерывисто дышала.

— Значит так, слушай внимательно, у твоей дочери куча проблем. У нее цирроз печени и врожденный порок сердца.

В одной только печени двадцать восемь рентген!..

— Да что вы все врете!.. — возмущенно воскликнула Раиса. — Это абсолютно здоровый ребенок, зачем вы на нее наговариваете?!

— Можешь не верить, дело твое. Но девочка не жилец.

Рая готова была разреветься, но, наткнувшись на суровый взгляд заведующей, лишь поджала губы.

Когда новорожденную отнесли, Раиса, перевернувшись на другой бок, крепко заснула, погрузившись в сон без сновидений.

В последнее время ей пришлось совсем несладко: иногда просыпаясь, она подолгу сидела на краю кровати и не понимала, зачем в очередной раз открыла глаза, зачем ее снова вернули в суровую действительность, полную боли и отчаяния.

Дурная мысль заставила проснуться и судорожно искать среди белоснежных стен люльки или нечто похожее на детскую кроватку: Раиса приподнялась, осмотрелась и, не обнаружив свою малышку, тут же вскочила и, тихонько приоткрыв двери, вышла в коридор.

Босые ноги осторожно ступили по холодному бетонному полу.

На посту медсестры не оказалось.

За окном стояла глубокая ночь. Царила такая непроглядная темень, словно все звезды на небе заодно с полумесяцем внезапно погасли.

Здесь, в столице, чернобыльский свет был недостижим — электростанция питала лишь украинские города.

Но — то ли от отчаяния, то ли от постоянно присутствующего страха, — казалось, заверни ты за угол, как тут же на тебя нахлынет длящийся больше трех месяцев кошмар.

Неожиданное запустение привело обескураженную девушку в панику.

Она судорожно замотала головой и прерывисто задыхалась, чувствуя, как когти неподдельного страха впивались в ее шею, погружая в бесформенный ужас и заставляя обливаться потом.

“Наташа!.. Где Наташа...?”

— Что...? — Раиса испуганно отскочила, когда посреди коридора появилась полуобнаженная девушка.

Незнакомка была ничуть не выше новоиспеченной матери, с пронзительными синими глазами и такими черными волосами, словно сама летняя ночь.

Груди и другие интимные места прикрывали лохмотья, напоминающие купальник.

Руки и ноги были скованы кожаными ремнями, на конце которых висели железные скобы.

Размытым движением девица приблизилась к испуганной девушке.

Раиса побледнела, смотря в бездонные, украшенные небесной синевой, глаза. Черные, как угольки, зрачки впивались в лицо, изучая каждую морщинку, мелкое пятнышко или прыщик, стараясь запомнить испуганное выражение до мельчайших подробностей.

— Ты не создана быть сильной. Ты слабачка. С тобой даже скучно. — Незнакомка склонила голову на бок. — Единственное, чем ты сможешь меня привлечь, это своим отчаянием. Ты недавно похоронила мужа. Он лежал там, где ты сейчас сама... лежишь, — девчонка облизала пересохшие губы.

— Я... Я помню тебя...

— И тебе понравился мой сюрприз?

Издавательская насмешка заставила Раю побледнеть еще сильнее.

— Ты послужишь мне прикормом, легкой добычей, чьи боль и отчаяние будут питать меня на протяжении многих лет. Это поможет мне выйти на новый уровень, чтобы уничтожить вас всех.

Я ненавижу вас всех!..

— Что...? Что с моей девочкой?

Раиса с трудом отыскала заведующую.

Она босиком бежала по коридору, не обращая внимания на обжигающий стопы холод, ни на недавнее видение.

Ее интересовало лишь одно — маленькая новорожденная дочка.

Даже боль, что сковала тело и долгое время не отпускала, отступила.

— Ангелина Васильевна...!

Врач подняла на прерывисто дышащую девушку глаза и вновь опустила их.

— Твоей дочки больше нет. Умерла она.

Рая отказывалась верить своим ушам:

— Не-е-ет... Этого... этого... этого просто не может быть!! С ней все в порядке, вы все врете!!

— Четыре часа назад малышка умерла...

— Отдайте мне ее! Я ее сама похороню!

— Увы, но твоя девочка останется здесь.

— Как это?!

— Для науки.

— Для какой-то науки?! Я ненавижу вашу науку, ненавижу! Она сначала забрала моего Васеньку, а теперь еще ждет... ждет... — Раиса кричала наперевес рыданиям, всхлипывая и подвывая, как волчица, потерявшая своих детей. — Не отдам! — уже решительнее добавила она. — Я похороню ее сама! Рядом с ним...

Через полчаса принесли деревянную коробочку.

— Она — там.

Раиса осторожно заглянула внутрь и увидела побледневшего младенца, закутанного в пеленки.

Рыдания нахлынули с новой силой. Боль сковала тело в очередной раз, надолго не выпуская из своих объятий.

Казалось, все беды мира свалились на голову молоденькой девушки, которая никак не ожидала, что нечто подобное случится в ее жизни.

Жизнь шла мирно, счастливо, и в один миг все рухнуло, как карточный домик.

Рая отдала коробку со словами:

— Положите ее у его ног. Скажите, что это наша Наташенька.

— Что, наконец-то едем домой?

Тимофей усмехнулся:

— Нам дали два месяца, чтобы мы с заданием справились, а мы его выполнили за полтора. Мы молодцы, что сказать, заслуживаем наконец-то поехать домой, увидеть близких, увидеть наших, рассказать, что да как. Они, небось, думают, что нас на каторгу отправили.

— Это намного хуже...

— Да ладно тебе! Мы выполняли правительственное задание, спасали Родину, и, надеюсь, рано или поздно, она спасет нас. Выше нос! Бывало и хуже, вспомни ту же Великую Отечественную, сорок первый вспомни, без оружия, почти что с голыми руками, боролись с немцами и победили...

— То немцы, а это радиация. Хрен увидишь.

Тимофей отвернулся к окну:

— Да-а-а, что есть, то есть...

— Ты какой-то растерянный. Что-то случилось?

Он усмехнулся, но ничего не сказал.

За полтора месяца кропотливой и адской работы, в условиях невыносимой жары, в перерывах между сменами, Тимофей писал письма, наполненные любовью и тоской, своей единственной, что ждала его в нескольких километрах отсюда. Он думал о мелочах: вырос ли у нее живот, что она сейчас ест, чем занимается, какие мысли ее заботят, пока его рядом нет.

Неподалеку от Чернобыля находился почтовый ящик, через который военные вместе с шахтерами вели переписки со своими родными и близкими.

Но ни одного ответного письма Тимофей не получил.

“Не дай боже, если с ней что-то произошло...”

“Нет, с ней все хорошо!”

“Но почему она тогда не отвечает?!”

— Чувствую, скоро наша жизнь изменится, даже моргнуть не успеешь.

— С чего это? — Тимофей позволил себе усмешку.

— Не нравится мне все это! Не пройдет это бесследно, вот увидишь!

— Ты просто переволновался. Так бывает.

— Ты не понимаешь...

“Что-то подсказывает мне, что он прав”

“Но тогда почему я это отрицаю?”

Самолет из Киева вылетел ранним вечером.

“Дорогой Тимоша!

Я пишу это письмо в надежде, что рано или поздно ты его прочтешь. Мне сложно представить, какие чувства могут вызвать ниже описанные мною строки, но я должна — нет, обязана! — тебе все объяснить. Держать тебя в неведении не имеет смысла. Да и мне самой станет легче. Не сейчас, когда я приняла твердое решение, о котором, скорее всего пожалею, но спустя какое-то время.

Не хочу больше никого обманывать. Мне надоело жить в страхе за себя и своего [зачеркнуто] нашего ребенка.

Вчера мы с мамой обсудили ситуацию, что складывается в нашей — ПОКА ЕЩЕ — семье: ты вернешься оттуда, полный смертельной радиации, наш будущий ребенок, да и я в том числе, подвергнутся заражению, и тогда возникает закономерный вопрос — кого мы родим с тобой, Тимоша?

Физического урода? Пожизненного инвалида?

Я не хочу обременять себя подобными заботами, да и тебя тоже.

Я знаю, что с мамой вы не особо ладили, вы совершенно разные люди. Но передо мной стоял непростой выбор — мама или муж, зараженный радиацией. Я понимаю, насколько это смешно сейчас прозвучало, я даже рассмеялась — ну что за глупость я пишу? Что это — влияние маминых слов или токсикоз?

Впрочем, неважно.

Ты знаешь, насколько бывает убедительна моя мать. Ее друзья и знакомые, те самые эвакуированные беженцы из Чернобыля, рассказывали нам немыслимые вещи. Я слушала их и не хотела в это верить, но понимала, что все сказанное ими — самая настоящая и самая суровая правда.

Каждый из нас привык жертвовать собой в угоду другому, пусть этот другой — наша общая с тобой страна.

Но я все равно считаю лишним бездумно жертвовать собой даже ради страны!

Особенно когда есть... или будет... семья и дети.

Мы, молодые, в нас течет горячая кровь, и некоторые превратности жизни познаешь лишь в глубокой старости.

Я тебя утомила, верно?

Я всего лишь хочу донести до тебя то, что с нами произошло. Мне пришлось принять непростое решение: наша семья, если ее можно так назвать, существовать больше не будет. Ей не суждено быть.

Радиация хуже чумы, она съедает все на своем пути.

Она съела нас с тобой. И нашего будущего малыша.

Ты скажешь глупости, но...

Мама...

Она была убедительна, как и ее друзья.

Я согласилась с ними.

И подала на развод.

Мы с тобой отныне чужие люди.

Я боюсь радиации, я боюсь Чернобыля в своем доме, мне не нужно, чтобы в меня и моего ребенка тыкали пальцем, я этого не заслуживаю!

И еще...

Я сделала аборт.

Мне пришлось!..

Радиация...

Заканчивая это письмо, хочу сказать: будь счастлив. Не жалею ни о чем. Ты поступил правильно, хоть и погубил нашу семью.

С любовью,

Твоя Люся.

— Не нравится мне, что они живут среди обычных детей.

— Кто — “они”-то?

— Да эти, из Чернобыля...

— Их стоит отвести в Пальмиру...

— Думаешь?

— А как иначе? Они наших перезаражают!

— Ты что здесь делаешь?!

— А ну брысь отсюда!

Лена побежала по длинному коридору до упора, свернула направо и на одном дыхании преодолела лестницу, ведущую на второй этаж.

Дети, прибывшие из Чернобыля пару лет назад, вынуждены были сидеть в закрытой секции, куда никого не пускали. Для проверяющих они находились далеко отсюда, чтобы не возникало проблем.

— Ну что?!

Елену окружили у входа в секцию.

— Ничего. Ничего хорошего! — Лена раздраженно убрала длинный светлый хвост за спину. — Нас хотят отправить в Пальмиру!

Среди детей волной прокатился вздох ужаса и испуга.

— Что?..

— К “мутантам”?!

— Вообще-то, Пальмира — бывший пионерский лагерь, переделанный под санаторий...

— Для таких, как мы! Они нас за людей не считают!

— Лена, придумай что-нибудь, так жить больше нельзя!..

Елена обвела взглядом небольшую команду чернобыльских ребятишек. Пятеро девчонок и трое мальчиков. Среди них не оказалось новенькой, девятилетней девочки с волнистыми тяжелыми и темными волосами. Она как раз вышла из спальни, широко раскрыв рот, из которого не раздалось ни звука. На ней была надета пижама, которая, казалось, сшита на размер меньше, а босые ноги шлепали по холодному бетонному полу.

Мальшка уставилась на небольшое собрание пронзительными синими глазами.

— О, смотрите-ка, Персик проснулась!..

Ее прозвали так из-за неестественного румянца на правой щеке.

Лена уперла руки в бока и испытывающим взглядом посмотрела на девочку.

Ее появление в московском, вполне обычном и старом, детском доме, выглядело весьма необычно: солдаты, одетые в форму и бронежилеты, с автоматами в руках, сопровождали девочку в бледно-розовом пальто, едва прикрывавшее колени, без каких-либо вещей. Впереди шли двое в защитных, белых, костюмах, которые Лена запомнила на всю жизнь — незваную гостью привезли прямо из Чернобыля.

— Поживи пока здесь, хорошо? — обратился к малышке один из сопровождающих. — Для тебя же будет лучше, если ты проведешь здесь какое-то время, пока мы не найдем твоего обидчика. А потом ты вернешься обратно.

Девочка лишь смиренно опустила взгляд синих глаз, пряча в густых ресницах огонек недовольства.

Уже поздним вечером, когда их отправили спать — им запрещалось по ночам покидать комнаты без особого разрешения, — Лена вытащила из-под подушки старую потрепанную фотографию отца в военной форме и, разглаживая снимок, любовалась его утонченной стройной фигурой. Не успела пустить слезу, как обычно она делала, уложив своих по постелям, как к ней подошла новенькая и внимательно взгляделась в изображение в ее руках.

— Это мой папа.

Девочка опустила глаза.

— У тебя родители есть? Мама? Папа?

На последнем произнесенном слове малышка тяжело вздохнула и, поджав губы, тихонько заплакала.

— Твой папа умер?

Она слабо кивнула.

— О... сочувствую.

Девчушка присела на краешек кровати и уткнулась взглядом в босые ноги.

— Мой папа жив, я просто очень хочу его найти. Он остался в моем родном городе, в Чернобыле. Ты же тоже

оттуда.

Маленькая собеседница промолчала.

— Мне говорили, что ты немая. Это из-за радиации?

Девочка отрицательно pokrutila головой.

— Я отлично тебя понимаю, солнышко. — Лена прижала ее к себе, позволяя положить голову на свои колени.

Пропустила сквозь пальцы тяжелые темные пряди. — Я сама страшно скучаю по своему папе. Тебе я очень сильно сочувствую, правда. Нелегко пережить такое горе...

Елена почувствовала, как горячие слезы потекли по ее ногам.

— Мне месяц назад исполнилось одиннадцать. Пришлось приложить немало усилий, чтобы принять все как есть... и жить дальше. Я пообещала себе, что отыщу отца, как только выйду отсюда, и мы с ним будем жить дальше как прежде. И я все еще надеюсь, что эта трагедия останется в далеком прошлом. Ты мне веришь?

Малышка покачала головой.

— Делать нечего, придется ехать в этот пионерский санаторий, — заключила Лена, почесав затылок.

— А может, пронесет?

— И не надейся! Эти гримзы старые спят и видят, как сдадут нас куда-нибудь в специнтернат, чтобы совесть не мучила!

— Ну, специнтернат-то для отказников... — неумело пошутила Лена.

— А мы и есть отказники!..

— Не говори так.

— А разве я не права? За нами до сих пор никто не пришел!

Елена обвела взглядом компашку:

— Придут, рано или поздно. Пошлите спать, пока нас окончательно не убили.

— Подъем!

Лена с трудом открыла глаза. Всю ночь она любовалась снимком своего отца и плакала, с трудом перенося смертельную тоску и усталость от подобной жизни.

“Ну где же ты, отец...”

Персик спала рядом, на соседней кровати, под нарисованной на стене пятиугольной звездой, отбросив к спинке одеяло и уткнувшись носом в подушку. Ее темные пряди рассыпались по белоснежной наволочке. Школьная форма, которую приходилось здесь носить (уроки еще никто не отменял!), аккуратно сложена, а носы кожаных балеток тщательно начищены. Такая педантичность изумляла.

— А ну-ка встали, быстро! Сколько можно повторять!

Елена ненавидела утро: после пыточного подъема, когда скидывали с кровати и пинками гнали до туалета, следовал не менее изверский завтрак. Их кормили отдельно от остальных, и прием пищи не обходился без приключений.

Лена вместе со своей компанией, приведя себя в порядок, вошли в обставленную длинными столами столовую. Стены были расписаны изображениями молодых пионеров с красными галстуками, трубящими в горны. Художники добавили длинных, могучих, лучей солнца, небо в ярко-синих тонах и бурную зелень. Подобное творчество навевало еще большую тоску.

Их столики стояли поодаль от остальных.

Обычно завтраки, обеды и ужины они проводили в гордом одиночестве, но сегодня им предстояло провести время в компании озлобленных детей, буравящих чернобыльцев испытывающими взглядами.

— Ну що, братці, — заложив руки в карманы спортивных брюк, Лена села поперек длинной деревянной скамьи (для элиты, между прочим!), — не очікували нас тут побачити?

Ближайшая к ней девочка повернулась и в упор посмотрела на мужеподобную вражину, которая уже мысленно чесала кулаки об ее милое личико.

— Мы не думали, что такие, как вы, могут принимать пищу. Вы же, это, радиоактивны, зачем вам обычная человеческая еда?

В столовой раздался пронзительный смех.

— А ты хотя бы понимаешь, что такое радиация, ослиная башка?! — по помещению прошелся вздох ужаса. — Или в твою пустую головушку ничего не вложили, кроме как задирать других?

— По крайней мере, я в безопасности, сыта и одета. А вот какое будущее ждет вас...

— Такое же, как у всех!

Компашка в ужасе пялились на эту сцену.

— І щоб ти знала: тобі просто ой як пощастило не побачити те, що побачила я! Інакше б заgrimіла в психлікарню. Такі ванільні слюнтяї, на зразок тебе, просто не створені прожити жахи атомної війни. Чи ти думаєш, що Чорнобиль підірвали американські шпигуни?

Персик устало зевнула и, обойдя спорящую парочку, мирно устроилась рядом, придвинув к себе тарелку с дымящейся овсяной кашей.

— Эй, это мое!

— Тебе что, жалко?!

Девочка зачерпнула ложкой густую субстанцию и поднесла ее ко рту.

В столовой наступила гробовая тишина.

— Приятного аппетита, девочки.

— А мы что, будем завтракать вместе с ними?!

— А тебя что-то не устраивает?!

— Меня не устраивает чернобыльский реактор!

— Да сама ты реактор!..

Две девочки вздрогнули, услышав за своими спинами подозрительный звук.

— Фу, как мерзко!..

Персика вытошнило прямо на стол.

— Что, не понравилось? — усмехнулась Лена, подхватила тарелку с кашей со стола и впечатала ей в лицо. — На, получи, мерзкая жаба!

Когда в драку влезли воспитательницы, расталкивая локтями и руками озлобленных подростков, действие шло полным ходом — по столовой летали чашки, кружки, тарелки, ложки и все остальное, что относилось к кухонной

утвари.

Когда двум пожилым женщинам удалось с трудом остановить кулачный бой, одна из них больно схватила Елену за руку и вытащила в центр зала, время от времени встряхивая.

— Что ты себе позволяешь?! Как ты себя ведешь?!

— К директору, немедленно!

Лена уперлась ногами в пол, не давая себя увести. Вцепилась зубами в руку одной из воспитательниц, после чего получила увесистый удар по лицу. Дальше все как в тумане, единственное, что она помнила, это длинную лестницу и лицо строгой женщины в очках. Ее кудрявые, рыжие, волосы были мастерски собраны.

— Что на этот раз? — устало спросила директриса, не отрываясь от бумаг.

— Опять подрались!

— Может, мы, это, по-быстренькому отправим их куда следует?

Дамочка сняла очки и прикусила дужок.

— Это самый легкий способ решить проблему. Я бы им давно воспользовалась, но вот одно меня интересует: за что же ты так, Леночка, борешься? Я бы могла связать твоё поведение с гормональным фоном, но тебе всего одиннадцать.

— Я хочу к папе!.. — законючила Лена.

— Увы, ничем помочь не могу. А чтобы ты лучше усвоила урок, — директриса выдержала паузу, что-то чиркнув карандашом на бумаге, — посидишь какое-то время в карцере вместе с остальными зачинщиками. Приговор окончательный, и обжалованию не подлежит.

Лену снова схватили за локоть и снова потащили, применяя физическую силу. Охрипшую, дерганную и с разбитым окровавленным носом девочку выволокли из кабинета и, крепко держа, спустили в подвал, где размещался карцер для особо непослушных детей. Небольшая комнатка с двухъярусной кроватью, старым потрепанным одеялом и облезлой скамейкой в углу. Карцер освещала электрическая лампочка на проволоке.

Воспитательница открыла амбарный замок, висевший на клетке, ключом, который достала из кармана несурзной темной юбки, и без всякой церемонии швырнула Лену на пол. Зашуршала ключами и, бросив на нее презрительный взгляд, ушла.

Через несколько минут в карцере оказались зачинщики драки, в том числе несколько девочек из нормальной, как их тут называли, группы.

— Можем еще подраться, если скучно станет.

И Елена зловеще захихикала.

Девочки насупились и недовольно сложили руки на груди.

— Интересно, и по какой-такой причине нас ненавидят? Вроде мы обычные, лишние руки-ноги не отрасли, а вы нас притесняете. Несправедливо!

— Когда дело касается жизни, — прошипела девочка-сирота, выглядевшая на пару лет старше Лены, — плевать, есть ли у вас лишние конечности или нет, вы излучаете радиацию, и нам это не нравится!

— Я пробывала в Чернобыле всего один день, — Лена спустила ноги с кровати. — Один день, понимаешь?!.. Меня один человек спас, вытащил из дома, когда мой отец без вести пропал. А потом я попала в больницу, провела там год, а затем меня перевели сюда.

— Ну и что? Это дело не меняет. Вы все равно опасны для общества!

— А вы не опасны? Ведете себя как звери...

— Мы вынуждены защищаться!

— От кого?

— От вас!

— Я слышала, вас собираются отвезти в Пальмиру. Это специнтернат для таких, как вы.

— Это санаторий!

— Нет, это специнтернат!

— Ну и что? Отвезут, и что?!

— Там “мутанты”. Вам подстать!

— И что?

— Их там не кормят, не поят. Это дом смерти. Такие, как вы, долго не живут.

— Ой, очень страшно!

— Как знать...

— Зато мы от вас отдохнем!

— Отлично. Отдыхайте на здоровье!..

“Пальмира” располагалась в нескольких километрах от Киева. С виду вполне обычное двухэтажное здание не внушало ни страха, ни угрозы. Во дворе предприимчивые санитарки развешивали выстиранную одежду и постельное белье, иногда охраняли вход у забора, прогоняя любопытствующих.

Самих же детей во двор не выпускали.

Лена выронила вещи из рук и запротестовала, когда воспитательница, отправившаяся вместе с ними, повела ее к невзрачным воротам, где их уже дожидалась полноватая санитарка в белом халате.

— Иди, иди, не усугубляй ситуацию!

Остальные же стояли в растерянности. Две девочки плакали.

Лишь Персик равнодушно смотрела на сие действие и хлопала густыми ресницами.

— Подъем! Подъем! — прямо над ухом раздался оглушающий крик, заставляя невольно подскочить на месте.

— Что, особое приглашение нужно?! Подъем!

Когда дети более-менее раскачались и привели себя в порядок, одна из воспитательниц громко провозгласила:

— С сегодняшнего дня вы отправляетесь на лечение!

Они невольно охнули:

— Пальмира...

— Через месяц вас заберут. — И дамочка зловеще улыбнулась, что дало намек на то, что забирать их на самом деле никто не собирается.

— А если мы не хотим? — Лена демонстративно сложила руки на груди.

— А тебя никто и не спрашивал. Так что нечего выпендриваться и марш собирать вещи!

— Старая гримза...

Когда же автобус подъехал к зданию специнтерната, ребятишки громко разревелись.

— Полно вам, плакать-то, — полноватая санитарка повела громко рыдающих детей по уложенной бетонной плиткой тропинке. — Мы не кусаемся, вас здесь никто не обидит. Здесь работают и живут добрые люди. — Она распахнула двери и отошла в сторону. — Знакомьтесь, это наши ребята. Мы все здесь очень вам рады.

В небольшом холле в три ряда выстроились немного удивленные, немного перепуганные дети. На них были грязноватые на вид пижамы. Их ноги покраснели от постоянного хождения по холодному бетонному полу. Большая часть держали мягкие игрушки и куклы. Они молчали и глазели на незваных гостей.

Их отличительной особенностью были физические мутации — у кого-то не было руки, у кого-то ноги, у других наоборот лишние пара пальцев или распухшие до невозможности ноги. У одного вообще отсутствовали конечности, и ему приходилось передвигаться на инвалидной коляске.

Даже Лена не выдержала подобной картины и заревела в голос.

— Мама, забери нас отсюда!..

— Да ладно вам, они же не кусаются!.. — даже санитарка растерялась.

Их провели в общую спальню, заставленную металлическими кроватями, выделили свободные постели и, выдав необходимое белье, оставили наедине с другими детьми, которые, немного чурясь, медленно обступали новоприбывших.

— Я не хочу с ними общаться! — громким шепотом произнесла новоприбывшая девочка, когда к ней подошел некрасивого вида мальчик и предложил плюшевого мишку в качестве презента.

— А куда деваться? Придется!

— Пусть мама наконец придет и заберет меня!..

— Да хватит тебе ныть-то! Все нормально будет, прорвемся!

Через полтора часа в общую спальню заглянула санитарка.

— Ну как, освоились?

Дети наградили ее волчьими взглядами.

— А ты, солнце мое, пойдём-ка со мной, тетя врач с тобой поговорить хочет, — залепетала дамочка в белом халате.

Персик встала с постели и, надев большие тапочки, направилась следом за женщиной.

Компашка проводила парочку удивленными взглядами.

— Чего это вдруг ею заинтересовались?

Лена, обведя взглядом общую спальню:

— Тому що Персик поводитися не як звичайна дитина? Блискавки пам'ятаєте?

— Конечно!

— Ми тоді в загальній їдальні сиділи, коли хлопчачки на нас кинулися, і тут Персик виникла. Зробила ось так... — дівочка из лениной группы вытянул руку вперед, — і вони полетіли всі в різні боки. Я, якщо чесно, її досі побоююся. Є в ній щось недобре.

— Це все дурниці!

— Це ти так думаєш! А ніхто не знає, хто вона і звідки взялася!

— Ладно, — тяжело вздохнула Лена, — не будем ругаться. Лучше приляжем и отдохнем, пока есть время.

— Я не смогу уснуть! Мне здесь противно находится!

Лена завернулась в одеяло и уткнулась носом в подушку. Вдохнув запах белизны, она заснула, погрузившись в глубокий сон. Где-то позади остался шум, что стоял в общей спальне.

Услышав подозрительные шорохи, Елена открыла глаза. Удивленно приподняла голову, заметив небывалую тишину и смрадный запах. Над головой висели постиранные простыни.

Дети куда-то исчезли.

Лена спустила ноги с кровати. Прошлепала босыми ногами к выходу и осторожно выглянула.

Никого.

Коридоры опустели, как и просторная игровая. Огромная комната, уставленная маленькими открытыми шкапами с игрушками, детскими столиками и с большим разукрашенным ковром на полу. Деревянные, окрашенные в белую краску, двери стояли нараспашку. Стулья стояли на выходе.

Лена заметила раскрытую тетрадь на одном из столиков.

“Хочу к маме!”

Эта надпись ни о чем не говорила. Любой, кто здесь находился, желал бы вернуться к маме.

Девочка вздрогнула, услышав за спиной издевательский смехок. Судорожно завертела головой, пытаясь отыскать его причину. Но игровая, как, впрочем, и все оставшиеся комнаты, стояли пустыми.

“Ха-ха!”

По спине прошлись мурашки. Руки тут же заledenели, а ноги отказывались слушаться. Не удержавшись на своих двоих, Лена прижалась спиной к стене и почувствовала, как чье-то дыхание касается вспотевшего лица. Сердце бешено забилося, грозя выпрыгнуть из груди.

— Не-е-ет... ты не та, кто мне нужен...

Обрывки фраз долетели до испуганной девочки. Она крутила головой и пыталась понять, что происходит. Под конец не выдержала и упала на ковер, больно ударившись лбом.

Глава IV

— Нам потрібно бігти звідси. У мене вже є план.

Одна из девочек недовольно цокнула:

— Ти все ще думаєш втекти? А куди? Батьки наші за нами так і не прийшли...

— Думаю, тому що залишатися тут небезпечно! Я не хочу провести тут все життя, серед "мутантів". як... як каліка якась! На нас і так показують пальцем!

— Показувати...

— Та яка різниця?! — Лена, сложив руки на груди, откинулася на металлическую спинку кровати и недовольно поджала губы. — Як мені це все набридло... І Персик!.. Вона пропала! Вони її кудись поділи... чортові "мутанти"...

— Ты права. Персик действительно куда-то пропала.

Прошло уже больше месяца с момента их прибытия в специнтернат для детей-чернобыльцев. Они уже привыкли к местному быту и распорядку, да и малышей здесь не обижали: большая часть из них вели себя адекватно, спокойно, играли и общались как обычные дети.

Если компашку все устраивало, то Лена с каждым днем дулась все больше, отказывалась от еды и воды и требовала отыскать ее отца "как можно скорее".

— І який же ти план придумала на цей раз? Пам'ятається, в дитбудинку, тобі не вдалося його здійснити...

Лена фыркнула, уловив в голосе приятеля насмешливые нотки:

— Тоді секція була замкнена, а про здібності Персика ми ще не знали.

— І ти хочеш залучити до цього Персика? Вона ж пропала.

— Може, її вже поховали десь за рогом...

— З її-то здібностями? Так киньте. Вона піди де-небудь ошивається...

— Хто ж ведає, шго гэтая станцыя ірване...

— Мирный атом, мать его...

— Если бы тебя услышала наша воспиталка из детдома, посадила бы в карцер...

— Да плевать!

— Нам потрібно відшукати Персика. Вони її тримають десь тут.

— А ви не думали, що її тримати через її здібностей? Вона дівчинка досить дурна, запросто себе видасть.

— А ти звідки знаєш? Сама боляче-то розумна?

— "Третий ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки", — произнесла на иврите девочка с каре, смотря куда-то мимо Лены. А потом поджала губы, опустив взгляд.

Наступившую тишину прервало появление босоногой темноволосой девочки. Персик бесцеремонно вошла в общую спальню, протопала до первой свободной кровати и легла, накрывшись одеялом. Ее не смущали ни бьющие по стеклу крупные капли дождя, ни холод, что царил в помещении с первых дней осени. Даже изумленные взгляды детей не могли встревожить малышку с неестественным румянцем на щеке.

...Алина с некой долей любопытства и капелькой равнодушия рассматривала белые стены. Медицинский кабинет был оснащен по последнему слову техники — само же помещение интерната выглядело очень старым и требующим ремонта. Девочка сидела на деревянном стуле и постукивала пальцами по подлокотникам, болтая ногами в разные стороны.

— Надеюсь, крови ты не боишься.

Она наградила подошедшую к ней медсестру испытывающим взглядом и захлопала ресницами, делая испуганный вид.

Медсестра, девушка с огненно-рыжими кудряшками, покачала головой и, взяв со стола миску и жгут, перемотала девочкину руку.

Малышка поджала губы, когда поняла, что фигуристая медсестричка заметила ее маленькую уловку.

Ничего. Ее время еще не настало. Будет правильным просто понаблюдать за обстановкой.

— Мне сказали, что ты немая. Радиация?

Алина повертела головой.

— То есть, ты уже родилась такой?

Ее губы вытянулись в тоненькую ниточку.

— Хм, странно. Меня попросили взять у тебя кровь на анализ. Больно ты бледная. Может, просто устала с дороги или в детдоме вас плохо кормили. Я пропишу курс витаминов, а там посмотрим. Ты подожди пока в

коридоре. — Медсестра сорвала жгут и убрала его вместе с миской на другой стол. — Мне понадобится кое-что еще, я тебя сама позову.

Алина спрыгнула со стула и вышла в коридор, тихо прикрыв дверь. Села на длинную лавочку у стены и, подобрав колени к груди, убрала челку со лба.

— Что, тетя врач решила тебя немного помучить? — мимо прошла та полная санитарка, что принимала их в день прибытия.

Девочка подняла глаза, посмотрела на женщину и вновь опустила взгляд.

— Ну, ничего, это времени много не займет, скоро ко всем деткам пойдешь.

— Лариса Ивановна, зайдите. — Из-за двери показалась голова рыжей медсестры.

— Ты только никуда не уходи, хорошо?

Малышка снова промолчала.

— Что такое? — когда дамочка вошла, закрыв за собой дверь, медсестра, словно обезумевшая, бегала по кабинету, тряся перед собой каким-то листком.

— Я попросила нашего охранника принести дозиметр...

— Что случилось?!

— Кровь этой девочки очень странная. И мне так дурно стало, — девушка приложила руку ко лбу, — пока я у нее кровь брала. Не нравится мне все это...

— А дозиметр зачем?

— Затем! Она же чернобыльская!

— И что? — усмехнулась санитарка.

— Посмотрим! Я не смогу тебе всего объяснить, так что...

Когда высокий мужчина в военной форме вышел из медицинского кабинета, медсестра рывкнула, высунувшись из-за двери:

— Зайди!

Санитарка, что осталась рядом с девочкой, переглянулась с последней и удивленно пожала плечами.

— Что опять случилось?

— Радиация зашкаливает! Эта девчонка — радиоактивна!

Полная дамочка заволновалась, хоть и не до конца поверила словам молоденькой медсестры.

— И что делать будем?

— Отведем ее в карцер. А там посмотрим. Я вызову специалистов, пусть они сами с этим разбираются.

Алина подняла полные сверкающих молний глаза. Стоило санитарке выйти за дверь, как девочка подняла руку вверх и сжала пальцы в кулак, заставляя медсестру испуганно обернуться и биться в конвульсиях, открывая и закрывая рот. Малышка ослабила хватку, и несчастная девушка рухнула на пол, затем поползла к стене, на которой висел стационарный телефон. Но бедняжка не успела предпринять действий по спасению собственной жизни — когда Алина подошла ближе и снова обхватила ее тонкую шею невидимым прикосновением, раздался хруст костей.

Медсестра упала на линолеум ничком.

— Какой наш план?

Лена бросила взгляд на мирно спящую девочку:

— Я бачила, на що здатна Персик. Мені потрібно, щоб вона звільнила мені дорогу, поки я буду бігти по коридорах. Я бачила двох охоронців, один на вході, другий всередині будівлі пасеться. Їх треба прибрати.

— А потім?

— А што будзем рабіць мы? Мы хіба не пойдзем з табой?

— Ми залишимося тут. Нехай Олена знайде свого батька. А якщо не знайде... у нас є тимчасовий притулок. І давайте не будемо нагнітати обстановку заздалегідь. Ми досі не знаємо, що сталося з нашими батьками.

— Мой папа — еврей, и родился в Чернобыле. Он видел, как в сорок третьем там бушевали фашисты. Еще тогда поговаривали о древнем проклятии города. Мой отец говорил, что никто в Чернобыле жить не будет, над ним смеялись. А теперь я понимаю, что он прав, — на иврите произнесла девочка с каре.

Лена, выдержав паузу, встала с постели и направилась к спящей малышке. Слегка провела пальцами по холодной щеке, заставляя проснуться. Персик нехотя раскрыла веки. Елена сделала знак рукой, чтобы она следовала за ней. Когда в общей спальне воцарилась тишина, Лена приблизилась к лицу Персика и быстро зашептала, постоянно оглядываясь:

— Мне нужна твоя помощь. Мне необходимо отсюда выбраться, чтобы я могла отыскать своего отца. Я видела, что ты умеешь. Ты должна убрать всех, кто встанет на моем пути. Ты мне поможешь?

Персик переварила услышанное и коротко кивнула.

— Сидите тихо и не выходите из комнаты! — в этот момент в спальню заглянула санитарка. — Если что-то

понадобится, зовите Ларису Ивановну!

И дамочка тут же куда-то убежала.

Лена спрыгнула с кровати.

— Ты куда? — ее перехватила девочка с каре.

— Я убегу...

— Сейчас?!

Изумленные дети переглянулись.

— Сейчас самое подходящее время для побега!

— О боже...

— Лена, ты только береги себя, хорошо?

— Мы рано или поздно все равно увидимся.

Лена обвела взглядом лица расстроенных девочек.

— Не поминайте лихом. Персик, за мной!

Вместе с девочкой она выбежала в узкий, пустующий, коридор. В конце него находилась раскрытая настежь дверь. Издалека раздавались крики, творилось какое-то безумие, но Елена решила не задерживаться.

Персик направлялась следом, пытаясь не отставать от быстрой подруги.

— Эй, вы куда?!

— А ну стойте!

Путь преградили два здоровых мужика. Две девочки по сравнению с ними казались дюймовочками, но Персик не растерялась — выбросив правую руку вперед, волной отбросила мужчин куда-то в сторону, продолжая бежать следом за Леной.

Помещение было переполнено милиционерами и охранниками.

Лена спряталась за столом неподалеку от спасительного выхода и, прижав колени к груди, дожидалась подходящего случая. До нее доносились обрывки разговоров, суровых фраз и чьи-то ругательства, и хрипло дышащая девочка поняла, что в интернате произошло убийство. Один из охранников обнаружил тело медсестры со свернутой шеей.

“Ничего себе...”

Сердце бешено колотилось, а время шло. Мужчины не собирались расходиться. На улице уже стемнело, здание специнтерната накрыло темной периной. Это место освещалось очень плохо, идти в непроглядной тьме не представлялось возможным. В какой-то момент Лена подумала, что поспешила, но вряд ли еще раз сможет подвернуться такой подходящий случай.

В конце концов, у нее есть Персик, ей нечего терять!..

Девочка заметила умоляющий взгляд Лены и коротко кивнула. Бесшумно выскользнула из-за укрытия и, всплеснув руками, подняла двух крепких охранников в воздух. Произвела пальцами замысловатые махинации, заставляя перевернуться несчастных мужчин в воздухе.

Они громко завопили и, потеряв равновесие, насмерть свалились на асфальт.

— Ну ты даешь...

Персик хмыкнула и, обернувшись, улыбнулась.

— Бежим!

Девочки выбежали во двор. Голыми ногами касаясь холодной земли, побежали по плохо выложенной дороге. Ступни неистово горели, из глаз брызнули слезы. Персик создала некое подобие шаровой молнии, молитвенно сложив руки — небольшой электрический шарик освещал дальнейший путь.

Первый же дождь уничтожил “путеводный фонарик”.

Книга третья. "Плачущий мужчина в плаще" Глава I

— У меня внутри все сожжено!

Инга медленно поглаживала отца по сморщенной руке. За то время, что ему пришлось провести в радиоактивной зоне, он очень сильно изменился. Всегда радостный и доброжелательный мужчина с улыбающимися глазами превратился в замкнутого и депрессивного человека.

В прошлом году отцу исполнилось ровно пятьдесят.

Инга смахнула набежавшую слезу.

Красивый и привлекательный мужчина вмиг превратился в больного старика.

— Папа... Не стоило тебе ездить туда...

Возвращаясь с больницы, Инга доставала подаренные генеральным секретарем золотые наручные часы и долго смотрела на прозрачный циферблат. Стрелки медленно двигались по кругу, издавая тонкое тиканье.

“Не стоило оно того...”

— Ты не понимаешь, мамочка, я не могу смотреть на его страдания! Это несправедливо! Он спас не только страну, но и целую планету, а в ответ получил черную неблагодарность! Да почему люди такие свиньи?! Почему с каждым годом мы все больше и больше ненавидим друг друга? Мой отец... это черная несправедливость! А Горбачев что? Он вычеркнул его из списка награждаемых людей, подарил ему жалкую побрякушку, и все!.. О моем отце говорят небывалые вещи! Его ненавидят, о нем разводят сплетни и слухи, а я, я не хочу в это верить, мой отец самый лучший человек на свете!..

Инга продолжала проводить все свое свободное время в больнице у отца. Ему выделили отдельную палату, его часто посещали друзья и самые близкие, но молодая женщина, работающая в советском посольстве в Париже, никак не ожидала увидеть свою названную младшую сестру.

Ей пришлось отлучиться на некоторое время из больницы, оставив отца одного в палате.

— Со мной все хорошо, золотце, правда, не беспокойся обо мне.

— Как же не беспокоиться, папа! Ты выглядишь отвратительно, ничего не ешь, все витаешь в своих мрачных мыслях и молчишь! Я боюсь оставлять тебя одного, не дай бог что случится, ни я, ни мама, мы этого просто не переживем!

— Инга...

— Ладно, ладно, папа, не буду тебя грузить. Я уеду, ненадолго. — Инга склонилась над отцом и поцеловала его в лоб. — Как только освобожусь, я сразу же примчусь к тебе. Мила пообещала посидеть с тобой, пока меня не будет. И не спорь!.. Все, я побежала. — И девушка тихонько прикрыла за собой дверь.

“У него радиационный панкреатит, лучевая болезнь четвертой степени. В крови обнаружены миелоциты, задет костный мозг...” — эти слова Инга прокручивала у себя в голове постоянно, словно пытаясь найти среди них хоть какое-то решение.

— Алина?..

Девочка с длинными, тяжелыми, темными волосами появилась в больничной палате неожиданно, словно гром среди ясного неба. Она, осторожно приоткрыв дверь, просунула нос в щель, и от увиденного ее зрачки расширились, заполняя чернотой синеву глаз. Пронзительный взгляд зацепился за бледное, осунувшееся, лицо, за исхудалые руки — ей еще не приходилось видеть отца в таком состоянии.

Алина подошла ближе и, не отрывая взгляда, присела на маленький стульчик, рядом с кроватью. Ее шикарные белые банты, украшавшие цвета воронова крыла волосы, куда-то исчезли. Пряди рассыпались по плечам, стоило наклониться и впиться глазами в лицо больного мужчины. Среди пронзительной синевы заблестели маленькие капельки слез, а затем покатались по грязным щекам, оставляя мокрый след.

Валерий грустно улыбнулся.

— Видишь, что может сделать с человеком его же жизнь? Я посвятил себя науке, спас человечество от беды, и результат вполне ожидаем. — Он тяжело вздохнул. — Я и не надеялся, что мне удастся попасть на пьедестал после всего случившегося. Эта авария на моей совести. Я виноват, что моя дочь, дочь знаменитого академика Легасова, провела полжизни в детдоме, а потом едва не погибла в реакторе. Тебе достался плохой отец, Алина.

Валера снова улыбнулся, правой рукой поглаживая девочку по длинным волосам.

— Когда я приехал из Вены, я был готов ко всему. Горбачев лишил меня званий. За что, спрашивается, звания человеку, у которого дочь едва не погибла? Зато мне подарили часы. Дорогие, золотые, красивые. Зачем мне часы, если моя дочь все еще в Чернобыле?

Девочка издала грустный вздох и легла на грудь к отцу.

— А потом меня долго кормили завтраками, обещали отдельное место, а сам Александров видел во мне

приемника. Представляешь, твой отец стал бы самым важным и знаменитым человеком, — малышка лишь тихонько всхлипывала, молча выслушивая отца. — Хотя на самом деле мне все-таки выдали помещение, старые помещения школы, где я раньше учился.

Валерий задумался, уткнувшись куда-то пустым взглядом.

— Меня перестали куда-либо допускать, меня травили, словно напакостившего школьника, словно я звено слабой цепи. Я не был физиком-ядерщиком, я всего лишь химик-неорганик, которого бросили в Чернобыль, когда произошла авария.

Ты можешь мне не верить, но два с лишним года я трубил во все колокола о несовершенстве того реактора, в котором ты находилась. Писал в разные газеты, обращался к всевозможным директорам, и все мне отказывались верить.

Я не разговаривал со своей семьей о тебе, я боялся потерять Маргариту и свою дочь, но и ты, Алина, тоже моя дочь, хоть я на протяжении всей твоей жизни был отвратительным отцом.

У меня в сейфе есть магнитофонные записи тех дней, когда произошла эта злополучная авария. Я рассказывал самому себе не только о халатности персонала станции, но и о своей халатности тоже, как отца. Я говорил и плакал, плакал и говорил, рассказывая, что совершил ошибку, но моя маленькая дочь не ошибка, она такой же человек, как и все.

А совсем недавно я узнал, что прошли тайные голосования, перевыборы в научный совет института. “За” — сто человек, “против” — сто двадцать девять. Когда я об этом узнал, я пережил глубокое горе, сильную психологическую травму, и теперь левая рука у меня не работает, у меня немеет правая рука и нога. Я чувствую дыхание смерти. Я готов к ней. Жить с тем, что я натворил, невыносимо...

— Папа!?

Алина встрепенулась и, резко обернувшись, увидела вошедшую в палату девушку в длинной, до пола, юбке, в прозрачной белоснежной блузке, сквозь которую просвечивал темный бюстгалтер, с заплетенными длинными волосами. Она была как две капли воды похожа на девочку. Две сестры уставились друг на друга, не в силах оторвать взгляд. Обе не могли поверить, что смогли встретиться при подобном обстоятельстве.

— Знакомься, Инга, это Алина, твоя младшая сестра.

Девочка насупилась, не отводя взгляда пронзительных синих глаз.

— Так это... из-за тебя все... весь этот... переполох...

Алина поджала губы и нахмурилась еще больше, сжимая пальцы в кулаки.

— Вот уж не думала встретить свою “младшую сестру” в палате своего отца! — насмешливо произнесла Инга. На самом деле ее больно кольнул озлобленный взгляд маленькой девочки, ее неестественная бледность и схожесть не только на отца, но и на ее саму. — Зачем ты пришла?! — отбросив все свои сомнения, девушка набросилась на девятилетнюю малышку. — Добить моего отца?! Тебе этого мало?..

— Инга...

— Нет, папа, если то, что ты рассказывал, правда, она нам не нужна! Она опасна для всех нас!

— Она моя дочь!

Девушка поджала губы, сдерживая рвущиеся наружу возмущения. Внутри нее все бурлило от негодования. Она сжимала и разжимала кулаки, пытаясь совладать со своими эмоциями. Ее щеки покраснели от злости, а кончик носа забавно подрагивал, стоило ей в очередной раз нахмуриться.

— Ладно. Хорошо. Пусть будет так. Маме сам все расскажешь или мне придется?

Валерий опустил полный грусти взгляд.

— Нам всем придется все рассказать.

Инга бросала пристальные взгляды на стоящую рядом с ней плачущую девочку. Над их головами свисали голые ветви деревьев — несмотря на теплую погоду в конце апреля, весна еще не до конца пробудилась от зимнего сна. В этот день шел проливной дождь, каплями рассекая остатки грязных сугробов.

В Чернобыле снова стояла жаркая погода, как тогда, пару лет назад, когда отец отправился на смертельно опасное спецзадание.

Теперь же жизнь повернулась своей самой грязной стороной.

— Папа!!!

Инга, в тот же день, привела маленькую девочку в их трехкомнатную московскую квартиру. Их встретила высокая темноволосая женщина в строгом платье, подол которого волочился по зачищенным домохозяйкой коврам. Раздался громкий, пронзительный, собачий лай. Алина испугалась и опустила взгляд глубоких синих глаз, покусывая от волнения нижнюю губу. Инга надела на нее свое пальто, ибо вечером шел проливной дождь, стояла поздняя осень.

— Инга, золотце мое, наконец-то ты вернулась! — женщина с темными кудрями распахнула свои платья, обхватив руками плечи девушки. — Я уж боялась, не случилось ли чего! Как там папа? Все с ним в порядке?

— Мам... — Инга отошла в сторону, подталкивая вперед перепуганную девятилетнюю девочку.

— О боже мой!.. — дамочка всплеснула руками. — Кто ты, дитя?

— Это Алина, папина младшая дочь.

Инга перехватила изумленный взгляд матери.

— Что...?

— Ты не ослышалась, мама, это моя младшая сестра, папина внебрачная дочь.

Шокированная женщина не могла произнести и звука, открывала и закрывала рот, пытаясь переварить услышанное.

— Мам, у папы были от нас секреты. И Алина — одна из них.

— Это... это шутка такая... да?..

— Нет, мам, это не шутка! У папы была любовница, и Алина ее дочь!

Но дамочка не хотела в это верить:

— Это бред! Она самозванка!

— Мам... — Инга умоляюще взглянула на мать. — Мы с ней похожи как две капли воды. Сама посмотри.

Несчастливая женщина переводила взгляд с дочери на девочку и хлопала ресницами. В ее глазах царили полное недоумение, шок и одновременно горечь — тот, кого она считала самым близким человеком, другом и мужем, предал ее, и эта растерянная малышка тому подтверждение.

В голове пронесся рой мыслей, и бедняжка даже хотела выгнать ее вон, но остановилась, придя к выводу, что ребенок тут ни при чем.

— Она какое-то время поживет у нас, а когда папа придет в себя, там и решим, — сказала Инга, прерывая воцарившуюся паузу.

— Я не смогу впредь жить с человеком, который способен на предательство! — матушка прикрыла лицо руками и горько расплакалась.

Инга бросилась ее утешать:

— Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, но сейчас не место и не время для скоропалительных решений! Наш папа очень сильно болен, он нуждается в нашей помощи! В любом случае, уже ничего не изменишь, ребенка назад не засунешь. Она такой же член нашей семьи...

— Что?.. — женщина убрала руки с лица и вопросительно воззрилась на дочь. — Эта негодяйка — член нашей семьи?

— Мама! Перестань! Мать ее оставила, но у нее есть отец, а отца есть семья, которая может ее принять! Мам... — Инга сама чуть не расплакалась при виде горьких слез матери. — Мам... Я сама в шоке. Мне до сих пор больно, что все так получилось, но давай не будем сжигать мосты. Пощади папу. Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, но это уже в прошлом. Папе нужно помочь...

— Я видеть его не желаю!..

— Мама!..

— Завтра об этом ему и скажу! Пусть катится к своей любовнице!

— Мама, у нее уже давно другой!

— И что?!

— Ты же мудрая женщина, не поступай так, как велят тебе эмоции!

— Ничего! Как мудрая женщина я сама со всем справлюсь!

Инга обернулась и посмотрела на девочку испепеляющим взглядом.

— Иди в комнату, — бросила она ей.

Алина опустила глаза и вышла из гостиной.

Оставшись наедине в отцовской комнате, девочка разревелась.

Валера привстал на кровати, когда разъяренная Маргарита вошла в палату и вlepила ему пощечину.

— Прости...

Он потирал ушибленное место и виновато смотрел на свои больные ноги, укутанные одеялом.

— Значит, Инга тебе все рассказала...

— Рассказала! Причем в мельчайших подробностях!

Валерий опустил голову на подушку и впился пустым взглядом в потолок.

— Это был настоящий кошмар. Я не отдавал себе отчет.

— Да!?

— Маргарита, послушай, я понимаю, как все это звучит. Я понимаю твои чувства. И мне на самом деле повезло, что ты и половина не знаешь, иначе бы ты сошла с ума. Твой муж далеко не самый хороший человек, но я уже искупил свою вину. Осталось только попросить прощения на Божьем суде. Я не хотел тебе этого рассказывать, зная твою реакцию. Да, я поступил не по-мужски, но эта девочка тут ни причем! Она и так пережила больше нас с тобой. Я не хотел оставлять ее больше в Чернобыле, она этого не заслуживает! Я устал, Маргарита, от меня все отвернулись. Я остался совсем один, я не хочу потерять тебя и Ингу. В конце концов, сейчас не время и не место обсуждать наши с тобой отношения. Я не хочу, чтобы ты обижалась на меня, ибо мне осталось совсем мало. Лучше позаботься об Алине.

— Я не собираюсь о ней заботиться! Я думала, у нас крепкие, доверительные отношения, а ты меня все это время обманывал! Ты спал с другой и заделал ей ребенка! Как я после этого могу смотреть тебе в глаза?!

— Да, я виноват перед тобой, но послушай...

— Я не хочу тебя больше слушать! Я ухожу от тебя! — и Маргарита, хлопнув дверью, ушла.

Валерий застыл с открытым ртом, собираясь выложить все, что творилось в его душе. Резкий хлопок пронзил сердце острым кинжалом, заставляя кровоточить и болеть. Это напоминало молот судьбы, вынесшего смертный приговор. Вся прежняя жизнь разбилась в одночасье, и бывший академик мог лишь хлопать ресницами и судорожно глотать вырывающиеся из груди слова.

Мужчина рухнул на постель, прикрыв лицо руками. Он разрыдался словно обиженный ребенок, у которого отобрали игрушку. Гадкие, солоноватые и одновременно горячие слезы стекали по лицу куда придется. Ему хотелось пронзить чем-то острым грудную клетку и вытащить бьющееся сердце наружу, но в этот момент взгляд впился в оставленную кем-то баночку со снотворным.

Валера кое-как поднялся на ноги. Схватил склянку со стола и, отвернув крышку, запрокинул голову, проглатывая за раз все таблетки, что были внутри. Закашлялся от неприятного горького привкуса во рту и, дойдя обратно до кровати, рухнул на постель, мысленно отсчитывая последние минуты жизни.

— Папа в реанимации!

Инга была в шоке, когда ей сообщили, что отец наглотался быстродействующего снотворного. Его откачали, и теперь он вынужден провести несколько дней в реанимации, под присмотром врачей. Девушка, бросив все свои дела, побежала в больницу, вытирая на ходу градом катившиеся слезы. Алина направилась вместе с ней, глотая сопли и пытаясь уговорить нахлынувшие на нее эмоции.

Инга замерла на пороге палаты, увидев отца в плохом состоянии. Голова предательски закружилась, перед глазами “зablестели” белые мушки, и казалось, сознание повисло на волоске, обещая оборваться в любую минуту. Девушку подхватила молоденькая медсестра и, отведя ее в сторонку, усадила на деревянную лавочку, что стояла посреди пустого коридора.

— Я не могу в это поверить!.. — Инга закрыла лицо руками.

Алина осталась стоять в стороне, теребя пальцами края юбки.

— Мы обнаружили его поздно вечером, он лежал на кровати без сознания. Рядом лежала пустая упаковка из-под снотворного. Мы предприняли все необходимые меры, чтобы вернуть вашего отца к жизни. Я очень вам сочувствую, Инга Валерьевна, ваш отец очень плохо выглядит, у него тяжелая депрессия. Возможно, ему нужна помощь определенных врачей...

— Не смейте! Мой отец в своем уме!

Воспользовавшись суматохой, Алина незаметно проскользнула в палату своего отца, где тот по-прежнему пребывал в бессознательном состоянии. Ей пришлось перейти на другую сторону света, где электричество подпитывалось мракoм, накрывая свою маленькую хозяйку невидимой пеленой, позволяя подкрадываться

незаметно.

Девочку привлек писк электрических приборов. Рука невольно потянулась к экрану, чтобы вырубить его, но что-то заставило ее остановиться. Это самый дорогой и самый близкий для нее человек, его нельзя убить просто так. Но энергия требовала подпитки, и малышка озлобленно шикнула на отголоски мрака, тянущего лапы к работающему оборудованию.

Алина присела на стул рядом с кроватью, на которой лежал мужчина, и тоненькой ручкой провела по его волосам, передавая через прикосновение частичку своей любви. Слеза потекла из глаза, заставляя судорожно всхлипывать, ощущая нарастающую боль в груди. Положив голову на подушку, рядом с его бледным лицом, она тихонько заплакала, прикрыв веки.

Слезы стекали на белую наволочку, оставляя серый, мокрый, след. Малышка смотрела на отца и гладила простыню, перебирая плотную ткань маленькими пальцами, словно пытаясь сдержать рвущийся наружу шарик детских травм и обид. В ее жизни отец значил гораздо больше. Она надеялась, что он останется после всего пережитого, но видя бледное лицо и красные пятна на коже ей уже не верилось, что судьба в дальнейшем будет к ней благосклонна. И боль росла, становясь все больше и грозя обернуться настоящим эмоциональным штормом.

— Что ты здесь делаешь?!

Алина выпрямилась, чувствуя уничтожительный взгляд старшей сестры. Девочка не стала перечить девушке, у которой от ярости на лице появились прожилки. Краем глаза малышка заметила бушующую стихию во взоре, метание молний и эмоциональный ураган, сносящий все на пути. И спрятала слезы в густых темных ресницах. Ее ненавидели за то, что она есть. За то, что появилась на свет, не спрашивая, хочется ли ей этого или нет. Лишь смиренно сложила руки и, опустив голову, вышла из палаты, пообещав заранее отомстить.

— Мама, что ты ему сказала?! Зачем ты с ним так поступила? Разве прошлое для тебя важнее настоящего?!

Маргарита обернулась, обхватив руками локти:

— Я и сама понимаю, что погорячилась. Не стоило мне ему об этом говорить.

— Возможно, этой женщины уже нет в живых, но... ты права, — Инга тяжело вздохнула, — как всегда тысячу раз права. Я тоже не смогу принять эту девочку. Даже если отец придет в себя, встанет на ноги, она всегда будет чужой в нашей семье. Хоть судьба у нее не самая счастливая... но...

Девушка подошла к матери и, положив голову ей на плечо, обняла ее. Вздохнула утонченный запах парфюма и прерывисто вздохнула, стараясь сдержать слезы, рвущиеся наружу. За окном шел проливной дождь, улицы утопали в грязи и воде. Глаза тоже утопали в плохо сдерживаемых рыданиях — жизнь повернулась такой стороной, о которой принято молчать.

“Жизнь прожить не поле перейти. Да, людская молва как всегда права...”

Две женщины стояли спиной к двери и не видели силуэт маленькой девочки, прячущейся во тьме. Алина стояла, сложив руки на груди, и плакала навзрыд, зная, что никто не увидит ее слез. Никто не подойдет и не обнимет ее за худенькие плечи, не уткнется заботливо носом в тяжелые темные пряди, как это делал отец. Только он ее отлично понимал.

Весь мир сузился до малюсенькой точки, и этой точкой был он, ее отец.

— Зачем ты выпил столько снотворного? Ты что, с ума сошел?

Инга старалась говорить с отцом помягче, зная, что он еще не отошел от пережитого.

— Меня мучила невыносимая бессонница. Одной таблетки было мало, я решил выпить побольше. Переборщил, каюсь. — Он улыбнулся.

— Ты никогда не умел врать. — Девушка улыбнулась.

Валерий опустил глаза, продолжая улыбаться:

— Такой уж я, знаменитый академик Легасов. А как там Алина? Вы с ней подружились?

— Пап... — Инга опустила глаза, — мы с мамой поговорили и решили, что эта девочка жить с нами не будет.

— Что?.. — Валера приподнялся на кровати, впившись изумленным взглядом в свою дочь, словно не верил, что это именно она разговаривала с ним. — Ты хочешь оставить ее одну...

— Пап, ей действительно будет лучше в Чернобыле!

Мужчина со стоном опустил на подушку.

— После всего того горя, что она принесла людям...

— Она оказалась там из-за меня! Я не хочу, чтобы она дальше страдала, чтобы и дальше страдал этот мир! Ты знаешь, сколько людей умерло? А животных?! Сколько ни в чем неповинных людей оказалось на улице, без крова?! И все из-за меня! Если бы я не оставил Алину, то никакого бы Чернобыля не было!..

— Папа, ты вечно всех жалеешь! — недовольно нахмурившись, произнесла Инга.

— Я человек! Я должен всех жалеть!

— Пожалей себя в первую очередь! И нас с мамой тоже! Зачем в нашей семье эта Алина? Ты же понимаешь, мама ее никогда не примет!

- Тогда мне придется переехать в другое место! И забрать с собой Алину!
- Папа! Ты хоть понимаешь, о чем говоришь?!
- Скажи маме, что я ее очень сильно люблю и никогда не оставлю.
- Что ты задумал?!
- Ничего. Можешь не волноваться.
- “Я вас больше не беспокою...”

Мила бежала через темный переулок, когда мелкая шайка в спортивных костюмах остановили ее, выставив вперед перочинные ножи.

На улице уже стемнело.

Люди, возвращающиеся с работы, поспешили спрятаться по домам, заведомо зная, какое зло их ожидает по ту сторону безобидных, дневных, улиц.

Девушка остановилась и от неожиданности попятилась назад.

— Ты с какого района, дамочка?

— Развлечемся!?

На их лицах сверкали злобные ухмылки, а в глазах блестел огонек похоти и запретного желания. Некоторое время Мила пялилась на шестнадцатилетних мальчишек, которые едва окончили школу. Пару лет назад их бы никто не воспринял всерьез, отпугнули бы милицией, но теперь настали другие времена — и рыжеволосой молодой девушке это не нравилось. Ей не хотелось стать очередной жертвой малолетних маньяков.

Мила лихо достала Макаров из-под ремня джинсов и наставила дуло пистолета на уличных хулиганов.

— Кто первый, ну?! Я жду!

Молодые хулиганы растерялись и начали отступать в полумрак переулка.

— Вы куда?! Я только начала!

Но их и след простыл.

— Черти... — фыркнула Мила и, убрав оружие, направилась за угол, в самый дальний, последний, подъезд.

Она поднялась на третий этаж и заколотила в железную дверь.

— Валера, открой, это я!

Тишина. Из-за металлической двери раздавались звуки стационарного телефона.

— Валера!!

Мила судорожно провела ладонями по карманам и, нащупав связку ключей, вставила один из них в замочную скважину.

— Валера!

Она осторожно заглянула внутрь, прошла через пустую гостиную и, завернув, вошла в полураспахнутый кабинет.

Через несколько секунд раздался дикий визг.

Алина проснулась от странного шума, раздающегося по ту сторону отцовской комнаты. Она вместе с отцом жила в уютной двухкомнатной квартире, куда с завидной регулярностью приходили разного рода люди, ее старшая сестра, брат и та дама с длинными темными волосами.

Девочка оторвала голову от белоснежной наволочки и приподнялась, прогоняя кулачками остатки сна. Всю ночь она бродила по ночному городу, любуясь далекими огоньками и порывистым ветром вперемешку с капельками дождя. Апрель выдался на удивление дождливым — прохладная погода чередовалась с теплым апрельским солнышком, и хмурое небо ей нравилось больше, чем яркие лучи, заставляющие жмуриться и недовольно ворчать.

Отец ругал ее, понимая, что не сможет остановить собственную дочь. Девочкины способности росли не по дням, а по часам — обилие электричества вокруг сводило малышку с ума. Там, где она провела почти два года, его тоже было в достатке, но сейчас атомная станция больше не могла предоставить такое обилие “еды”.

Алина отбросила одеяло, надела тапочки — балетки стояли в коридоре, сохли после ночной непогоды — и, прислушиваясь к звукам, осторожно приоткрыла дверь в кабинет, в обширную комнату, заставленную книжными шкафами, широким рабочим столом, стульями и диваном. В прошлый раз в этом месте она увидела отца в болезненном состоянии, после чего он прогнал ее взашей, напоследок обругав.

Сейчас же любопытство пересилило страх перед родительским гневом.

Полумрачная комната была переполнена незнакомыми людьми в строгих костюмах. Один из них, следовательно с папочкой под мышкой, что-то записывал в небольшой блокнот, а двое других, более крепких людей срезали веревку тонким ножом, придерживая висящее на люстре тело. В углу тихонько плакали девушка с длинной, до бедер, косой, в просвечивающейся блузке, и дамочка с темными кудрями, успевая шелковым платком вытирать набежавшиеся слезы.

Мозг отказывался верить в происходящее. Взгляд изумленных глубоких синих глаз зацепился за страшную картину: несколько людей с милицейскими погонами осторожно сняли и положили тело ее отца. На его шею зияла глубокая борозда от веревки, лицо посинело, а на губах блестели остатки пены. Крупные градины слез покатались по бледным щекам, губы тихонько задрожали, не в силах издать хотя бы писк, а мышцы сводило судорогой, оставляя на коже мелкие мурашки.

Алина сорвалась с места и побежала к отцу, лежащему без сознания на полу, но путь ей преградил высокий темноволосый мужчина.

— Куда это ты направилась, а?

Девочка от растерянности попятилась назад, бросая взгляды на незнакомца в темном строгом костюме.

— Это из-за тебя папа умер! Из-за тебя! Если бы не ты, у нас все бы было как раньше! — он набросился на малышку, но следовательно, до этого царивший глубокое молчание и умиротворение, заставил его остановиться, жестом показывая не делать лишних движений.

Ее словно ударили обухом по голове. Голоса раздавались где-то вдалеке, казались раздражительным шумом на заднем фоне, а перед глазами, перед взглядом, полным глубокой синевы, стоял все еще живой отец, в своем привычном костюме, улыбающийся и довольный. И вдруг, в один миг, его не стало, осталось лишь тело в домашних вещах, бледное, осунувшееся лицо без очков.

Алина судорожно всхлипывала, опершись спиной к стене, отказываясь верить в случившееся. Ей хотелось дотронуться до него, почувствовать его тепло, доказать — в первую очередь самой себе, — что он еще жив, а все происходящее простой детский кошмар, который не может случиться наяву.

— Она ни в чем не виновата! — сквозь оглушающую пелену долетели обрывки разговора разгоряченного мужчины и следователя.

— Не виновата?! Она убила моего отца! Она убила ни в чем неповинных людей! Она тварь, а не ребенок!

— Ты не имеешь права кидаться с кулаками на ребенка, каким бы он ни был!

— Да ты что!?

Тут незнакомец перевел взгляд на заплаканную девочку и раздражающе сплюнул:

— Гори в аду...

Алина вытирала слезы вместе с каплями холодного дождя рукавом розового пальто. Ветви деревьев висели над ее головой, листьями слегка касаясь мокрых волос. Балетки хлюпали по лужам, оставляя глубокие следы в черной грязи. Солнце спряталось за серыми облаками, накрывая столицу приятным полумраком.

На улице стоял май месяц. Природа была уже в самом цвету. Невыносимая жара сменилась приятной прохладой и непрекращающимися ливнями, затопившими улицы. Колеса автомобилей поднимали брызги воды, заставляя прохожих шарахаться. Алина успела зацепиться взглядом за высокие кремлевские стены, пролетающих мимо. Ее пронзительные синие глаза смотрели только в одну точку.

На закрытый деревянный гроб.

Похороны назначили через две недели после случившегося.

— Она с нами не поедет! Я так решил!

Тот самый разъяренный мужчина в костюме оказался ее родным братом, мерзким типом, что кидался на девочку с кулаками, и наверняка бы побил ее, если бы не вмешался следователь.

— Алина поедет вместе с нами. Она его дочь.

— Что? Дочь?! Какая дочь?

— Самая настоящая!

— Не верю!!

— Да не ори ты на меня...!

— Это прохиндейка и самозванка, вот она кто!

На кладбище народу было не так много. Алина стояла в стороне, прячась за оградками соседних могил. Родственников умершего посадили рядом с гробом, но маленькая девочка чувствовала презрение со стороны остальных детей своего отца. Она прятала слезы в густых, темных, ресницах и старалась не шевелиться, чтобы чужие взгляды не испепелили ее окончательно.

Ей никто ничего не объяснял. Малышка старалась раствориться среди посторонних звуков, только чтобы снова праведный гнев на свалился на ее маленькую голову. Волосы мокрыми прядями свисали на толстую ткань, а ноги хлюпали в тонких, промокаемых дождем, балетках. Коленки тряслись от несильного холода. Алина прятала руки в карманы пальто и слизывала капельки слез и дождя.

“Я вам отомщу. Обязательно отомщу!..”

Лаборатория на другом конце страны

— Так значит, ты и в самом деле решила свести счеты с жизнью? Сначала угробила половина ни в чем неповинных людей, а теперь хочешь сама туда же отправиться?

Она подняла свои пронзительные синие глаза и посмотрела на мужчину, сидящего напротив.

— Вся моя жизнь — маленькая комнатка в лаборатории. Я провела в ней не один год якобы для изучения моих способностей. Ты думаешь, я слишком глупа, чтобы не понимать очевидных вещей? Моя сила, — на ее руках заблестела маленькая искорка, — способна уничтожить целую планету. Поэтому я ношу эти чертовы браслеты! — на запястьях зазвенел острый металл, блеснувший от редких лучей солнца.

— На тебя надели браслеты, потому что ты можешь сбежать. А если ты сбежишь, идти тебе будет некуда, и тобою легко воспользуются. Ты пойми, — собеседник резко выпрямился, вцепившись пальцами в деревянную столешницу, — против тебя никто ничего не имеет, но у тебя имеются определенные проблемы, из-за которых ты вынуждена проживать здесь.

Среди глубокой синевы заблестел огонек гнева.

— Ты считаешь меня наивной дурочкой? Думаешь, если я провела несколько лет в Чернобыле, то ничего не понимаю?

— Нет, ты не наивная дурочка, очень даже наоборот. Ты — умница. Но я имел ввиду, что за твоими способностями нужен глаз да глаз, иначе ты попадешь в еще большую беду.

— Вся моя жизнь сплошная беда. Мать отказалась, отец боялся потерять из-за меня репутацию. А потом в какой-то момент я оказалась в Чернобыле, чудом выжила, убила с десятков человек и, знаешь, жизнь отличная!.. — она быстро-быстро захлопала густыми ресницами, пряча в них капельки слез. — Я понимаю, что за мной нужен контроль, — эмоции слегка улеглись, позволяя тяжелому вздоху сорваться с губ, — что мои способности опасны в любом виде. Когда я пребывала в реакторе, по сути, в нем не было ничего, кроме воды, ядерного топлива и света... света много было, навалом. Может быть, поэтому я теперь такая?! — ее снова захлестнула давняя душевная боль, заставляя невольно взмахнуть руками и прокатиться по щеке одинокой слезой.

— И ты думаешь, самоубийство поможет облегчить твою участь?

Ответом ему послужило прерывистое всхлипывание.

— Я не могу больше здесь находиться. Ты много рассказываешь о жизни других людей, о нормальной жизни, и меня иногда берет зависть и обида, что я не могу так же. Что я вообще какая-то не такая, что меня сдерживают проблемы, которых я никоим образом не хотела. В лаборатории слишком маленькое окошко, до него сложно дотянуться, поэтому, пока я здесь, мне интересно, что же там, на воле.

— Значит, ты хочешь на волю...

— Хочу! Но не могу. Мои способности удерживают меня здесь.

Он положил свою руку на ее тонкие пальцы:

— Я же рядом. Значит, не все так плохо.

Она в упор посмотрела на него:

— Ты? А разве ты рядом не с целью отомстить?

Нервный смешок:

— Если бы я хотел отомстить, давно бы это сделал!..

Мила ходила по пустой квартире взад-вперед, когда металлическая дверь, издав тяжелый и гроыхающий звук, закрылась. Ключ повернулся в замке раз-другой, и в одиноко пустующем кабинете воцарилась гробовая тишина. Под столом все так же покоилась табуретка, с которой академик, надев петлю, повесился на огромной люстре, освещающей белоснежный потолок. Девушка задрала голову. Люстру тоже сняли вместе с телом и веревкой.

Окно в кабинете стояло нараспашку.

Стоял удивительно необычный порядок: тщательно протерта пыль, ковер пропылесосен, цветы в глиняных кадках политы, а плед на диване и креслах постиран с особой любовью. Неужели Валерий готовился к своему самоубийству?..

...Мила вернулась в Москву поздним ноябрьским вечером восемьдесят шестого года. На столичных улицах покоился первый снег, на дорогах царил гололедица, а тонкая осенняя армейская куртка уже не согревала — увы, сезонные вещи прихватить она не успела, да никто и не думал, что все настолько затянется.

Громоздкий объект "Укрытие", ныне называемый "Саркофагом", был сооружен над разрушенным реактором еще в октябре месяце, когда стояла более приятная осенняя погода.

— Не хочу возвращаться в Москву одна. Может, мы вместе туда вернемся?

Александр отрицательно покрутил головой:

— Мне придется остаться еще на какое-то время. Работа еще не закончена, сама понимаешь.

— Понимаю, — тяжело вздохнула девушка, садясь в поезд, отправляющийся с Киева до Москвы.

...Летом восемьдесят седьмого они вновь встретились.

— Как дела?

В этот раз лето снова выдалось жарким.

— Сегодня будут судить виновников аварии...

Они услышали тяжелый вздох за своими спинами и, обернувшись, заметили опечаленного академика Легасова.

— Валера! Что ты тут делаешь? Ты должен быть в больнице!

— Мне необходимо присутствовать на суде. А из больницы я сбежал.

— Боже... — Мила ужаснулась, осматривая приятеля своего мужа с ног до головы: тот еле-еле передвигался, выглядел бледным, разговаривал охрипшим голосом, но официальный костюм сидел на нем как на здоровом, полного сил, человеке.

— Ты с ума сошел? Инга же с ума сойдет, если об этом узнает!

Легасов испытывающе взглянул на Александра:

— Я пришел сюда не ради себя, а ради своей дочери.

— Алины?.. — нахмурился Боровой.

— Стоп... Алина все еще здесь? — у Милы от изумления расширились глаза.

— А где же ей еще быть?

— Ты же отец! Почему ты ее не забрал?

— А как бы я посмотрел Маргарите в глаза?!

Мила встала между двумя мужчинами:

— Ладно, у каждого своя правда, не будем из-за этого ссориться...

— Вы не знаете всей правды, — Валерий снял очки и протер их полами пиджака, — и я сомневаюсь, что вы в нее вообще поверите...

— Ты говорил об этом и в прошлый раз!..

Мила посмотрела на собравшихся возле Дома Культуры людей:

— Послушайте, у нас еще есть время до начала суда. Пойдемте-ка в местное кафе, там и поговорим.

Александр прикурил сигарету и протянул ее академику, сидя в небольшом заведении. Столики стояли пустыми, между рядами прохаживалась молоденькая официантка, а в другой части заведения местные смотрели порнушку — сравнительно недавно открылись видеосалоны по всей стране, где крутили не только голливудские фильмы, но и "клубничку".

— Рассказывай.

— Я уже рассказывал об этом Губареву.

— Его сегодня не будет.

— Моя дочь попала в детский дом из-за своей мамы. Она нашла себе нового кавалера, а девочку сдала в

детдом. Я понимаю, ничего такого в этом нет, если бы не ее родной отец, который поступил подло и с ней, и со всей страной. Как мне сказали позже, Алина провела в детдоме год, а потом ее забрал один человек.

Валерий сделал паузу, выдыхая табачный дым и сбрасывая пепел в латунную пепельницу.

— Человек этот очень влиятельный и одновременно очень старый, по нынешним меркам. Он пришел к нам после нашего грандиозного выступления. Ты его наверняка помнишь. — Боровой отрицательно покрутил головой. — Он пришел к нам в институт и заявил, что хочешь сотрудничать. У него была идея-фикс: провести ряд опытов над человеческим организмом, дабы узнать, сколько он способен выдержать радиоактивных веществ.

Ему больше ста лет, его отец был что-то вроде подданного при царе, а когда тот погиб, его отправили в урановые рудники. Он пробыл там больше тридцати лет, пока большевики не освободили его. После он пытался построить свою жизнь, что-то пошло не так, и, в общем-то, именно это и стало причиной для подобной идеи. Как я узнал позже, ему не нужны никакие исследования, он жаждет отомстить за сломанную жизнь. Опыты он хотел ставить не на себе, а на маленьких детях. У него самого острая стадия лейкоза, и я не понимаю, как ему удалось прожить столько лет...

— И кто же это? Что за “чудо-человек”?

Легасов обернулся, посмотрел по сторонам и произнес:

— Он уже здесь.

Александр удивленно приподнял бровь.

Мила, проследив за взглядом академика, заметила высокого темноволосого мужчину. Стройный, с отличным вкусом и стилем, блестящие от света кофейной лампы золотые наручные часы. Строгий костюм отликает чистотой. Он курил сигарету с фильтром (в Советском союзе курили сигареты без фильтра) и сбрасывал пепел в стеклянную пепельницу, полуразвалившись на стуле.

— И как его зовут?

— Долгожитель.

— Серьезно?

— Ага. Настоящего имени никто не знает.

— А вы искали в архивах? — Александр снова прикурил.

— Нет его там.

— Хм... Странно...

— Он знает, что я собираюсь на суде все рассказать, поэтому он явился сюда. Он один, но у него есть связи и нужные люди, чтобы укоротить мою жизнь...

— Ладно. Допустим. А причем здесь Алина?

— Я тебе рассказывал, как она попала в реактор?

— Ты говорил только, что она все это время была в реакторе.

— В течение года ей внутривенно ставили слаборадиоактивный уран двести тридцать восемь. В малых дозах он не причиняет сильного вреда, но ему свойственно накапливаться, когда его вводят в кровь. Капля за каплей, по венам течет уже облученная кровь, разрушает организм, все кожные ткани, и буквально через полгода человек умирает. Моя девочка продержалась год. Все ее тело покрыли ужасные ожоги и язвы, они гнили, кожа отмирала, и мне пришлось сделать все возможное, чтобы не было дальнейшего заражения. Раны стояли открытыми, они даже перевязки не делали.

— Получается, от полученных ран она скончалась, и они решили избавиться от тела, сбросив в реактор, так, что ли?

— Все верно.

— Но Алина все еще жива!..

— Я не понимаю, как так вышло.

...— Я, я, Ваша честь, виноват в произошедшем! — уже на судебном заседании, которое проходило в черномыльском Доме Культуры, заявил академик, стараясь ровно держаться на ногах. — Моя дочь оказалась там, в реакторе, по моей вине! — сидящие в зале люди удивленно охнули. — Один из присутствующих здесь заморил ее до смерти, а потом бросил умирать в Чернобыльской атомной станции!

Один из присутствующих резко встал и вышел, громко хлопнув дверью.

...Сказанное Легасовым на суде произвело большой фурор: человек, что ушел посреди заседания, привлёк многочисленное внимание присутствующих на заседании милиционеров, привезших виновников в местный Дом Культуры. Его попытались отыскать, но странный незнакомец исчез, растворился, словно тень.

А Легасов окончательно захворал и попытался покончить с собой.

...Мила заметила небольшой клочок бумаги, одиноко лежавший на столе. Она подошла поближе и подняла оборванный лист из блокнота, на котором неровным почерком был написан адрес. На обратной стороне — “лаб.”

“Неужели именно об этом он рассказывал моему мужу?”

“Нужно проверить этот адрес...”

Квартира к тому времени уже опустела. Девушка пребывала в гордом одиночестве, перебирая вещи академика, мысленно пытаясь понять, что сподвигло знаменитого ученого наложить на себя руки. Старые фотографии, где он влюбленно обнимает свою дорогую жену; потрепанные тетради с записями; книги, учебники, одежда; но ни одного намека на причину произошедшего.

Лаборатория на другом конце страны

Они встречались уже давно. С того момента, когда ее впервые поймали, надели свинцовые браслеты и, пока сознание путешествовало где-то там, за понятием принятого, перевезли на обычной медицинской карете в столицу. Оттуда — в совершенно другой город, название которого она не знала.

Здесь всегда шел дождь. На решетчатое окошко падали крупные капли дождя. Комната освещалась большой, висящей на толстой проволоке, электрической лампочкой — крупная, грушевидная, яркая и одновременно заманивающая: ее свет никогда не потухал, поэтому отголоски мрака, хищно облизываясь, тянули к ней свои лапы, и с визгом отпрянули, когда на тонких запястьях появились очередные браслеты.

Он заметил ее сразу. Взгляд темно-карих глаз буравил обнаженную спину, длинные темные волосы, свисающие с плеч тяжелыми прядями, карамельного цвета соски и ноги. Стройные ноги. Сама она не была высокой красотой, модельная внешность которой привлекала бы состоятельных мужчин. Простая девчонка с пронзительным взглядом синих глаз, с алыми губами, слегка бледноватой кожей и тонкими бровями.

И руки — длинные, тонкие, словно ветви кустов сирени в цвету.

Когда они встретились взглядом, было уже поздно: он поставил свой автомат у стены (на тот случай, если пленница вздумает бежать) и, не отрывая пронзающего взгляда, подошел настолько близко, что разгоряченное дыхание касалось кожи. Провел дрожащими пальцами по тонкой шее, затем медленно опустился до груди, проводя сухими ладонями и касаясь затвердевших сосков.

Они были одни в тот самый судьбоносный момент. Возле комнаты практически всегда находилась охрана. Несколько крепких мужчин под командованием человека, пережившего крупную техногенную катастрофу, случившуюся во времена тотальной перестройки. Он даже помнил сухую, испепеляющую, жару и звездное небо без полумесяца. Оно до сих пор ему снится.

Она не сопротивлялась, когда он начал покрывать ее тело поцелуями. Лишь опустила голову, пряча довольную улыбку за густыми темными волосами. В глубоких, кажущихся бездонными, глазах просиял огонек удовольствия, особенно когда большая шаловливая мужская рука опустилась сначала на выпирающий живот, а затем еще ниже, заставляя невольному стону сорваться с полуоткрытых губ.

По коже пошши мурашки, ощущая влажность губ. Он проводил языком вдоль живота вновь и вновь, иногда буравил испытывающим взглядом. Она стояла как истукан и смотрела на него, слегка ехидно улыбаясь.

Кончики темных волос касались головы мужчины, слегка взъерошив короткую прическу.

Он поднялся. Пристально взгляделся в ее лицо, словно изучая, и, обхватив рукой тонкую шею, впился поцелуем в соблазнительные алые губы. Зрачки от испуга расширились, а затем уменьшились, полностью скрывшись под плотными веками. Сердце, что нещадно билось, успокоилось, а мышцы расслабились, заставляя руки висеть подобно старым плетям.

Они упали на кровать. Черная водолазка улетела куда-то в сторону. Он расстегнул ремень, заставляя брюкам сползти по ногам, украшенными рубцами и розовыми пятнами.

Она крепко зажмурилась, когда мужчина полностью обнажился.

Языком проводил по ее телу, слизывая маленькие капельки пота. Обхватил руками ноги, приподнял, и в один миг тело пронзила острая, режущая насквозь, боль, словно в сердце вонзили остро наточенный нож. И продолжали наносить одну и ту же рану раз за разом, однако ощущения при каждом мгновении сменялись — с боли, от которой слезы ручьями текли по щекам, до настоящего наслаждения, когда тело выгибается и само начинает подыгрывать опытному любовнику, позволяя делать с собой все что угодно.

Он сел рядом, когда все закончилось. Бросил на нее мимолетный взгляд и отвернулся, прикуривая сигарету. На ее лице засияла довольная улыбка. Она хмыкнула и, не дождавшись продолжения, отвернулась, прикрывшись одеялом.

— Решил воспользоваться моим телом?

Он хмыкнул.

— Я не удержался. Прости.

Она тяжело вздохнула:

— Ничего удивительного. Я ведь та, которая испортила твою жизнь, верно?

Он выпустил табачный дым.

— Это уже не имеет значение.

— А что имеет? Разве ты не занимаешься самообманом?

Он встал и прошелся по комнате.

— Я знаю, что ты, как и мы все, жертва обстоятельств. Давай не будем обсуждать дела минувших дней.

Она рассмеялась:

— Ты просто боишься правды!..

Он ничего не ответил.

— Прости...

— Ты права, боюсь. — Его руки были спрятаны в карманах, а лоб бороздила глубокая морщина. — Мне уже пятьдесят три года. — Прикосновение холодной стены остудило разбушевавшиеся нервы. — Я жизни по сути не видел. Я чудом выжил, только непонятно для чего. Чтобы прожить жизнь начальника взвода? Охранять объект, на котором я чуть не погиб? Охранять тебя, ту, которую погубила не одну человеческую жизнь? Тебе самой больше тридцати, а выглядишь как маленькая девочка! Разве мы этого заслужили? Нет. Мы этого хотели? Тоже нет. Тогда о чем разговор?

— Ясно.

— Ты не подумай, я не хотел тебя обидеть. Да, я не сдержался. У меня давно не было женщины. И я тоже живой.

— Ты даже не знаешь моего имени... — она захлюпала носом. Слезы текли куда попало, волосы были разбросаны по белоснежной наволочке. Ей не хотелось поворачиваться, чтобы увидеть холодное равнодушие в глубине темно-карих глаз. — Я тебя не виню. Что еще можно делать с такой, как я? В конце концов, я ходячая радиоактивная опасность, разве меня не следует бояться?

— Следует. Но ты в первую очередь человек, одна из нас. Поэтому ты находишься здесь, под контролем, чтобы ты жила как человек.

— Как человек...

— Меня приставили чтобы следить за тобой и твоими способностями...

— Стрелять на поражение?

Он склонил голову.

— Да...

— Мой отец говорил, что я ставлю всех под удар. Он даже не понимал, что я чувствую, когда он это произносил. — Она присела на кровати и бросила на него взгляд, полный грусти. Волосы тяжелыми прядями упали на голые груди, своими кончиками прикрывая карамельные соски. — Я устала, хочу отдохнуть. Можешь меня оставить?

Он пожал плечами:

— Как хочешь...

Мила вышла из подъезда.

На улице уже стояла глубокая ночь. Милиционеры давно уехали. Родственники академика — тоже. Шел непрекращающийся дождь. Девушка судорожно набросила на себя куртку и, перехватив длинные волосы резинкой, побежала сквозь двор-“колодец”, заставленный мусорными контейнерами. Здесь и там прошмыгнули мальчишки, одетые в потрепанные куртки. Они разводили костры среди мусора и бежали, когда появлялся кто-то из взрослых. Мила решила не придавать значения мелким хулиганам и направилась через подворотни, заранее выгачив пистолет из-под ремня.

Когда она была начальником среди женщин-ликвидаторов, одна из них, светловолосая девчушка по имени Марина, служившая в тот момент лейтенантом, показывала ей, как пользоваться Макаровым на случай непредвиденной опасности. В Чернобыле запрещалось пользоваться оружием, но это правило нарушали при любом удобном случае: там реально происходила какая-то чертовщина.

Мила нашла нужное место без особого труда.

Небольшой спуск в подвал. Обычная придомовая пристройка — крыша, накрытая куском железа, дверь с амбарным замком. Она прицелилась и выстрелила. Пуля разбила замок на куски, и решетчатая дверь нехотя распахнулась.

Вниз вела обычная лестница.

Мила пожалела, что не прихватила фонарик, хотя подвальное помещение неплохо освещалось. С потолка свисали обычные лампочки, а внизу, под ногами, хлюпала вода — раньше ее откачивали, а ныне это дело забросили. Если уровень воды станет предельно высоким, первые два этажа здания затопит, и придется откачивать воду из самой неприметной канализации.

Ноги рассекали водную гладь. Брючины джинс сильно намокли. Ходить в хлюпающих туфлях было очень и очень трудно. Хотелось снять обувь и идти дальше босиком, но кто знает, что находилось под водой — теплая поверхность пола, мусор или битое стекло?

Она наткнулась на еще одну лестницу, ведущую наверх. Закрытая металлическая дверь сообщала, что по ее сторону что-то (или кто-то) находится. Мила нерешительно поднялась и слегка коснулась гладкой холодной поверхности двери. Та заскрипела и невольно открылась. Выставив вперед пистолет, девушка начала осторожно пробираться вперед.

Небольшая лампа освещала полумрачное помещение, заставленное столами, столиками, маленькими шкафчиками, передвигающимися на колесиках стульями и прочей рабочей мебелью. Столешницы были тщательно вытерты, книги аккуратно сложены, но не хватало только одного: людей. Мила побаивалась наткнуться на одного из них, но к своему удивлению заметила, что это довольно необычное место уже давно покинуто.

— Добро пожаловать в мою лабораторию, гражданочка.

Мила вздрогнула и начала судорожно прицеливаться, ища источник неожиданно мягкого и одновременно зловещего голоса. Свет больно ударил по глазам. Прищурившись, девушка подняла голову и увидела силуэт мужчины в строгом костюме, стоящем по ту сторону обширного окна, нависающего над просторным и пустующим залом.

— Вы жена физика Борового. Я вас помню. Мне очень приятно видеть вас у себя в гостях.

Девушка нерешительно опустила пистолет.

— Я видела вас в кафе, в Чернобыле, — заявила она, когда приятный незнакомец спустился к ней в зал и, подойдя ближе, выгачил из кармана белоснежную пачку “Мальборо”. Достал сигарету с фильтром и, демонстративно зазвенев зажигалкой, прикурил, с наслаждением выдохнув табачный дым.

— Конечно. Я там очень частый гость.

— А почему вы сбежали, когда Легасов начал рассказывать? Вам разве есть что скрывать?

Мужчина вынул сигарету изо рта.

— Милочка, вы задаете слишком много вопросов. Прощу. — Он протянул руку в сторону темнеющей комнаты. — Мы с вами посидим, поговорим, выпьем коньячку. У вас же нет срочных дел, верно?

Долгожитель привел маленькую девочку в белоснежную комнату.

— Теперь ты будешь жить здесь.

— А я вижу свою маму? Она уже здесь?

Мужчина тяжело вздохнул и присел перед малышкой на правое колено:

— Послушай, Алиночка, твоей мамы здесь не будет. Зато папа захотел с тобой пообщаться. Вы же очень давно не виделись, верно? Я сейчас его позову, ты только не уходи.

...Когда отец ушел, не сказав ни слова, Долгожитель вернулся и встал неподалеку, спрятав руки в карманах.

— Я вижу, разговор с папой прошел не очень хорошо...

Алина опустила глаза, полные слез.

— Он бросил меня! Ты был прав.

— А я разве говорил неправду? Алиночка... — Долгожитель приблизился и сел напротив девочки, — я понимаю твое горе, жизнь вообще несправедливая штука. Иногда кажется, что нет ничего суровее несправедливости, лжи и предательства, но ты должна быть ко всему готова. Я обещаю тебе, — он встал и напоследок посмотрел на малышку снизу вверх, — что мы отомстим им за все твои горести и печали. Мы заставим их тебя уважать.

...— Теперь ты будешь жить здесь. Так будет лучше для тебя.

“Лучше? Проводить дни на скомканном, уже грязном, постельном белье и часами сверлить взглядом потолок, зная, что никогда не выйдешь наружу?”

“Мой дядя тоже так говорил... и он был более убедителен...”

— Сама подумай, какая жизнь ждет тебя, сироту, оставленную родителями? Сколько еще продлится эта полная доброты демократия? “Все для простого советского человека!” Мы, простые люди, живем в хаосе, полного разрушения, в грязи, с пустыми полками, идет холодная война, а мы прославляем наш великий и незаменимый Советский Союз! Дети... Они такие наивные, верят в сказки взрослых, а потом погибают от несправедливости суровой жизни!

Когда тебе исполнится восемнадцать, тебя выпустят из детского дома. Скорее всего, тебе выдадут какое-нибудь хилое жилье, дадут работу, отправят обучаться, и начнется скука. Все как у всех! Потом ты найдешь себе мужчину. Знаешь ли ты, что мужчины слишком жестоки и самолюбивы? Весь их мир вертится вокруг их персоны. Они хотят, чтобы их любили. Они хотят, чтобы мир любимой женщины сузился до одной точки, и этой точкой были бы они сами?

Мир мужчин крайне жесток и несправедлив. Когда они падают в яму, то начинают выпивать. Еще в детстве они подвергаются пыткам, издевательствам со стороны родителей — и все для того, чтобы воспитать в них настоящего мужика. Был один эпизод из моей жизни, когда мой приемный отец, взяв мою мать с маленьким ребенком руках, бил последнего, дабы впоследствии избавиться от него. Мама не выдержала, ушла. А я остался с отчимом. Рос постоянно в побоях. А когда исполнилось восемнадцать, отчим отправил меня на каторгу.

Твой отец тебя тоже бросил. Тебе было четыре года, когда он ушел, оставив тебя с матерью. А потом и мать от тебя отказалась. Мы с тобой похожи. У моей матери с отчимом тоже ничего не сложилось. Он бил, пил, буянил — и это при том, что он великий подданный Его Величества, Александра Третьего! Отец знал его как человека доброго, благодушного, он всегда был против войны, всегда был за мир. А потом он перевернулся в поезде. Сказали — террор. И обвинили меня. Отправили на пожизненное в урановые рудники, где я, спустя малое время, должен был умереть, но чуда не произошло, и я выжил. Потом пришли большевики, вытащили меня оттуда, дали шанс на новую жизнь, а я уже никому тогда был не нужен...

Отчима расстреляли большевики. Вполне себе заслуженно. Он вел себя как скотина, относился к людям как к скоту, считал себя высшей кастой, а по сути — слабак, пьяница и неудачник. Его спасала дружба с императором. А когда того не стало, он пошел по накатанной.

Про мать мне ничего неизвестно до сих пор. Она просто исчезла, канула в лету.

Это были нэповские времена, каждый жил, как хотел, в золоте, шелках, бриллиантах, в дорогих винах и коньяке. Буржуазия была в самом расцвете сил, и, смотря на все это, я задавался вопросом: а какой был смысл в революции? В великой октябрьской революции, когда простой рабочий люд свергнул российского царя, а через год расстрелял, как предателя? Я не понимаю этого до сих пор. Я сам едва сводил концы с концами, а когда к власти пришел Сталин, переехал в Германию. В те годы только-только начиналась великая гитлеровская компания, направленная на создание “расово чистого арийского государства”. Я видел, что происходило в те годы, мне пришлось наблюдать, как якобы чистые и светлые немцы уничтожают ничтожных для очищения расы. Более

глупой идеи мне еще не приходилось наблюдать. Иногда человеческий разум доходит до запредельной черты, творя настоящее безумие.

А какое оно? Безумие? Ты знаешь?

Ты знаешь, что такое безумие?

Когда Третий Рейх сгинул, некоторое время мне пришлось помотаться по европейским странам. Мне поставили диагноз — острый лейкоз — и отправили умирать. Я даже завел специальный календарик, где крестиком отмечал свои последние дни. Но смерть не наступала. Даже немного обидно. Я пил, гулял, заводил романы-однодневки, дожидаясь неминуемого конца. А потом понял, что он не наступит — не так скоро, как хотелось бы — и вернулся в Советский Союз.

И уже здесь, на родине, мне пришла гениальная по своей сути идея: в моей крови достаточно много опасных радионуклидов. Моя плоть источает радиацию. Это послужило бы неплохим подспорьем для моей давней обиды — радиация такая вещь, что убивает незаметно. У нее нет вкуса, нет запаха. Идеальный убийца. Я уже давн продумывал гениальнейший план своей мести.

Он обернулся и посмотрел на нее. Все ее тело покрывали жуткие ожоги, язвы и болячки, из которых вытекали кровь и гной. Легкая белая простынка становилась темно-бордовой, и люди в защитных костюмах едва успевали менять постельное белье, Маленькое хрупкое тельце заботливо перевязывали, забинтовывали, а в некоторых местах и загипсовывали — для пущей уверенности.

Она лежала, сложив руки на груди, и молчала, опустив пронзительные синие глаза без ресниц. Грудная клетка равномерно опускалась и поднималась. Ноги были привязаны к ножкам кровати. Отброшенное одеяло лежало у самой спинки. Подушка продавилась, голова утопала в пуховой перине. Равнодушный взгляд смотрел то вниз, то вверх. Обожженные губы сжимались, дабы не вырвалось грубое слово. А мелкие слезинки утопали в маленьких черных зрачках.

— Я привел тебя сюда для великой цели. Даже если твоя жизнь оборвется... ты страдала не зря. Это намного лучше той жизни, которая ждет тебя впереди. У тебя будущее как у всех, если не хуже. Семья, дети, а по факту — пустой звук. Что это за жизнь — работаешь как лошадь, а в перерывах размножаешься? Муж пьет, бьет, дети шалят, безденежье, безбожие, отсутствие здоровья и перспектив. Скучно, неинтересно, одним словом — замкнутый круг.

Лаборатория на другом конце страны

Сутки пролетали как один час. Не успеешь оглянуться — на место знойного полуденного дня приходил прохладный вечер, а затем ночь, полная проливных дождей, холодного ветра и гробовой тишины. Трава становилась сочнее, ярче, заполняя все вокруг своим свежим, пропитанным водой, запахом. Хотелось вырваться наружу, вдохнуть воздуха полной грудью, но оставалось лишь следить за постепенно успокаивающейся природой через маленькое окошко лаборатории.

— Так будет лучше для тебя. Пока ты здесь, никто не посягнет ни на твою жизнь, ни на жизнь других людей. Американцы готовы заплатить огромную сумму, чтобы забрать тебя к себе для изучения твоих способностей. Они особой гуманностью не отличаются, им неведомы сочувствие и милосердие. Они препарировали тебя как лягушонка. Да и наши европейские друзья не против познать твои способности, чтобы потом использовать их против нас. Здесь безопаснее. За тобой будет должный уход, питание, прогулки под присмотром, лечение, если оно потребуется, но выходить за пределы этого комплекса нельзя. Все ясно?

Она кивнула.

Спустя полчаса в комнату вошел он, с подносом, на котором дымилось что-то аппетитно вкусное, пряное, соблазнительное. Она ноздрями втянула притягательные запахи и приступила к обеду. Пока стучала ложками, пытаясь утолить нечеловеческий голод, ее невольный собеседник сидел напротив и ухмылялся.

— Вкусно?

Она яростно закивала.

— Приятного аппетита!

Пауза, наполненная звуками ложек и чавканья.

— Меня приставили охранять тебя, пока ты здесь. Потом тебя переведут в другое место, там будет другая охрана.

— Меня так и будут таскать туда-сюда, по лабораториям?

Он усмехнулся:

— Другого выбора у тебя нет, милочка. Слишком много желающих попользоваться твоими силами. Сама знаешь, что ничего хорошего это не принесет.

— Знаю. Получается, я проведу в лабораториях всю жизнь?

— Получается, да.

— Класс!

— А что ты хотела? Ты носитель смертельно опасных умений, ими еще нужно овладеть по-настоящему, чтобы разнести все к чертям.

— То есть, мой прошлый опыт тебя не впечатлил?

Он снова усмехнулся и ничего не ответил.

...Ее вывезли на заброшенное поле. Среди ровно подстриженной травы стояли странные приспособления, похожие на огромные зеркала на ножках, счетчики и дозиметры. Вокруг медленно собирались люди в военной форме и в защитных костюмах.

На ней сидела большая бледно-розовая пижама, а кончики травы приятно щекотали кожу стоп.

— Что мне делать?

— Покажи на что ты способна! — крикнул мужчина в рупор.

Она подняла руки и показала браслеты.

— Как?! На мне защита!

Он, держа автомат наперевес, усмехнулся:

— Тебя об этом и просят. Ты много лет провела под герметичной свинцовой защитой, неужели тебе трудно сломать пару железок?

Она фыркнула:

— Мне трудно.

— Давай, давай, реактор ты смогла взорвать, а сейчас ты ничего не можешь, да?

— Покажи свои умения!

— Ты уничтожила несколько человек, тебе жалко повторить?!

— Давай!

Она чувствовала, как злость закипает в венах, разливаясь бурными потоками по всему телу. Ее закрутило в вихре негативных эмоций. Гравитация завладела хрупким человеческим организмом, наполняя каждую клетку свежестью и новым дыханием. По рукам заискрился ток. Зрачки расширились и стали ядовито-красными. Раздался

едва уловимый треск. Вокруг нее появился плотный большой шар под напряжением. Засветились ярким светом зеркала, замигали приборы. Они пытались раздавить, принизить, поработить сверхчеловеческие способности, но невидимая сила вырвалась на свободу, разорвав в клочья хлопковую ткань.

— Кажется, она теряет контроль...

— Вызывайте группу “А”, срочно!

Электрический ток поглотил ее полностью, лишив сознания. Разум упал в черную бездонную яму как тогда, тридцать с лишним лет назад. Она падала и падала, не в силах распахнуть веки и кричать до хрипоты, пытаясь вырваться из-под власти природной энергии. Кожу приятно покалывало, а тело становилось все более и более невесомым, словно парило в космосе, среди ярких звезд.

Она очнулась уже в палате.

Он сидел рядом и заботливо поглаживал по щеке, вглядываясь в ее бледное лицо. Сознание неохотно возвращалось обратно в тело. Там, за его пределами, было хорошо и уютно — словно душа умершего, бредущего в одиноком темном тоннеле, в конце которого теплый яркий свет и пуховая перина с лестницей, ведущей наверх. Ей даже пришла на ум мысль, что смерть таки унесла ее с собой на тот свет, куда она безжалостно хотела отправиться.

— Ты как?

Она только сейчас заметила, что лежит абсолютно голая.

— Вроде нормально. А что случилось?

— Ты потеряла контроль над своей силой. И ты озадачила наших ученых, — он улыбнулся. — Они вынуждены придумывать новые меры безопасности.

— А может быть вы меня просто убьете? Или отпустите, на худой конец?

Он присел перед ней на колени и крепко обхватил пальцами ее предплечья:

— Смерть не выход...

— Для меня выход! Мне надоела такая жизнь! Я опасность для всех, я живу в четырех стенах, как серийный убийца, я света солнечного не вижу!.. И почему вы меня тогда не убили, а? Почему пожалели? Великий русский гуманизм?

Он опустил голову. В ее голосе прозвучали нотки правды.

— Отпусти меня, прошу! Дай мне сбежать! Или убей! Ты же носишь с собой табельное оружие, тебе никто и слова не скажет! — слова отчаяния были схожи с мольбой смертельно больного человека, просящего у бога о скорой смерти. — Я не могу больше так, ты же сам знаешь, что это не жизнь!

По бледному лицу градом текли слезы, оставляя грязные следы. Она хлопала носом, пытаясь втянуть обратно бежавшие из ноздрей сопли. Длинные волосы едва прикрывали соски, свисая запутанными прядями. Он смотрел на нее и чувствовал, как щемит сердце, стоит ей поджать пухлые алые губы или наморщить носик, из-за чего на переносице собиралась небольшая складка.

— Я не хочу тебя отпускать. Я бы сказал, что отвечаю за тебя своей головой, но не буду, хотя оно так и есть. Я не хочу тебя отпускать только потому что люблю тебя. Я люблю тебя, Алина!

...— И что ты теперь намерен делать? Если обо всем станет известно, сбежишь, как последняя крыса? Или придумаешь очередной план по уничтожению человечества?

Долгожитель икнул и закурил в очередной раз. Сбросил пепел в латунную пепельницу и всмотрелся на кончик сигареты, который медленно пожирал маленький огонечек. Мужчина выдержал драматическую паузу, прежде чем выдать не менее достойный ответ:

— Самый простой и самый быстрый способ решить эту проблему, как ты уже сказала, сделать ноги. Я, скорее всего, так и поступлю. Но от нее я навряд ли смогу скрыться. Я знаю, что девчонка уже давно ищет меня, чтобы лично расквитаться. Она так и не поняла, для чего ее использовали. Людей убивать я больше не хочу, хотя логичнее было бы сплавить тебя на тот свет, так как ты узнала то, чего знать не следует. Мне терять уже нечего. Поэтому я отпускаю тебя на все четыре стороны.

Мила недоуменно приподняла бровь.

— Пошла вон, — добавил Долгожитель изменившимся голосом, — и больше не приходи сюда, никогда.

...Она удивленно воззрилась на него.

— Я люблю тебя! Поверь же мне, ну! Я не хочу тебя отпускать! Ты пропадешь там, а я... я только жить начал!..

Он едва не плакал, видя непонимание в пронзительных синих глазах. Ему хотелось трясти ее и кричать во весь голос, но снова знакомое поджимание губ, легкое подрагивание сморщенного носика и затянувшаяся до невыносимости пауза. Длинные пальцы утопали в спутанных волосах. Сложно было оторвать взгляд друг от друга, разорвать холодное молчание и не слышать, как стучат их сердца.

— Отпусти меня. Я умру здесь.

— Не отпущу, — произнес твердым голосом. — Запру тебя здесь, пока ученые не придумают новую защиту.

Она подняла черные от грязи руки.

— Я убегу. Ты не сможешь меня удержать.

Черные зрачки расширились, когда молния пронзила его насквозь. Бесчувственное тело упало к ее ногам. Яростно бьющееся сердце остановилось. Она встала и, присев напротив него, провела рукой по щеке, а затем быстро чмокнула в приоткрытые губы. Из пересохших уст вырвался стон облегчения. Резко выпрямилась, будто через все нервы прошелся ток, а затем, прикрыв веки, обернулась черным пятном, исчезнув на другой стороне света.

Большая, загруженная до невозможности, фура резко затормозила на дороге, едва не слетев в кювет. Под ногами хлюпала вода, и она, не выдержав, плюхнулась в лужу. Быстро встала, выставила руку вперед и остановила первый мчавшийся по трассе грузовик. Темный плотный плащ скрывал ее голое тело.

— Увези меня отсюда!..

— Как скажешь, красавица.

Она напоследок проводила былое место пребывания и расслабилась.

...— У меня никогда не будет семьи! Не будет, понимаешь?! С такими умениями я обречена на одиночество! Кто возьмет меня в жены, кто? Ты? Он? Кто?! Я не хочу вечно гнить в лабораториях и реакторах, меня не устраивает та жизнь, которую я вынуждена жить!

— Не все строится вокруг семьи, милая моя. Мне пятьдесят три, у меня не осталось ни близких, ни друзей, ни родственников, уже больше двадцати лет сам по себе. И мне, как и тебе, не нравилась моя жизнь. А что делать? Жить нужно в любом случае. Если у тебя есть эти способности, значит, тебе их дали не просто так.

— Нет, ты не понимаешь! Ты не был на моем месте...

“Вы все ничего не понимаете...”

...— Я нахожусь в очень странном месте. Я попала сюда, чтобы выяснить обстоятельства смерти академика Валерия Легасова, который покончил с собой несколько дней назад. Это лаборатория, где по последним имеющимся у меня данным проводились опыты над детьми для свержения советской власти. Этот человек все еще здесь! Он дал мне уйти, но я заблудилась, и не могу найти выхода! Если вы найдете это видео, знайте, я пришла сюда, потому что двадцать шестого апреля восемьдесят шестого года...

— Кто?!

Высокий металлический забор преграждал путь. Спустя несколько лет здесь будет стоять вполне привычный для современности шлагбаум, но даже с такой охранной системой попасть на территорию особого контроля — она же Чернобыльская Зона Отчуждения — попасть будет непросто.

Под ногами хрустел снег. Первые снежинки упали на пока еще зеленую траву, но не спешили таять. В тот день температура стояла ниже обычного — на градуснике показывало приличный минус. Для сентября такое явление из ряда вон выходящее — до середины октября стоит теплая, почти летняя, погода, солнце, легкий зной, ночью становилось прохладно, а днем жарко.

Из маленькой будки выскочил мужчина в тулупе.

— Ти що тут забула? Пішла геть звідси!

На бледном маленьком личике появилась издевательская усмешка. Вокруг глаз собралась мелкие, едва заметные, морщинки. Прикосновение сентябрьского холода не мешало девочке в школьной форме преодолеть несколько тысяч метров, чтобы добраться сюда, откуда ее увезли три года назад.

Зрачки заполнились ядовитым красным светом. Стаи птиц взлетели высоко в небо, поднятые пронзительным визгом. Неведомая сила заставила мужика в тулупе взлететь, а затем, перевернувшись несколько раз в воздухе, упасть и потерять сознание. Бедолага распластался по украшенным мелкими льдинками асфальту.

Сознание перенеслось по другую сторону забора. Невидимая рука нажала на красную кнопку, раздался щелчок, и ворота, нехотя, медленно, открылись, открывая пустующую асфальтированную дорогу. Девочка едва не скользила по промерзшей после холодной сентябрьской ночи земле и хищно улыбнулась, когда дядьки в зеленых униформах с автоматами наперевес бросились к ней навстречу. Резко хлопнула в ладоши и растворилась подобно миражу.

Один за другим падали солдаты к ногам маленькой мерзавки, оглушенными острыми ударами.

Дорога была свободна.

Девочка поправила юбку и двинулась в сторону атомной станции.

— Да-а, хорошие были люди, достойные товарищи, всегда подставят свое плечо, все расскажут, все объяснят. Эх... Нам очень сильно их будет не хватать, земля им пухом. — И провозгласивший замолчал, вливая в себя сто граммовую рюмку водки. А потом резко вытер рукавом куртки покрасневший нос и отставил рюмку, сморщившись.

Александр промолчал, опустив взгляд. Тяжело вздохнул, прокручивая в голове моменты, воспоминания будто бы из прошлой жизни: когда на станцию пришла весть о смерти Бориса Щербины и самоубийстве Легасова, все присутствующие погрузились в траурное молчание. Большая часть людей, занимавшаяся ликвидацией аварии, умерли в ближайшие пару лет — от радиации, от смертельных болезней и несправедливости жизни. Хотя на ЧАЭС по-прежнему находилось много людей, многие приезжали в Чернобыль чисто из-за заработка, но старые приятели, знакомые лица канули в лету, словно их и не существовало никогда.

Боровой до сих пор помнил случай, произошедший осенью восемьдесят шестого. Председатель, он же Борис Щербина, вместе с Валерием Легасовым находились на втором этаже чернобыльского штаба. Его кабинет располагался прямо под ними. В небольшом кабинете, у самой стены, стояли три широких, деревянных, пустых стола, за одним из них и сидел Александр, переворачивая раз за разом документы, принесенные кем-то из персонала со станции.

— Александр Александрович, поднимитесь-ка, пожалуйста, к нам в кабинет, — спустившийся Легасов тут же исчез за дверями кабинета.

Боровой перечить не стал, собрал все свои бумажки и поспешил следом за академиком.

— Вы в курсе, что радиация над развалом увеличилась в четыре раза? Сегодня пилоты зарегистрировали. И ваши физики зарегистрировали подъем температуры в нижних помещениях, под взорванным реактором. И на площадке активность фильтров, сквозь которые прокачивают воздух, в десятки раз возросла. Складывается впечатление, что в блоке началась неуправляемая цепная реакция. Давайте, выясните причину. Быстро и доказательно. Времени могу дать два часа. Не выясните точно, что это не ядерная опасность, будем объявлять тревогу и выводить людей с площадки. Сегодня у нас тысячи людей там работают. Времени больше дать не могу.

Александр едва слышно выругался себе под нос и спустился к себе в штаб. Вслед за ним вошел незнакомец, молодой мужчина, на вид которому лет тридцать — тридцать пять, сухощавый, высокий, темноволосый. Он предоставил недоумевающему ученому корочку и произнес:

— Попрошу вас, Александр Александрович, подписать все необходимые бумаги. Если вы не сделаете то, о чем я настойчиво вас прошу, то вы вынуждены будете понести ответственность за отказ компетентным органам.

“Час от часу не легче...”

— Ладно, давайте свои бумажки. Где расписаться?

Мужчина показал пальцем на маленькую черточку внизу документа:

— Вот здесь и здесь. Спасибо, Александр Александрович. Всего вам доброго!

В тот же день начался облет разрушенного реактора. Александр вместе с вертолетчиком пролетали над черной пастью энергоблока раз за разом, но специальные приборы ничего не показывали. Проведя бессонную ночь, незадачливый физик-ядерщик вновь отправился на поиски радиоактивной утечки — и снова ничего. Уже на третий день, кое-как разобравшись, Боровой, выйдя из вертолета, начал сильно кашлять и задыхаться будто от нехватки кислорода.

Удушающий кашель мешал спать, несчастный ученый промучился до самого утра и, не спавши, отправился на правительственное заседание, где ему предстояло рассказать о результатах исследования.

Александр, едва переступив порог штаба, рухнул на пол без сознания — голова в один миг закружилась, ноги подкосились, и все это время ему казалось, что он крепко спит, погрузившись в сон. Сначала его трясли как мешок с мукой, и, когда ученый не пришел в себя, военные подхватили его под руки и надавали пощечин. А потом усадили, когда физик-ядерщик распахнул веки и с удивлением уставился на людей, сидящих в зале.

Он попытался затесаться в углу, но заметил пристальный взгляд председателя:

— Что нам скажет наука, если она, конечно, уже проснулась?

С ним остался и Игорь Костин, тот самый фотограф, что с первых дней аварии находился на станции и делал множество фотографий, рыская то тут, то там, раздражая своим присутствием немолодого ученого. Конечно, это были его личные тараканы — Мила бы никогда ему не изменила, даже если бы осталась одна среди мужчин, — но мужское самолюбие неистово страдало, исподтишка зализывая раны.

Костин однажды заметил недобрый взгляд ученого:

— Ты дуешься на меня, потому что тебя называли трусом?

Александр похолодел. Это произошло в том же восемьдесят шестом, когда на очередном заседании присутствовал прокурор из генеральной прокуратуры — заявился, не запылился. Он с выдержанным терпением выслушал речи физика-ядерщика (хотя в его глазах свирепствовала самая настоящая ярость) и вдруг заявил:

— В Чернобыле нет места трусам!

Невыносимый галдеж в миг прекратился, наступило гробовое молчание. Находящиеся в зале люди посматривали на Борового и его разгневанного собеседника, в их глазах был полнейший шок. Александр тогда не выдержал, встал и удалился из зала, громко хлопнув дверью.

Боровой зло взглянул на фотографа:

— Ты цепляешь местных девчонок. Мне это не нравится.

— То есть, ты хочешь сказать...

— Ты бабник!

— Но-но, не бабник, а любитель женщин!

Александр фыркнул:

— Какая разница...

Их спор прервал заглянувший в кабинет испуганный мужчина:

— Девчонка вернулась!

Игорь и Александр переглянулись. Последний почувствовал, как душа ушла в пятки.

— Ты же не веришь, что это она взорвала станцию?..

— Не верю. Но факты говорят об обратном.

— Ее же увезли в детдом!

Перепуганный вестник пожал плечами:

— Я и понятия не имею, как охрана на КПП ее пропустила!

— Ладно, идите! Мы сами все решим.

— И что теперь будем делать? — поинтересовался Игорь, когда работник станции ушел, хлопнув дверью.

— Понятия не имею. — Александр нахмурился. — В любом случае, так просто мы от нее не избавимся.

— Я так и не понял, чего она сюда-то возвращается? Ей что, тут нравится?

Боровой хмыкнул, промолчав. В своих мыслях он был в нескольких километрах отсюда. Ему пришлось побывать в квартире своего близкого друга, когда его увезли в морг. В рабочем кабинете все лежало на своих местах, но что-то было не так. Странное ощущение, что все подстроено. И чувство преследования тоже не отпускало, хотя Александр уже успел отругать себя за паранойю. Когда ученый вернулся обратно в Чернобыль, отлежав какое-то время в больницах, эта странная мания отступила. Зато перед глазами стоял стол, идеально вытертый, на котором стопкой лежали книги, какие-то записи и фотография маленькой девочки в платье.

“Алина...”

Видеокассета с докладом лежала у него в сейфе. Когда Александр оставался один, он прокручивал ленту раз за разом, пытаясь найти хоть какую-то причину смерти лучшего друга. Но все шло идеально, нет ни единой проволочки или зацепки. Тогда Боровой выключал видеоплеер и уходил в свои мысли, полные отчаяния.

Алина обернулась еще раз.

Никого.

Ее встретили достаточно прохладно, хоть им и удавалось скрыть легкое недовольство. На бледном детском личике промелькнула усмешка, но тут же скрылась под маской невинного ребенка. Иногда лицемерие спасает жизнь, если знать, за какие ниточки нужно дергать.

Она прошла на станцию и, свернувшись в первом попавшемся углу клубочком, уснула. Из рта вырвались клубы пара, холод слегка покусывал нежную детскую кожу, оставляя красноватые пятна. Щеки покрылись легким румянцем. В отдаленные помещения тепло не поступало. Издалека можно было услышать постукивание лопат, глухие удары падающего на бетон угля и ругательства мужчин.

Ей нравились испуганные, бледные и осунувшиеся после бессонных ночей лица. Находящиеся на станции люди старались сохранить нарочитое равнодушие, но умелый взгляд пронзительных синих глаз замечал испуг, спрятавшийся на дне черных зрачков. Иногда они прятали недовольство и гнев под густыми темными ресницами.

— Че там?

— Попросили замеры снять, найди рулетку!

— А? Я тебя не слышу!

— Замерыними!

— Чего?

— ЗАМЕРЫ, БЛЯТЬ!

Алина приоткрыла правый глаз и тяжело вздохнула. За стенами своего убежища раздавались громкие крики наперевес с ругательствами — шел капитальный ремонт одного из энергоблоков. На улице уже стояла глубокая ночь, температура упала еще ниже, с неба срывались мелкие снежинки, падая на промерзшую землю.

Лоскутки мрака вытянулись, касаясь кривыми отростками стен. Зашептали на разных голосах, обвивая тонкую девичью шею. По коже прошелся слабый электрический ток. Алина встала с пола и, поправив свой наряд, отправилась по коридору в полной темноте. Внутренний голос подсказывал дорогу, направлял, угрожающе шипя или молитвенно посвистывая.

Перед ней оказалась панель с выключенными приборами и несветящимися кнопками. В небольшом помещении стояла гробовая тишина. Девочка еще раз осмотрелась и распростерла руку над панелью. Провела ладонью вдоль приборов, прикрыв веки, и, легко ступая по плиточному полу, чувствовала, как напрягаются пальцы, как кожа впитывает статическое электричество. И улыбнулась, отойдя подальше.

Панель замигала, заработали лампочки, яростно включился свет над головой. Раздался едва уловимый щелчок, экран с нарисованной схемой реактора засветился, показывая, что турбогенераторы пришли в действие. Алина села в крутящееся кресло и покрутилась, вытянув ноги в балетках. Волосы растрепались, а затем рассыпались по плечам тяжелыми прядями.

За дверью послышались шаги. Кто-то громко закричал.

Девочка встрепенулась и, расставив руки в стороны, растаяла.

— Как такое вообще могло произойти? Куда вы смотрели, олухи?!

За окном уже стояла глубокая, холодная, октябрьская ночь. Часы показывали десять минут девятого, когда дверь штаба открылась, и на порог ввалился уставший физик-ядерщик. На его тулупчике покоились мелкие снежинки, а щеки покраснелись от прикосновения порывистого ветра.

— Да уж, погода решила нас повеселить...

Игорь отставил кружку, сделав глоток горячего кофе.

— Отныне здесь все необычно...

— То есть, ты хочешь сказать, радиация меняет погоду?! Не глупи!

Боровой взял чайник покрасневшими руками и плеснул воды в металлическую кружку. Бросил парочку чайных пакетиков и сделал глоток, чувствуя, как приятное тепло разливается по всему телу.

— Да я вообще-то другое имел в виду...

— Не понимаю я наших властей. — Александр отставил кружку. — Они решили и дальше эксплуатировать чернобыльскую станцию! Это при том, что один из энергоблоков неисправимо поврежден, в помещении сохраняется высокая радиоактивность, а местность вокруг превратилась в необитаемую пустыню! О чем они там думают...

— Ну, чернобыльская станция ближе всего к Киеву... — Игорь пожал плечами.

— Пожар!

Мужчины встрепенулись. Прибежавший испуганный работник станции в белой форме исчез за дверями, словно его и не было.

— Что, опять? — Игорь взволнованно посмотрел на Александра.

— Я должен на это взглянуть. Сиди! Я схожу туда один.

Боровой выбежал из штаба и, поймав первую попавшуюся машину, направился к месту происшествия. Еще издали он заметил полыхающую крышу второго энергоблока — столб огня можно было разглядеть за несколько километров от станции. Все в точности как в восемьдесят шестом. Только вот на календаре конец девяносто первого. Такое ощущение, будто все происходящее перенесли из прошлого в настоящее. Или это напоминало просмотр первого фильма-катастрофы об аварии на четвертом блоке, который Александр смотрел без особого энтузиазма.

— Мы остановили реактор! Слава богу, он был не поврежден!

— А что случилось-то?!

— Чертовщина какая-то... — ученый стоял поодаль от первой очереди и, закрыв лицо ладонью-козырьком, всматривался в ужасающую картину: пламя охватило кровлю, пожирая металл и бетон, и под натиском оно обрушилось в машинный зал. Пожарные, караулящие в тот день, бросились в схватку с огнем и в очередной раз вырвавшейся радиацией, коей было намного меньше. — Турбогенераторы начали работать...

— Тридцати секунд не прошло, как все вспыхнуло...

— Разве такое возможно?!

Александр хлопнул себя по лбу и отвернулся. Ему стало дурно от увиденного.

“Это она...”

...На следующий день Александр вместе с Игорем вернулись на станцию. Последний прихватил все свое оборудование и поспешил за ученым, который словно с дуба рухнул — он бежал куда-то, извергая ругательства (репортер знал его как человека, который материться не умеет!) и обещал уволить всех, кто допустил произошедшее ночью на станции.

— Что с тобой? Ты сам не свой!

— Нормальный я! Ты лучше объясни, как турбогенератор мог самопроизвольно включиться?!

— А я откуда знаю? Ты же физик!

Боровой в очередной раз выругался.

— Кажется, я понимаю, как...

Александр с удивлением воззрелся на фотографа, показывающего пальцем ему за спину. Он впал в ступор, увидев на обрушившихся от пожара металлических конструкциях девочку в школьной форме.

Малышка вмиг вбежала по валяющимся под ногами балкам и принялась подпрыгивать на них, издавая злобный смех.

— Что у вас тут случилось? Подняли меня посреди ночи и вышвырнули сюда, толком ничего не объясняя!

Саша едва поспевал за перепуганными работниками станции. Предыдущую ночь он плохо спал, а на утро, отправившись на службу, мечтал, как упадет на чистую и такую соблазнительную постель и вырубится — часов на десять, не меньше.

После аварии на ЧАЭС его жизнь кардинально изменилась: утром двадцать шестого апреля его, как и всех, кто работал в помещениях близ четвертого энергоблока, увезли в припятскую медсанчасть. Затем перевезли в Москву, где он едва не отбросил копыта. Саша, он же Александр Свиридов, с ужасом наблюдал, как изменившиеся до невозможности тела его друзей на каталке отвезли в морг. Один за другим, каждый день как последний, и, казалось бы, чуда не случилось, ибо от смертельной дозы радиации погибли практически все... кроме него.

Саша прикрыл веки, в очередной раз уставившись взглядом на обожженные руки — кожу покрывали чудовищные язвы, из которых вытекали кровь и гной, все болело и нестерпимо чесалось. К горлу подступала ставшая привычным сухота, и молодая заботливая медсестричка в защитном костюме подавала ему стакан воды с небольшой трубочкой, через которую ему приходилось пить. Каждый час он чувствовал, как болезнь пожирала внутренние органы. По глазам больно бил свет от одинокой лампы или редких солнечных лучей, проникающих в палату через узенькие щели. Саша с трудом дышал, с трудом жил, проводя как можно больше времени во сне — и все надеялся, что смерть унесет его с собой, как и всех остальных.

— Почему я выжил? — как только Саша пришел в себя, оставшись наедине с невеселыми мыслями, он подошел к заведующей радиологического отделения, полноватой женщине с забавными кудряшками.

— А ты бы предпочел умереть?

Он вздохнул:

— У меня никого нет. Жена ушла, родители давно умерли. Знаете, у меня очень сложный характер, я пил, изменял своей жене, и произошедшая со мной трагедия — расплата за мои давние грехи. Я просто не должен был выжить! Кому я теперь нужен? Такой урод?

— Ты еще молодой.

— Мне совсем недавно исполнилось двадцать шесть лет.

— У всех есть скелеты в шкафу. Но это не означает, что все должны умереть.

— Но я ведь теперь урод! Взгляните на меня! — все его тело покрывали бледно-розовые пятна, оставшиеся после ожогов, многочисленные шрамы и некоторые, все еще не заживающие, язвочки. — Кому я теперь нужен? Ради чего мне теперь жить?!

Заведующая посмотрела на Сашу снизу вверх:

— Для себя. Живи теперь для себя.

Еще не один месяц Саша провел в больничной палате. Когда выписался, понял, что идти ему некуда — Припятть эвакуировали, теперь в город никого не пускают, но зато в Киеве строятся новые жилые дома для людей из опасной зоны. Делать нечего, и спустя пару месяцев Саша проживал уже в новой, двухкомнатной, квартире.

...— Разве вам не сообщили? — мужчина в белой униформе расстроился. — Нам сообщили, что ведется уголовное дело по расследованию аварии на Чернобыльской АЭС...

— Ха! — громко издал Саша. — Это дело давно закрыто, обидчики наказаны... еще в восемьдесят седьмом! Какое уголовное дело они собрались расследовать?

...— Ты уверена, что академика Легасова убили? Это тебе сказал тот человек, Долгожитель?

Мила подняла глаза:

— А больше и некому. Он использовал академика и его дочь в корыстных целях. Он давно планировал нанести разрушительный удар по советской власти. В общем, катастрофа, скорее всего, была спланирована заранее. Я каким-то чудом выбралась из лаборатории и поспешила домой. У меня не было никакой гарантии, что он не бросится за мной следом.

— Ты пошла туда, потому что обнаружила адрес, оставленный академиком Легасовым?

— Все верно. Он рассказывал про лабораторию, какие именно опыты там проводят, и все в таком духе. Опыты, в основном, ставили над маленькими детьми. И, если я не ошибаюсь, этих опытов было всего ничего: мальчишку, которого похитили его специально обученные люди, и дочь академика Легасова, Алина. Парень не выжил, они вкололи ему большую дозу слаборадиоактивного урана. Когда пропажа обнаружилась, то подумали, что это рук дело очередного маньяка. А дочку он привел примерно через год после смерти мальчика. И... в общем-то... процедура была та же, но они заметно снизили дозу и вкалывали ее помаленьку. Девочка целый год мучилась от невыносимой боли, а когда умерла, ее сбросили в первую же попавшуюся яму. На месте четвертого блока был

котлован под реактор, вот именно туда ее и сбросили. Но девочка каким-то чудом выжила. Скорее всего, это из-за нее произошел тот злополучный пожар. Девочка сейчас там же, в Чернобыле. Мой муж, востребованный физик-ядерщик, мне об этом поведал. Он был здесь, в Москве, после похорон Легасова.

— На самом деле ты права. Узел веревки был каким-то странным... альпинистским. Мы даже веревку не сразу смогли перерезать. Наверяд ли Валерий занимался чем-то подобным. Делаем вывод: это лишь маскировка под самоубийство. И, если я правильно тебя понял, то этот самый Долгожитель решил устранить своего бывшего коллегу...

— Когда я оказалась в лаборатории, там не было ни единого человека. Был только сам Долгожитель...

— Куда ты клонишь?

— Он мог убрать всех своих сотрудников, чтобы те ничего никому не рассказывали. Вообще-то он, этот Долгожитель, показался мне сплошным дегенератом, который не понимает, что он творит. Читать он не умеет, писать тоже. Я это со слов Валерия знаю. С ним вечно находился его личный секретарь. Подписи ставил, даты указывал. А девочка... ну, с учетом того, что о мертвых либо хорошо, либо ничего, но она при живых родителях оказалась сиротой. Мама от нее отказалась, а Валерий... возможно, было несколько встреч, но мне говорить о нем плохие вещи не хочется, он достойный человек, но как отец он... — Мила вздохнула и решила не продолжать начатую мысль.

Следователь кивнул, прикуривая сигарету.

— Все ясно. — Он выдохнул табачный дым и снова затянулся. — Получается, что именно эта девочка виновата в произошедшем.

— У девочки был летаргический сон, поэтому она осталась жива. Его легко спутать со смертью, у них состояния практически одинаковые. Ты ведь помнишь подобные случаи, верно? Даже врачи до сих пор не могут найти этому причину. Людей хоронят якобы умерших, а оказывается, они все еще живы. И несчастные задохнулись в собственных гробах, так как кислород в замкнутом пространстве отсутствует.

— Интересная версия. — Следователь потянулся за телефоном и быстро набрал нужный номер. — Я перенаправлю тебя в прокуратуру. Они давно облизываются, желая заполучить это дельце. Ты расскажешь им все, что сказала мне сегодня. А с девочкой мы вот как поступим...

...— Они отправили вас, чтобы поставить маленькую мерзавку на место. И заодно рассветать обстановку в селах и городах. Мне кажется, в Припяти живут сбежавшие из тюрьмы заключенные. Найти их в огромном заброшенном месте очень сложно, поэтому рассчитываем на ваше чутье.

— Так и говорите, нас прислали для несения очень опасной миссии.

— Это какой же?

— Дело ведь не столько в реакторе, сколько в маленькой девочке?

— Это она устроила очередной пожар!

— А почему помещения открыты? Здесь нельзя ходить кому попало!

— Да-а... ремонт же...

— Закройте все помещения на замок, даже разрушенный блок! Найдите девочку, а после мы поговорим, что будет дальше!

...— Так вот ты где! — от резкого восклицания девочка подпрыгнула. Фыркнула и вернулась на свое место. — Ты ничего не хочешь нам рассказать, а?

Мальшка недоуменно захлопала длинными ресницами.

— С этого момента мы, — Саша кивнул на небольшую группу молодых лейтенантов в закрытой форме, — будем присматривать за тобой, дабы чего еще не вышло. Скоро мы найдем твоих обидчиков и отправим домой. У тебя же есть дом?

Девочка отрицательно покрутила головой.

— Она здесь с момента аварии, — к Саше бесшумно подошел один из работников станции, — и она не разговаривает, видимо, немая.

— Ничего. Мы ее научим!

Девчушка фыркнула себе под нос и отошла от компании мужчин с автоматами.

— У нее есть какие-то необычные силы, — шепнули Саше в ухо удивленные работники. — Говорят, она способна вырабатывать статическое электричество. С таким мы еще не сталкивались...

— А мы сейчас и проверим.

Саша подошел к девочке, сидящей на холодном бетонном полу:

— Если и правда у тебя есть некие силы, то мне нужно знать, к чему они могут привести. Не нужно ставить во второй раз планету под удар. — Он обернулся и показал пальцем на неработающую панель. — Заставь ее заработать. Ты же совсем недавно делала это, верно?

Хмыкнув, девочка, пристально взглядываясь в небольшую компанию у дверей блочного щита, неохотно

подошла к панели. Она подняла руки, сложила их в молитве и тут же резко разомкнула ладони. Среди пальцев свергали мелкие искорки, медленно превращаясь в длинные и свирепые молнии. Малышка распростерла пальцы над мелкими кнопочками, слегка светящимися приборами, и, стоило ей прикрыть веки, как свет внезапно погас, погружая помещение в непроглядную темноту. Секунда-две, и вместе с верхним светом вернулось и электричество. По панели пробежала легкая искринка, а потом исчезла, блеснув на прощание.

Девочка недовольно поджала губы.

Очередной розыгрыш не удался.

— И что теперь, дорогой наш новый начальник?

— Попридержи язык! Я здесь когда-то работал, пока авария не произошла.

Алина какое-то время слушала перепалку двух крепких мужчин. Воспользовавшись ситуацией, она потихонечку вышла из блочного щита, стараясь не задеть плечом громадную дверь. Вытянув руки по разные стороны, она встала на носочки и прикрыла веки, наслаждаясь прикосновениями мрака. Именно с него начиналось передвижение вне пространства — какая разница, день или ночь, но темная сторона все равно защитит. Правда, неизвестно, какой ценой.

...Первым пунктом для совершения идеальнейшей мести оказался заброшенный город Припять.

Недалеко от Москвы

...Ей еще никогда не было так плохо, как сейчас. Жизнь и без этого казалась невыносимой. Пробыть в лаборатории несколько месяцев, потом бежать оттуда и идти пешком по трассе, превращая голые ступни в кровавое месиво.

Дальнобойщик привез ее в ближайший от деревни город. Остановился, выпустил нежданную спутницу, и уехал, громко хлопнув дверцей.

Она долго смотрела вслед загруженным до невозможности фурам и пошла дальше — куда глаза глядят.

До ближайшего магазина оставалось всего ничего. Губы уже пересохли, покрываясь корочкой. Ступни покраснели и болели. Один раз она оступилась и наступила на кусок стекла. Острый край порезал ногу до крови, и пришлось идти дальше, прыгая на одной ноге. Когда боль стала самым настоящим кошмаром рухнула на зеленый газон и впервые в жизни разревелась. Ей не удалось помочь самой себе, поэтому смотрела на темно-алую кровь, капающие на мелкие травинки.

Пальто уже достаточно намокло и лишь мешала свободному движению. Хотелось согнуть его, бросить посреди дороги и идти дальше, но бороздить любимые родные места нагишом сомнительное удовольствие. Вокруг полно мужчин. Кто же знает, что придет им на ум, когда они увидят голую девушку...

В салоне, заставленном шкапами и вешалками, на которых висела дорогая одежда: платья, юбки, топы, майки и прочие вещи. Она потопталась у дверей магазина, не решаясь войти внутрь. Народу много, немногие поймут, почему в жаркий летний зной маленькая хрупкая девушка шеголяет в пальто, под которым ничего нет.

В голове уже появился план: она сможет проникнуть внутрь помещения с помощью своих способностей. По волосам пролетели мелкие молнии и искорки, создавая своеобразный нимб над головой. Осталось только щелкнуть пальцами, почувствовать, как открывается запретный портал с переходом на ту сторону и шагнуть в темноту. Краски сразу станут серыми, цветного отныне здесь не существует — словно старая пленка, коих не раз видела в той жуткой лаборатории.

Всполохи мрака полностью поглотили ее. Стоило распахнуть веки, как картинка поредела, превратилась в россыпь помех. В этом мрачном коконе можно расслышать каждое слово, распознать, кто друг или враг.

Или просто пройти мимо, незамеченной.

Она вытянула руки вперед, слегка касаясь тыльной стороной ладони разгоряченной поверхности. Дверь поддалась, Пальто осталось на земле. Горячие ступни касались прохладной плитки, коей было усеяны все ступеньки, ведущие в магазин. Еще одни дверцы распахнулись словно по мановению палочки.

На нее обрушился шум работающих вентиляторов, крики продавцов и покупателей, плач маленьких детей, просящих купить им игрушку. Она нерешительно остановилась и обвела взглядом небольшую компанию, которую молодая женщина вела за собой. Они прошли мимо нее. Мысли о несправедливости не давали ей покоя и в Чернобыле. Эти дети еще слишком молодые, чтобы познать всю боль взрослой жизни. У них наверняка счастливое детство. Любящие родители, заботливые родственники.

Ее мать ни разу не приходила к ней в детдом. Она проторчала там всего год, пока не явился тот темноволосый мужчина, представившийся ей ее дядей. Ребенок попадает в сети опасных взрослых, мечтая о банальной любви, заботе и просто о хорошем отношении. Мама была холодна к родной дочери. Может, из-за ухода папы, а может, у нее отсутствовал банальный материнский инстинкт.

Она бросилась к стеклянной двери и, осторожно высунувшись, проводила детей и молодую женщину завистливым взглядом. Чем дальше они исчезали, тем больше слез скатывались по щеке. Ей хотелось смотреть на это бесконечно, пытаясь успокоить свою душу, умалять себя в том, что она не в праве все изменить. Есть вещи, которые нельзя побороть. Смирение — лучшее лекарство.

Ей пришлось отойти от зеркальной стены и уйти, не произнеся ни слова.

“Я хочу умереть...”

На втором этаже было не таклюдно. Она пробралась между двумя вешалками с платьями в дорогих обертках. Заметила отдел спортивной одежды и побежала туда, хватая первые попавшиеся вещи.

Ей хотелось устроить разгром как в старые добрые времена. Но потом передумала. Она же хочет порвать со своим прошлым. Да и взрослому человеку не подобает заниматься такими вещами.

Она переоделась и вышла из магазина. Вряд ли кто-то заметит пропажу нескольких вещей. А даже если заметят, не найдут.

В лицо ударил прохладный ветер. После знойной жары хотелось легкого бриза с капельками дождя. Над городом возвышались крыши панельных домов, небоскребы утопали в грозовых облаках. Солнце спряталось за пуховой периной, обещая вернуться и вновь дарить людям свое тепло.

Куда дальше идти она не знала. Все вокруг такое незнакомое, удивительное и прекрасное. Даже в Чернобыле такого не было.

“А может стоит вернуться туда?”

“Плохая затея. Тебя там же и нашли...”

— Тебя отправят в специальное место. Там тебя обучат всему необходимому. Властям очень сильно понравились твои способности. Любая страна, Германия, Лондон, Америка, не важно, все хотят познать твои умения. Они готовы заплатить кучу денег, только чтобы с помощью тебя уничтожить вражескую страну. Сейчас стало особенно тяжело, возможно, будет война. Я не знаю, как остальным, но мне неохота, чтобы ты там участвовала. Все может обернуться трагедией.

— Моей смертью?

— И остальных тоже.

Она промолчала.

— А я могу там погибнуть?

— Конечно!

— Мне все равно, что будет со мной. Мне надоела такая жизнь. Мой отец и моя мать испортили мне жизнь... и я себя испортила тоже. Мне надоели эти способности, я готова отдать их, лишь бы жить было спокойнее. Нормальнее. Начать все с чистого листа и забыть обо всем, чтобы раньше. Все равно ничего не исправить.

— У меня плохие новости, товарищи-собратья по несчастью. — В кабинет вошел новый директор станции, назначенный после аварии. — Нам приказали сворачивать удочки. Министерство по защите окружающей среды требует немедленной остановки ЧАЭС. Мне пришлось рассказать им, что случилось. Они не хотят больше ничем рисковать. Но и попытаться разобраться тоже не хотят. Им плевать, отключайте и все.

— И сколько у нас времени?

— А сколько нужно?

— Ты же понимаешь, это громадное здание не просто разобрать...

— Остановка. Остановка всех трех энергоблоков. А дальше видно будет.

— И когда нам этого ждать?

Мужчина лишь пожал плечами.

— Сверху скажут. Они мне сегодня доложили о бунте в Германии. Мировое сообщество требует закрыть все атомные станции, разобрать их по кирпичику и больше никогда не строить. Чернобыль устроил настоящий переполох. Люди боятся, они не хотят ничего слышать о мирном атоме и его использовании. Они напуганы последними событиями. От последствий аварии страдают дети, они умирают, как и взрослые. Я не хочу никого судить, но наша власть — прошлая, то бишь — больше думали о своей репутации, чем о здоровье простых людей.

— Значит, люди перестали доверять мирному атому...

— Я тоже его противник. Как оказалось — не зря.

Марина вернулась домой поздно ночью, прикрыла входную дверь и сползла по стенке на холодный пол. Уткнулась носом в обнаженные колени — подол платья задрался, демонстрируя стройные ноги. Какое-то время она прислушивалась к тишине, а потом начала громко смеяться. Звонкий смех разбил гробовую тишину. Сумочка полетела в одну сторону, сандалии в другую.

Лето выдалось жарким. Нет ни единого намека на облако. Солнце распалось со всей силы, обжигая кожу прохожих, щеголявших в купальниках по городу. Марину жара не смущала — занятая своими мыслями она бегала по городу, заглядывала в кабинеты нужных людей, получала “нет!” и снова уходила ни с чем. Она убрала руки с лица и, приложив силы, оперлась на стену, рядом с которой находилась ванная. У нее не было желания отдохнуть, набрать пены в воду и заснуть, желательно до утра.

— Так что же, вы не найдете моих детей?! Я очень сильно волнуюсь, место себе не нахожу! Прошло уже целых пять лет, я не знаю, что с ними, как они живут! Наконец-то найти своего мужа, который наврал моим детям, что я погибла в Чернобыле! Вы и это считаете справедливым?

Милиционеры только и делали, что разводили руками.:

— Мы пока рассматриваем ваше заявление. Как только что-то прояснится, мы сразу же вам сообщим.

“Мне нужно самой разобраться, в чем дело...”

Прошло уже пять лет с той поры, когда они, молодые и красивые шли на схватку с радиацией. Она многих погубила. Марина почувствовала мурашки на гладкой коже, когда воспоминания появлялись одно за другим: молодые ребята, почти такие же, как она, вернувшись домой, остались ни с чем. Некоторых даже на порог не подпускали, оставляя ночевать на холоде, одинокой зимней ночью.

...— Мой муж рассказывал мне об одном инциденте, который произошел у него в штабе. Один из новоприбывших, молоденький солдат, внезапно умер. Остановка сердце. Так в справке о смерти написано. Несчастный случай. Сердце не выдержало. И такого, как было в Чернобыле, везде и вокруг. Новоприбывшие убывают в гробу, а старшие схватывают максимальную дозу и начинают болеть еще сильнее.

— Но мы же знали, на что подписываемся. Кто теперь виноват-то?

Марина вытащила зажигалку, щелкнула ею пару раз и поднесла маленький огонек к сигарете.

— Вот именно — никто!

— Зато нас щедро поблагодарят...

— Ты здесь из-за денег?!

Марина покрутила головой:

— Нет. Я же солдат, выполняю свою работу. Просто нас каждый день соблазняют деньгами. А разве они способны исправить то, что разрушила эта станция, принеся с собой беды и несчастья?

— Но не все же так потеряно...

...Марина выплыла из своих воспоминаний. Она прошла на кухню, налила в обычный железный, разрисованный своеобразными узорами, чайник и повернула кнопку в левую сторону. Спираль нехотя отреагировала, затем начала нагреваться. В холодильнике царила идеальная пустота.

Видимо, Паша вынес все, что бабушка завещала ей и ее двум детям. Хорошо, что хоть дом остался на месте. Он находился в деревне, в нескольких километрах от Харькова. Пришлось ехать длинными путями, проезжая мимо заполненных людьми улиц. Марина взмокла, ей хотелось раздеться и упасть на постель, чувствуя, как приятная прохлада остывает разгоряченную от жары кожу.

— Отдыхаешь?

Марина резко распахнула веки. Перед ней стояла высокая девица с длинными черными волосами с переливающимися на солнце прядями. Незнакомка щеголяла раздетая, были прикрыты лишь самые интимные места. Она отошла подальше от Марины и провела рукой по столу, будто собирает хлебные крошки в ладонь.

— Кто ты...?

Глаза цвета мартовского неба засияли. На бледном лице появилась кривая усмешка.

— Я вполне обычный человек. — Незнакомка демонстративно сложила руки на груди. — Вот только принимать меня не хотят. Что я им такого сделала? Я всего лишь одна из них, не более.

Марина поморщилась и, отвернувшись, прихватив тряпку, перенесла свистящий чайник на небольшой столик рядом с мебельным гарнитуром.

— И что ты хочешь от меня? — она уже смирилась с приходом сумасшедшей девицы. Ее волновали совсем другие заботы.

— Я хочу заключить с тобой сделку.

— Не поняла...

— Я в курсе твоих проблем, — незнакомка начала медленно подходить к Марине, сверля ее взглядом. Среди пронзительной синевы блестели огоньки злорадства, — ты ведь ищешь своих детей, да? Ни милиция, ни государство тебе не помогли. Твой муж обставил все так, как будто тебя больше нет. — Девушка щелкнула пальцами. — Исчезла, растворилась! А я знаю, где твои дети, поэтому я хочу заключить с тобой сделку. Ты победишь меня, а я отдам твоих детей. Ну, что скажешь?

Марина молча вытерла кухонный стол, слегка задев плечом незваную гостью. В голове крутились разные мысли. Лишь один вопрос ее мучил: как эта девушка нашла ее дом, что она здесь делает — паранормальные байки мало кого интересуют — и кто она вообще такая. Марина отбросила мокрую тряпку и в очередной раз повернулась к незнакомке. Та терпеливо ожидала ответа, поджимая губы.

— Единственный вопрос, — Марина выдержала настоящую драматическую паузу, — даже два. Во-первых, я тебя толком не знаю — кто ты, что ты и зачем вообще пришла в мой дом. А во-вторых... если я соглашусь, то где гарантия, что ты меня не обведешь вокруг пальца? Кто знает, какие тараканы у тебя в голове.

— Ты самый сильный человек. Мне как раз такой и нужен. Я хочу расшевелить человечество, заставить его страдать, как я страдала. Глаз за глаз, зуб за зуб, все по-честному. Но и у тебя есть в этом заинтересованность: твои дети. Я же говорю, обычные люди тут вряд ли помогут. Они самые ленивые существа из всех, кого я видела. Каждый трясется о своей шкуре. И я бы не пришла к тебе домой, чтобы наврать. Я тебе, как самый честный член этого общества, предлагаю заключить со мной сделку, в конце которой ты получишь своих детей.

Меня все называют Кошмаром. Я то создание, что приносит смерть невинным людям. Чтобы не умереть, мне приходится писаться чужим негативом — страх, отчаяние, уныние и боль. Столько людей погибло только чтобы я сама не умерла. Ты думаешь, что это приносит мне удовольствие, истинное наслаждение, как секс? Нет. Я устала, но отказаться от подобного не могу. Ты можешь мне не верить, твое право. У тебя есть два выбора: либо согласиться, либо отказаться. В случае последнего ты никогда не отыщешь своих детей.

Я больше не хочу страдать, но и остановиться не могу.

Марина внимательно выслушала девушку и сложила руки на груди:

— А я ведь тебя помню. Еще тогда, в Чернобыле, ты не давала мне покоя, да и другим людям тоже. Мы вынуждены были ходить с автоматами, лишь бы на нас никто не накинулся. А теперь ты находишь меня здесь, в Харькове. Неужели ты решила стать хорошей девочкой и слушаться старших?

Кошмар осмотрелась, а потом снова вонзила взгляд в нахмуренную девушку.

— Ничего подобного. Ты остановила радиацию, значит, остановишь и меня. И не забывай — дети. Они наверняка скучают по своей маме, даже если она официально мертва. В твоих глазах отчаяние. Ты унываешь из-за неудач. Твое тело начнет страдать так же, как и душа. Неужели тебе не хочется облегчить свою душу, перестать терзаться и пожить, наконец-то, счастливой жизнью?

...Не прошло и полгода со дня возвращения в родные места, Марина с каждым днем чувствовала себя все хуже и хуже: голос внезапно сел, из-за чего ей приходилось разговаривать шепотом, постоянное першение в горле, боль в шее и горле — как раскаленное железо — и сухой кашель. Марина подумала, что простыла, хотя уличный градусник показывал плюс тридцать. Чем дальше, тем хуже становилось собственное самочувствие. Не выдержав, она переделась и, прихватив сумочку с документами, направилась к ближайшей остановке.

Про радиологическое отделение она знала давно, еще с тех времен, когда ее вместе с остальными сослуживцами отправили спасать планету от последствий крупной техногенной катастрофы. Возвращающиеся из Чернобыля через месяц оказывались в больничной койке, под наблюдением строгой заведующей с мелкими кудряшками и бледно-голубом халате.

Когда белая машина с желтой “шапочкой” на крыше притормозила, Марина дернула за ручку и вышла из автомобиля, громко хлопнув дверцей. Поправила съехавшую юбку, сняла кардиган, повесила его на руку и пошла в сторону Красной площади. Поезд из Харькова до Москвы отправился ранним утром. Предстояло провести тринадцать часов в купе, в полном одиночестве. За окном пролетали деревья, сосны и брошенные разбитые домики.

Ей любезно принесли чай. Пришлось заплатить, чтобы к ней никого не подсадили. Повернувшись к окну, она всмотрелась в свое отражение, примечая грустные глаза и тусклый цвет волос, ее руки в сплошных розовых пятнах, да и в целом болезненный вид. Марина не заметила, как впала в отчаяние. Милиционеры не смогли обнаружить ее детей, а потом и вовсе махнули на это рукой.

“Нужно договариваться с мужем. Вы с ним как-нибудь свяжитесь, может, он скажет, где находятся ваши дети”

А тут еще и здоровье!

Эти тринадцать часов пролетели как одна минута. Марина не смогла заснуть, переворачиваясь с боку на бок. Стук колес действовал успокаивающе, но стоило лишь прикрыть веки, как перед глазами появлялась тщедушная картинка из недавнего прошлого. Зачем, спрашивается, она туда поехала? Неужто ли они сами бы не смогли во

всем разобраться?

“Долг зовет...”

Бабушка умерла, не дожив до возвращения внучки. Муж уехал, забрал детей и не оставил ни одной записки, в которой бы он объяснил свое поведение. На заднем дворике Марина нашла ключ, отперла им дверь и вошла внутрь, вдохнув воздуха, полного грязи и пыли. Нашупав выключатель, она включила верхний свет. Лучше на время остаться здесь, пока все не наладится.

Марина не могла поверить своим глазам: у стен Кремля разбился серый палаточный городок. Возле гостиницы “России” народу было ничуть не меньше — люди заполонили вход и выход, кричали, размахивали руками и грозились поджечь здание, если их немедленно не впустят. Стоял шум и гам, поэтому Марине пришлось ретироваться с площади в сторону автобусной остановки.

Дорога до шестой больницы не составила никакого труда. Марина вспомнила, каким взглядом сопровождали сидящие в автобусе люди, заметив странную нашивку на рукаве армейской куртки. На нем был застегнут подаренный значок в качестве заслуги перед Отечеством. Уже будучи дома, Марина, оставшись наедине со своими мыслями и горькими слезами, ревела, не стесняясь никого, даже саму себя. Вокруг царила невыносимая пустота. Все, что было нажито нечеловеческим трудом, кануло в лету.

Она разбросала все свои старые вещи, разорвала голыми руками, прошлась по ним ногами и, выбросив ножницы, горько разрыдалась.

“Зачем я туда поехала?!”

На первом этаже здания сидели обычные люди. Марина позавидовала им — у них нет таких проблем, как у нее самой. Присела на деревянную лавочку. Горло не переставало першить, причиняя адский дискомфорт. Через пару минут она вскочила и принялась расхаживать по коридору, в тщетных попытках унять боль.

Через час ее позвали наверх.

...Она открыла глаза и пустым взором уставилась на потолок. Царила гробовая тишина. За плотным стеклом не раздавалось ни звука. Марина перевернулась на бок и заметила яркие, алые, сочные бутоны, свисающие над потертой поверхностью тумбочки. Лепестки роз усеяли пол. Судя по засохшим краям, цветы стояли в палате уже давно. Кто-то принес их сюда, пока она пребывала без сознания. Опершись локтем в пуховую перину, Марина осмотрелась. В небольшой комнате никого, кроме нее, не было. Соседняя постель зияла своей чистотой и аккуратностью.

— С возвращением! — Марина вздрогнула и, обернувшись, заметила Сергея, того самого командира радиационного взвода, что был все то время с ней в Чернобыле.

Она нахмурилась и пристально всмотрелась в незваного гостя.

— Вы мне не рады? — как всегда, он отреагировал в шутливой форме.

— Что я здесь делаю? Что случилось? Почему я в палате, а не у себя дома? — ее голос заметно охрип и сел.

— Тебя перенесли сюда, когда ты хлопнулась в обморок. Вот уж не думал, что у тебя такая нежная психика. А вела ты себя как, помнишь? Боевая подруга — и в обмороке!..

— Мне не до шуток. — Марина фыркнула и, отвернувшись, прилегла на живот.

— Что случилось-то у тебя?

— Мои дети... они пропали! Их уже который год не могут найти!..

— А муж что?

— Он исчез вместе с ними!

— А бабуля что?

— Умерла, пока я торчала в Чернобыле.

Тут она резко присела, поджав под себя ноги:

— Вот ты мне скажи, — обращаясь к Сергею, — за что нам это все? Какого хрена мы торчали там, рисковали своими жизнями, чтобы с нами так, как с нелюдьми — попользоваться и выбросить? Мы же теперь кто? Прокаженные! Заразные! А мы их всех спасали! И что теперь? Одиночество?!

Сергея смотрел на нее словно на обезумевшую.

— О-о-ох! Ну тебя!.. — Марина выругалась себе под нос и рухнула на постель, впившись взглядом в потолок. — Я так и думала, ни черта ты не поймешь...

— Почему же? Пойму. — Мужчина подошел к небольшому столику, налил кипятка в небольшую кружку и протянул ее Марине. — У самого было такое состояние. Мама меня всего затюкала, боялась за внучку, а по факту я спас и ее, и дочку от смертельной угрозы. — Он устроился на стуле и оперся спиной об стенку. — Я бы не поехал туда, если бы не присяга. У нас с тобой не было другого выхода. Да и кто знал, что твой муж так отреагирует? Сопляк он, а не мужик.

— Ты бы тоже бросил свою бабу, если бы узнал, где ей довелось побывать!..

— Она меня и так бросила, еще до всей этой чертовщины. — Сергей пожал плечами. — Нашла другого. С

мною общего языка не нашла, так что... Ладно. — Он поболтал остатки чая на доньшке кружки и, осушив ее, вернул на место, на тумбочку, что стояла рядом.

— У меня рак щитовидки, — помолчав немного, произнесла Марина.

— Поздравляю.

— Я смирилась с этим. Жить все равно не имеет смысла. Моих детей нет, так что...

— Пойдешь на кладбище? Отвратительная затея, я тебе скажу.

— А что мне еще делать?! Жить с мыслью, что моих детей, возможно, воспитывает другая тетка?

Сергей пожал плечами:

— Искать своих детей дальше, вот и все.

— Как?!

— Своими силами. Раз уж милиция не помогла...

Марина прищурилась:

— А ты чего здесь делаешь? Пришел старую подругу навестить?

— А ты против?

Она фыркнула, отвернулась и спустя время ответила:

— Нет, не против.

— Твой муж все равно к тебе не придет. А помнишь, как ты его защищала, а? “Он у меня не такой!” А в итоге что? Ты здесь, а он где-то далеко, в другой галактике...

— Прямо уж, в другой галактике!..

— Тебе назначили операцию. Опухоль вырежут, будешь жить как ни в чем не бывало.

— Только ради чего, ради чего?!

— Ради себя.

— Мне нужны мои дети!

— Ищи. Сама ищи.

...Марина подняла глаза и посмотрела на девушку с длинными темными волосами, на лице которой играла усмешка:

— Ты столько прошла, чтобы отыскать правду. Неужели ты готова сдать, потому что силы человеческие оказались неравны? Я предлагаю тебе сделку: ты победишь меня как победила когда-то радиацию, а взамен получишь своих детей. Я дам тебе адрес, где они находятся. Все честно.

— А где гарантии, что ты меня не проведешь?

— В первую очередь, это нужно мне самой. Что? — в пронзительно-синих глазах заиграли огоньки удивления, натолкнувшись на недоумение. — Ты ожидала услышать другое? Я всегда думала, думаю и буду думать только о себе. Человек способен выжить только в одиночку. То, что я увидела, — Кошмар, склонившись, сложила молитвенно руки и прошла сквозь пелены тумана у своих ног, из-за которого показались изможденные от непосильной нагрузки люди в армейской форме, — тогда, летом восемьдесят шестого, является редким исключением. Если бы люди могли бежать на другие планеты, они бы это сделали. Но Земля, она одна, среди неживых планет, она одна, где человек каждый день гадит самому себе, ставит самого себя в опасное положение, отдает почести богу и живет как в последний раз.

Но давай не будем затягивать неизбежное. То, что произошло тогда, несколько лет назад, было наказанием вам, людям, за самоуверенность и самолюбие. Каждый ответит по делам своим. У каждого свой грех, который он хранит под семью замками, чтобы никто не увидел, никто о нем не узнал. — Кошмар взмахнула рукой, и небольшая комната погрузилась в темноту. Мрак полностью заполнил собою помещение, закрывая углы и мелкие детали и заставляя глаза привыкнуть. Марина прищурилась, пытаясь высмотреть тонкую девичью фигуру в обтягивающем купальнике и с длинными, цвета воронова крыла, волосами. — Отыщи выход. Найди того, кто нуждается в тебе больше всего. И запомни: ты должна меня победить... честным путем, пусть я сильнее и хитрее любого в сто раз. Мне нужны чужие страдания, без них я умру.

И голос, кажущийся со стороны незнакомым и одновременно притягательным, исчез, растворился среди мрачной пелены. Раздался тихий, на самой грани восприятия, всплеск, и каблук полностью скрылся под водой. Брючины намокли, оставляя серый и неприятный на ощупь след. Марина осторожно двинулась вперед, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к посторонним звукам, раздающимся то тут, то там, заставляя вздрагивать и останавливаться.

“Что я должна сделать?”

Темнота пугала. Сквозь мрачный коридор пронесся чей-то пронзительный визг, а затем — все стихло. Хлюпала вода под ногами. Обостренный слух поймал едва доносящийся шум прибоя. Во тьме было сложно ориентироваться, но со временем глаза привыкли. Инстинкт самосохранения отошел на задний план, когда бояться невиданных существ, прячущихся во мраке, стало глупо. Стук сердца заглушал, не давал прислушиваться, от него

болела голова, хотелось кричать, зажимать уши руками и бежать, бежать, искать спасительный свет в конце тоннеля.

— Я знаю, ты ищешь своих детей. Ты потратила не один год своей жизни, пытаясь отыскать их. Ты — мать, которая заботится и любит своих детей, какими бы они не были. Плохие, больные, маленькие, беспомощные, у тебя есть те чувства, которых у большинства отсутствуют ввиду их образа жизни. Знаешь ли ты, что чувствуешь ребенок, когда видит отсутствие любви в глазах матери? Насколько беспомощно чувствует себя дитя, когда от него отрекается его мать? Сколько боли и обиды чувствует ребенок, брошенный собственными родителями?

Марина промолчала, продолжая идти вперед. Она ускорила шаг, пытаясь во тьме отыскать выход, лишь изредка прислушиваясь к раскату чьего-то голоса, продолжающего твердить:

— Я плачу. Я сидела во тьме и плакала беспрестанно. Я умоляла бога о спасении, я хотела умереть, дабы не чувствовать той боли, которая сковывала все мое тело. Эти два года казались целой вечностью. А оно работало над моей головой, оно готово было раздавить меня, превратить мои хрупкие кости в фарш, и это было мучительно...

— Что ты от меня хочешь?! — не выдержала Марина.

— Чтобы ты почувствовала то же, что и я! Я хочу быть побежденной, хочу вернуться в свое лоно и больше никогда его не покидать!

Когда в конце коридора открылась таинственная дверь, заливая тьму ярким и одновременно мягким светом, Марина, ни на секунду не раздумывая, бросилась вперед. Она выпрыгнула из темноты и судорожно заозиралась, осматривая круглые, полупустые, столики, барную стойку, залитую солнечными лучами, приоткрытую стеклянную дверь и нескольких людей, бредущих куда-то.

Взгляд упал на одиноко сидящего мужчину, глушащего виски.

Марина разглядела в нем своего знакомого и охнула.

Когда Андрей появился на очередной дискотеке, то ни на что не надеялся.

Он курил одну сигарету за другой, всматривался в полосу горизонта, заливающуюся темнотой, и уходил, глубоко подвыпивший.

Это было начало зимы, суровой, холодной, настолько студенной, что пар изо рта превращался в сосульки. Конец года отпраздновали скромно. Знакомые, живущие по соседству, принесли водки, и он, вместе с родителями, напился до поросычьего визга: помнил только кровать с сияющим от чистоты постельным бельем и одеяло, холодное и колючее. Кое-как завернулся и уснул, погрузившись в спячку. Андрей спал несколько суток, а когда проснулся, увидел изумленный взгляд отца и слезы матери, которая в своих мыслях его уже похоронила.

— Андрей, ты еще молодой, может быть, ты найдешь себе девочку, а? — в который раз взмолилась мать, молитвенно сложив руки перед сыном. — Неужто до самой смерти будешь ходить бобылем, а?

— Мать, да кто меня теперь такого возьмет-то, а?! Немедленно прекращай эти свои разговоры, иначе я уйду из дома!

А сам — молчок. На душе словно апрельский ураган прошел, не оставив после себя ничего, выжженную пустыню. А на улице уже сирень цвела, сугробы давно ушли, зелененькая травка, мягкая, под ногами, яркое, почти летнее, солнышко. Андрей вытащил из кармана куртки начатую пачку сигарет без фильтра и закурил, обратившись пустым взглядом перед собой.

Дело происходило ранним февральским утром. Туда, куда он пришел вместе со своим старым другом, находилось несколько человек, среди которых были совсем молодые девушки. На вид им лет восемнадцать, все еще учащиеся из местной школы. Они, несмотря на свой юный возраст, засматривались на парней постарше. Андрей пребывал в своей обычной компании — вернувшись из Чернобыля поздним ноябрьским вечером, первым делом направился к бывлым друзьям и предался дьявольскому соблазну: выпивке. Этим двадцати шести летний парень частенько увлекался после своего возвращения.

Среди заметно подвыпивших юношей промелькнула соблазнительная блондинка, с длинной, аккуратно заплетенной, косой. На ней была расстегнута наполовину просвечивающаяся кофточка с ярко-нарисованными цветами. Края юбки шли волнами, стоило молодой проворной девице пуститься в пляс. Огромный бант сиял от бледных зимних лучей солнца. Внутри деревянной избушки, местного Дома Культуры, было тепло и даже жарко — от сильно растопленной печи шел настоящий, почти что летний, жар.

— Отдыхаешь? — Андрею настолько понравилась девчонка, что он, позабыв о давних комплексах, первый подошел знакомиться. — Ты тут одна? Или с другом?

Она остановилась и пронзила его взглядом ясных голубых глаз:

— Одна, а что? Хочешь познакомиться?

— А почему бы и нет? Девчонка ты видная, а я молодой и холостой...

— Ты из Чернобыля.

Андрей переспросил, не веря своим ушам:

— Что?..

— Ты чернобыльский. Я тебя боюсь.

— А причем тут вообще это?! — к своему удивлению он вышел из себя. — Я такой же человек, как и все, причем тут Чернобыль?!

— На тебе радиация. А я боюсь радиации. — Он было подошел к ней, но девушка повысила голос: — Не подходи! Я буду кричать.

— Бред какой-то!..

Он выбросил недокуренную сигарету и ушел с дискотеки ни с чем.

...Андрей начал встречаться с ней, будучи одиноким тридцатилетним мужчиной. Она сама пошла ему навстречу — обычная девушка, выглядевшая на пару лет младше него. Розоватые щеки, алые губы, складывающиеся бантиком, развевающиеся кудрявые волосы — ей нравилось делать прически по типу “взрыва на макаронной фабрике”. Щеголяла в джинсовой куртке с блестящими кнопками-пуговицами, мини-юбке, едва закрывающей острые колени, в жутких розовых лосинах, а иногда ей шло обычное льняное платье с крупными красными макаками, простенькие белые балетки и платок, срывающийся от сильного порыва ветра.

Они встретились обычным июньским днем. На улице уже с утра толпились люди наперевес с авоськами, в которых таскали пустые литровые бутылки из-под кефира. Рядом с домом, где Андрей проживал после смерти родителей — прошло шесть лет с того дня, как он вернулся из опасной командировки домой, — находилась небольшая лавка, продающая, в основном, спиртные напитки. В стране — сухой закон, водка и прочий алкоголь

под строгим запретом, но Андрей привык просыпаться под гул и громкие крики, ссоры и скандалы, иногда — под оглушающий звон милицейской сирены или визги колес карет “Скорой помощи”, что увозили желающих как можно скорее выпить. Редко когда подобное заканчивалось трагически.

Она тоже была любительницей выпить, и, однажды, стоя в подобной очереди, заметила его в окне второго этажа, задрала голову. Помахала рукой, широко улыбаясь. Рукав джинсовой куртки неловко задрался, оголяя тонкий локоть и запястье со старыми наручными часами. Бутылки издали жалобный звон. Она поправила съехавшую с предплечья авоську и, без приглашения, вошла в открытый настежь подъезд. Постучала в обитую толстой тканью дверь и наигранно опустила глаза, беспрестанно жуя жвачку и делая губки бантиком:

— Пустишь? Мне так скучно стоять в этой очереди...

— У меня совсем нет выпивки...

— Да брось! Твое покрасневшее лицо можно заметить издали. Так что, пустишь? — она состроила милую мордочку с округлившимися черными, как ночь, зрачками. Небесно-голубого цвета глаза засияли от счастья, когда дверь широко раскрылась, пропуская внутрь.

Она прошла в квартиру, виляя бедрами, закрытыми джинсовыми велосипедками, брючины которых доходили до икр. Легкие белые кеды, что уже были замараны утренней грязью, полетели куда-то в сторону. Глаза зацепились за тонкие стопы, настолько белоснежные, что своим видом напоминали детские ножки. На бледном от легкого мороза лице засияла довольная улыбка. Она села за стол, убрав авоську, положила локти на столешницу и придвинулась к Андрею, выпалив:

— Меня с самого утра мучает жажда. Не заставит ли вас труда налить бедной девушке сто грамм щадящей сладкой водочки, тем более, что я вижу, она у вас имеется...

Андрей улыбнулся, и, доставая белоснежную двухлитровую бутылку водки, тут же водрузил ее на стол. Белые тонкие руки тут же перехватили горлышко, длинные пальцы крепко обхватили пробку и в один миг вытащили на свет божий, заставляя белесую жидкость разлиться по двум граненым стаканам.

Они чокнулись, и девица с длинными, кучерявыми, волосами, собранными в несурзную прическу, в один присест осушила стакан, прикрыв рукавом джинсовой куртки покрасневший нос. Затем плеснула себе еще и произвела те же самые действия. Когда бутылка была полностью высушена, она придвинулась к его лицу и, не отрываясь от темно-карих глаз, произнесла:

— За подобное полагается расплата.

И впиалась алыми устами в его пересохшие губы.

Андрей слегка растерялся, но тут же взял себя в руки и ответил взаимностью, позволяя эмоциям взять верх.

Но она внезапно остановилась, приложив палец к его губам.

— Не сейчас. Я еще не настолько пьяна, чтобы переспать с первым встречным.

А затем, улыбнувшись, добавила:

— А ты мне нравишься. Как тебя... там...

— Андрей...

— Василиса. Можно просто Вася.

...— А я и не думала, что встречаюсь с настоящим героем, — нараспев, заявила она, широко шагая по еле освещенным улицам. Столица погрузилась в сумеречный мир, накрывая мрачной пеленой ближайшие дома и спешащих куда-то жителей. Вася была уже пьяна, еле стояла на ногах и смеялась, пытаясь переставить с ноги на ногу. — Ха-ха, почему ты никогда об этом не говорил? А?! Решил скрыть от своей любимой девушки свой настоящий подвиг?

— Да брось ты! Я не сделал ничего такого, чем бы можно было б гордиться!.. — возразил ей Андрей. Он был не менее пьян, но ему нравилась компания подвыпившей молоденькой девушки.

Она прильнула к нему и, хихикая, произнесла:

— А ты еще можешь... ну...

Он резко оттолкнул ее:

— Перестань! Я не такой немощный, как ты думаешь!..

Василиса снова рассмеялась:

— Я ничего такого и не думала, глупенький! Мне просто интересно, ну и... — она снова прижалась к нему, и Андрей почувствовал, как затвердевает его достоинство, предвкушая, как вонзится в молодую, сочную, плоть и будет владеть ею до конца, — я тебя хочу. Да! Я хочу тебя прямо здесь и прямо сейчас!

Они прошли в подъезд, еле-еле открыли дверь, и, когда та нехотя распахнулась, бочком вошли в квартиру. Лестничная площадка плохо освещалась, поэтому никто не заметил двух целующихся молодых людей. У нее неловко задралась юбка, открывая вид на упругие ягодицы. У него затмился разум, стоило ей упасть на широкую кровать и расстегнуть пуговицы на куртке. Футболка куда-то улетела, и она оставалась в бюстгальтере, из которых виднелись два соблазнительных бугорка. На ее лице просияла хищная улыбка, и одним движением застежка была

открыта, а бюстгальтер отлетел куда-то в сторону. Андрей почувствовал сладостное возбуждение, и руки сами потянулись и обхватили сочные груди молодой, легкомысленной, девицы. Она громко рассмеялась и бедрами охватила его достоинство, заставляя резко выпрямиться.

Когда все закончилось, Вася упала рядом с ним и неожиданно рассмеялась. Ее обнаженная грудь забавно опускалась и поднималась, когда она пыталась перевести дыхание, судорожное и одновременно прерывистое, будто ей было страшно дышать и жить, пока он рядом.

— Что? — Андрей еле-еле отдышался.

Василиса перевернулась на бок и оперлась рукой о постель.

— Мне говорили, что такие, как ты, лишены столь сомнительного удовольствия. Как видишь, — она резко присела на кровати, — они ошибались.

— Вот мне интересно, — Андрей перевернулся и серьезно на нее посмотрел, — без шуток, а вот ты бы была со мною до конца, на всю жизнь, зная, кто я и где мне довелось побывать?

Вася умолкла, призадумавшись.

— То есть... ты хочешь меня... позвать в ЗАГС?..

— Я уже тебя туда зову!

Она хмыкнула.

— Почему бы и нет? Ты хороша собой, молода... что тебя останавливает?

— Семейная жизнь. — Вася в упор посмотрела на Андрея. — Она пресная и скучная. А мне хочется свободы! — Она подскочила и подпрыгнула на кровати. — Приключений! Полной жизни! А не вечно пьяного мужа, пеленок и скандалов...

— А, может, все дело в том, что я из Чернобыля?

Василиса остановилась, посмотрела на него и рассмеялась:

— Если бы это было бы так, я бы с тобой не спала!

— Я тебя все равно не понимаю...

— Вот нам сейчас хорошо вместе, так? — Андрей кивнул. — Мы вместе выпиваем, гуляем... спим! — он раздраженно отвел глаза. — Что не так-то? Разве тебе этого мало? Тебе обязательно нужны отношения?

— Нужны! Мне тридцать лет, тебе — не меньше! Пора бы и остепениться, подумать о своем будущем! Разве семья не самое главное для человека?

— Ну что ты завелся, семья, семья! — возмущенно произнесла Вася. — Главное для человека — счастье! А в семье или нет, это уже неважно! Вот скажи, ты себя сам счастливым человеком ощущаешь?

— Нет, конечно!

— А что для тебя счастье?

— Семья! Мне надоело быть одиноким.

— И ты хочешь быть чьей-то обузой?

— Почему бы и нет?

Василиса всплеснула руками:

— Класс! Но мне обуза не нужна! Я хочу быть свободной и счастливой девушкой! — она собрала свои вещи и, с неприкрытой грудью, покинула его квартиру, хлопнув дверью.

После ее ухода Андрей чувствовал себя еще более одиноко. Пару раз они встречались, пили вместе, спали, но в итоге окончательно расстались. Он видел ее с другим мужчиной, и пусть этот мужчина позволял ей больше, чем Андрей, но все же мысль о том, что она все еще его любит, долго его не отпускала. Это была своего рода иллюзия, сон, самообман, все, что угодно, лишь не признание того, что ему пришлось снова остаться наедине с собой.

— Нужно немедленно отправляться в Припять! Если мы ее сейчас же не остановим, будут еще невинные жертвы!

...Автобус до Припяти отправлялся в семь тридцать по Москве. Перед началом очередной траурной процессии — каждый год справляли годовщину произошедшей в восемьдесят шестом трагедии, — бывших жителей города привозили в Чернобыль, проведать былые места. В подобные дни не обходилось без излишнего драматизма: мужчины пускали скупую слезу, а женщины устраивали настоящую истерику.

Детей в Зону не пускали.

ЛиАЗ-677 въехал на мост примерно в семь ноль-ноль. Желтый автобус был переполнен желающими проведать свои оставленные дома, теплицы и гаражи, успевшие за приличное время порости мхом и мелкими кустарниками. Из асфальта показывались маленькие деревца, но в общих чертах Припять еще имела приличный человеческий вид: дороги оставались целыми и невредимыми, здания стояли белоснежные, с яркими надписями и с плакатами, которые кое-где уже были кем-то сорваны. Но при этом, кроме заброшенности и покинутости, возникало чувство тревоги, нарастающей, слегка сладковатой, отдававшей мазохизмом, предвещавшей нечто страшное и неминуемое.

Контрольный пропускной пункт, находившийся на въезде в Припять, дружелюбно распахнул ворота, перед этим подняв шлагбаум, раскрашенный в яркие бело-красные полосочки. Солдат, что находился на дежурстве в тот день, отдал честь и отошел в сторону, пропуская вперед ярко-желтый автобус. Тот медленно двинулся вперед, просигналив ядовито-оранжевыми фарами.

Обломки ЛиАЗа разбросало по всей округе. Дым поднялся высоко над городом, поглощая небо вместе с редкими белесыми облаками. Солнце куда-то пропало, а затем яркими лучами пронзило серую едкую завесу. Огонь можно было увидеть издалека, от всполохов пламени пострадали ближайšie пустующие здания. Молния взялась из ниоткуда, ударила в корпус автобуса, превратив сидевших в нем людей в остовы из человеческих костей.

— Что случилось?! — когда Саша заметил столб пламени и клубы едкого дыма, у него перехватило дыхание.

— Молния ударила в автобус!

— Что?! Какая молния?!

— Я говорю, молния, простая, обыкновенная, ударила в автобус! — перекрикивая шум воды из шлангов, которыми пытались потушить то, что осталось от несчастного транспорта, сказал солдат, что стоял у ворот контрольно-пропускного пункта. — Я стоял вот здесь, — парень указал на шлагбаум, — когда это произошло! Я не успел ничего предпринять, автобус сразу же вспыхнул...!

“Молния...”

Александр посмотрел на небо. Бросил взгляд на переполошенных солдат. С его губ слетело едва слышное:

— Это опять она...

...В ночь на день годовщины ему снова пришлось выйти на службу. Он пил, не переставая, крепкий кофе, листал какие-то книги, бродил по темным коридорам станции, и все боялся заснуть. В этом месте нельзя было спать. Везде мерещились мрачные силуэты, слышались едва доносящиеся голоса, среди бессонной пелены возникал образ маленькой девочки в школьной форме. Она приходила сюда пару раз. Никто из работавших здесь людей не смел ей перечил — малышку в жутком домотканном свитере и потрепанном джинсовом комбинезоне боялись все. Девятилетняя школьница с длинными кудрявыми волосами, напоминавшими пружинки, приходила на станцию как к себе домой: пила горячий чай, воровала булочки, а потом спокойненько уходила, заставляя присутствующих тяжело выдохнуть.

— Как вы ее до сих пор здесь терпите?

Саша закурил сигарету, двумя пальцами поднес ее ко рту, затянулся и, сбросив пепел на зеленую траву у своих ног, произнес:

— Молча. А что ты предлагаешь? В детдом мы ее отдавали, в газеты объявления писали. Толку...

— А вы сами что здесь забыли?

Он снова затянулся, держа автомат наперевес:

— Вас от нее охраняю.

— Все готово, можем идти!

...Алина сидела на крыше одного из зданий и пристальным взглядом наблюдала за происходящим внизу: вдоль опустевшей дороги шли люди в белых одеяниях, с натянутыми на головы капюшонами, с вытянутыми вперед руками, в которых сияли маленькие огоньки. Среди процессии промелькнул человек с позолоченным большим крестом. Позади тянулись колонны уже с черными, до пола, рясами, мрачные фигуры с поджатыми губами, молчаливые, величественные и одновременно пугающие.

Девочка опустила сложенные руки на острые колени и вновь бросила грустный взгляд на идущих внизу людей. В пронзительных синих глазах заблестели капельки слез. Покатались по щекам, оставляя мокрый след. Алина зашмыгала носом, быстрым движением вытирая слезы. Вдоль линии горизонта одиноко горели маленькие огоньки — начиная от яркого, ядовито-оранжевого, и заканчивая алым, красным, бордовым, быстро переливающимся светом. Сияла атомная станция, находящаяся где-то далеко, впереди брошенных людьми зданий.

В последнее время ей часто снился отец — все такой же радостный, с двумя глубокими морщинами вдоль лба, в толстых очках, с туго завязанным галстуком, и молчаливый. Губы были плотно прижаты, а в глазах царил такая тоска, что малышка невольно начинала плакать, когда просыпалась. Она спала на голом бетоне. Длинные спутанные, цвета воронова крыла, волосы свисали с карниза. Ветер игрался с тяжелыми прядями, а затем обнимал маленькое тельце в потрепанном от времени свитере. Слезы капали, оставляя серый след.

“Отец...”

В голове все еще крутились воспоминания: серая больничная палата, побледневший от переживаний отец, выстроенная у дверей охрана, которую она разбросала одним взмахом руки, применив необычные сверхспособности.

— Солнышко, ты не должна никому показывать своих способностей! — говорил он, когда они оставались наедине в его кабинете. Замечая недоумение в блестящих от слез синих глаз, отец вставал перед ней на колени и, обхватив руками тоненькие плечи, тихим голосом продолжал: — Я знаю, почему ты не можешь говорить. Ты сказала об этом во сне, ты приходила ко мне во сне и говорила о ней... о своем кошмаре. Кошмар забрала твой голос, и теперь я, или кто-то другой, должен его, тебе, вернуть обратно. Иначе ты никогда не сможешь говорить.

Она открывала и закрывала рот, когда отца снимали с люстры. Как ей хотелось кричать, когда крепкий мужчина развязал веревку на шее ее самого близкого человека! Но из сдавленного горла вырывались немые звуки. Во взгляде глубоких, цвета мартовского неба, глаз металась сотня молний, готовых вырваться наружу. Она бы убила их всех, кто посмел дотронуться до тела отца!..

“Папа, зачем ты оставил меня?..”

Снизу доносились какие-то песни. Жалостливые. Монотонные. Тысячи одинаковых голосов — мужских и женских. Она не различала их. Ветер разносил грустное и одновременно унылое пение на многие километры вдаль. Алина раздраженно вытерла рукавом свитера набежавшие слезы и принялась: в воздухе появился особый запах. Тот самый, возникший в апреле восемьдесят шестого, когда каким-то чудом ей удалось выбраться из злополучного реактора.

...— У нас есть приказ немедленно действовать! Мы сейчас же отправимся в город, отыщем девчонку и ликвидируем ее как особо опасный объект! И плевать мне, что ее охраняет сам московский Следственный комитет!

— Не охраняет! Они разбираются в причинах произошедшей аварии!

— Они уже который год разбираются...!

— Они не могут найти главного виновника!

— Они просто решили переложить ответственность на вас, а вы ведетесь! Можете и дальше ждать их распоряжений, если вам жить надоело...

Саша раздраженно бросил сигарету на землю и, наградив собеседника злым взглядом, направился к выходу из здания.

— Я слышал, вы когда-то здесь работали...

— Кто вам сказал такую глупость?

— Я просто слышал и все.

— Я разве похож на атомщика? — Александр развернулся и в упор посмотрел на своего спутника.

Тот смутился:

— Нет, что вы! Я не хотел вас обидеть! Просто слухи...

— Это глупые дурацкие ничемные слухи! И прекратите трюндеть почему зря! Вас уже энергоблок заждался...

— Эй, ты где пропадаешь? Наши уже в Припяти ждут! — его встретил молодой мужчина, облаченный в форму, бронежилет и армейские сапоги. На кожаном тонком ремешке висел автомат, готовый выстрелить. Пальцы в черных перчатках непрестанно разминались. Смутное лицо закрывала темного цвета маска, а на голове красовался простенький противогаз.

— Заболтался. Извини.

— Серый, тебя уже все ждут! Никто не хочет оставаться наедине с этой бестией!

— Да иду я, иду!

— Маленькая маньячка возомнила себя Господом Богом и мочит всех, кто попадет ей под руку. Рано или поздно она устроит новую катастрофу, тогда нас никто не спасет. Неужели ее нельзя застрелить?

Саша надвинул противогаз на лицо и щелкнул пальцами.

— Идемте! Без единого шума, ясно?

Тоненький лучик прорезал царившую в пустующих зданиях темноту. Под ногами хрустели мелкие осколки стекла. В воздухе висели едва заметные пылинки. На полу валялись сломанные и разбросанные кем-то старые советские противогазы. Куклы с выколотыми глазами заставляли испуганно шарахаться. От скрипа прогнивших от проливных дождей половиц начинало бешено заходить сердце, грозя выпрыгнуть из груди. Было тяжело дышать, кожа на лице нестерпимо чесалась, но Саша вместе со своими бойцами медленно двигались вперед, прислушиваясь к подозрительным звукам.

— Ха-ха...

Мужчины дружно вздрогнули, вскинув стволы в царившую вокруг них пустоту. Что-то упало, покатилося по полу, а затем все стихло. Раздался топот над головой, и Александр инстинктивно направил прицел в потолок. Удары заходящего от испуга сердца заглушали остальные звуки, мешая прислушиваться к окружению. Бойцы вопросительно переглянулись. Саша показал жестом не делать лишних движений, стараясь уловить чье-то невидимое передвижение на самой грани восприятия. Затем приказал двигаться вперед, стараясь не отставать от группы.

Алина спрятала ухмылку в уголках губ. По ту сторону можно было разглядеть все: реальность превратилась в черно-белую картинку как в старом кино. Среди помех мелькали темные силуэты, один из которых держал фонарик, пытаясь рассмотреть во мраке утонченную фигурку с длинными, цвета воронова крыла, волосами. Выпущенная молния поразила одного из солдат, затем второго, отбрасывая крепких мужчин в разные стороны. Один умер мгновенно — электрическая нить прошла насквозь и задела сердце. Второй в ужасе уползал прочь.

Всполохи мрака обвивали маленькую фигурку. Когда последний темный лоскут растворился в щелях деревянного пола, появившаяся из ниоткуда девочка быстрыми шагами настигла бойца и вырубил его одним ударом молнии. Услышав за спиной шорохи, резко обернулась и ядовито улыбнулась, заметив прицеленный ствол, готовый выпустить автоматную очередь.

— Почему ты это делаешь? В чем виноваты те, кого ты убиваешь? Что ты за демон, в конце концов?! — прокричал Саша, и, ни секунды не думая, выпустил в девочку весь магазин.

Алина снова усмехнулась. Хлопнула в ладоши и заметалась так быстро, что пули, казалось, пролетали насквозь, ни разу ее не поранив. В хрупких пальцах материализовалась стрела, и одним взмахом девочка ударила разъяренного мужчину, затем еще и еще, не переставая двигаться из стороны в сторону. Она ликовала, замечая, что противник ничем ей не может ответить.

Из глубокой раны сочилась алая кровь. Саша упал на одно колено, прижимая руками шрамы. Перед глазами все помутнело, и мужчина, не выдержав адской боли, рухнул на землю, мысленно готовясь к смерти. Он увидел восторженное личико маленькой негодницы и блестящую стрелу, что грозила порвать тонкую линию жизни. Стоило девочке занести руку, как внезапная пуля пролетела через хрупкое запястье, заставляя отступить. Сквозь рукав пропиталась темно-бордовая липкая жидкость, крупными каплями падая на дощатый пол.

Бледное личико украсила кривая усмешка.

— Ты только не умирай, хорошо? — сквозь пелену Александр разглядел испуганное лицо молодой женщины с длинными светлыми волосами. — Я донесу тебя куда нужно, только не умирай, умоляю!..

Саша слабо улыбнулся. И вырубился.

...Первым ее желанием было порезать вены. Она провела пальцем по блестящей острой поверхности. Вдоль руки потекла теплая липкая жидкость. Боль дала о себе знать потом, заставляя в ужасе отшарахнуться и тяжело дышать, ощущая текущие по лбу крупные градины пота. Нож улетел в раковину, громко звеня.

Она громко разрыдалась и сползла на пол по стене.

...— Андрей?.. — мужчина повернул голову и от удивления икнул: неподалеку от его столика стояла эффектная блондинка — длинные светлые волосы были рассыпаны по плечам, пуговицы на серебристой рубашке едва держались, готовясь оторваться из-за непосильно большой груди, на ней красовались джинсы последней модели, а на ногах блестели блестящие открытые туфельки.

— О, какая неожиданная встреча! Мариночка! Сколько лет, сколько зим! Не желаешь присоединиться? — Андрей раскинул руки в стороны, икая от радости.

— Ты же не пил, — прищурилась блондинка.

— Жизнь сейчас такая, Мариночка, я остался совсем один. И-ик!

Марина подошла к столику и, взяв стакан из рук приятеля, принялась:

— Это что, самогон?

— Обижает! — скуксился Андрей. — Самые настоящие виски, из-за кордона!

— Ладно, так уж и быть, составлю вам компанию. — Девушка присела за столик и, отвернувшись, щелкнула пальцами: — Виски с колой, двойную порцию! Терпеть не могу неразбавленные виски, — сообщила она, — их же в рот не возьмешь, горькие, сил нет!..

— Ты здесь какими судьбами? — когда принесли алкоголь, Андрей, немного протрезвев, обратился к Марине.

Та молча вытащила сигарету, прикурила и, выдохнув дым, ответила:

— Это долгая история. Расскажу, когда ты протрезвеешь.

— Так я почти... и-и-ик...

— Вот именно, что почти! Молодой пацан, а превратился в алкаша!

— Да, я алкаш! — разгорячился Андрей. — Трезвенник никому не нужен!

Марина недоуменно приподняла бровь:

— С чего бы это вдруг?

— Понимаешь, Мариночка, жизнь такая несправедливая штука, — начал молодой мужчина, — мне тридцать два года, живу я совершенно один, в квартире, что досталась мне от родителей, и они... и-и-ик!... хотели, чтобы я женился. Мы тогда гостили в селе, у друзей моего отца, и я пытался найти девчонку, а они все меня послали! Я чернобылец! Да будь она проклята, эта чертова АЭС со своей аварией! Я не для того людей спасал, чтобы меня потом к лешему посылали!

— Так ты не можешь построить личную жизнь и переживаешь из-за этого? — Марина не смогла скрыть легкого разочарования в голосе. Где-то в глубине души она понимала своего приятеля — остаться в одиночестве очень тяжелая вещь, — но ей было сложно его понять. Хотя сама была не в лучшем положении.

— Да, не могу! Я мужчина в самом расцвете сил! — Андрей стукнул стаканом о столешницу. — И мне нужна женщина! Чтобы заботилась обо мне! Любила меня, только меня одного, и чтобы дети были... много детей! А у меня не получается! Все из-за долбаной АЭС!..

Марина внимательно выслушала приятеля, сбросила пепел в пепельницу и, выдержав недолгую паузу, сказала:

— Я постараюсь тебе помочь. У меня есть знакомые девушки, такие же страдающие от одиночества, как и ты. Правда, сводничество не совсем мое занятие, но раз уж такое дело... — она замолчала и, решив ничего не утаивать от приятеля — с которым прошла службу от и до! — рассказала: — Я здесь не просто так. Я ищу своих детей. Паша их куда-то увез, и я их все найти не могу. Даже в милицию заявление написала. Бесполезно! В общем, здесь я по делу, и мне просто необходимо где-то переночевать, так как денег доехать до Харькова у меня нет. От Москвы до дома ехать прилично, а пешком идти я не собираюсь...

— Оставайся у меня! И денег я тебе дам!

Марина усмехнулась:

— А расплачиваться я буду чем?

— Ничем! Это по старой дружбе!

— Ладно, — девушка фыркнула и затушила сигарету в латунной пепельнице, — мне пора. Чем скорее я найду детей, тем быстрее уеду отсюда. Мне Москва, если честно, никогда не нравилась. Я деревенская. Ладно, бывай.

Встав из-за стола, она вышла из бара.

Встала на пороге и, засунув руки в карманы джинсов, задумалась, уставившись куда-то вдаль.

А затем резко развернулась и вернулась обратно в бар.

— Если я тебе так нужна, то попробуй, найди меня! — и в ту же секунду звонок прервался, раздался звук повешенной телефонной трубки.

Из телефонной будки вышла девушка невысокого роста. Длинные, цвета воронова крыла, волосы, объемные, напоминающие грозное маленькое облачко, с вьющимися кончиками, были прикрыты черной бейсболкой. Спортивная куртка оставалась расстегнутой, открывая взору прохожих тоненький топ до пупа, прикрывающий груди. Такого же цвета брюки напоминали шаровары. Белые кроссовки на босую ногу натирали на стопах мозоли.

Лаборатория на другом конце страны

— Мы обязаны тебя показать нашему товарищу главнокомандующему. Он заинтересован в твоих способностях и надеется, что ты кое в чем ему поможешь...

— Меня хотят использовать в качестве оружия?

Громкий мужской смех пронзил царившую в маленькой комнате тишину.

— Что ты, девочка, какое оружие, о чем ты!..

— Мои способности, как ты выразился, заинтересовали многих. Я вас, людей, совсем не понимаю: с какой такой целью вы постоянно пытаетесь уничтожить друг друга? Из-за глупостей типа религии или нации? Это так важно?

— Есть такая вещь как политика. Все политические средства хороши, даже война. Власть, знаешь ли, не терпит конкуренции. Править всегда должен кто-то один, поэтому постоянно происходят стычки. А если у соседа есть что забрать... столкновения неизбежны.

— Ясно.

Пауза.

— Я бы хотела сходить к отцу на кладбище. Я очень сильно по нему скучаю. Прошло много лет с момента его смерти, а мне до сих пор его не хватает...

— Он-то воспитывал тебя всего ничего, с чего вдруг такая любовь?

В пронзительных синих глазах промелькнул огонек гнева.

— А мама? Разве ты ее не вспоминаешь?

— Моя мать предательница, променяла свою единственную дочь на очередного мужика. Про нее и вспоминать нечего. Стерва...

— Послушай, меня в последнее время очень сильно волнуют наши отношения...

— Отношения? А что это? Это то, когда ты приходишь ко мне поздно ночью, залезаешь мне под рубашу, а потом до утра меня трахаешь? Ты это называешь отношениями?

Его лицо побагровело:

— Я несу службу...

— Отличная служба, когда ты бесцеременно трахаешь свою подопечную. Знаешь, мне это все надоело. Если меня действительно отвезут в кремлевский бункер, то я предпочту остаться в объятиях президента, но явно не в твоих...!

Он гневно ударил ладонью по столу.

— Не смей так со мной разговаривать!

— А то что? Ударишь? Давай! Я уже привыкшая!

Волна гнева схлынула, и с приоткрытых уст вырвался едва слышный стон.

— Прости. Я весь на нервах. Еще это задание...

— Кстати, когда меня собираются перевезти?

На него снова нахлынули эмоции, но он быстро успокоился и ответил:

— На днях.

Украина. Город на другом конце страны

— Дай прикурить.

Один из спецназовцев вышел вперед, протягивая открытую зажигалку.

— Когда ваш начальник подойдет? Или он передумал меня сопровождать?

— Алина Валерьевна...

— Алина.

— Господи, Алина!.. Алина, Сергей просил передать, что скоро подойдет, и мы со спокойной душой отправимся в столицу.

— Отлично.

— А мне кажется, он тебя побаивается, — рассмеялся мужчина в темной форме, — до сих пор помню, как ты его стрелой затюкала, потом по кускам собирали...

Волна гнева накрыла разум с головой. Прилив ярости растекся по венам подобно бушующему ночному океану. Она и сама не заметила, как цепкими пальцами слегка придавила горло военнослужащему, задумавшему подшутить над ней и ее силами.

— Ладно, ладно... Я признаю... что был неправ... — прохрипел несчастный, поднимая руки вверх.

— То-то же. А то смотри у меня, патологоанатомы не соберут!

— Цель на мушке!

— Все в порядке, — перепуганный мужчина поправил форму и облегченно выдохнул, — дурочка же еще, ничего не понимает...

— А она ему прямо нужна, да?

Спецназовец едва слышно выругался:

— Наше дело — доставить ее до места назначения, а уж кремлевские бойцы сами с ней разберутся! Мир на пороге войны, наши соседи устроили бунт и настоящую революцию, и если мы что-то с этим не сделаем, нам грозит ядерная война!

— С ней уж точно...

И снова Долгожитель. I

— Да, я хочу свернуть всю эту систему! Я хочу показать им всем, насколько они ошибаются! Ты думаешь, ты одна такая умная, да? — вещал низкий и мягковатый мужской голос. Датчики висели прямо над ее головой. Мила металась в коридорах, пытаясь вырваться из ловушки, в которой оказалась по собственной глупости. — Она тоже так думала, когда шла со мной, рука об руку! И захотела умереть, когда поняла, что грозит мне, и ей!..

“Она? Кто она?”

И через секунду поняла, кто.

Лабораторная механическая дверь автоматически открылась, показывая очередной свободный коридор, в котором царила полнейшая темнота. По глазам больно ударил яркий свет, и Мила невольно вздрогнула. Ей навстречу вышла полноватая высокая девушка с длинными мелированными волосами. Отчасти незнакомка напоминала блондинку с неокрашенными темными корнями. На голове лежала помятая медицинская шапочка — обычно такие носят медсестры в больницах. Красный кардиган съехал, открывая короткое левое плечо, на котором на тонкой бретельке висело белоснежное платье, подпоясанное тонким кожаным ремешком.

Девушка едва передвигалась на каблуках. Красные туфельки надолго врезались в память. Из темно-карего глаза вытекала черная густая жидкость, расплавляя пунцовую щеку и тонкие желваки. Капельки падали на прозрачную ткань и оставляли маленькие дырки. Из ноздрей потекла аналогичная субстанция, превращая губы в кровавую дорожку.

— Это Лиза, моя, с позволения сказать, бывшая. Как я еще могу назвать девушку, которая поклялась быть со мной до последнего, а когда нам обоим грозит опасность, сразу же отреклась от меня? Ее мамочка, такая же несведущая женщина, настояла на том, чтобы дочь ушла от такого “нехорошего человека”! Я, нехороший человек, дал ее дочери работу, она любила меня больше жизни, если б не ее мамаша...!

— Ты решил всех убить?! Но за что?!

Мила едва не плакала от безысходности и закрыла лицо руками. Лиза, сделав еще три шага, рухнула к ее ногам. Черная жидкость полностью расплавил милое личико, оставляя лишь куски окровавленного мяса. К горлу подступил тяжелый ком, не давая закричать в голос. Стены лаборатории давили на психику, кожа покрылась мурашками, а тело сотрясала мелкая дрожь.

— Ты теперь не такая смелая, как раньше, да? Боишься? Но тебе нечего бояться, ты умрешь так же, как все эти ненужные людишки. Твари... Убивают друг друга кучами, за ненужные идеи, за неважные идеалы, за коммунизм, за свободу, но ведут себя как звери. Они и есть звери. Высшие только те, кто понимают это, кто живет исключительно разумом, не применяя силы. А вы что? Твари...

“Я не могу поверить... не могу...”

Перед глазами возник образ любимого мужа, что остался в Чернобыле, ради продолжения спасения человечества. Она уехала оттуда, чтобы жить дальше, как и все простые люди, найти работу, зарабатывать деньги, сидеть с уже появившимися на свет маленькими внуками — пусть и не с родными, но все же!..

— Если хочешь убить меня, убей! — закричала девушка что было сил, смирившись со своей участью. Ей не дано покинуть столь отвратительное помещение, заполненное столами, стульями и маленькими белыми палатами, где уже давно никто не находился. Ей не удастся пережить ужас чернобыльской трагедии — атомная станция все еще стояла перед глазами, снилась во сне, мешая спать по ночам...

— Зачем? Я приготовил более изощренную месть. Мне не нужна твоя смерть. Это будет выглядеть жалко и неинтересно. Как только очередная дверь распахнется перед твоим изящным личиком, — ослепительный свет больно резанул глаза, заставляя прикрыть веки, выставив руки вперед. Мила едва не оглохла от собственного крика: механическая дверь распахнулась, ворвавшийся во мрачное помещение яркий солнечный свет стал резать беспощадную тьму, заставляя ту отступить, — то сама все увидишь. Это будет незабываемое представление! Как Чернобыль... но куда более изящное...

Она решила уехать в другой город: собрать оставшиеся с недавней командировки вещи, выбросить их на помойку, как напоминание о прошлом, а на заработанные сиделкой деньги купить все новое. И о подарках не забыть: ее с нетерпением ожидали дочь и сын, у последнего, кстати, недавно родилась двойня. Еще совсем маленькие, две девочки, вылитые дедушка в молодости.

И снова вспомнилась последняя близость в ту холодную чернобыльскую ночь...

Супружеская пара прощались словно навсегда.

Когда ей сообщили новость, что ее любимый муж оказался в больнице, ранней весной восемьдесят седьмого, она сорвалась, даже не раздумывая, нужна ли ему самому эта встреча или нет. Автобусы тем утром ходили переполненные. На остановках людей было не меньше. Стояла привычная холодная апрельская погода. На календаре приближалось то самое число. По спине прошел холодок.

В ближайшем цветочном продавали самые красивые и самые дорогие розы. Не у всех, да и не везде, имелись столь нежные и одновременно изящные алые бутоны с острыми шипами. Правда, перед продажей шипы срезали, упаковывали в бумагу, а затем выставляли перед витринами, вывешивая за пределами ценник. Но любителей дорогих подарков и красивых женщин это редко останавливало...

Она влетела в больницу, снося всех и вся, и, не останавливаясь, без особых трудностей, нашла нужную палату. В груди нещадно билось сердце. Судорожное дыхание поднимало и опускало грудную клетку, заставляя ловить ртом воздух. Казалось, кислорода в легких не хватает, вокруг витала питательная химия, что сокращала нужные мышцы, но этого как будто было недостаточно.

Словно она оказалась за пределами планеты, без кислорода витала в космосе и беспощадно размахивала руками...

— О боже, Саша, зачем ты туда полез?! Ты что, с ума сошел? — Александр подскочил на кровати, когда его любимая жена, молодая девушка, рыжая бестия со слегка вьющимися волосами вошла в палату и возмущенно нахмурилась, выдавая очередную разгневанную тираду. — Больше сходить было некому? Вы там совсем распоясались, нужно немедленно навести порядок!

— Господи благочестивый, Милочка, я тоже рад тебя видеть! — Саша приложил руку к груди, пытаясь остановить заходящееся от волнения сердце. — Как ты об этом узнала? Кто тебе об этом сказал?

— Тебе бы не помешало читать газеты. Хотя бы раз в год, чисто из интереса. — Мила присела рядом и положила букет на тумбочку, что стояла недалеко от кровати. — Там сообщалось, что некий Александр Боровой, физик-ядерщик, попал под поток радиоактивной воды, когда полез снимать показания в разрушенный взрывом четвертый реактор Чернобыльской АЭС. Я все еще не понимаю, зачем ты там остался! Мы же сделали все, что могли, неужели этого недостаточно?!

— А вдруг новый взрыв?! — возмутился Александр.

— Если только я сойду с ума. — Мила всплеснула руками.

...Железнодорожный вокзал, освещаемый солнцем. На календаре четвертое июня. Яркие солнечные лучи больно били по глазам, заставляя укрыться в ближайшей тени. Бетонный навесной козырек закрывал кусочек ясного чистого неба. Мила достала сигарету из кармана куртки и, прикуривая, заметила движущийся состав из нескольких вагонов. Она подняла голову и посмотрела на часы.

Тридцать две минуты десятого.

Взрывная волна отбросила стоявших на перроне людей. Огромный гриб, поднявшийся над городом, заслонил голубое небо. Когда бычок выкуренной сигареты упал на асфальт, слегка касаясь раскаленной от жары земли, солнце пронзила неизвестно откуда взявшаяся ракета, и смела железнодорожный состав с пути, разнеся вагоны вдребезги.

Визги и крики заполнили город. Взрывная волна снесла не один располагавшийся поблизости жилой дом, превращая кирпичные и панельные здания в обломки и руины. Происходившее напоминало начало очередной войны — гриб от взрыва был похож на ядерный, словно кто-то поблизости подорвал атомную бомбу.

После Чернобыля люди шаркались и от мирного атома, и от военного.

Мила растерялась. Сумка из ее пальцев благополучно опустилась на землю, как и сама девушка, закрыв лицо руками. Осколки стекол, металлические детали и прочий мусор, разносимый ветром, больно ранил, оставляя ссадины и синяки.

Невыносимый шум заглушал даже удары заходящего от ужаса сердца, заставляя погрузиться в хаос.

Напуганная до смерти Мила не могла даже дышать — кислорода стало не хватать, она пыталась поймать воздух ртом, ее колотило, пот крупными градинами катился по лбу и стекал на спортивную куртку, оставляя темные следы. Перед глазами пролетели события, произошедшие пару лет назад: Чернобыльская АЭС, разрушенный взрывом энергоблок, пламя, лизающее темное небо, несколько красных машин, носилки с пожарными с ужасными ожогами и взгляд пронзительных синих глаз.

“Я вернусь обратно в Москву и обо всем забуду. Меня ждут... меня дети ждут! Внуки!.. А если бы с ними что-то случилось?! Я больше не могу подставлять себя под удар!..” — дрожащими ногами, опираясь трясущимися от волнения и испуга руками, девушка поднялась, стараясь сдержать рвущийся изо рта крик ужаса. Поблизости творился настоящий хаос, люди кричали, выносили близких и бежали в сторону дорог, где их уже ждали кареты первой медицинской помощи.

“Если бы Саша узнал... Он бы этого не пережил...”

Мила, пошатываясь, шла по переполненной автомобилями и визжащими машинами дороге и смотрела пустым взглядом в медленно появляющийся горизонт. Лучи солнца, появившиеся в первые часы обычного летнего денька, исчезли в дыму и огне, пожирающий останки вагонов. Она обернулась и напоследок посмотрела на исчезнувший под обломками перрон.

Когда пришлось посетить Чернобыль, никто не пришел ей на помощь после.

— Все прошло отлично, мой друг. — Долгожитель перехватил крепкую ладонь мужчины в очках, с темно-коричневым пятном на лысине, и пожал пальцы, не снимая кожаных черных перчаток. — Вы только не убивайтесь так, смотреть на вас тяжело. Я обо всем договорился, мои друзья в Германии придут вас с распростертыми объятиями. Вы только не забудьте, о чем мы с вами договаривались, и все будет хорошо...

— Я не готов предать свою страну! Свой народ! Своих близких, в конце концов! — воскликнул бедолага в костюме, выдержав драматическую паузу и всматриваясь в происходящее в городе. — Я с большим трудом простил тебе Чернобыль, но Арзамас тебе никогда не прощу!

— Это всего лишь несчастные людишки, да к тому же, никому не нужные, — на бледном лице появилась ухмылка. Едва заметная издевка спряталась в уголках губ. — Знаете, я могу и передумать. У вас много врагов в партии, Михаил Сергеевич. Например, Борис, с которым вы не можете нормально контактировать. Он только и ждет, чтобы вам насолить...

— Чем же мы так тебе насолили, а? Что мы такого сделали, что ты готов предать и развалить собственную страну, в которой родился, в которой прожил не один год? А? Скажи? Или это большой секрет?

— Тебя это не касается, — сухо репортировал Долгожитель. — Ты сделал то, что от тебя требовалось. Живи дальше... если сможешь.

И, развернувшись, он покинул непристойную для него компанию.

...Она распахнула объятия, когда он вышел ей навстречу. Сильный порыв жаркого и от этого сухого ветра трепал полы пиджака. Ровная и спокойная походка заставляла сердце биться чаще, а черные зрачки — расширяться, всматриваясь в упругое тело, спрятанное под одежду поджарую кожу, необычайную стройность и красоту.

— Привет. — Он обнял ее за талию, слегка прижимая к себе.

— Привет! — этот мужчина со строгим профилем возбуждал в ней, в совсем еще молоденькой девочке, необычное желание, страсть к жизни, к охоте — она готова была биться за него с многочисленными соперницами, этими вертихвостками, которые, как ни странно, вызывали у него скуку.

— Нам придется уехать. — Он остановился и, повернувшись к ней, спрятал руки в карманах.

— Опять? — ее глаза расширились от удивления.

— Прости, детка. Проблемы. — Этот сухой и одновременно равнодушный ответ больно резанул по самолюбию.

Она опустила глаза и замолчала.

— Не нужен тебе этот человек! — в очередной раз воскликнула матушка, пытаясь достучаться до разума дочери. — Он нехороший, он погубит тебя!

— Зато он красивый! И он любит меня! — в ее голосе чувствовались нотки обиды от несправедливости. Она отбросила голову назад, открывая взор на тонкую лебединую шею, на едва прикрытое декольте с двумя пухлыми бугорками и снова принималась твердить: — Я ни за что его не брошу, я буду с ним до конца... что бы там не случилось! Услышь меня наконец! Что у тебя за манера читать мне нотации?

— Зато Пашка в тебя до сих пор влюблен, — ехидно заметила женщина.

— Мне плевать на Пашку, он мне никогда не нравился! — она фыркнула. — Да и что с него взять, ни рожи, ни кожи, одна сплошная проблема и мать-калека!

Матушка недовольно покачала головой:

— Вот оно, новое веяние моды...

— Все, мам, хватит! — ей хотелось сбежать из квартиры и больше не слышат материнских нотаций. Она схватила первые попавшиеся под руку вещи и направилась к двери, виляя бедрами: — Я уже все решила, и ты это прекрасно знаешь! Ты уже не первый год пытаешься меня свести с этим Пашей, потому что я работаю медсестрой! Да, я не скрываю, что помогала им по первости по доброте душевной, но а потом все изменилось, я влюбилась в другого и ушла! Мне что, всю жизнь убирать за ним, и за его мамашей?!

— Лизонька, солнышко, ну как ты не понимаешь, этот человек, этот мужчина, тебя погубит! Ты вспомни Чернобыль, сколько людей там погибло! Это же его рук дело! — снова взмолилась несчастная мать.

Вещи из ее рук выпали.

— Откуда ты об этом знаешь?..

— Мне мое материнское сердце подсказывает!

Из ее уст вырвался едва слышный вздох облегчения.

— Оно ошибается, твое материнское сердце! Все будет хорошо, вот увидишь, еще будешь за меня радоваться!

Матушка покачала головой:

— Ох, Лиза, Лиза...

— Легасов Валерий Алексеевич покончил с собой вследствие тяжелой затяжной депрессии. Нам поступило анонимное письмо, где он якобы повинен в произошедшей на Чернобыльской АЭС трагедии. Его несовершеннолетняя дочь, Алина Валерьевна Легасова, пропала несколько лет назад и была обнаружена во время ликвидации последствий аварии...

В своих предсмертных записках он написал: “Моя дочь, будучи пятилетним ребенком, попала в детский дом — ее отвела туда собственная мать, с которой мы прожили больше двух лет. Я ушел, потому что больше не мог обманывать Маргариту и Ингу, они мои самые близкие люди. С сыном отношения не задалось, он пошел по кривой дорожке, и это чувствуется в Алине. Два моих ребенка... Уму непостижимо! Неужели я настолько отвратительный родитель, что смог воспитать двух самых плохих, самых отъявленных преступника во всей истории СССР?”

Мила внимательно выслушала следователя и хмыкнула.

— Отчасти это правда. Валера действительно допустил, что его маленькая дочь оказалась на Чернобыльской АЭС, но в реактор ее швырнул не он, а этот Долгожитель. Кстати, вы так и не выяснили его настоящее имя?

— Мы покопались в архивах и нашли одну занимательную вещь. Среди архивных документов времен правления Александра Третьего обнаружилось письмо с донесением от некоего господина Грачевского. Его пасынок, Дмитрий Грачевской, восемнадцати лет отроду, был повинен в смерти российского царя. Ты наверняка помнишь, что Александр Третий погиб при обрушении поезда, в котором он ехал. Так вот, этот достопочтенный господин в открытую заявляет, что в этом виноват его пасынок — устроил небольшой террористический акт.

— Он бы запросто это устроил...

— Я не стану спорить, но в официальных документах написано, что смерть Александра Третьего произошла вследствие несчастного случая. То есть, винить в этом абсолютно некоего, разве что, того человека, который закладывал рельсы...

— Получается, осудили невинного человека...

— Да еще как! Отправили на урановые рудники! Это же верная смерть!

— Он выжил. Он до сих пор все еще живой.

— Да-а... Загадка...

— Он ждет, когда Алина придет к нему сама... и сама с ним расправится. Он так долго искал себе продолжателя его дела, и когда нашел, решил сыграть по-крупному. Его дело — мстить всему русскому народу: за тяжелое детство, за былые обиды, за скитания по стране и всему миру, за болезнь, от которой он не умер... Этот Долгожитель или Дмитрий полностью травмированный своими родителями человек. И ему удалось найти такую же девочку, и еще непонятно, что он ей там навбивал...

— Но как? Как ему удалось выжить?!

— Наверняка это останется тайной.

— А маленькая девочка? Как она смогла выжить в реакторе?

Мила повернулась и в упор посмотрела на следователя:

— Когда она заговорит, мы обязательно у нее спросим.

Следователь достал из портфеля видеокассету и вставил ее в видеомэагнитофон. Щелкнул пультом, направив его в сторону панели на пузатом телевизоре, и сел в кресло напротив. Плеснул стоящего на журнальном столике коньяка в бокал с низкой ножкой и сделал большой глоток. Плеер с удовольствием проглотил кассету, и записанный на ней фильм воспроизвелся.

— “Это послеаварийная ситуация, — мягким и одновременно низким голосом произносил запечатленный на пленке академик Легасов — очки, надвинутые на глаза, сдавленная галстуком шея, взгляд, в котором поблескивали серьезность и одновременно грусть, — а это уже дорога, ведущая к станции, осуществляется транспорт необходимых средств, обеспечивающих ликвидацию...”

Мужчина, скорчив недовольную гримасу, схватил пульт и собирался нажать на красную кнопку, выключающую телевизор, как заметил среди сотни бледных лиц знакомого человека со строгим профилем и прилизанные гелем волосы. Незнакомец на экране подмигнул, почувствовав на себе интерес объектива.

“Долгожитель... Это же... это же он!”

Следователь потянулся за телефоном и, быстро набрав номер, прокричал в трубку:

— Он в Москве! Немедленно задержите его!

— Я очень рад, что ты все это время была рядом. — Он целовал ее тонкие пальцы, слегка прикасаясь к ним губами. — И я очень надеюсь, что ты и дальше будешь со мной, несмотря ни на что...

— Я люблю тебя...

Своей рукой он коснулся полураскрытых губ, останавливая вырывающиеся наружу признания в любви.

— Не нужно ничего говорить, моя дорогая, своими поступками ты давно доказала свое равнодушие...

Она перехватила его пальцы и принялась целовать их, прикрыв от наслаждения веки.

— Но почему ты такой грустный? Что-то случилось?

На его лице просияла грустная улыбка.

— Все хорошо, моя дорогая. Так, небольшие неприятности...

— Скажи мне, почему ты это делаешь? Почему ты не можешь остановиться?

Он опустил голову:

— Это дело принципа, любовь моя. — Она радостно улыбнулась, заметив промелькнувшую искорку в его взгляде. — Понимаешь, я так долго этого ждал... Я так долго этого хотел... Ты знаешь, что мой отчим сделал со мной. Я провел не один год в этих ужасных рудниках, я ждал смерти, а пришли большевики, и вытащили меня оттуда, поэтому я их ненавижу. В той стране, в которой я родился, это считают за семейные ценности. Чужой человек издевается над ребенком, а все считают это нормой! Поэтому я ненавижу ее... свою...

— Не надо, не говори! — она остановила его, слегка коснувшись кончиками пальцев полураскрытых губ. — Ты заслужил лучшей жизни, поверь мне! Хочешь, я докажу тебе это? Хочешь? А хочешь мы поедem... куда-нибудь... и проведем этот день... как самый лучший день в нашей жизни? А? Хочешь?

Он мазнул поцелуем тыльную сторону ее рук.

— Если ты этого хочешь, то я не против.

— Послушай, мне не нравятся межпространственные перемещения и твои игры в кошки-мышки! — воскликнула Марина. — Я ужасно устала и хочу как можно скорее отыскать своих детей! Да ты просто пользуешься мной...! — она недовольно сложила руки на груди, прижавшись спиной к стене.

Кошмар всплеснула руками:

— Такова договоренность! Ты сама была готова на все, чтобы отыскать своих детишек, какие ко мне могут быть претензии?

— Что ты хочешь от этих несчастных людей, скажи?

Девушка пожала плечами.

— Я очень голодна. И я хочу есть.

— Ты что, питаешься людьми?!

— Нет. Страх, отчаяние — вот моя еда.

— Нет, это какой-то бред!..

— Послушай, мне нет никакого дела до твоих недовольств. — Кошмар приблизилась к девушке, сверкнув пронзительными синими глазами. — Я выбрала тебя не просто так. Ты сильная, у тебя хорошая выдержка, и нас, как-никак, скрепляют общие узы. — Она усмехнулась, демонстративно сложив руки на груди.

— Что?.. Какие узы?

— Мы с тобой побывали в одном и том же месте. Ты такая же прокаженная, как и я.

— Я понимаю, ты любишь давить на больное. Но среди таких как мы, как ты соизволила выразиться, есть люди, которые ни о чем не жалеют. И с одним из них мне предстоит сегодня встретиться... — Марина тяжело вздохнула.

Девушка в очередной раз пожала плечами и растворилась подобно видению, оставляя Марину наедине со своими мыслями. В зеркале отразилась уставшая девушка с бледным лицом и синяками под глазами. Дискотека начиналась через считанное время, и Марина, вооружившись плойкой и сбросив на пол замаранную одежду, принялась накручивать волосы.

Спустя пару часов Марина стояла возле входа в ночной клуб. Подобные заведения открывались один за другим, и народу приходило неизмеримое количество — в основном, молоденькие девочки и раскрепощенные парни. Увидеть среди них молодую женщину в облегающем платье было полной неожиданностью.

Вечером становилось прохладно — наступили первые сентябрьские деньки, когда днем царил невыносимая жара, а ночью стоял лютый холод, как поздней осенью. Под ногами шелестела листва, трава щекочила голые шиколотки, и Марина, замерзнув в первый день вечеринки, набросила на плечи джинсовую куртку.

— Девушка, вы не замужем? — она вздрогнула и, повернувшись, увидела улыбающегося и довольного жизнью Сергея.

— Очень смешно! — Марина закатила глаза.

— Мариш, ну ты же меня знаешь, — мужчина развел руками, — я ночами не сплю, днем не живу, все думаю, когда ты станешь моей женой.

— Я все еще замужем!

— Твой муж убежал, как провинившийся капитан с корабля. Разве настоящий мужчина так себя ведет?

— Да Паша вроде не вымышленный...

— Люблю, когда женщины пытаются шутить. Пройдемте, мадмуазель, — Сергей мягко взял Марину за локоток, — нас уже все ждут.

Девушка фыркнула и прошла вместе с настойчивым ухажером внутрь помещения, где громко играла музыка и танцевали молодые люди. Она слегка растерялась при виде большого народа — в последний раз ей приходилось посещать дискотеки, когда ее отношения с Пашей только-только начинались. Будущая супружеская пара отплясывала в центре зала и отдавалась тактам музыки, не думая о завтрашнем дне.

“Как давно это было...”

Сергей принес алкогольные коктейли, и Марина, недолго думая, сделала большой глоток.

— А вы, оказывается, девушка пьющая.

— Это чтобы расслабиться. — Она вынужденно улыбнулась.

Сергей взял ее за подбородок.

— Ты просто никогда не была на дискотеках.

— На таких — никогда. Мы с Пашей по молодости ходили на дискотеки вечером, а потом...

— А потом взрослая жизнь. Понятно.

Марина отставила бокал.

— Я, если честно, не очень хотела сюда идти. Если бы не эта канитель с кошмарной девицей...

— Да-да, я это уже слышал. Я просто хотел провести с тобой время, вот и все. Ты же знаешь мое отношение к тебе...

— Да, я тебе очень нравлюсь.

— Я тебя люблю.

Марина удивленно воззрилась на него.

— С тех пор, как впервые увидел тебя в райцентре.

Сергей приблизился к ее лицу, прикрыв веки, и слегка коснулся поцелуем полураскрытых губ. Марина не стала сопротивляться и возмущаться, решив дать волю случаю. Им бы никто не сделал замечание. Не появился бы на пороге Паша, приведя за ручку малолетних детей и тыкая пальцем в нерадивую мать. Все вокруг танцевали, пили, курили и веселились.

Они выбежали из здания ночного клуба, окрыленные алкоголем. Марина в глубине души радовалась, что в столь прекрасный вечер печали на время отпустили ее, давая шанс насладиться редкими счастливыми моментами. Оставив бокалы на барной стойке, Марина схватила Сергея за руку и повела его к себе в квартиру.

Царившие в доме тишину и одиночество прервали звуки летающей в разные стороны одежды.

Марина проснулась в непонятном месте. Вокруг царили темнота и гробовая тишина. Она резко подскочила, когда раздалась чьи-то громкие шаги, эхо которых разносились по пустому помещению. Свет больно ударил по глазам, и когда зрачки с трудом привыкли к яркому освещению, недоуменная происходящим девушка увидела темный силуэт: мрачные черты медленно вырисовывались в строгую мужскую фигуру в деловом костюме. Кожаные подтяжки держали брюки, брючины которых едва касались грязного бетонного пола. Накинутый на плечи пиджак. Руки в перчатках.

Марина попыталась уползти от странного незнакомца, но тот легко подхватил ее на руки и понес к зияющей в полу дыре. Она громко завопила, посмотрев в темноту выкопанного вручную котлована.

— Чернобыль станет твоей могилой, девочка.

Марина снова завопила в голос, вцепившись ногтями в державшего ее мужчину. Но тот, словно издеваясь, выпустил несчастную девушку из рук, заставляя ту упасть в бездонную мрачную яму.

Незнакомец быстро ускользал, в конце превратившись в маленькую точку.

Марина хватала воздух ртом, пыталась зацепиться за быстро пробегающую реальность, отыскать глазами в темноте кого-нибудь, кто бы вытащил ее из этого ада. Она едва не захлебнулась от внезапно попавшей в рот воды. Громко закашлялась, пытаясь выкашлять жидкость из легких, и снова погрузилась в непонятно откуда взявшийся мрачный океан, переполненный пустоты.

Движение вниз резко остановилось. Из крепкого сжатых губ — чтобы вода не попала! — вырвался стон облегчения, когда под ногами образовалась твердая поверхность. Одежда сильно намочила и висела клочьями, изорванная в процессе погружения. В туфлях хлопала вода. Марина перевела дух и, повернувшись, уткнулась взглядом в деревянную дверь. Она решила не спрашивать, что это и откуда это взялось, потому что: а) никто ей не ответит; б) неважно, что, где и каким образом, когда единственное одолевающее тебя желание это поскорее выбраться из этого дурдома, причем, живой и невредимой.

Марина оттолкнула от себя двери и вошла внутрь огромного помещения, похожее на концертный зал — правда, без кресел и роскошных диванов. Большая сцена, скрытая огромной красной шторой. Окна, за которым царила такая темень, что сложно даже разглядеть звезды на ночном небе. Тихое шуршание ткани навевало одновременно тоску и ужас, сковывающий сердце. Остальные комнаты оказались кем-то заперты, открытой оставалась лишь сцена, и Марина, нисколько не раздумывая, направилась к ней, надеясь отыскать выход.

Где-то громко тикали часы. Маятник над головой ходил из стороны в сторону, поблескивая от падающих на него лучей огромного светильника. Крутая лестница вела наверх. Марина, нарушая воцарившуюся тишину постукиванием своих каблучков, поднялась вверх и прошла по длинному деревянному полу вдоль до упора. Затем открыла еще одну дверь, за которой раздавалась тихая классическая музыка.

Грамофон резко замолчал. Пластинка издала жалобный звук, и потом в очередной раз все стихло. Внизу, на огромной цирковой арене, вовсю шло представление — призрачные существа в красивых легких одеждах отплясывали под пульсирующие звуки тишины, превращаясь то в игристого скакуна, то в молодого человека с цилиндром на голове.

Марина, чувствуя одновременно разливающийся по венам страх и поглощающее сознание любопытство, в нерешительности остановилась, вглядываясь в сумрачную картинку. Собравшись с силами, она, пошатываясь на каблуках, вернулась обратно на сцену, где те же призрачные существа кому-то громко рукоплескали. На середину вышел мужчина в темном костюме — тот, что сбросил Марину в вырытый глубокий котлован — и низко поклонился невидимым зрителям.

— Поздравляем наших соотечественников! За пару лет они построили не только атомную электростанцию и снабдили электричеством ближайшие города республики, но и возвели необычайно красивый город атомщиков! Да здравствует город Припять! — и призрачные существа из зала подхватили:

— Да здравствует город Припять!

— М-да уж, да здравствует Припять, — передразнила их Марина, стоя поодаль от сцены. — Если бы вы знали, что может случиться через каких-то пару лет с вашей Припятью, наверняка бы ее не здравствовали... хотя о чем это я? Причем здесь Припять и что я вообще здесь делаю?

“Васенька, что же мне делать? Я не хочу без тебя жить!”

...Она и не заметила, как минуло пять лет. Страсти понемногу улеглись, жизнь постепенно вернулась в спокойное русло. Стоя у трельяжа, девушка со светлыми волосами умело завязывала небольшой бант, убрав руки за голову. Ей не хотелось смотреть на себя в зеркало — бледное лицо напоминало древнеегипетскую мумию с впавшими от бессонных ночей глазами. Раиса уже забыла как выглядела раньше, до случившейся с нею беды. Она вновь бросила взгляд на худую фигурку в простеньком клетчатом платице, с передником, на котором был изображен веселый торт с мультяшными глазами, и обычных хлопчатобумажных колготках.

Двухкомнатная квартира в центре Киева была обставлена простенько: слегка покосившийся от времени диван, пару обтянутых старой тканью кресел, мебельная стенка с книгами и сервантом, а в спальне — одноместная кровать, тумбочка и двухстворчатый шифоньер. Летнюю одежду Рая вешала на спинку стула, а трусики и носки сушила на ребристой батарее.

“Меня все устраивает. Это моя новая жизнь. Я привыкну к ней, вот увидишь... Васенька...”

И слезы по привычке полились из глаз. Раиса раздраженно смахнула их и, подхватив дамскую сумочку, внутри которой лежали валерьянка в таблетках, многочисленные носовые платки, необходимые гигиенические средства, помада и кошелек. Она бережно хранила каждую копейку, боясь признаться самой себе, что не тратит зарплату потому что жизнь давно перестала иметь для нее смысл. Когда Васи не стало, и умерла их совместная дочка, девушка из цветущей красавицы превратилась в покойницу с безжизненным выражением лица.

— О, наша Раечка пришла! — дама в цветастом халате распахнула объятия, когда Рая вошла на территорию кондитерского цеха. — Как ты, золотце мое? Ты все так же плачешь и не спишь по ночам? О, моя хорошая...

— Не надо! — отдернула ее девушка. — Я же просила меня не жалеть! Жалость не вернет мне моего Васеньку и Наташеньку!

И она поспешила покинуть нелюбимую компанию, чтобы не видеть жалость в блестящих от слез глазах. Чтобы не выслушивать, как ей, бедняжке, тяжело, что с ней произошло такое горе...

— Не жалейте меня, а если будете жалеть, уйду! — в первый день работы пригрозила Раиса девушкам. — Нет смысла скрывать, кто я и откуда! Вы и так знаете, что произошло, и я не прошу меня жалеть! Просто... когда-то я была... счастлива...

Слезы капали не только на передник, замаранный кремом, но и на тесто для торта. Рая раз за разом смахивала их рукой в перчатке, оставляя белесые от муки следы на щеках.

Пальцы сами обхватили ручку острого ножа. Лезвие угрожающе блеснуло. В голову пришла мысль резко резануть по запястью, прервать бесконечный цикл невыносимых страданий.

— С тобою все в порядке?..

Раиса очнулась и заметила ужас на лицах девушек. А потом в страхе отбросила нож, который, громко звеня, упал на пол.

Голова раскалывалась от боли на куски, лоб горел адским пламенем, а глаза бегали туда-сюда. Рая пыталась прийти в себя. Шепчущий на ухо голос, раздающийся откуда-то, со стороны, исчез так же внезапно, как и появился. Отголоски девичьего смеха, слышимый на самой грани восприятия, постепенно растворились, оставаясь в памяти дурным сном.

— Мне что-то нехорошо, пожалуй, пойду домой! — она схватила сумку и выбежала из помещения.

Слезы брызнули из глаз, заслоняя взор. Автомобили вместе с пешеходами превратились в мрачное размытое пятно. Даже светофор невозможно было разглядеть, и хрупкую девушку чудом не сбита проезжавшая мимо машина. Громкий визг колес и сирены заставил Раису прийти в себя. Зайдя за угол панельного дома, она приложила руку к разгоряченному лбу и сделала вдох-выдох, пытаясь привести нервы в порядок.

Дома исхудалая от бесконечных страданий девушка рухнула на постель и уткнулась носом в подушку. Гробовая тишина, царившая в квартире, больно давила не только на уши, вызывая пульсирующий писк, раскалывавший голову напополам, но и на психику, что постоянно рвала душу и сердце на куски.

Рая не заметила, как, прикрыв веки, погрузилась в сон, напоминавший безграничную темноту. А потом резко распахнула глаза и уставилась в ослепляющий свет в конце темного коридора. Закрыв лицо руками, девушка направилась вперед, а затем, в один миг все исчезло. Раиса в недоумении освободила лицо и в ужасе заметила, что каким-то невероятным образом оказалась в цветущем городе, каким была Припять до аварии. Призрачные существа размытыми движениями передвигались по еще живым улицам, автомобили напоминали всадников апокалипсиса, заставляя испуганно отскочить. Стустки мрака, притаившиеся в мелких щелях асфальта, собрались воедино, в стройную мужскую фигуру.

Раиса взвизгнула и закрыла лицо руками.

Перед ней стоял ее Вася.

— Васенька...

Она не могла поверить своим глазам. Он стоял перед ней живой, целый и невредимый. Такой же красивый, как тогда, вечером перед аварией. Рая столько раз проклинала тот день, когда ее горячо любимый муж ушел, слегка хлопнув дверью, когда за окном был замечен огонь, пожиривший остатки крыши четвертого энергоблока. Но понимала, что мир бы сгорел в радиации, если бы не Вася и те ребята, что спасли их, спасли весь мир и дальнейшее будущее.

— Вася... Я так скучала по тебе...

Он улыбнулся.

— Я знаю. Мне все оттуда видно.

— Забери меня, прошу тебя! Жизнь без тебя для меня суший ад! — Раиса разрыдалась как маленькая девочка. — Ты не представляешь, как мне без тебя тяжело!..

— Я знаю, — он подошел к ней, все так же улыбаясь, — но мне хорошо... там... среди ангелов в белых одеждах. Это самый лучший мир, где мне довелось побывать. И знаешь что? Этот мир выглядит как наша Припять! Кстати, как там? Все в порядке? Люди вернулись? А ты? Почему ты одна?

— Я никого не хочу, кроме тебя!..

— Мне очень жаль, — Василий искренне расстроился, — но я не в силах вернуться в мир живых. Но я постоянно думаю о тебе... — он подошел поближе, обошел ее и снова встал напротив, не отрывая взгляда от ярких зеленых глаз, — я вижу, ты измучена. Не дерзай себя, солнышко. Все уже позади. Вернуть себя тебе я не в силах, но я не хочу, чтобы ты была одна. С тобой должен быть хоть кто-нибудь...

— Тогда дай мне ребеночка! Ребеночек подарит смысл моей жизни без тебя!

Вася улыбнулся:

— Я не смогу тебе его дать, у меня уже есть Наташа. Мы обе счастливы. А ты, Раечка, теперь свободна. Свободна до самых последних дней. Ты больше можешь не плакать. Вокруг тебя есть мужчины, достойнее слез, чем я. Обо мне не нужно плакать, ведь я отошел в самый лучший из миров... — он поднял руки к небу.

— Тогда забери меня с собой! Я тоже хочу быть в лучшем мире, рядом с тобой! Мне очень и очень плохо, без тебя, одной!

Василий опустил глаза. И вновь улыбнулся:

— А зачем ты мне здесь?

Раиса растерялась:

— Но...

— Ты мне больше не нужна.

— Вася!..

Василий злорадно рассмеялся:

— Не нужна, не нужна!..

— Вася!!

Земля под ногами разверзлась, и девушка громко завизжала, потеряв равновесие. Она падала куда-то вниз, в темную пропасть. Руками пыталась за что-нибудь зацепиться, но вскоре просто сдалась, прикрыв веки, чтобы не видеть, как камнем рухнет на землю, как смерть, взмахнув косой, оборвет ниточку жизни.

Тем более она так этого ждала...

На следующий день Раиса, перегруженная тяжелыми сумками и пакетами, возвращалась из магазина. Когда голод стал невыносимым, когда желудок скрутило до боли, пытаясь высосать последние капли, девушка наспех переоделась и, по привычке надев свои хлопчатобумажные колготки с темными туфлями, вышла из квартиры, закрыв дверь на ключ. Положила его в сумочку и нехотя покинула подъезд.

Рая еле-еле дотащила свой багаж до дома. Кое-как отоварившись в местном магазине самообслуживания, она, собравшись с силами, отправилась обратно, по тому же пути, что и пришла. Мимо проезжали автомобили, пронзительно гудя сиренами, свет на светофорах сменялись один за другим, но ноги начали подкашиваться при повороте за угол новенького панельного здания.

Когда она подошла к подъезду, то не выдержала и рухнула на горячий от жаркого солнца асфальт. Распласталась по нему, пытаясь собрать выпавшие из сумок продукты — яйца разбились, яблоки покатались в разные стороны, а молоко разлилось по земле. И тут Раиса разрыдалась, словно маленький ребенок, у которого отобрали любимую игрушку.

— Тебе помочь?

Незнакомый женский голос раздался над головой подобно раскату грома среди ясного неба — дама говорила громко и отчетливо, чеканя каждое слово. Когда Рая подняла глаза, увидела присевшую на корточки молодую женщину с длинными распущенными светлыми волосами. На ней красовались темно-серебристая рубашка, джинсы последней модели и открытые туфельки на каблуках.

— Нет, что вы, я сама... — испуганно пробормотала Раиса.

— Я вижу. Ты еле ходишь и выглядишь как мумия. Тебя что, дома не кормят?

— Кормят. А вам какое дело? — хамовато ответила Раиса, оперевшись об руку незнакомки.

— Да, собственно, никакого. Просто по тебе все видно. Ладно, — дамочка отмахнулась, — не суть. Давай-ка соберем твои продукты и хотя бы остатки донесем до дома в целостности и сохранности.

И, не дожидаясь ответа, она быстро собрала разбросанные яблоки в пакеты, выпавшие из сумок бананы сложила туда же, колбасу, сыр завернула в лежавшие на дне тряпки и, выпрямившись, направилась по дороге вперед.

Раиса с удивлением отряхнулась и поспешила за странной дамочкой.

— А, кстати, я совсем забыла спросить, — та остановилась и обернулась, — ты где живешь-то? А то я как это... схватила и побежала...

— Немного подалее будет мой дом.

— Тебя как звать? — немного помолчав, поинтересовалась незнакомка.

— Рая.

— Марина.

Марина подцепила носком туфеля старую деревянную дверь и исчезла в зияющей темноте лестничного пролета. Раиса, приподняв от недоумения бровь, последовала следом. Вытащив ключи из кармана платья, отодвинула невольную знакомую в сторонку и отперла замок.

— Это мой дом. Правда, я не совсем понимаю, зачем ты мне помогаешь.

Марина содрала с ног каблук и, отбросив туфли в сторону, бесцеремонно прошла на кухню. Поставила пакеты и сумки на стол, налила в чайник воды и включила плиту. Закурила сигарету с фильтром и, открыв форточку, выдохнула табачный дым.

— Это долгая история. — Марина повернулась и в упор посмотрела на Раису. — И если я тебе ее расскажу, ты не поверишь.

— Тогда тебе нечего делать в моем доме!.. — девушка развела руками.

Блондинка удивленно приподняла бровь.

— Ты уверена?

— Конечно! И перестань курить!

Марина затушила сигарету.

— Прости.

Пауза.

— Ты чернобыльская. Как и я.

— Это так заметно? — Раиса всплеснула руками.

— Дурак дурака видит издали. В нашем случае нас объединяет Чернобыль.

— Он объединяет всех!..

— Не скажи. Попала ты, подруга. Как и я.

— Да о чем ты?!

— Ты ни разу не видела девчонки с длинными темными волосами? Она еще в купальнике щеголяет.

— Ни разу!

— Ты уверена?

— Я слышала про девочку в школьной форме. Ее обнаружили сразу после аварии.

— Девочка... — Марина снова закурила и замолчала.

— Ну а все-таки в чем дело? Что это за загадка века такая? — нарушив тишину, не выдержала Раиса. — Зачем приходишь ко мне домой? Чем именно ты хочешь мне помочь? Ты ведь помогла мне не из-за добрых побуждений, так ведь?

— Частично да, — прикусив кончик пальца, ответила Марина. — Я скрывать не буду, в этом есть моя личная выгода. Понимаешь, — она повернулась к девушке всем торсом и уселась на подоконнике, — когда я вернулась из Чернобыля, то не обнаружила своих детей. Мой муж их куда-то увез. Несколько лет я пыталась их найти, пошла в милицию, написала заявление, а воз и ныне там. А потом ко мне пришла странная девица и сказала, что хочет сыграть со мной в игру под названием “победи меня”. Она сказала, что поможет мне отыскать моих детей. Я очень давно их не видела. Понимаешь, эта девица питается нашим негативом, нашим горем, отчаянием, страхом, болью, всем тем, что сидит в нас с той поры, когда произошла эта авария. Она хочет свести нас с ума, правда, я не совсем понимаю, зачем. Как и не понимаю, кто она и откуда появилась. Поэтому я здесь. Меня каким-то странным образом переносит в нужное место. В прошлый раз я оказалась в Москве, и хорошо, что знакомый одолжил мне денег, чтобы я смогла добраться до дома. Теперь я в Киеве!.. — Марина с наигранной радостью развела руками. — И теперь понимаю, почему меня перекинуло именно сюда. На тебе лица нет. Ты выглядишь очень и очень плохо. Для начала, — она спрыгнула с подоконника и подошла к кухонному навесному шкафчику, — тебе бы неплохо было бы поесть. И не смей отказываться! Этого никто не оценит.

Раиса хотела было возразить, но лишь с возмущением наблюдала, как чужая для нее женщина хозяйничала на кухне. Разливала кипяток по кружкам, выставила сахарницу и чайник с заваренным чаем, тарелку с нарезанным хлебом, колбасу и сыр, а затем командным тоном, указав пальцем на стул, сказала:

— Садись. Сейчас мы будем тебя кормить.

Рая вопросительно подняла бровь, но послушно села за стол. Происходившее ее немало смущало, она верила и не верила словам новой знакомой, но это всяко лучше того одиночества, в котором ей приходилось жить не первый год.

— А теперь расскажи мне, почему ты так хреново выглядишь.

— Ну... — девушка ступевалась, подбирая нужные слова, — на самом деле я думала, что моя история знакома всем. Мой муж работал пожарным, когда случилась авария, он был на смене, он тушил пожар вместе с другими ребятами, и скончался вместе с ними через две недели от лучевой болезни. Он умер, пока я хоронила его близких друзей. Я до сих пор не верю, что это случилось со мной!.. — она закрыла лицо руками и горько разрыдалась.

Марина понимающе хмыкнула и протянула ей горячий чай.

— На самом деле я поражена твоей стойкости. Я в курсе твоей истории, но не думала, что когда-нибудь с тобой встречусь. Твой муж очень смелый человек. Он боролся до последнего, чтобы ты жила. Чтобы жили другие. Я не смогу тебя переубедить, это сделает время. Уже ничего не вернуть. Ты обязана жить дальше.

— Не могу! Я люблю его!..

Марина снова хмыкнула и пожала плечами.

— Бог не дает тех испытаний, что нам не по силам...

— У меня просто не осталось смысла жить! У меня его отобрали!

Марина отставила кружку в сторону.

— А как ты думаешь, что или кто мог бы вернуть тебя к прежней жизни? Кроме мужа?

— Ребенок! Мне очень и очень одиноко...

— Ты...

— Да, мне нельзя рожать! Мой первенец умер, едва появившись на свет! Она защитила меня, а я... я... я убила ее!.. — всхлипнула Рая. — И я так же облучена, как и Вася, и... Наташа... — она вытерла нос рукавом платя. — И с тех пор моя жизнь потеряла всяческий смысл! А он... Васенька... он приходит ко мне во снах и разговаривает со мной, приводит Наташу, нашу дочку, и они такие счастливые... Я так хочу к ним... туда...

Марина отвернулась к окну, сделав задумчивое лицо.

— Я не хочу, чтобы тебя сожрала та странная девица. Я попробую тебе помочь. Правда, я не знаю, согласится ли хоть один мужик побывать донором... Тебе придется пересилить свою боль, чтобы жить дальше, иначе ты можешь очень плохо кончить. Я не думаю, что твоему любимому нравится, что ты так сильно себя дерзаешь. Я проведу ночь с тобой, а завтра отправлюсь домой.

Раиса ничего не ответила, лишь опустила глаза, полные слез.

Раиса достала постельное белье из комода, вытряхнула его и застелила простыней сидущку дивана, что стоял напротив ее кровати.

— Я представляю, как Вася спит на этом диване, и сама потом засыпаю, — призналась она Марине, — а иначе ночь превращается в бессонную пытку.

Марина закивала.

— Я все понимаю. Можешь не оправдываться.

— Ты уедешь завтра утром?

— Да. Не хочу тебя стеснять.

— Останься со мной, пожалуйста, — тихо попросила Раиса, — иначе я больше не выдержу, клянусь!

— Ну хорошо. А мама? Вы разве не общаетесь?

Девушка отвела взгляд.

— Она хочет, чтобы я повторно вышла замуж и перестала себя дерзать. А я не могу! Я люблю только Васю!

— Понятно. — Марина вздохнула.

Рая выдала ей теплый плед.

— Днем жарко, а ночью сильно холодает. Сентябрь все-таки, не лето.

Марина согласно закивала.

— Спасибо.

— Знаешь, я бы хотела сказать одну вещь, — помолчав, добавила она. — Это прозвучит очень странно, но что бы тебе сегодня не приснилось, я буду в твоём сне. Я прогоню ее. Но ты должна прекратить мучения, иначе все напрасно.

Раиса кивнула.

— Хорошо, я запомню.

Свет в квартире погас. Целый новопостроенный район погрузился в безмятежный сон. Марина взглянула на мирно спавшую девушку и, затушив бычок в пепельнице, улеглась на диван, прикрывшись одеялом. Некоторое время она сверлила потолок пустым взглядом, а потом уснула под колыбельную тишины.

Проснулась уже в другом месте. Вокруг волнами шла вода, скрывая под собою твердую поверхность. Внезапно по глазам ударил свет, заслонив все вокруг, а когда угас, на его месте появилась маленькая девичья фигурка. Белое платье, казалось, было соткано из плавающих по небу облаков. Короткая прическа. Светло-каштановые волосы. Глубокие карие глаза. Девочка улыбнулась и подошла к Марине.

— А где моя мама?

— Мама?.. — Марина растерялась.

Малышка внезапно хищно улыбнулась.

— Тебе меня никогда не победить, — заявила она и, развернувшись, ушла куда-то.

Свет снова больно ударил по глазам. Когда Марина убрала руки, снова увидела вокруг пустоту и темноту, иногда нарушаемые всплеском волн под ногами. Она медленно направилась к ослепляющему сиянию, который появился из ниоткуда. Чьи-то равномерные удары сердца. Тяжелое дыхание. Радужные круги, исчезающие во мраке. Телефонный звон, а потом опять все стихло.

— Рая!..

Марина увидела девушку, целовавшую и обмывшую мужчины с темными, слегка вьющимися, волосами. Он повернулся, и на мертвецки-бледном лице просияла знакомая хищная улыбка. А потом обратил свой взор на Раю и небрежно чмокнул ее в макушку.

— Сто-о-ой! Не верь ему! Это Кошмар!

— Что она говорит? — Раиса удивленно посмотрела на мужчину.

— Она все врет. — Он злобно взглянул на Марину.

— Я говорю правду! Это не твой муж Василий, а та кошмарная девица!

Василий отступил, криво усмехнувшись.

— Ну, твоя взяла. Только не думай, что я так просто отступлю.

И он растворился подобно дурному сну.

Рая заплаканными глазами посмотрела на Марину.

— Лучше б ты этого не делала, — рыдая навзрыд, произнесла девушка.

— Ты хочешь, чтобы это существо тебя сожрало? — ужаснулась Марина.

— Да, хочу! Мне так было хорошо...

Марина схватила Раису за руку.

— Будет еще лучше, если ты прекратишь страдать!

— Нет, не будет! Без Васеньки жизнь не имеет смысла!..

— Прекрати, — поморщилась Марина. — Жизнь не заканчивается, она только начинается. Ты еще молодая, — она посмотрела на девушку снизу вверх, — и у тебя все еще впереди. Не корми черта своим негативом, ты себя только губишь.

Позади послышался какой-то шорох.

— Подожди меня здесь. Я посмотрю, что там.

Марина оценивающе взглянула на Раису и поспешила к тому месту, где раздался неприятный звук.

На воде лежал небольшой клочок бумаги.

“Она в Припяти”

— Руки вверх! Чтобы я видел!

Света от испуга выронила шприц и подняла руки вверх.

— Не стреляйте! У нас роженица! И маленький ребенок!

Высокий мужчина в военной форме и с завязанной банданой на лице сурово взглянул на женщину, что лежала в гинекологическом кресле с раздвинутыми в стороны ногами. По лбу катились крупные градины пота, а сама она сверлила пустым и бессмысленным взглядом недавно побеленный потолок. Грудная клетка равномерно опускалась и поднималась. Солдат целился в живот рожавшей женщины и недоверчиво поглядывал на испуганных медсестер.

— Прошу... Она ни в чем не виновата...

— Она русская?

Этот вопрос был подобен грому среди ясного неба.

— Да-а, но-о...

Тут спор прервал крики новорожденного младенца. Света повернула голову и увидела облегченную улыбку на лице только что родившей женщины. Тут ее глаза стали стеклянными, рот открылся, а ровная, гладкая и на вид румяная кожа стала мертвецки-бледной.

Солдат схватил младенца за ногу.

— Русский?! Он русский? — и тыкал стволом в громко кричавшего ребенка.

Света не успела ответить. Ее подруга тоже.

Младенец успел только завизжать, когда мужчина с замотанным лицом вышвырнул его в окно. Недолгая пауза. Маленькое тельце упало на землю, а затем стало тихо. Солдат с яростной миной наставил на испуганных девушек дуло пистолета, пока его подельник искал шмонал шкафчики в поисках спирта и морфия. Двое грозных боевиков в салатного цвета форме забежали в роддом, расстреляли по пути несколько человек, пытаясь отыскать хотя бы нечто отдаленно похожее на наркотик.

Все изменилось несколько лет назад: когда впервые заговорили о перестройке, внутри Республики Таджикистан начал происходить раскол — коммунистическая элита принялась конфликтовать с формирующейся оппозицией, партиями исламского возрождения и демократической партией Таджикистана. Они, в основном, состояли из представителей различных кланов и религиозных деятелей. Мирная жизнь людей в одночасье превратилась в сущий ад. По улицам ходили вооруженные солдаты, что стреляли по незащищенным, ни в чем неповинным, людям.

Дороги были украшены кровью и трупами.

— У нас нет морфия! И даже спирта медицинского, и того нет! Есть остатки самогона, берите и уходите! — Светлана вышла немного вперед, решив, что, если кому и стоит вступить за раненых и перепуганных пациентов, то пусть это будет она.

Разговаривать в таком тоне с бандитами было, конечно, рискованно. Ей было страшно, однако девушка прекрасно понимала — второй солдат рано или поздно не выдержал бы: легкое движение руки, выстрел, и она труп. Такие, как он, не промахиваются. Одна пуля, один убитый. И его не остановит даже то, что она беременна. Не заметить очертание живота солдат не мог, но ему явно было плевать на это.

— Ты, кажется, ничего не поняла, — на ломаном таджикском произнес озлобленный бандит, — здесь мы диктуем правила, а не вы. Вы презренные гяуры (свиньи) и ваш удел, встать на колени, подчиняясь! — он сердито сплюнул, а затем наставил на Светлану автомат. — И где ваша великая большая страна, а? Мы теперь свободны, а вы, презренные воры, приходите на нашу территорию и занимаете ее! Мы не звали вас сюда! Это наша земля! И тебе, тварь, лучше заткнуться и сидеть тихо!

— Не трогайте ее, она беременна!

Света мысленно выругалась, обозвав говорившего самыми "теплыми" словами, какие у нее имелись в арсенале. Зачем, ну зачем? Это бы ничего не изменило, эти ублюдки пришли сюда убивать, и им плевать на подобные вещи.

Бандит усмехнулся и наставил дуло автомата ей в живот.

— Не боишься, что твой сучонок умрет вместе со своей мамашей, а? Неверным и их выродкам одна дорога — в ад!

Светлана подняла глаза на бандита. Время спрессовалось, замедлилось. Она схватила бандита за руку, ударив большим пальцем в район шеи и одновременно вырывая из его рук автомат. Послышался короткий хруст, видимо, бандит сломал палец. Но это уже было неважно. Завладев автоматом, девушка пнула бандита ногой и коротким

рывком перехватив оружие выстрелила.

Пуля попала в череп, оставив небольшую дырочку во лбу, а вот за спиной убитого стена оказалась забрызгана мозгами и кровью.

Второй бандит пытался выстрелить в молодую хрупкую женщину, но не успел. Светлана развернулась корпусом, уходя с линии огня, и снова нажала на курок. Бандит рухнул там же, где стоял. Света перезарядила автомат и бегло осмотрелась. Девушки сбились в кучку и даже не кричали, только прикрывали головы руками. Светлана переступила через труп убитого первого бандита и осторожно подошла к двери. Прислушалась. Тишина. Но надолго ли? Выстрелы не могли не услышать. Она обернулась к остальным, все так же испуганно жмушимся друг к другу девушкам, и сказала:

— Уходим. Аккуратно и быстро.

Света вышла первой. Прижавшись к стеночке, она едва слышно вела за собой напуганных до смерти женщин и каждый раз выглядывала, боясь, что шакалы заметят их и примутся стрелять. В патроннике оставалось мало патронов, и Светлана надеялась прошмыгнуть незамеченной. Но, заметив в коридоре вооруженных людей, охнула и от страха попятилась назад.

“Десять человек... А патронов с гулькин нос!..”

— Значит так, — после недолгого молчания едва слышно сказала Света, — придется уходить через другой выход. Патронов осталось мало, шансов, что нас не заметят, ноль, поэтому мы сейчас вернемся обратно и спустимся по пожарной лестнице.

— А раньше нельзя было что ли? — возмущилась одна из дамочек.

— Я не думала, что их столько много! — тоже возмущилась Светлана. — В общем, я никем не собираюсь жертвовать. Если придется, буду отбиваться до конца, другого выхода нет.

— А потом?

— Суп с котом! Уходим! — громким шепотом приказала девушка и как напуганный кот попятилась назад.

Они вернулись в акушерскую палату в считанные секунды. Светлана подбежала к окну, что оставалось распахнутым, как пуля взлетела на подоконник и, нащупав поручень лестницы, принялась спускаться вниз. Дамочки послушно направились следом. Света повисла на последнем поручне и, разомкнув пальцы, лихо прыгнула вниз. Вокруг больничного здания росла высокая трава. Девушки, заметив бандитов с автоматами наперевес, пригнулись и, едва не ползая на карачках, принялись идти в сторону главного выхода.

— Я очень сильно рисковала, — призналась потом Светлана, сидя в темном убежище, где прятались ее мать, Ирина, сравнительно молодая женщина, и муж, у которого есть имя, но за все происходившие тогда события он не проронил ни слова, — если бы что-то пошло не так, нас бы всех убили. Ты просто отличный солдат, мама! На войне тебе бы не было равных.

Ирина посмотрела на усеянную трупами дорогу. Маленькое решетчатое окно позволяло наблюдать за всем, что происходило в городе, и при этом оставаться незаметной.

— Когда-то твоей маме пришлось служить в советской армии, — спустя недолгое молчание произнесла молодая женщина, — тогда прилагательное “советская” еще что-то значило и даже внушала ужас нашим противникам. А сейчас... Не-е-е, теперь мы — беззащитны. Теперь мы нуждаемся в помощи и поддержке. Знаешь, когда все это началось, я все еще работала бухгалтером. Помнишь, я тебе рассказывала про молодого юношу? Мы с ним были неразлучные друзья. Когда все это началось, он заявился ко мне в кабинет и потребовал мне свалить из его страны. Да, матом. Я не выдержала. Изорвала на нем все то, что он привез из Ленинграда, набила ему морду и вышвырнула. Ненавижу лицемеров.

— И что теперь? Куда нам идти? — воскликнула Света и развела руками.

— Я знаю одно место. Слышала о нем по радио.

— И что это за место?

Ира повернулась и в упор посмотрела на дочь.

— Чернобыль.

Последний автобус из Душанбе отправлялся поздним вечером. Ирина еще раз перепроверила все сумки, поставила их у своих ног, а ее дочь, пока не пришли вооруженные бандиты рыскать в их вещах в поисках оружия, спрятала пистолет Макарова под кучей юбок. Примотала его к ляжке с помощью бинтов. Один единственный в семье мужчина упорно хранил молчание.

— Автобус!..

Света встрепелась.

— Готовьтесь, — шепнула дочери и зятю Ирина.

Когда автобус остановился и приветливо распахнул дверцы, они, подхватив сумки, вместе с остальными полезли в салон. Пассажиры едва успели устроиться на удобных сиденьях, как в транспорт влетели бандиты, целясь автоматами в напуганных до смерти людей.

— Молчать! — крикнул с прикрытой капюшоном головой молодой мужчина. На нем висела холщовая накидка, а на лбу зияла странная татуировка, написанная на идише. — Проверка документов. — И добавил: — Шаг влево, шаг вправо попытка к побегу, прыжок — попытка взлететь, расстрел!..

— Артист, заткнись! Ты мне мешаешь читать! — прикрикнул на него второй вооруженный бандит.

— Ну что за скучный человек, — наигранно скривился его дружок, — я пытаюсь развеселить народ, а он, видите ли, читает!.. Да я, если бы ты знал, столько лет мечтал, как увижу лица этих прожженных своей лживой пропагандой людей, как направлю на них ствол и пушу пару добрых десятков пуль им в рожу. Оно того стоит, поверь. Вся эта советская лабуда, коммунизм, добро для всех, а по факту — одна большая тюрьма. Ненавижу вас, коммуны! И эта сраная страна... Она отвернулась от вас, а мы теперь вершители ваших судеб! — бандит развел руки в стороны. — Ликуйте, господа! Сегодня решается ваша судьба!..

— Все сказал? А теперь будь так перпендикулярен забрать у этих овец паспорта! И хватит выпендриваться!

Бандит, тот, что с капюшоном, больно скривился и пошел вдоль ряда, выхватывая паспорта из дрожащих рук побледневших от ужаса пассажиров. Осматривал салон, вглядывался в лица молодых мужчин. Захватчики не выглядели старше: совсем еще сорванцы, едва окончившие школу. Главным их аргументом было оружие — литый красавец Калашников на кожаном ремне, отточенный заранее кинжал за поясом и там же суровый Макаров с полным магазином, на случай незапланированного бунта.

— Чисто! — крикнул вооруженный бандит своему напарнику, и тот молча кивнул. — Ну что, товарищи господа, — с нарочито издевательским сарказмом произнес солдат, разведя руки в стороны, — начнем потеху? — и схватил первого попавшегося паренька за шкуру, насильно стащил с кресла и вышвырнул из салона, где ожидали его дружки.

Воцарившуюся было тишину пронзил громкий женский визг. Светлана невольно вздрогнула, когда бандит остановился рядом с ее мужем, но, присмотревшись, почему-то передумал и схватил другого молодого мужчину. Вытолкнул его из автобуса, заставил встать несчастного на колени и, тыкая стволом, на ломаном таджикском приказал вылизывать новенькие кеды.

— Отпустите меня, умоляю! У меня жена недавно родила, трое маленьких детей! Прошу, не убивайте!..

— Делай что велют, если тебе твоя жалкая жизнь дорога!

Света, дрожа одновременно от испуга и ярости, повернулась к окну и увидела, как мертвецки побледневший паренек ползал на карачках и лизал языком шершавые подошвы армейских ботинок. Рука сама потянулась к ноге, к которой был привязан пистолет, но мать вцепилась в тонкое запястье своими цепкими пальцами, заставляя передумать. И Светлана проглотила рвавшиеся наружу обидные слова и намерения. Не было это похоже на голливудский фильм или остросюжетный роман, все происходило наяву, и любое импульсивное действие могло привести к необратимым последствиям.

Света облегченно вздохнула, когда автобус наконец сдвинулся с места.

— Уезжайте, трусливые свиньи, и больше никогда сюда не возвращайтесь! — а под конец торжествующий дьявольский смех.

Один из бандитов взвел курок.

Тра-та-та-та...

Светлана крепко зажмурилась.

— Терпи, дочка. Недолго нам осталось.

— Ты уже решила, где рожать будешь?

Светлана переступила порог давно покинутого дома и резко выпрямилась, разминая затекшие после долгой поездки мышцы.

— Здесь! — воскликнула она. — Теперь это наш новый дом, я собираюсь в нем жить...

— А ты не боишься радиации?

— А что это такое — ваша радиация? Человек с автоматом?

— Нет, но-о...

— Вот и отлично. И прошу не спорить, — Света слегка махнула рукой, — мы пробыли среди военных больше года, и все ждали, когда нас спасут. Когда мы поняли, что этого не произойдет, решили сбежать в Чернобыль. Люди давно отсюда ушли, Бог оставил эти земли, почему бы тогда нам, несчастным, напуганным до смерти людям не построить здесь другую, более счастливую, жизнь? Да, это не родина, к сожалению, но другого выхода у нас нет. Да и что такое радиация по сравнению с вооруженным бандитом, готовым выстрелить тебе в голову? И здесь так прекрасно... Я не вижу смысла чего-то бояться.

— Ты пробыла здесь меньше суток...

— И что с того?

— Ничего. Совсем ничего. Просто иногда мы очень сильно ошибаемся. А иногда этого даже и не признаем. Ты самоубийца, Светочка. И дите свое убиваешь.

— Я его не убиваю, а спасаю! В Душанбе его бы убили, а здесь... здесь так тихо и спокойно... и люди вон живут! Пусть это и несчастные старушки-бабушки, но они тоже люди! Это их земля, они разрешили нам здесь жить! А это значит, что мы в безопасности, и... О, а это чья малышка?

Из-за угла на двух молодых девушек в жутких домотканых вещах смотрели два пронзительных синих глаза. Темные тяжелые пряди покоились на узеньких плечах, а шею прикрывало высокое горло старого потрепанного свитера. Волосы цвета воронова крыла блестели от капель утреннего дождя. На ногах красовались резиновые сапоги.

Малышка вышла вперед и совершенно искренне улыбнулась.

— О боже, что это за чудо! Как тебя зовут, принцесса?

Света заметила, как ее новая подруга смертельно побледнела.

— Это... она...

Девочка, как ни в чем не бывало, продолжала улыбаться.

— Чудная кроха.

— Если бы ты знала... — и девушка замолчала, заставляя Светлану удивляться.

Полесье. Пару лет назад

Когда молодая цветущая женщина вошла в спальню, где у нее стояла детская кроватка, то не смогла сдержать крика изумления вперемешку с ужасом.

На обычной двухместной кровати сидела девятилетняя девочка. На голове ее красовался шикарный белый бант из прозрачных лент. Только что выглаженная, расходящаяся волнами, юбка, белоснежная рубашка, а под ней — тоненькая маечка, скрывавшая два набухших бугорка.

На своих руках, покачиваясь в разные стороны, она держала четырех годовалую кроху. У бедного ребенка слипались глаза, а изо рта текла небольшая струйка крови.

— О боже, Вика! Моя маленькая Вика!..

Когда случилась авария, их не стали эвакуировать. Поселок городского типа Полесское располагался в нескольких километрах от Чернобыльской атомной электростанции, и те апрельские ветра не раз заносили радиацию в небольшое людское прибежище. О самом мощном радиоактивном “западном следе” заговорили еще в мае восьмидесят шестого — когда по мирному ярко-синему небу плыли спокойные белые облака, переполненные опасных веществ. Солнечные лучи приятно согревали, и страшная весть о случившейся трагедии казалась чем-то фантастическим, нереальным, словно чьим-то кошмаром, воплотившимся наяву.

Возмущенные новостью жители собрались у входа в здание местного райкома партии и требовали немедленного эвакуирования.

— Припать-то с Чернобылем выселили, а мы что, не люди, что ли?! — эти громкие и пронзающие слух и сердце выкрики были подобны раскатам грома среди мирного неба. — Немедленно эвакуируйте нас отсюда! Мы тоже хотим жить!

Среди них находилась и женщина с умиравшим от онкологии ребенком на руках. По бледному лицу катились крупные слезинки, пальцы покрывала мелкая, до судороги, дрожь, а из-за рта вырывался полустон, полувсхлип. Девочка пребывала в полубморочном состоянии — на время приходила в себя, осматривала творившийся вокруг сумасброд, а потом вновь теряла сознание.

— Дети умирают! Вы чего творите?!

— Никто отсюда не уедет! — толпу пронзил громкий мужской голос. — А если кто-то будет перечить решению райкома партии, то вылетит из страны с “волчьим билетом”! Я уж за этим прослежу!

— Мама, я умру?

Когда Вика задавала ей этот вопрос, у нее заходило сердце. Слезы и вопль отчаяния рвались наружу, но она собирала остатки смелости и через силу улыбалась. Это выглядело фальшиво, но становилось намного больнее, если маленькое ни в чем неповинное дитя начинало плакать.

Когда случилась авария, Вике исполнился всего годик. Это был самый счастливый, но самый короткий период в ее жизни — жизнерадостная, полная сил и любви, хрупкая малышка превратилась в большое, умирающее от неизлечимого заболевания, существо. Девочка облысела, а от принимаемых ею гормонов сильно располнела. Первый приступ случился как раз на первый день ее рождения — малышка лежала в детской кроватке, глаза ее загноились, изо рта текли обильные кровь и рвота, а ее лоб был настолько горяч, что можно обжечься.

И та девятилетняя, появившаяся из ниоткуда, школьница, что укачивала ее заболевшую маленькую дочку на своих хрупких руках...

— Послушай, солнышко, — выдержав паузу, произнесла матушка, — я договорилась с местными телевизионщиками, они приедут к нам снимать передачу о тебе, о твоей болезни, о нашем небольшом городе и о том, что случилось здесь несколько лет назад... — она снова замолчала, раздумывая. — Понимаешь, золотце, твоя болезнь... она появилась не просто так. Несколько лет назад наш город был процветающим благодаря атомной электростанции. Это такая машина, которая обеспечивает людей электричеством. Ну, так получилось, что случилась авария, и люди вынуждены были уехать, а ты, моя маленькая очаровательная кроха, заболела...

— Я знаю, мам.

Матушка смертельно побледнела.

— О... Откуда?..

— Мне Алина сказала.

— Какая Алина?

— Та девочка, моя подруга, она еще ко мне приходит. Она и во сне ко мне приходит. И все-все рассказывает.

Изумленная женщина хлопнула густыми ресницами, а затем продолжила, вновь обретя дар речи:

— Детка, мы с нашими дальними родственниками хотим увезти тебя в Швейцарию. Там тебя точно вылечат.

Мы написали о тебе в газете, обратились на телевидение, и я очень хочу, чтобы ты не теряла надежду, моя маленькая кроха, — она присела на корточки перед молчаливой девочкой, — все обязательно образуется, вот увидишь! Ты будешь жить и радоваться, как все нормальные детки...

В дверь позвонили.

— Это они. Ты присядь в кресло, а я им сейчас открою.

Вика расправила красное вязаное платье и устроилась в кресле, пока матушка снимала с двери тяжелый засов, приглашая внутрь долгожданных гостей.

Над поселком опустилась темнота, укрывая оставшиеся в живых дома своим мрачным полотном, сотканном из звезд и полумесяца. Уже стояли первые осенние холода — стекла на окнах покрылись тонким слоем льда с изящным узором. Деревья уже давно сбросили пожелтевшую листву на промерзшую землю. Иногда с неба сыпались хрупкие снежинки и тут же таяли, касаясь грязной поверхности.

Матушка уложила Вику в постель, накрыла ее теплым одеялом и, чмокнув в лоб, ушла из комнаты, тихонько прикрыв дверь.

— Они обязательно придут и вылечат тебя. Вот увидишь.

Виктория тяжело вздохнула и, прикрыв веки, засопела.

Мрачная тень шагнула к кровати. Сползла по стене на пол, сплетаясь в маленькую тоненькую фигурку. Алина поправила взъерошенные волосы и подошла к спящей девочке. Простерла над ней руки, хищно улыбаясь и облизывая пересохшие после перехода из темной стороны губы.

— Что ты делаешь?

Гостья приставила палец к губам. Накрыла ладонью девочкины глаза.

Вика не успела и пикнуть, как начала медленно погружаться в темноту. Постель под ее тяжелым телом провалилась, исчезла, а девятилетняя школьница с ехидной улыбочкой стремительно превращалась в маленькую точку. Сознание куда-то ушло, сердце нещадно забилося, грозя выпрыгнуть из груди, лицо запылало от сильной температуры, и из приоткрытых уст девочки вырвался последний стон.

Виктория скончалась.

Алина наклонилась и, поднатужившись, подняла девочкино тело со скомканной постели. В соседней комнате горел свет, лампочка яростно замигала, и матушка, не сумев сомкнуть глаз, бросила вязание на сидущку кресла.

Молодая цветущая женщина едва не рухнула без сознания, когда в гостиной появилась темноволосая девятилетняя бестия с пронзительными синими глазами и с ее мертвой малышкой на руках.

Зима наступила неожиданно. Легкий снег, медленно падавший с хмурого неба, засыпал панельные и кирпичные дома, украшая их белыми шапками. Ветви деревьев сгибались к земле под нелегкой холодной ношей.

Сидевшие в зале ожидания люди громко разговаривали, ходили из угла в угол, дожидаясь прибытия поездов, не замечая раздетую одиннадцатилетнюю девочку. На ней были потертые спортивные брюки и майка, а на ногах красовались кеды отечественного производства. Бедняжка плакала, растирая руками предплечья, и не знала, что ей делать.

...Лена вместе с Персиком покинули небольшой городок, в котором находился специнтернат для чернобыльских детей.

Бурная растительность, высокие деревья и кустарники, закрывавшие двух маленьких детей, помогли тем избежать дальнейшей погони. Даже в самодельном укрытии слышались шум, возня и крики, творившиеся вокруг специнтерната.

Дождь не прекращался ни на минуту. Капли больно падали на кожу, оставляя мокрый холодный след.

— И что нам теперь делать?

Персик равнодушно пожала плечами.

— Если я правильно понимаю, то до Чернобыля буквально сутки ходьбы. Нам нужно туда. Там мой отец.

Девочка с пронзительными синими глазами отрицательно покачала головой.

— Ты хочешь вернуться в эту богадельню для инвалидов?

Персик снова помотала головой.

— Отлично. Тогда пойдешь со мной.

Малышка поджала губы. Ноздри ее от гнева вздулись, но она продолжала упорно молчать, выдавая свое возмущение красным от злости лицом. Легкая искорка пробежала по темным волосам, а глаза стали бордовыми.

Персик начала терять контроль.

— Да что тебе не нравится-то?! Я ищу своего отца, а ты просто идешь со мной за компанию! Или ты предпочитаешь пропасть среди чужих людей?

При слове “отец” девочка внезапно успокоилась, опустила глаза, пустив слезу по бледному от холода лицу.

— Я тоже по нему очень сильно скучаю. Ну, пойдём! Не будем больше тянуть кота за хвост.

Две девочки, посиневшие от холода и икавшие от голода, вышли из леса, когда лучи предрассветного солнца пронзили все еще темное после ночи небо. Осень давала о себе знать — листья деревьев стояли пожелтевшие, тронутые первыми осенними заморозками, трава под ногами покрылась бледно-желтыми пятнами, а затем и вовсе почернела, прижавшись к земле. Везде царили грязь, иней и прохлада, больно кусавшая за открытые участки кожи. Лена стояла в легкой летней одежде, Персик щеголяла в пижаме, но не жаловалась, продолжая утрюмо поджимать губы и бросать взгляды то на спутницу, то на пустую дорогу.

— Очень хочется есть.

Персик равнодушно пожала плечами.

Лена высмотрела город, стоявший вдалеке, и кивнула.

— Пойдем туда.

Ее спутница просто молча согласилась.

...Больше месяца Лена ходила по заполненному людьми железнодорожному вокзалу и плакала. Слезы сами рекой лились из глаз, стекая на грязную от дождей майку. Ей приходилось прятаться от пристально следящих за обстановкой милиционеров, спать по ночам на холодных сиденьях, а после ходить и кланчить еду у проходивших мимо старушек, женщин и хмурых мужчин.

...— Черт! Они все боятся говорить о Чернобыле! — Лена обиженно топнула ногой, тем самым расплескав вокруг себя воду. На улице шел проливной дождь, две девочки промокли насквозь, и им пришлось переждать непогоду на опустевшей автобусной остановке. — Неужели там все так серьезно?

Персик яростно закивала.

— А ты откуда знаешь?!

Девочка промолчала.

Происходившее выводило Лену из себя. Она сложила руки на груди, вытянула ноги в кедах и любовалась ими в течение нескольких минут, пытаясь успокоить возбужденные обстановкой нервы. Мимо проезжали автобусы, машины, и никто не останавливался, когда полуголая девочка вышла на дорогу, пытаясь поймать попутку и покинуть незнакомый для нее город.

— Черт! Черт! Черт! — Лену снова вывело из себя, она стала похожа на разгневанную фурию.

Персик продолжала молчать, думая о чем-то своем.

— Я никогда больше не увижусь с папой!.. — воскликнула в сердцах Лена и, присев на лавочку, разрыдалась.

Ее спутница тем временем сидела рядом и, наморщив лоб, напряженно размышляла, ловя губами крупные капли дождя. Краем глаза девочка наблюдала за терзаниями подруги по несчастью и, прикусив нижнюю губу, подумала: стоит ли ей помогать или предоставить это воле случая?

С одной стороны, ей нечего терять, она вернется домой, а с другой...

А с другой — что?..

Ничего.

Персик встала с лавочки и протянула плакавшей навзрыд девочке руку. Та удивленно подняла глаза и посмотрела на нее.

— Что?

Персик, нахмурившись, начала тыкать пальцем вдаль.

— Ты меня отведешь?

Девочка яростно закивала.

— А... Ну хорошо...

Лена поднялась с лавочки. Персик обхватила ее запястье своими крепкими пальцами и одним рывком перетащила на другую сторону. А потом побежала вперед, молча созывая за собой. Елена, пораженная неожиданным поворотом, осмотрела резко помрачневшую улицу, утопавшие во мгле панельные и кирпичные здания, побелевшую асфальтированную дорогу, а затем направилась за девочкой.

Персик бежала быстро, ловко обегала двигавшиеся ей навстречу автомобили и случайных прохожих. На той стороне они чувствовали легкое дуновение ветерка, и не придавали этому значения. Да и вообще никто не заметил резкое исчезновение двух маленьких девочек. Лена только удивлялась, зная, что ответы на свои вопросы получить не сможет.

Персик привела ее к контрольно-пропускному пункту, одиноко стоявшему среди опустевших дороги и лесной зоны. Некогда маленькие деревца превратились в гигантские ели, сосны, липы и лиственницы, окружая сплошной зеленой полосой оставленный людьми городок.

Сидевший в будке полноватый охранник со скучным лицом читал газету и не увидел, как из ниоткуда появилась девятилетняя девочка, по волосам которой стекал мрак.

Персик, пребывая на другой стороне, указательным пальцем пригрозила Лене оставаться здесь.

— Що ти тут робиш?! Жваво забирайся! — заорал будто бешеный тучный мужчина.

Лена охнула и закрыла рот ладонью, когда плотного телосложения мужик набросился на вид худенькую и хрупкую девочку. Та не растерялась и, подпрыгнув, выстрелила из руки молнией, поразившая несчастного охранника прямо в сердце. Он в последний раз издал писк и рухнул насмерть наземь.

Персик подбежала к изумленной увиденным девочке и одним рывком вытащила ее на свет божий. Побежала по освободившемуся пути, вдоль опустевшей дороги, по которой когда-то ходили машины и автобусы, что развозили людей, живших в этом на вид благополучном районе.

— Сто-ой! — закричала Лена, когда они миновали указательный знак с надписью “ЧОРНОБИЛЬ”.

Персик послушно остановилась, состроив недовольную мину.

— А где все?..

Девочка развела руками и помотала головой.

— Ты не знаешь?

Персик недовольно цокнула, взяла валяющуюся на холодной земле маленькую веточку и, присев на корточки, принялась что-то чертить.

Елена с удивлением наблюдала, как девочка вырисовывала автобус, сидевших в нем людей, а затем перешла к атомной станции, разорванной взрывом и небольшим дымком над ней. В конце рисунка поставила точку, а затем выпрямилась и горящими глазами посмотрела на Лену.

— Про аварию я в курсе, — немного помолчав, произнесла та, — но неужели вывезли абсолютно всех людей и никто за столь долгое время сюда не вернулся?..

Персик пожала плечами.

— Про эвакуацию я помню, да. Но я думала это ненадолго, и... Эй, ты хочешь сказать, что и моего отца здесь тоже нет?!

Девочка снова пожала плечами.

— Мы с отцом проживали в Копачах, это недалеко от станции. Отведи меня туда!

Персик молча развернулась и уже довольно спокойно побрела по асфальтированной дороге, сквозь трещины которой проглядывали уже тронутые первыми заморозками ярко-желтые одуванчики. Девочка неравномерно вышагивала, словно издеваясь над терпением своей спутницы. Она свернула в сторону заброшенных железнодорожных путей и начала перепрыгивать с одной рельсы на другую, насвистывая себе под нос песенку.

— Мы уже пришли?

Персик ничего не ответила, спрыгнула с рельсов, когда те внезапно кончились, и к полному изумлению спутницы, привела ту на слегка холмистую местность. За тоненькими маленькими деревьями пряталось белоснежное, местами треснутое, здание с громадными колоннами. Даже облицовка еще оставалась на месте, хотя ступени уже выглядели заросшими травой и мелкими кустарниками. Чуть подальше красовался одинокий и такой же покинутый детский садик. Ограда которого, кстати, в нескольких местах успела проржаветь. Сырость, вода, дожди и снег сделали свое дело.

— А где... где мой дом?..

Персик развела руки в стороны и покрутилась на месте.

— Это не может быть моим домом!

Но девочка продолжала кружиться вокруг своей оси, пропуская мимо ушей возмущенные вопли спутницы.

— Ты меня не туда привела! Приведи меня куда надо!

Лена отказывалась верить в происходящее. Из глаз полились слезы, и она судорожно начала осматриваться. Ни одной ближайшей избушки поблизости не было — только то старое здание да опустевший детский садик. Это же некогда цветущее, самое прекрасное, место на земле! И их домик... Маленький уютный домик с небольшим огородиком и садом за его пределами...

Что же с ним случилось? Куда он делся?!

В комнату заглянула старая воспитательница.

— Леночка, выйди на минутку, с тобой хотят поговорить.

Лена удивленно отложила книгу и, ничего не понимая, вышла следом за пожилой женщиной.

...Персик исчезла так же внезапно, как и появилась. Как одурманивающий сон, как наваждение, как нечто само собой происходящее, но винить во всем маленькую негодницу не стоило. Лена давно грезила поисками пропавшего без вести отца. Видела в сновидениях и наяву его живого, целого и невредимого, но, столкнувшись нос к носу с реальностью, не выдержала и сдала позиции.

...Лена, не выдержав холода и голода, сама пришла в детский дом. Появившись у закрытой входной двери, она несмело постучала и склонила голову, уклоняясь от порывов пронизывающего ветра. Снежинки больно ударили в лицо. Девятилетняя школьница, обернувшись грозowymi молниями, перенесла ее в столицу, а потом исчезла, растворившись среди уличных теней.

“Папа, где ты? Я так по тебе скучаю!..”

Слезы градом полились из глаз. Лена подняла жалобный взгляд на небо, по которому гуляли дымные снежные облака, пытаясь остановить потоки соленых рек на своем лице. Сопли в носу — не от холода, не от одиноко детского и одновременно отчаянного плача — мешали дышать, приходилось открывать рот и глотать горсть попавших внутрь снежинок.

— О, — дверь открылась, и на пороге возникла тучная женщина в ярком цветастом платье, — ну-ка, заходи, заходи!.. — она затащила околевшую от холода девочку в холл. — Что с тобой случилось? Ты же вся синяя!

— Можно я у вас поживу? — дрожащими губами вымолвила Лена. — Мне некуда идти, мой отец пропал, а я... сбежала...

— Конечно можно, это даже не обсуждается! — дамочка вытащила из шкафчика теплое одеяло и накрыла им голые плечи девочки. — Пойдем, золотце, мы тебя накормим, напоим, и ты нам расскажешь, что с тобой стряслось!

...Лена не стала утаивать своего происхождения.

— Да, я родом из Чернобыля. Нас в семье было пятеро, но так получилось, что я стала жить с папой. — Она сделала глоток горячего напитка. — Я была совсем еще маленькая, и я не знаю всех деталей произошедшего, но мы с папой проживали вдвоем. Вообще-то, он рассказывал мне, что мои братья и сестры живут у бабушки по маминой линии, а его мама, моя вторая бабушка, скончалась еще до моего рождения. После аварии меня вместе со всеми эвакуировали. Папа пропал еще двадцать шестого числа, и с тех пор я ничего о нем не знаю. Я скучаю по нему!.. — Лена не выдержала и разрыдалась. — Я так хочу его увидеть, поговорить с ним, я с ума схожу от тоски, я даже сбежала из специнтерната, куда меня отправил детдом, в котором я жила после эвакуации, чтобы отыскать его!.. Я была там... в Ч-Чернобыле... там одна пустота, и... ничего более... Это так... ужасно!..

...И каково же было ее удивление, когда маленькую одиннадцатилетнюю сироту, эвакуированную из радиоактивной зоны, восприняли как нормального человека, как обычного члена общества, безо всяких оскорблений и указаний на бывшее место проживания.

...Лена вышла в коридор и едва не лишилась чувств.

— Леночка!.. — распахнула свои объятия высокая светловолосая дама. Ее золотистые кудряшки забавно подпрыгивали, стоило ей невольно качнуть головой. Высокий бюстгальтер выгодно подчеркивал грудь, а каблук — стройные, как у молоденькой девушки, ноги. — Боже мой!..

— Тетя Маша?.. — Елена от изумления открыла рот.

— Да, золотце, это я! Ну же, иди ко мне, я тебя обниму!

Лена бросилась к тетушке и обняла ее, уткнувшись носом в белоснежную кофточку с рюшками, пахнущую стиральным порошком.

— Как же я рада, что нашла тебя! Когда я узнала о случившемся, то не знала себе места...

— Теть Маш, а вы ничего не знаете о моем папе?

Тетушка пристально посмотрела на воспитательницу.

Та опустила глаза.

— Я пришла сюда, чтобы забрать тебя к себе, — тетя присела на корточки и погладила девочку по предплечьям, — а после рассказать все, что случилось с тобой, с твоим отцом, со мной. Забери-ка свои вещи, детка, а мы с тетей директором поговорим о твоём дальнейшем будущем.

Лена кивнула и покинула холл.

Она старалась понять, что происходит, но отбросила эту затею и побежала собирать свои вещи.

Бордового цвета иномарка выехала с территории детского приюта поздним вечером. На улице лил самый противный, самый холодный пронизывающий ветер. Под колесами шуршала осенняя листва. Лена взглянула на голые ветви деревьев и вспомнила, как четыре года назад, в эту же самую пору, вместе с загадочной девочкой на свете, отправилась в Чернобыль на поиски отца. Та холмистая местность до сих пор стоит у нее перед глазами.

То место, где когда-то был их дом.

— Теть Маш, а как вы узнали, что я в детском доме?

Тетушка сидела за рулем и, не отрываясь, смотрела на дорогу. Дворники старательно чистили лобовое стекло от падавших на них дождевых капель, сохраняя видимость пути. Впереди собралась пробка. Иномарка остановилась, двигатели заглохли. Тетя достала из сумочки сигареты с фильтром, прикурила и, выпустив дым, ответила:

— Связи. Я же теперь очень важный человек, чиновник, если можно так сказать. Мы с твоим папой много на эту тему ругались, он считал, что женщины не рождены, чтобы стоять у власти. — Она хихикнула. — Про Чернобыль еще долго говорили. Я помню тот милый домик в Копачах, я приезжала как-то к вам, ты еще маленькая была...

— Этого домика больше нет.

— Я знаю. Я достала специальный пропуск, поехала в Зону Отчуждения, нашла то место, а потом узнала, что дом захоронили вместе с остальными зданиями. Сказали, радиоактивность была большая, они все облучены были, власть приняла решение их снести и похоронить... как людей.

— Меня тогда эвакуировали вместе со всеми, я долго отлежала в больнице, потом меня отвезли в детдом, а из детдома в специнтернат. Воспитатели не хотели с нами возиться, отправили к таким же, как мы. Оттуда сбежала. Я была в Чернобыле. Это долгая история. Я... Я просто искала своего отца. Не нашла. Думала, вы знаете, но я так понимаю, что нет...

— Давай-ка мы приедем домой, и я потом все тебе расскажу.

Лена больше не стала мучить тетю вопросами и молча отвернулась к окну. Там, по ту сторону, жизнь продолжалась. Да, большой и великой страны больше нет. Да и прежнюю счастливую жизнь не вернешь. Но и прошлым жить тоже не имеет смысла. Хотя необходимо время, чтобы со всем свыкнуться и принять новую реальность такой, какая она есть сейчас.

Иномарка, просигналив, въехала на территорию большого, на вид нового, дома, огороженного шлагбаумом. Остановившись у открытого настежь подъезда, тетушка вместе с пятнадцатилетней девочкой вышли из автомобиля и прошли внутрь холодного помещения, поздоровались с консьержкой и поднялись на третий этаж.

— Проходи. — Тетя отперла замки на железной двери.

Они вошли, поставили на сумки в проходе, а затем прошли на кухню, где висели плотные занавески.

Тетушка поставила чайник на плиту, расставила на столе кружки и тарелки с десертом, затем прикурила сигаретку и, показав взглядом на пустое место рядом с собой, начала:

— Мы с твоим папой договорились, если с ним что-то случится, я заберу тебя к себе...

— Что-то ваша помощь слегка припозднилась, — перебила тетю Лена, расправила юбку и села на стул, вытянув перед собой руки.

— Я искала твоего отца! — дамочка развела руками.

Елена усмехнулась, перехватила у нее пачку сигарет и, вытащив одну из них, закурила.

— Ты это дело бросай. Негоже девочке курить.

— И что же стало с моим отцом? Вы же что-то выяснили, я правильно понимаю?

— Для начала давай на "ты". Мы теперь люди не чужие, так что... Да, я выяснила, что случилось с твоим папой. — Тетя набрала в легкие воздуха и продолжила: — Когда на станции случилась авария, твоего отца той же ночью вызвали, и он вместе со всеми пытался потушить пожар. Сильно обгорел, от сильного облучения попал в больницу, и...

— И?..

— И умер. Твой папа умер, Лен.

Елену словно пронзили острой стрелой прямо в сердце. Она, раскрыв рот от изумления, смотрела на тетку, вытаращив глаза. Это известие было подобно грому среди ясного неба — надежда, что отец все еще жив и ищет ее, разрушилась на кусочки, оставляя после себя пустоту и отчаяние. Дыхание перехватило, заставляя биться сердце чаще, отзываясь с сильной болью в душе, будто из-под нее выбили стул, и она падает — не на пол, а в бездонную яму, полную бесконечных страданий...

Лена стояла на берегу реки и, обхватив себя руками, плакала, смотря на постепенно исчезающую линию горизонта.

— Мой папа умер...

Глава VIII

Бордовая иномарка остановилась у опущенного шлагбаума. Дамочка высунула руку, сделала жест, и молоденький охранник в салатовой форме послушно нажал кнопку на панели. Когда проход освободился, машина полетела по ровной асфальтированной дороге вдоль густого леса, пронзая скоростью воцарившуюся гробовую тишину.

— Опять ты за старое! Сколько можно тебе говорить?!

Лена пропустила замечание тетушки мимо ушей и привычно прикурила сигарету, вытащив позолоченную зажигалку из бардачка.

— Ты решила меня увезти из города насовсем?

— Пока на лето. А если дело пойдет так и дальше, то придется обучать тебя на дому! Какого черта ты там устроила?

— А что, я должна была молчать?

— Я не про это! Зачем ты устроила драку? Да еще на глазах у всех?!

...Очередная годовщина чернобыльской трагедии проходила в той самой школе, куда Лену после возвращения из детдома определила ее тетушка. Преподаватели решили провести необычный урок — привести в образовательное учреждение тех, кто спасал жизни нынешнего и будущего поколений ценой собственной. Лена восприняла эту идею в штыки, о чем любезно сообщила единственной родственнице.

— И что тебе не нравится? — возмущенно сложив руки на груди, отреагировала та. — По-моему, очень даже неплохая идея! Поблаговаришь тех, кто спас твою жизнь, заодно помянишь своего отца, расскажешь всем, какой благородный подвиг он совершил!..

— В том-то и дело, что об этом никто не знает! — воскликнула Лена и приложила руку ко лбу. — Я придумала красивую историю, где мои родители погибли в автокатастрофе! И все потому, что ко мне в первом детдоме относились как к куску дерьма, потому что, видите ли, я чернобыльская! Чернобыльская, Маша! И ты думаешь, эти люди нам благодарны? Во всяком случае моему отцу! Да плевать они на это хотели! Они шарахаются от нас как от прокаженных!..

— Ну не все же такие, Лена!..

— Ты просто этого не понимаешь!.. Ой, ладно, замяли тему...

...— Ну-ка, встаньте-ка все дружно! — на следующий день начались мучительные — для самой Лены — подготовки к знаменательному для учителей празднику. Дамочки в возрасте сгоняли девочек в белых блузках и черных юбочках в кучку, протягивая отпечатанные на машинке листы. — Этот текст нужно выучить до следующего вторника!..

Лена с недоверием заглянула в текст.

— Что?! Что вы здесь написали?!

Одна из преподавательниц осмотрела девушку с ног до головы.

— Леночка, тебе что-то не нравится? — приторно-сладким голосом обратилась она к Лене.

— Елена Васильевна, но здесь написана неправда!..

— Там все написано как есть!

— Но я была там! И такую глупость могли написать только те, кто никогда там не был, то есть вы!..

Наступила пауза.

— Что?.. — одноклассницы начали перешептываться. — Ты была в Чернобыле?..

— Да, и это моя родина!

— Но-о...

— Мой отец погиб там из-за аварии! Он умер от лучевой болезни!

Напуганные неожиданным поворотом девочки начали шушукаться.

— Так значит ты тоже чернобыльская? — через некоторое время заявила одна из них, довольно потирая ручки. На глубине ее глаз притаилась хитрость, злая уловка, из-за чего взгляд стал насмешливее, и с ухмыляющейся улыбочкой девочка продолжила: — То-то ты больно странно выглядишь... Не радиация ли тому причина?

— Не говори глупостей! — резко отреагировала Лена. — Радиация всего лишь гамма-излучение, и не более!..

— Но из-за нее люди становятся мутантами. И ненормальными, — со злой улыбочкой добавила одноклассница.

— Это неправда!..

Девочки вмиг отступили в сторону, стараясь держаться подальше от Лены.

— И это ваша благодарность за спасенные жизни? Это называется свинство, неблагодарность! И этой неблагодарностью вы хотите окружить людей, что рисковали собственной шкурой спасая ващу?! — с болью в

сердце воскликнула Елена. — Мой отец погиб, пытаясь спасти вас от ядерной зимы, весны, лета, что, впрочем, неважно, важна сама суть!..

— Ну вот, — грустно протянула девочка, продолжая издевательски улыбаться, — а мы думали, ты нормальная...

...Лене не оставалось выбора, как продолжать ходить в уже поднадоевшую своими моральными принципами школу и терпеть игнорирование со стороны когда-то близких и лучших друзей.

— Маш, они нас за людей не считают! Маш! — в свой упрек она вложила больше силы. — Разве это справедливо?

— Не обращай внимание. Глупцов не переделаешь.

Елена пришла в школу самой первой. Коридоры на втором этаже пустовали, и она нехотя, с тяжелым камнем на душе, поднялась в кабинет, где должен проходить урок физики, которую она тихо ненавидела. Хотя в последнее время девочка проводила в раздумьях, через которые пришло понимание, что техника здесь не виновата, и ее поломка лишь вина рук человеческих. Не туда поставили, не то прикрутили — всякое бывает. И с каким-то смирением смотрела на фотографию Чернобыльской АЭС, что висела у них в кабинете.

Сумка сама выпала из рук. Челюсть едва не упала на пол, увидев парту, за которой Лена сидела, на середине комнаты, а остальные столы стояли вплотную к стене и возле окон. Стулья сбиты в кучу. Единственный, ее, валялся где-то неподалеку. На парте циркулем было выцарапано:

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ СУКА

Лена пулей вылетела из кабинета, услышав в коридоре громкий издевательский смех. Эмоции затмили разум. Гнев и ярость смешались воедино, разливаясь по венам бурными, словно река, потоками. Она увидела ту девочку, что смеялась над ней на годовщине, и, недолго думая, кинулась на нее с кулаками. Вражина только этого и ждала, легко уклонившись от удара.

— Ты думаешь, это спасет твою репутацию? — посмеивалась она, каждый раз ускользая от атаки. — Я сильнее тебя, милая! — выкрикнула девочка и, подпрыгнув, пнула Лену. — Мое настоящее эго тебе помогло, а я помогать не стану. Я просто съем тебя вместе с негативом, который ты сейчас излучаешь!..

Ребята замкнули дерущихся в кольцо. Они громко кричали, размахивали сжатыми в кулак пальцами и больно тыкали в спину, подталкивая Лену к середине круга, прямо к вражине. Та издевательски хихикала и старалась исподтишка ударить. Елена быстро сообразила — она не станет ждать, когда удар снова прилетит, — и, размахнувшись, с силой толкнула девочку, что та, растерявшись от неожиданности, влетела в толпу гогочущих детей.

Девочка распласталась на полу.

Толпа громко ахнула.

Вражина внезапно подскочила и вихрем полетела на Лену. Толпа снова взревела. Елена не стала ждать и, как заправский самурай из голливудского фильма, начала размахивать ногами перед носом озверевшей девочки. Наносила удар за ударом, и та не успевала уворачиваться, терпя унижительное поражение.

Лена в последний раз размахнулась и вдарила однокласснице со всей силы. Та рухнула на линолеум в коридоре и отключилась. На прекрасном детском личике зиял бледно-фиолетового цвета синяк.

— А ну-ка расступитесь! Что у вас здесь происходит?! — в коридоре появились всполошенные дракой учительницы.

— Драка, Елена Васильевна, — хладнокровно ответила Лена.

— Что произошло?!

— Меня оскорбили. Я отстаю свою честь.

— Ты избила новенькую! — гневно выпалила учительница и поспешила к очнувшейся девочке. — Дашенька, солнышко, — она взяла ее за локоток и помогла ей встать. — Такая здоровая кобыла, а на маленькую девочку нападаешь!..

— Так она же чернобыльская! — вмиг захохотала толпа.

— Ваша маленькая Даша глупая и безмозглая стервозина, — довольно беззлобно произнесла Лена. — Ее родителям стоило бы вдолбить ей правила приличия...

— Бегунова! — гневно крикнула преподавательница.

— Ваша Даша не та, за кого себя выдает. Она — монстр, из-за которого произошла авария!

Гогочущая толпа вмиг замолчала.

Лицо все еще молодой учительницы стало багрово-красным, а в глазах от ярости сверкали молнии.

— К директору! — под конец гаркнула женщина.

...— Ты чего учудила, а? — стоило Лене переступить порог теткиного дома, как та накинулась на нее, метая

гром и молнии. — Мне только что звонила директор! Зачем ты полезла в драку с новенькой?

— Ой, еще одна!.. — недовольно выдохнула девушка. — Я твоему директору все прекрасно объяснила — меня оскорбили, я отстаю свою честь. Или мне следовало, как самой послушной девочке, стоять и смотреть, как меня обливают грязью?

— Ну конечно нет! — с отчаянием в голосе ответила тетюшка. — Леночка, золотце мое! — она обняла племянницу. — Ты очень сильно изменилась, когда твоего отца не стало...

— Сама жизнь изменилась. Я вот точно знаю, что жизнь отца того не стоила. — Елена села на пуфик и принялась снимать туфли.

Тетюшка недоуменно посмотрела на нее.

— О чем ты?..

— Не нужно было их спасать. Они свиньи неблагодарные.

— Это уже не тебе решать! Люди всякие бывают, не все такие плохие! Знаешь, я тут подумала и решила: мы летом поедem в Белорусскую Зону Отчуждения...

— Говори яснее: ты возвращаешь меня в Чернобыль.

— Хотелось бы!.. — тетюшка развела руками.

Сергей Мирный и опус об возвращении из Чернобыля

— О боже, сына, я так за тебя волновалась!.. — стоило ему появиться в дверях дома, как матушка, распахнув свои объятия, чуть собственноручно не задушила его. — Мало ли что в этом Чернобыле происходит...

— Да нормально все, ма, — недовольно проворчал Сергей. — Ты лучше скажи, как там Соня? С ней все нормально?

— Лучше всех! Сонечка сейчас в детском саду...

— А мама ее так и не появлялась?

Матушка тяжело вздохнула и, от отчаяния всплеснув руками, села на пуфик в прихожей.

— Приходила. Как узнала, что тебя командировали в Чернобыль, просто на говно изошла. Орала так, что соседи едва полицию не вызвали! Я ее кое-как успокоила и отправила восвояси.

— А чего хотела-то? — Сергей снял куртку и повесил ее на вешалку.

— Забрать твою дочь, вот что она хотела!..

— Так-так. За эти пять лет дочь ей не нужна была, а тут резко понадобилась. Неужели так работает знаменитый материнский инстинкт? — мужчина присел рядом с матерью на краешек пуфика и закинул ногу на ногу. — Или это просто великая женская месть за свою не востребованность?

— Терпеть не могу, когда ты шутишь!

Сергей встал, прихватил сумку с вещами и направился в свою комнату. Спорить с мамой он не любил, особенно тогда, когда у нее не было для этого настроения. Она лишь поджимала губы, качала головой и ничего не говорила.

— Видный ты у меня парень, вот и вешаются на тебя всякие, — после продолжительной паузы заявила матушка, появляясь на пороге его комнаты.

— Зачем на меня вешаться? Я же не вешалка какая-то.

— Я же в переносном смысле!..

— В каком-каком?

— Сережа!.. — тут уже сама женщина не выдержала и рассмеялась.

Зимние дни обычно похожи на ночи — короткие, холодные, иногда с пробивающимися через дымную завесу солнечными лучами, но больше всего полумрачные, серые и безнадежные. То чувство, когда время ускоряется, солнце прячется за размытую линию горизонта, на часах всего лишь середина дня, а небо уже накрыто темным покрывалом с рассыпанными, напоминающими блестящие драгоценные камни, звездами.

Сергей дернул за шнур, включая стоявший возле дивана торшер, и пододвинулся ближе к матери, предоставляя привезенные из командировки фотографии.

— Ой, сынок, а это не опасно?

Он рассмеялся.

— Фотографа мы уже выбросили.

— Ой, опять твои шуточки!..

— Да нет, конечно. Доза излучения небольшая, как на флюорографии, так что жить будешь.

— Ой, ну слава богу!

Сергей принялся перебирать снимки.

— Вот она, станция, — на черно-белой пленке было изображено покореженное взрывом белоснежное, на вид безупречно чистое, здание с возвышающейся над ним трубой, — мы когда приехали туда, огня уже не было, нам поручили измерять радиацию вокруг нее и на близлежащих территориях. Там уже не так опасно, как в конце апреля, жить можно. Только вот желающие навряд ли появятся.

— Да вроде передавали, что люди туда потихоньку возвращаются.

— Ага, передавали, как же! Население эвакуировали в соседние села, большинство, конечно, оставалось, но я сам лично видел, как их за шкварник из домов вытаскивали и милиции потом отдавали! И жить там можно будет максимум через сто лет, не меньше! Я понимаю, что столько не живут, хотя... как посмотреть...

— Ты там, надеюсь, не ел крыжовника, меда и смородины, как я тебя просила?

— Ма, люди в Чернобыле питаются только водкой. Все то, что ты сейчас перечислила, едят только самые смелые, бессмертные и, походу, самые отбитые... Уж я-то к последним не имею никакого отношения. Или ты думаешь иначе?

— Да кто тебя знает...

— Если бы я на протяжении тридцати пяти дней ел все вышеперечисленное, то благополучно склеил бы ласты. А я, дорогая моя мамуля, еще хочу пожить, света белого повидать... хотя бы по телевизору.

— Ой, ладно, показывай, что там у тебя еще!..

— Снимки. — Сергей вытащил очередную черно-белую фотографию, на которой были изображены молодые мужчины, одетые в тулупы и респираторы. — Это мы с ребятами в Припяти. Я имел честь с ними познакомиться, когда мы проезжали мимо, ну-у, как проезжали, удирали мимо от дозиметристов, которых я на дух терпеть не мог. Не буду рассказывать, что, как и почему, ты не поймешь и только расстроишься, так что, можешь просто гордиться, какой у тебя самый смелый и отважный сын.

— И самый бестолковый.

— Не без этого. Хотя я слышал совсем другое в свой адрес. — Тут Сергей отложил снимки и, закинув ногу на ногу, облокотился о колено. — Ты не представляешь, мама, какую девушку я там встретил... единственный ее минус... она замужем!.. — он театрально закатил глаза и охнул, схватившись за сердце. — Она поразила меня своей красотой в самое сердце, и я до сих пор ночами не сплю, представляю ее в своей фантазии, аж сердце трепещется...

— Не сердце у тебя трепещется, а нечто совсем другое.

— Мозг?

— Что за девушка-то?

— Она из наших. Служившая.

Матушка удивленно приподняла бровь:

— Серьезно? Девушка-солдат?

— У нее еще двое детей.

Женщина в возрасте покачала головой:

— Вот же женщины до чего дошли...

— Мама, я уже предчувствую, куда ты клонишь, поэтому заранее говорю — не начинай!

— Даже и не думала. Слушай, я тут слышала одну вещь, — матушка, как заправский шпион, осмотрелась по сторонам, — хоть я и сама в это и не верю...

— Мама, ты меня пугаешь!

— Да ты дослушай сначала! Я как-то прочитала в газете небольшую заметку о найденной в Чернобыле девочке. Неужели там есть дети?

— Были дети, мама.

— А девочка...?

Сергей вздохнул.

— Да, девочка была. Она постоянно с нами была, куда мы, туда и она, за все это время, что я был там, ее никто не хватился. Что-то странное было в этой девочке, но мы подумали, несчастный ребенок, родители, видимо, уехали и не успели ее хватиться, тем более с нами была девушка, она постоянно за ней приглядывала. Хотя насчет самой этой девушки... — тут он позволил себе тепло улыбнуться, — сама как ребенок, вечно вела себя как дрессированная обезьянка, попадала в странные истории, и, знаешь, мамуля, Чернобыль не был безопасным местом не только из-за радиации, какие-то вещи ненормальные там творились. Все те, кто там находился, в обнимку с оружием спали. Вот так вот, мама.

Матушка покачала головой.

— Получается, я не зря за тебя переживала?

— Получается. — Сергей кивнул и громко зевнул, потянувшись. — Ладно, дорогая моя мама, пойду на боковую. Что-то чувствую я себя опустошенно, как холодильник перед сном.

— Иди, иди, отдохни, ты заслужил.

Прошло полгода с его возвращения из командировки. Сергей умудрился набрать лишний вес, отлежаться в постели, выспаться как следует прежде чем вернуться к прежней жизни, суровой и беспощадной, а иногда — бессмысленной. На его руках была маленькая дочка, Соня, которая уже все понимала.

Но иногда ему начинало казаться, что чего-то не хватает...

Ее.

Марины.

Златовласки, как он ее называл.

— Но ты же говорил, что она замужем! — воскликнула матушка.

— Муж не стенка, подвинется, — как всегда в шутливой форме ответил Сергей. — И от моей любви еще никто не умирал!

— Да уж...

— Мы с ней с одного города, так что, времени много не потребуется. Ты посиди с Сонечкой, пока я буду в поисках своей прекрасной любви...

— Не знала, что мой сын такой любвеобильный.

— Ты еще многого о нем не знаешь! — тут Сергей покрутил в воздухе указательным пальцем. — Ладно, не скучай, моя дорогая мамуля, и не поминай почему зря... — и он вышел из кухни, хлопнув дверью.

— Дурак, — проворчала матушка.

Сергей застегнул “молнию” на ветровке, прокашлялся и, вытащив из кармана сигарету, прикурил. Поправил дрожащую от легкого порыва ветра шляпу и направился к ближайшей автобусной остановке.

— Импортные, лучшие, — в голове всплыли воспоминания: мойщик, совсем еще молоденький паренек, протягивает ему ту самую, импортную, с фильтром, и Сергей неуверенно принимает необычный презент. — Здесь все курят, нервы ни к черту. Вот когда мы с тобой покинем это злосчастное местечко, можно будет и о здоровье подумать, которого у нас уже не будет.

И тут же — следующая картинка: их броник, побывавший целых три раза на отмывке, отправляют на “могильник”, где уже давненько красуются всякие автобусы, машины городских, тракторы и сломанные роботы, не прослужившие и дня. В его дрожащей от нервозности руке догорает очередная сигарета с фильтром, “партизан”, высокий военный командир, отказывается направлять их на “мойку”, так как на машине уже давно светятся одна целая девять десятых миллирентген...

— Как?

— Ну, не будь ты таким маленьким... Объедем как-нибудь...

— Как?!

— Ну, через лес... Слушай, это уже наши проблемы...

— Ага, а если вас за жопу схватят? — у командира резко меняется интонация. — Слу-у-у-ушай, ты погоди, погоди, сейчас наша мойка горячей водой будет работать, мы тогда вас в два счета отмоем!

— Так давай! А когда?

— Завтра, часов в одиннадцать.

— “Завтра, в одиннадцать...” — передразнил “партизана” Сергей и гневно сплюнул. — Спасибо вам в шляпу, тоже мне, видите ли, помощник...

Он вернулся к броннику с раздраженными чувствами. Бросил на парней, у которых начали хищно блестеть глаза, разгневанный взгляд, а затем перевел его на ухмыляющуюся девушку. Ее золотистые локоны свисали из прически, мирно покоясь на тоненьких плечах. Марина вечно находилась где-то поблизости, но обычно не вмешивалась, предпочитая нейтральную сторону. Хотя характер у нее оставлял желать лучшего, но Сергею становилось легче, когда она сидела рядом с ним.

— Что, проблемы, товарищ начальник?

— Не то слово! Отправляют на “могильник”.

Марина снова усмехнулась и, подтянувшись, залезла внутрь броника.

— Что ты делаешь?

— Вечно вас, мужиков, нужно чему-то учить!..

Парни переглянулись и начали хихикать.

— Чего встали?! — прикрикнул на них Сергей. — ПА-А-А МАШИНА-А-А-АМ!

Колонна БДРМ-ов тронулась и, дисциплинированно отвернув от шлагбаума, на бодрой скорости плотным строем двинулась к “могильнику” — площадке отстоя техники, огороженной колючей проволокой, с прохаживающимся внутри часовым: карабин на ремне, над плечом торчит вверх примкнутый штык. И проехала мимо гостеприимно распахнутых колючих ворот и забора из колючей проволоки, в зазор между забором и лесопосадкой.

— МИМО! — издал громкий вопль Сергей, следя за бронеколонной через бинокль.

Часовой вытаращенными от изумления глазами уставился на них и ускользавшими из ПУСО БРДМ-ами.

Столбы линии электропередач, одиноко стоящие посреди опустевших проселочных дорог, поприветствовали бронеколонну своим одиноким молчанием. Под каждым из них были большие колдобины, и Сергей даже засомневался, что их машина пройдет безо всяких проблем. Земля под колесами — болотистая, кочковатая, броник пружинило. Как бы этой процессии не застрять посреди внезапно начавшегося спектакля. Чтобы заглушить резко пробудившийся в нем страх, мужчина начал засматриваться на сидевшую за рулем девушку, с превеликим удовольствием примечать ее грациозность и невольно ловить себя на мысли, что с каждой минутой все больше и больше влюбляется.

Марина на головной машине выехала на трассу, проехала чуть вперед и остановилась.

— Дай прикурить.

Коля с озадаченным видом протянул ей сигарету и поднес спичку.

Она затянулась и с каким-то философским видом выпустила в небо табачный дым.

— Что это было?.. — экипажи повывлезали на броню, оживленно делясь впечатлениями от пережитого ими приключения.

— Да так, показательное выступление “Как надо бороться с теми, кто ставит нам палки в колеса”, — заявила девушка.

— А если машина действительно радиоактивна? — обратился к ней Сергей.

Марина хмыкнула и преподнесла сигарету к губам.

— Значит, можешь отдать свою технику и ходить пешком.

Сергей выплыл из воспоминаний и оказался на другом конце города. Сев на поезд до нужного места, он погрузился в события, происходившие буквально год назад — все изменилось: даже жизнь стала другой и одновременно чужой, не такой, как раньше. Люди стали относиться ко всему настороженно, даже с толикой равнодушия, а уж к ним, к тем, кто отбывал условное наказание под названием “спасение всей планеты”, тем более!

Начало июня выдалось холодным. Ветер трепал полы шляпы, пытаясь сорвать ее и унести прочь. Деревья уже стояли в цвету, принося своим зеленым видом истинное наслаждение, трава становилась мягче, приятно щекоча открытые лодыжки, а по яркому синему небу плыли легкие на вид облака. Сергей снова прикурил сигарету и направился в чащобу, где за листвой укрывались фасады деревянных домов.

— Марина здесь давно не живет, уехала. — Когда он обошел домик, огороженный деревянным забором и не обнаружил каких-либо следов пребывания девушки, то обратился к ближайшим соседям. — Как Павел бабушку схоронил, забрал детей и уехал в неизвестное направление. Про Марину сказал, что она умерла, но я вот несколько месяцев назад видела ее собственными глазами!.. С тех пор Маринка их и ищет, да все найти не может, больно далеко Пашка-то спрятался...

— Спасибо. — Сергей развернулся и побрел в сторону остановки.

И где теперь, извольте спросить, ее искать? В Харькове? В многомиллионном городе? Ну ладно, не такой уж Харьков и многомиллионный, но далеко не маленький, чтобы отыскать в нем одного-единственного человека. Называется, ищем иголку в стоге сена...

Когда он увидел ее в палате радиологического отделения, то чуть не упал прямо в проходе. Красивая молодая девушка была похожа на высохшую мумию — бледные, обескровленные, губы, темные синяки под глазами, худой вид, светившиеся на солнце золотистые пряди поблекли и висели патлами по плечам.

Сергей прошел в палату и поставил авоську с апельсинами на тумбочку. Поставил рядом с кроватью стульчик, развернул его и сложил руки на спинку, пронзая пристальным взглядом осунувшееся личико молодой и цветущей женщины. В голове снова всплыли картинки из недалекого будущего: они сидели у костра, оставшись наедине, подбрасывали в огонь сухие мелкие веточки и молчали, думая каждый о своем.

— Твой муж так и не объявился?

Марина тяжело вздохнула.

— Он сидит дома, с детьми.

— Ты в этом уверена?

Она посмотрела на него в упор.

— А тебе не все ли равно?

— Слушай, если бы мне было б все равно, я б не сидел рядом с тобой.

Девушка хмыкнула и отвернулась.

— Ты просто по мне сохнешь.

Сергей приподнял бровь:

— Да ну?

— Я это давно заметила.

— Ну-у... — тут он усмехнулся и вдруг неожиданно тепло заулыбался, — скрывать не буду, есть такое. А что, я не человек, по-твоему, что ли? И знаешь, мне кажется, ты немного витаешь в облаках. “Мой Паша такой хороший!” И где теперь твой Паша?

— Дома, — улыбнулась и Марина.

— Я отоблю тебя у твоего мужа. Клянусь! Иначе я с ума сойду, представляя, как чужие руки тебя ласкают...

— Да иди ты, дурачок!

Сергей тепло улыбнулся и положил подбородок на сложенные на спинке стула руки.

— Ей предстоит операция. Рак щитовидки.

— То есть, жить будет?

— Посмотрим! — врач развела руками.

Марина очнулась спустя пару суток. Приподнялась с постели, опершись руками об проваливающийся матрас, и, оглядевшись, заметила сидящего напротив мужчину, на устах которого играла задорная улыбка.

— Значит, твой горячо любимый муж улизнул, сверкая пятками? — уже на следующий день Сергей разливал гранатовый сок по стаканам, один из которых после протянул проснувшейся девушке.

Она скривилась.

— И?

— Да я вот сижу и думаю, — после недолгого молчания заявил Сергей, — как моя Сонька отреагирует на то, что ее папа привел ей новую маму? Обрадуется или забастует?

— Ты сейчас к чему ведешь?

— Я? Ни к чему. Боже упаси!..

Марина фыркнула:

— Да говори уже, как есть!

— Ладно, сама напросилась. Я приглашаю тебя в свой дом. Раз уж ты у нас теперь свободная дама, то нам ничего не помешает построить более... кхм... жизненные отношения. Ну как тебе мое предложение?

— Ужасно. Такой ответ тебя устроит?

— Вы бы не могли огласить весь списочек ваших претензий?

— Могу. — Марина легла на живот и в упор взглянула на Сергея. — Я себе никогда не прощу, если брошу своих детей и возьмусь делать других. Понятно?

— А почему сразу делать? Можно же просто... ради здоровья...

— Ради здоровья вряд ли получится, тем более, что здоровья у меня больше нет.

— Так мы его поправим! В чем проблема-то?

Марина со вздохом закатила глаза и перевернулась на спину.

— А если серьезно, я не вижу проблемы жить вместе и одновременно искать твоих детей, — через минуту добавил Сергей, — одно другому не мешает, как говорится.

Марина тяжело вздохнула, отвернувшись к стене.

— Я поняла, тебя сложно переубедить.

Они едва переступили порог квартиры, как набросились друг на друга, одновременно целуясь и стаскивая друг с друга одежду. Им даже не пришло в голову, что матушка может быть дома! А значит — и застукать их за непотребством. Хотя вырвавшиеся наружу чувства сложно назвать пошлостью — Сергей первый заявил о своих намерениях, а Марина лишь позволила ему это сделать.

Сергей толкнул ногой дверь, освобождая проход в свою комнату. Его кровать стояла у самого окна, обычная кушетка, обтянутая холщовой тканью. После возвращения из Чернобыля он проводил на ней большую часть времени, слушая радио и опустошая холодильник, из-за чего получал от мамы. Теперь здесь творился жуткий бардак: вещи, отброшенные в сторону в порыве страсти, обувь, сумки, книги и еще какая-то ненужная мелочь.

Сергей машинально сбросил с рабочего стола на пол тетрадки и ручки и усадил полуголую подругу на столешницу. Уткнулся носом в ее грудь и вдохнул приятный, сладковатый, томный запах женского парфюма, окутавшего маленькую комнатку. Это был самый захватывающий момент в его жизни — почувствовать на своих сильных плечах стройные ножки, голые и такие гладкие! Их хотелось целовать и нежно гладить...

Марина все еще оставалась в бюстгальтере, когда Сергей овладел ею. Это произошло внезапно и одновременно ожидаемо: чувства продолжали рваться наружу, тела горели, кожа нестерпимо чесалась, а из сдавленного непреодолимым желанием горла вырывались стоны наслаждения и удовольствия.

— Пап, а это наша новая мама?

Сергей хлопнул дверцей холодильника и повернулся к маленькой девочке, державшей старого плюшевого мишку.

— Если ты будешь хорошо себя вести. — И он наградил Марину многозначительным взглядом. Она стояла в коридоре между кухней и прихожей, завернувшись в теплый мужской халат, сложив руки на груди, и следила за передвижениями своего нового любовника.

— Ты Соня, да? — Марина все-таки решилась подойти к малышке.

— Софья Сергеевна Мирная! — Девочка вытянула вперед правую руку.

Марина рассмеялась и пожала девочкину руку.

— Вся в папу...

— А то! — откликнулся Сергей и подмигнул Соне. — Иди в комнату, солнышко. Мы сейчас подойдем.

— “Мы”? — обратилась Марина к нему, когда малышка вышла из кухни.

— Мы! — твердо повторил Сергей, и они снова принялись целоваться.

Кошмар повержен. Впервые. За весь сюжет

- Ты только не смейся, ладно?
- С чего это вдруг?
- Ну-у, вдруг мой рассказ покажется тебе смешным.
- Ты сначала расскажи, а там посмотрим.
- Айн момент.

Марина удалилась на кухню, принесла бутылку водки и пару граненых стаканов.

Сергей удивленно посмотрел на нее.

- Девушка, вы пьете?
- Не начинай, а.
- Да я еще и не заканчивал.

— В общем, тут такое дело, — Марина сняла крышку с бутылки и принялась разливать прозрачную жидкость по стаканам, — на, держи! — она вручила один из них Сергею. — Пару лет назад я принялась искать своих детей, написала заявление в милицию, они их не смогли найти, в общем, ты это прекрасно знаешь, поэтому я перейду к сути дела! — оттарабанила девушка. Заметила недоуменный взгляд собеседника и возмущилась: — Что? Я не хочу, чтобы уснул на самом интересном месте!..

— Это вряд ли! — Сергей рассмеялся.

— Я подписала договор с дьяволом, — выпалила Марина.

Мирный сначала уставился на нее вытаращенными от изумления глазами, а потом вновь рассмеялся.

— Что, прямо-таки с дьяволом?

— И прямо, и криво! Да ты дослушай сначала, а потом смейся! — обижено воскликнула Марина. — В общем, я как-то вернулась домой, и ко мне заявила девица. Такая высокая, полуголая, с длинными темными волосами... И потребовала, чтобы я ее победила! Тогда она вернет мне моих детей. Вот скажи, откуда она может знать, где находятся мои дети, если, как она уверяет, находилась вместе со всеми нами в Чернобыле?!

— Я не совсем понимаю, о ком именно ты говоришь.

— Кошмар! Ее зовут Кошмар!

— И что же эта Кошмар хочет?

— Убить всех нас!

— Так... вопрос первый: за что?

— Откуда я знаю! Она говорила про какое-то настоящее эго, впрочем, оно тут никакой роли не играет!

— Вопрос номер два — каким именно образом?

— Она надеется, что сама катастрофа нас окончательно добьет.

— Это как понимать?

— Чернобыль является травмой для большинства людей. У меня появилась одна девчонка, у которой муж, пожарный, погиб от лучевой болезни. Он тушил горевший реактор и подхватил большую дозу излучения. Девчонка одна осталась, она еще тогда беременная была, но и ребенок тоже умер. Она все никак с этой потерей не может смириться, и когда я увидела ее впервые, она была похожа на высохшую мумию. Я так поняла, что Кошмар подпитывалась ее негативными чувствами. Я отбила девчонку у нее, но мне кажется, бедняжка до самой смерти будет оплакивать своего мужа...

А еще я видела Андрюху. Ну того мальчонку, что с нами в отряде был? Он работал дозиметристом, мы его часто с собой брали. Он вернулся домой, к родителям, пытался построить личную жизнь, но девушки воспринимают его как какого-то мутанта. У него вся жизнь сломана, он винит всех вокруг и к тому же он начал пить, по-страшному. На него смотреть даже страшно!.. Он хочет найти женщину для жизни, но своим прошлым отпугивает большинство нормальных женщин, и совсем недавно я решила свести его с той девочкой, у которой муж погиб.

Кто-то еще кормит Кошмар своим негативом. Понять бы, кто именно...

А еще мне предстоит вернуться в Чернобыль. Там есть то, что нужно этому существу.

Правда, я все еще не понимаю, кто это и что именно от меня ему нужно.

Я пошла на это не просто так, мне нужно вернуть своих детей. Паша, сволочь, их куда-то увез, и все, с концами!..

— А родственники у твоего Паши есть?

Марина помотала головой.

— Он сирота. Мы с бабушкой приняли его в свою семью.

Сергей покачал головой.

— Вот так история... И ты до сих пор идешь на поводу у этой кошмарной девицы?

— А что еще остается?!

В тот же день Марина осталась ночевать у Сергея дома. Верхний свет был приглушен, окна прикрыли толстыми шторами, что даже лучи бледного полумесяца не падали на покрытый линолеумом пол. Соня спала в бабушкиной комнате, а сама бабушка отсутствовала — уехала в гости к родственникам. Сергей спал на диване в зале, и девушка, насладившись мгновениями тишины и спокойствия, уснула.

Касание, затем еще одно. Кончиками пальцев нежно поглаживали кожу, поднимаясь все выше и выше. Марина потянулась и довольно улыбнулась. Она спала в одной тоненькой сорочке, под пушистым одеялом, и под россыпью сна наслаждалась чудесными мгновениями. Чьи-то руки щекотали ступни ног, а затем лодыжки, заставляя хохотать, словно маленький ребенок. Марина поглубже зарылась в подушку, тихонько повизгивая и пытаясь спрятать вытянутые ноги обратно под покрывало.

“Сережик...”

Подобное уменьшительно-ласкательное каждый раз вызывало в ней бурю смеха, заставляя мужчину невольно краснеть и отшучиваться. Хотя ничего плохого в безобидном имени не было. Но сейчас, когда крепкие сухие пальцы нежно касались кожи, вызывая приятные мурашки, она готова вымолвить его имя снова и снова.

Неужели он проснулся и решил без спроса залезть к ней под одеяло?..

Марина резко распахнула веки.

Прикосновения тут же прекратились.

Свет торшера, стоявшего на тумбочке рядом с кроватью, осветил прятавшуюся в углу девичью фигурку. Маленькую грудь, спрятанную в купальник, выпуклый голый живот, стройные ноги и цвета воронова крыла волосы.

— Ты?!

Кошмар пригрозила пальцем.

— Я пришла напомнить тебе о нашей сделке.

Марина рухнула на постель.

— Господи, единственный день, когда появилась возможность выспаться, являешься ты! Какого черта, спрашивается? Нельзя ли отложить это дела на завтра, а? И откуда ты вообще узнала, где я?!

— Глаза и уши у меня везде. Тебе негде спрятаться.

— А я и не прячусь! Я всего лишь хочу выспаться!

Дверь внезапно распахнулась.

Кошмар отскочила к стене.

— Мариш, ты с кем там болтаешь?

Марина вытаращила глаза.

Девица, потеряв былую уверенность, вжалась в стену.

— О, у тебя гости? И ты меня даже не позвала?

— О... А... Ы... Это та самая девица, о которой я тебе рассказывала! Познакомься, это Кошмар, мы с ней заключили сделку! Я побеждаю ее, а она отдает мне моих детей!..

— О, здоровеньки булы! — Сергей подошел ближе и протянул Кошмару руку.

На оливковом лице проступили голубоватые вены. Щеки резко впали, стали видны кости черепа. Глаза тоже провалились. Кошмар рухнула на пол, невольно раздвинув ноги и представив мужскому взору едва закрывающую лобок ниточку купальных трусиков, и отползла к стене. Напуганная до смерти девица не могла сказать и слова, переводя взгляд с Марины на Сергея. Ее всю трясло, сердце бешено билось, грозя выпрыгнуть из груди, а по рукам потекла черная ниточка неизвестной жидкости. Кошмару стало плохо, и вскоре она растворилась, словно тень в луче солнечного света.

— Что это было? — Сергей удивленно посмотрел на Марину.

Та пожала плечами.

— Ты ее убил.

Кремль не впечатлил. На бледном лице появилась горькая усмешка — площадь как площадь, ничего особенного: красные башенки, едва достающие до неба, мавзолей, красивый собор рядом... она была здесь много лет назад, еще в детстве, когда мама привела ее сюда, чтобы показать красоты столицы. На улице уже всю царила осень, мокрая и холодная, противная, с пронизывающим ветром. По дорогам ездили современные иномарки, блестели крыши ближайших зданий, и никто из прохожих не заметил девушки маленького роста, с черными, как ночь, волосами, в спортивном костюме, ветровке и кепке, закрывающей пронзительные синие глаза.

Алина бросила взгляд на плотные, построенные из красного кирпича, стены. Вдохнула поглубже, набирая воздуха в легкие, и, сложив в молитве руки, превратилась в легкие всполохи мрака. Растворилась в кладках кирпича и снова материализовалась в стройную фигурку, что обвивали лоскутки внезапно наступившей ночи. Алина смахнула с куртки наэлектризованные искры и пошла в сторону четырехэтажного здания, стараясь не привлекать к себе внимание: пряталась в пожелтевшей листве деревьев, за мелкими постройками, а затем, приблизившись к цели, стала невидимой, перейдя по другую сторону света.

Забор из черного металла стоял нараспашку. Несколько автомобилей стояло неподалеку. Плафоны уличных фонарей резко замерцали и осветили дорогу бледным светом. Алина махнула рукой, и лампочка лопнула на мелкие кусочки, что разлетелись в разные стороны. Она подняла голову и разглядела в черно-белом свете золотые купола собора. Чистое золото! Звон колоколов, подобно музыке, лился из глубоких уголков человеческой души. Только вот это не могло заставить биться сердце девушки, которую несколько лет назад уничтожили люди, посадив в самое неприятное и злое место — в реактор. В нем отсутствовало какое-либо звучание, только шум работавших над головой приборов и вечная темнота вперемешку с водой...

Двери, одна за другой, распахнулись сами собой. Выключенный верхний свет зажегся, освещая золотистые коридоры и богато убранные помещения. Алина с довольной ухмылкой опустила руку, материализовавшись из вечной темноты. Она испытала настоящий шок и одновременно восхищение, вступив на красную ковровую дорожку. Закружилась в танце, выпуская в воздух тысячи мелких наэлектризованных искр. Они россыпью падали на пол и исчезали.

Когда ей приходилось так восхищаться простыми на первый взгляд вещами?

Конечно, кремлевские помещения не такие уж и простые, но все же.

— Когда ты станешь настоящей правительницей мира, — много лет назад сказал Долгожитель, ее хозяин, — я приведу тебя в Кремль.

— А что такое Кремль?

— Это то место, с которого начиналась история государства российского. — Долгожитель прикрыл веки, представляя огромные убранные залы, роскошный золотой трон с изображением государственного герба — Георгия Победоносца с поверженным им же змеем, — и расписные золотом двери, и вытягивал вперед руки, прославляя царя и его бывшую империю. — То место, которое пытались уничтожить большевики, черти, посланные самим дьяволом!.. — тут он не выдержал и швырнул зажатую в руке пачку сигарет. — То, что по праву принадлежит только мне, потому что я потомок царского приспешника! А они, эти... эти...

Маленькая Алина охнула и бросилась к Долгожителю, упавшему на колени и горько рыдающему.

— Дядя Долгожитель, не плачь! Мы отомстим, правда!..

— Отомстим, солнышко мое! Обязательно!

Гигантские двери распахнулись, заставляя остановить свой шикарный танец. Из другого просторного зала вышли два молодых человека в форме. Они отмаршировали и отошли в сторону, склонив в знак приветствия головы.

— Рад поприветствовать тебя, дочь академика Легасова.

Алина вздрогнула.

— Х-хозяин?..

Незнакомец рассмеялся.

— Он уже давно в прошлом! Или ты уже забыла?

— А, это ты, кого я так долго ищу! — разозлилась Алина.

Он вышел из темноты и улыбнулся. Вокруг глаз собрались морщинки. На его лице отпечатались доброта и мягкость, что вызывало доверие. Незнакомец был слегка лысоват, остатки светлых волос прилипли к морщинистому лбу. Коренастый, слегка полноватый мужчина в строгом костюме.

— Добро пожаловать.

Алина отпрянула.

— Кто вы?

— Я пресс-секретарь его величества...

— Бросьте! В России давно нет империализма!

Незнакомец сморщился.

— И откуда вы все это знаете?

— Семь лет я жила с нормальными людьми!

— А мы разве ненормальные?

— Я вас не знаю!

— Пресс-секретарь господина Президента. Он ждет. Пойдемте.

Делать было нечего, и Алина поспешила за странным мужчиной.

— Прошу, садитесь. — Он усадил ее за стол. Принес откуда-то старинный серебряный кофейник, налил дымящийся напиток в изящную чашку и поставил угощение на блестящую столешницу. — Угощайтесь, дорогая наша гостья. Господин Президент скоро придет.

Пресс-секретарь ушел, оставив девушку в недоумении. Немного попривыкнув к необычной обстановке, она от скуки начала рассматривать стены, сделанные под дерево и огромный рабочий стол, заваленный бумагами и обставленный современной компьютерной техникой. Алина усмехнулась и вытянула вперед руку. Электричество впиталось ей в кожу, и свет во всем кабинете отключился.

— Я ждал вас, моя дорогая Алина. — На ее плечи легли чьи-то теплые руки.

— Кто вы?

Зажегся свет.

— Господин Президент?..

Москва. Тем же вечером

Форточка распахнулась, впуская порывы холодного осеннего ветра. Затрепетала тюль, грозя оборваться и улететь вдаль, во тьму ночную. В подобную пору темнеть начинало рано — на часах ранний вечер, а небо накрыло сумеречным покрывалом с постепенно мерцавшими звездами. Молния среди мрачной завесы никого не удивила — в последние дни творились вещи пострашнее октябрьской грозы. Гостиница, что стояла неподалеку от Кремля, принимала поздних гостей. Никто не заметил, как в закрытом номере появилась странная посетительница, материализовавшаяся из ниоткуда.

Алина захлопнула окна, поправила шторы и, не включая верхнего света, сбросила на пол ветровку, спортивную куртку, а за ними и топ. Она прощеголяла в ванную, подошла к зеркалу и принялась снимать с ушей дорогие сережки, сворованные из ювелирного магазина. Умело убрала длинные распущенные волосы в шишку на голове и вернулась в комнату, чтобы захватить полотенце.

— Я думал, ты не появишься.

Алина едва не вскрикнула от испуга. Щелкнула пальцами, зажигая люстру над головой.

— Ты?!

Он горько усмехнулся.

— Я тебя повсюду искал.

— Зачем?! Чтобы вернуть в эту жуткую лабораторию?

На его лице снова просияла горькая усмешка.

Алина отпрянула, когда неожиданный гость встал и подошел к ней.

— Сядь! Чтобы я тебя видела!

Ему ничего не оставалось делать, как повиноваться.

— Я знаю, зачем ты пришел! Я большая угроза для всего человечества, и если я выйду из-под контроля, я уничтожу все живое!

— И не только.

— Что?.. — Алина растерялась.

— Я знаю, ты приходила к Президенту. И он предложил тебе работать на него. Понимаешь, сейчас война идет, все не так просто. Уже как раньше не будет, это точно. В нынешние времена каждый сам по себе, но я... — тут он запнулся, подбирая нужные слова, — я очень сильно беспокоюсь о тебе!.. — ему пришлось прикрыть веки, чтобы не видеть ужаса на бледном личике девушки. — Я люблю тебя, Алина! — он подошел к ней и взял ее за руку. — Я действительно люблю тебя, и не надо искать в этом никакого подтекста!.. Поэтому я здесь, я хочу тебя вернуть к прежней жизни... К нашей... прежней жизни...

Алина вырвала руку из его крепких пальцев.

— Ты лжешь! Я тебе не верю!

— В лаборатории мне никто не позволит быть с тобой! Меня вообще уволили, когда узнали о побеге! Ну и наплевать, ты мне нужна, и все!.. — он резко присел на край постели и, притянув девушку к себе, обхватил рукою за ее шею. — Я умру, если с тобой что-то случится!

И, не дожидаясь ответа, коснулся своими губами ее полураскрытых губ. По телу словно ток прошел — на этот раз в переносном смысле. В голове всплыли моменты прошлых близостей, нежные касания и стоны удовольствия, сорвавшихся с уст.

Но Алина решительно оборвала поцелуй и отошла от него как можно дальше.

— Нет, нет, нет, нет, нет! На этот раз у тебя ничего не выйдет!.. — и поспешила покинуть номер, прихватив куртку и кепку.

День подходил к своему логическому завершению. Марина мыском туфли распахнула дверь собственной квартиры и прошла в зал, таща за собой насквозь мокрую от проливного дождя куртку. Она кое-как сбежала от своего приятеля и, добравшись до дома поздним вечером, мечтала лишь об одном: поспать. Лечь на теплую кровать и наконец выспаться.

После случившегося Марина надеялась, что Кошмар больше не придет. Спектакль окончен. Нашелся тот, кто оказался сильнее ее самой. Сергею вообще сложно морально убить, он как тот оловянный солдатик, способен вынести все до последней капли. Марина иногда подходила к зеркалу и подолгу вглядывалась в собственное отражение: а выдержит ли она подобное испытание? Стоило ли оно вообще того, чтобы не спать по ночам, убиваться горьким одиночеством и искать до потери сознания?

Как только пальцы разжались, и куртка упала на ковер, что лежал на полу, на самой середине комнаты, среди старой потрепанной мебели, она рухнула на постель и прямо в одежде уснула, свесив с кровати ноги в туфлях. Разум погрузился в мрачное небытие. Вокруг, кроме поглощающей тьмы, ничего не было. Пустота. Ее даже можно коснуться, провести пальцем по невидимой стене и понять, что снова снится тот самый сон, где тебя поджидает кошмарная девица в черном летнем купальнике.

Она оказалась перед собственным отражением. На нее смотрела юная комсомолка с длинным горном в руке, на конце которого светился голубой шар. В другой она держала развивающийся от воображаемого ветра флаг. Длинные разноцветные лоскуты ткани развивались за ее спиной, а другие их части прикрывали женские интимные места. Марина с воплем отпрянула и рухнула на угловатые ступени, больно ударившись. Кое-как поднявшись с полу, она, держась за спину, начала подниматься вверх.

На одном дыхании она взлетела на этаж, побежала вдоль светлого коридора до упора и, наткнувшись на закрытую дверь, прижалась к стене. Лоб нестерпимо горел, как и ступни, когда она бежала, словно за ней гнался сам дьявол. Руки тряслись — ей пришлось долго любоваться подрагивающими пальцами. Кое-как собравшись с мыслями, Марина побежала в другой конец длинного и узкого помещения, подергала за ручку и пришла к пониманию, что здесь она совершенно одна. Возможно, на этаже повыше кто-нибудь да есть, что тоже вызывает определенные сомнения.

Марина бегала с одного этажа на другой, без конца дергала ручки и чуть не плакала от осознания, что ей придется одной как-то выбираться из этого места. Она спустилась в холл и наткнулась на макет разрушенного взрывом четвертого энергоблока — пластиковая крышка реактора лежала в вертикальном положении, а мелкие проводки символизировали его останки. Марина подошла поближе. В горле застрял тяжелый ком, мешая дышать. Ее обдало пронизывающим холодом.

Она находилась в Чернобыле.

Ей захотелось даже лично убедиться в этом, но двери станции оказались запертыми. По ту сторону царил всепоглощающая темнота — хоть глаз выколи. Слезы невольно потекли по щеке, но Марина раздраженно смахнула их. Все равно толку от них никакого. Вернувшись на то место, откуда начался ее путь, она обнаружила приоткрытую дверь. Через маленькую щелочку не видно ничего, кроме мглы, что покусывала нервы, внушая страх и опасения. Это как дом с привидениями, где призраки установили свои правила.

Марина потянула за ручку и, когда дверь распахнулась пошире, вошла в узкий коридор с позолоченными стенами. Люминесцентные лампы резко замигали, грозя лопнуть на тысячу мелких осколков. Линолеум под ногами блестел — вымытый до ослепительного блеска и одновременно скользкий. На другом конце появились призраки, видения из прошлого — красивая молодая девушка с широкой улыбкой на лице и с ней два парня, практически такого же возраста. Шутят и смеются. Марина почувствовала, как невидимая рука сжала в кулаке сердце, заставляя плакать и ощущать тщетность бытия, самого времени.

“Неужели я стала другой? Черствой? Равнодушной? Холодной? Разве глобальное событие может так изменить человека?”

“Может...”

Кое-как продавив застрявший в горле ком и смахнув вновь набежавшие слезы, Марина направилась вдоль коридора, слегка касаясь стен кончиками пальцев. Вдоль узкого помещения находились обычные старые, в некоторых местах потертые, деревянные двери. Они оказались запертыми. Обстановка резко изменилась — грусть сменилась тревогой, плохим предчувствием, темнота постепенно окутала коридор, погружая его во мглу, в которой невозможно что-либо разглядеть. Вспыхнули красные лампы. Что-то размытое на миг появилось и тут же растворилось, словно клубы сигаретного дыма.

— Ти чуєш мій голос? А крик власної душі? Я допоможу тобі вибратися. Я підкажу тобі, яке майбутнє

вибрати. Або ти віддаєш перевагу жити змученим минулим?

Марина подняла руку и посмотрела на часы.

До полуночи остались считанные минуты.

— Ну, що вибереш-вибратися з пекла або залишитися в ньому? Твоє майбутнє, твоє життя. Він вже вибрав. Він контролює всіх і вся. Не довіряй нікому. Не довіряй ні міліції, ні владі, він вже давно контролює їх. Знаєш, чому станція вибухнула? Це його контроль. Його контроль руйнівний. Він і до всього світу добереться, коли настане час. Біжи, якщо хочеш жити. Інакше всі ми згинемо, підкорившись його контролю.

Скоро вимір відкриється. Я впусти тебе в свої володіння. Але ти повинна вижити, інакше ми всі пропадемо. Твоє життя, твоє майбутнє...

Яркий свет больно ударил по глазам. Когда все улеглось и стало тихо, Марина убрала руку и не смогла удержаться, чтобы не издать испуганный вскрик: ее перенесло в Чернобыль. Перед глазами медленно вырисовывалась уже заметно проросшая травой и заметенная снегом тропа.

Марина принялась приплясывать от холода и поглаживать себя по предплечьям.

— Сколько же я там пробыла?..

Тихий и одновременно пронизывающий ветер завывал подобно одинокому волку среди огромного снежного поля. Острые колья травы торчали из-за сугробов, а деревья стояли украшенные в белоснежные шапки. Холод больно покусывал открытые участки кожи, и ноги в открытых туфельках заледенели.

“Кого именно я должна найти в этом холоде?..”

Марина, обняв себя за плечи, не долго плутала по заброшенным и одновременно заснеженным полям. Из-за огромных сугробов выглядывали острия танков, проржавевшие ковши тракторов, оставленные машины и мотоциклы, большая часть которых уже отсутствовало. Даже их знаменитый броник стоял на том же месте, где его оставили в последний раз. Из-под снега выглядывала колючая проволока и вбитые в землю деревяшки. Марина остановилась и вгляделась в увиденное — позади могильника красовались вентиляционная труба и часть закрытого бетонным строением разрушенного взрывом энергоблока: на его поверхности остались ржавые потеки, остатки краски и темные пятна.

Подул холодный пронизывающий ветер, и растрепал длинные золотистые волосы. Бросил в лицо горсть мелких снежинок, заставляя двигаться быстрее — вокруг тишина, холод, радиация и пустота. Скоро из-за снежных перин показались стены деревянного домика, хозяева которого давно ушли. На затянутом паутиной окне трепыхалась шторка. Внутри был разбросан различный мусор. И печь, несмотря на долгое отсутствие жильцов, оставалась целой и невредимой.

Марина на одном дыхании добежала до домика и, сорвав полусгнивший замок с двери, вошла внутрь, спотыкаясь о куски посуды и мебели. Прошерстила маленькую комнатку и обнаружила табуретку вместе со столом. Каблуком туфля разрубила их на части и, пошарив по карманам, достала чудом оставленную в джинсах зажигалку. Сложила импровизированные дрова в печь и, поднеся тусклый огонек, растопила ее, заставляя давно промерзшие деревянные стены прогреваться.

День тут же сменился ночью. На улице пошел снег. Марина, подставив руки огню, начала потихоньку согреваться. Отныне она дрожала не от холодного пронизывающего ветра, что проникал в дом через трещины в дереве, а от страха — в оставленной людьми деревне ей приходилось находиться совершенно одной. Обнаружив в кармане одну-единственную сигарету, закурила и подошла к окну, отодвинув шторку в сторонку. Огород давно зарос, высокий сорняк прикрыло огромными сугробами. Стояла мертвая тишина.

“Домой теперь я навряд ли вернусь. Околею от холода и голода, наверное. И я до сих пор не понимаю, что от меня на этот раз хотят!..”

Долго оставаться в заброшенном доме не вариант. Дело не в том, что внезапно могли навестить хозяева. В зоне отчуждения без средств к существованию — имеется в виду еда, вода и хоть какие-то вещи — долго не протянешь. До этого момента Марине долго удавалось избежать подобной участи, теперь же ставка стала неподъемной. Хоть мысли о перспективах подобного будущего нифига не радовали, Марина старалась держать себя в руках, смотря на отблески огня и падавший за окном снег.

— Вставайте! Бегом, бегом, пока мы снова не оказались в кутузке! — уже довольно поседевший мужичок в толстом овечьем тулупе махнул рукой.

Из-под листвы показались две девичьи головы. За ними еще парочка. Посмотрев по сторонам, “партизаны” отбросили на землю лохматые толстые ветви деревьев, за которыми прятались от пристального взгляда милиции, и бросились наутек. В руке у одного из них горел факел — жаром дышащий огонек освещал оставленную кем-то заранее тропу и часть густого леса.

— Бегом, бегом!.

Они забежали в первый попавшийся домик, захлопнули и затем закрыли дверь на засов. Две молоденькие девушки, на вид которым было не меньше восемнадцати, обмотанные в непонятной формы тряпки, перевели дыхание и, сняв луки, уселись у заранее разогретой каменной печи.

— Я проголодалась. Бабуся, у нас есть что перекусить?

— Сейчас, доченька, — пожилая старушка встала с табуретки и направилась в сторону небольшой кухоньки.

— Эх, эх, как мы докатились-то, до жизни-то такой, — громко вздыхая, произнес мужичок в тулупе, снимая с себя шапку-ушанку. — Жили себе нормально, растили детей, потом — внуков, сажали картошку, ездили в город... Помните, каким был город до всей этой... до всего этого... дурдома? — он усмехнулся. — Авария или как ее там... Ведь жили-то как в сказке!..

— Дед, не начинай, а! — воскликнула девчушка. — Уже ничего не вернешь, жизнь прежнюю не вернешь и не построишь, чего теперь плакаться-то?

— О как вы, молодежь, заговорили-то! А это наша земля, наша родина, мы здесь жили и будем жить, и насрать я хотел на ихнюю радиацию!..

— На их, папа, — откликнулась вторая девушка, продолжая любоваться огнем в печи.

— Чего?..

— Неважно. — Девочка махнула рукой.

В окно неожиданно постучали.

Девушки, как взвинченные, подскочили со своих мест.

Старик приложил палец к губам, приказывая молчать.

— Кого нечистая принесла? Уходите прочь, это наша земля!

— Я все понимаю, — раздался тихий женский голос, — и я не претендую на вашу землю, но мне бы переночевать у вас... денек-другой... мне очень... х-холодно...

Девушки удивленно переглянулись со стариком.

— Это не менты...

— Открывай, дед! Человеку нужна помощь!

— А если все-таки мент?

— Баба-мент? Дед, не валяй дурака, открывай!

— Ну ладно... — мужичок скучился и отпер тяжелый засов на двери.

На пороге возникла сильно замерзшая женщина. Холодный ветер развевал длинные светлые волосы. Губы посинели. Незнакомка стояла в темно-серебристой рубашке, синих джинсах и летних открытых туфельках. Она жалобно смотрела на партизан и неоднократно растирала предплечья.

— О как... — старик на минуту опешил. — Ты чего это раздетая ходишь? На улице давно не лето.

— Я не здешняя, но я раньше была здесь. Пустите! Я вам после все объясню.

— Пусти ее, дед! — заступилась за дамочку девушка.

Незнакомка в знак благодарности улыбнулась синими от холода губами и прошла внутрь.

Мужичок запер за ней дверь и подставил ей табуретку.

— Видишь ли, дочка, мы сами... как бы это сказать... — к женщине подошла старушка.

— Мы вернулись туда, откуда нас выгнали, — насупившись, заявил старик. — И теперь ментяры гонятся за нами, как за шакалами. Мы куска хлеба чужого не взяли, мы пришли на родные места, откуда мы родом!.. Родственнички нас выгнали, не захотели хлебом насущным делиться. — Он переглянулся с девушками. — И мы вернулись домой. Вот это, — он указал на темноволосую девочку, одетую в несуразное, похожее на средневековое, платье с корсетом, в несколько раз обмотанное веревками и ремешками, — Юлька, а рядом с ней сидит Танька, — мужичок показал на молоденькую блондинку в простом стареньком сарафанчике, серой рубашке и домотканых штанах. На ее голове красовалась шаль из овечьей шерсти. — А ты? Тебя как величать?

— Мариной меня зовут. Я пришла сюда по своей воле, ну, если это, конечно, можно назвать волей. Это очень

долгая история, и вы мне навряд ли поверите. А вообще я здесь уже была когда-то. Я одна из тех, кто ликвидировал последствия, я ликвидатор, Чернобыля-то. Если вы хотите на меня накричать или обвинить в чем-то, то перечить вашему желанию не стану, я вас прекрасно понимаю. Мы когда-то выгнали вас отсюда, заставили вас бежать, а теперь вы вынуждены прятаться от правоохранительных органов.

— Да, нас действительно заставили отсюда уйти, — Юля, та девушка в средневековом платье, сделала жест старику, останавливая поток его бурных и гневных речей, — да, нам сказали убраться отсюда, и мы ушли. Мы приехали в Киев к дальним родственникам. Сначала они принимали нас, а потом начали унижать. Они порой не хотели делить с нами общий стол! Мы — не такие. Если нам не рады, мы не станем терпеть скотское отношение...

Тут мужичок не выдержал и разрыдался, словно маленький ребенок.

— Мы стали жертвами каких-то глупых предрассудков, мы якобы смертельно опасная угроза для всех людей, что мы разносим радиоактивную заразу, мешаем всем жить! Однажды на двери наших родственников написали пошлое ругательство. Мы обратились в милицию, а нас просто высмеяли!.. В свои двенадцать лет я пережила столько горя, что не каждому взрослому по силам. Сначала авария, потом эта унижительная эвакуация, издевки, насмешки... Мы вернулись к себе домой, и если честно... — тут девушка приостановила свой рассказ и осмотрелась, — здесь мы тоже не в безопасности...

Марина наострила уши.

— В смысле?

Тут Юля заговорщицки подмигнула и ответила:

— Не сегодня. Но знаешь, даже у стен бывают уши и глаза. Ты обустройся. Я сплю вон там, на печке, — она показала на каменную печь в углу кухни, — свободная кровать рядом, постельного белья, увы, у нас не осталось, накрываемся оставшимися одеялами. Сегодня выдалась спокойная ночка, что будет завтра никто не знает, так что, лучше прилечь и отдохнуть, пока есть такая возможность.

Окно было затянуло морозным узором. Над опустевшей деревней висела сероватая дымка — холода стояли сибирские, изо рта вырывались клубы пара, а ноги и руки немедленно застывали от одного зимнего прикосновения. Марина проснулась от кусающего пронизывающего ветра. В домике кто-то из вернувшихся посетителей оставил дверь незапертой, и струйки ледящего воздуха проникли в помещение, окутывая все подряд.

Марина нехотя встала, растирая себя по предплечьям, и вышла на порог. Вдохнула свежий морозный воздух и осмотрелась. Вокруг — ледяная пустыня, сплошные сугробы и танцующий в поле ветер. Две молодых девушки, закутавшись в тулупы, разгребали снег руками, затем складывали на освобожденное место принесенный из лесу хворост и принялись, как в первобытные времена, добывать огонь. Это было удручающее зрелище — жители некогда большой великой страны занимались тем, что терли отточенными краями бульжники, пытаясь разогреться от удушающего их мороза.

Марина достала из кармана джинсов зажигалку и, поднеся ее к сложенным веточкам деревьев, позволила маленькой искорке упасть на импровизированный костер. Пламя разошлось не на шутку, едва не доставая своими всполохами затуманенное небо.

— А мы не привлечем лишнее внимание?

Юля посмотрела на лоскутки дыма, что растворялись высоко в небе.

— Есть еще много свободных домиков.

— Так что там у тебя за необычная история? — поинтересовалась Таня, когда Марина, прихватив тулуп из дома, закуталась в него и села подле огня, вытянув руки. — Разрешаю рассказать, пока папы нет. — Девушка улыбнулась.

— Пока я не начала, хотелось бы спросить.

— Спрашивай.

— Почему ты называешь своего старика дедом, — Марина обратилась к Юле, — а она, — девушка кивнула на Татьяну, — называет его отцом.

— Все дело в том, что на самом деле я сирота. — Таня тяжело вздохнула. — Так-то мы с Юлькой подруги, начали общаться до эвакуации. Ее дедушка приютил меня, когда мы бежали от родственников.

— Все понятно.

Пауза.

— Что ж, — тяжело вздохнула Марина, — я действительно пришла сюда не просто так. Несколько лет назад мои маленькие дети без вести пропали. Сейчас они, скорее всего, уже подростки, — снова вздох, — столько лет прошло, м-да... В общем, я играю в некоторую игру. Пару лет назад ко мне пришла странная девица и сказала, что она кошмарное существо, питающееся негативом — страх, отчаяние, боль. Если человеку станет совсем плохо, оно сожрет его со всеми потрохами. Я видела одну из его жертв, не человек, а ходячая высушенная мумия. Меня оно выбрало в качестве своего противника, я должна его преодолеть, чтобы отыскать своих детей. Вот и, кхм, вся история.

Подруги переглянулись.

— У нас тут тоже не все в порядке... — Юля посмотрела по сторонам. — Мы все ждем, когда Она нас окончательно добьет...

— Кто — Она?

— Маленькая девочка. На вид лет десять, не больше. Такая глазастенькая, очи как летнее небо, а как шандарахнет, так мало не покажется, — фыркнула Таня. — Откуда она и зачем людей кошмарит, непонятно. Нас потому и гоняют, чтобы она нас окончательно не убила. Здесь сначала спецназ работал, им на помощь менты пришли. Сталкеров ловят, нас в кутузку вечно отправляют. — Девушка усмехнулась. — А на девочку им плевать с высокой колокольни. Мне иногда кажется, они с ней заодно.

— Я когда здесь работала, — после недолгого молчания сказала Марина, — тоже творились странные вещи. Людей когда вывезли, мы остались одни, ездили, замеряли, и с нами тоже была девочка. Ни одной живой зверюшки не осталось, кроме одной. Как вспомню, так вздрогну. Пасть огромная, уши торчком, на людей кидалась, но не кусала, пугала до одури. Мы ее отстреливали сначала, а потом она сама сгинула.

— Получается, ты сюда пришла, чтобы одолеть то кошмарное существо?

Марина пожала плечами.

— Да хрен его знает. Меня перенесло сюда, а живу я в Харькове. И я не ожидала увидеть здесь людей...

— Многие считают, что жить здесь нельзя. И что живут здесь не люди, а мутанты, радиоактивные мухоморы,

свиньи и коровы с тремя головами и прочая ерунда. Мне даже говорить об этом не хочется. Меня тоже считали мутантом, типа я из самого опасного места. Господи, как у меня еще крыша от всего этого не поехала... — Юля недовольно закатила глаза и покачала головой.

— Мне придется подождать, пока холода не кончатся, а уже потом приступать к своим прямым обязанностям, — сказала Марина, выдержав паузу. — Иначе я сдохну от холода в каком-нибудь сугробе.

— И что за обязанность? Убить то кошмарное существо?

На замершем лице Марины просияла горькая усмешка.

— Если бы.

Поиски виновника зашли в тупик

Поиски виновника чернобыльской трагедии зашли в тупик.

Скорее всего, подозреваемый затаился или вовсе уехал из города.

“Некий Дмитрий Грачевский под прозвищем “Долгожитель”, год рождения — тысяча восемьсот тридцатый, Ярославская губерния, пасынок царского чиновника Грачевского, близкого друга и родственника Александра III, при советской власти проживал в городе Москве; не работает, не имеет профессии и образования (среднего, высшего, профессионального), не женат, детей не имеет. Подозревается в совершении террористического акта на Чернобыльской атомной электростанции, произошедшего двадцать шестого апреля восемьдесят шестого года”

Анатолий Дятлов, заместитель главного инженера на Чернобыльской АЭС, был выпущен из тюрьмы, расположенной в поселке Крюково по причине постепенно развивающегося онкологического заболевания. Следователь при московской Генпрокуратуре просит признать Дятлова невиновным и требует пересмотра дела из-за новых выявленных обстоятельств.

Пострадавшая, семилетняя Алина Валерьевна Легасова, внебрачная дочь академика Легасова, пропала без вести и в течении двух лет была признана безвременно ушедшей. В мае тысяча тысяча девятьсот восемьдесят шестого года была обнаружена на территории Чернобыльской атомной электростанции при невыясненных обстоятельствах. Генеральная прокуратура уверена, что два с лишним года девочка провела внутри реактора РБМК (РБМК-1000, Реактор Большой Мощности Канальный), и выясняет дальнейшие подробности уголовного дела.

В.Г.

Месяцем ранее.

Юля до сих пор помнила бабушкин огород, землю, еще толком не вскопанную для посадки картофеля, и крупные камни с блестящими, будто золото, гранями. Слегка синевато-фиолетовые оттенки переливались при ярких лучах утреннего солнца. Она подскочила, выбежала во двор и хотела взять один из них, когда бабушка прикрикнула:

— Не трожь, это радиация!

— А что такое радиация? — спросил двенадцатилетний несмышлениш.

— Вот если тронешь, узнаешь!

С тех пор почти из каждого утюга только об радиации и говорят.

— Бедные германские детки, — слушая новости по радио, закручинилась бабушка, — им не разрешали гулять по улицам, радиация же наша кругом. Ох, бедные, бедные детки...

Юля большими зелеными глазами смотрела на громко рыдающих женщин, идущих вдоль проселочных дорог с пустыми ведрами, с завязанными в узелок тряпками и хозяйскими сумками. Вдалеке сверкали милицейские фары — сирена начинала визжать, когда кто-то из деревенских бросался наутек или начиналась самая настоящая драка.

— Вы должны немедленно покинуть это место, — в сарае, среди навоза и копоты, возник образ молодого солдата в защитном костюме ядовито-зеленого цвета. На его лице был такой же жуткий респиратор. И глаза, полные решимости и грусти. — Здесь небезопасно, радиация кругом...

— Как это — небезопасно?! — встрепнулись доярки — женщины в домотканых платьях и с белоснежными платками на головах. Румяные щечки и слегка грязные носы. — Вон, цветочки цветут, травка зеленая растет, все цветет и пахнет!..

— Мой отец всю войну прошел, пострашнее вашей радиации видел, — вступилась за них еще одна женщина, у которой заметно выпирал живот. — Брехня это все! Мы здесь как жили, так и будем жить, а попробуете нас выгнать, так мы вас поганой метлой отсюда погоним, еле ноги унесете!

— Как вы смеете разговаривать с военным человеком!.. — возмущенно произнес солдат, а сам заметно растерялся.

— А вот так!.. — одна из доярок схватила пустое ведро и набросилась на солдата, шандарахнув того по голове.

— Ай!.. — бедняга начал размахивать руками, а потом выбежал на улицу, где его встретили громкий свист и смешки.

— Бейте его! Бейте!

— Так им!..

— Пусть знают, как нас выгонять!

Придерживая подолы своих длинных платьев, дамочки выбежали из сарайчика, прихватив пустые металлические ведра. С громким улюлюканьем бросились на парня, нанося удары куда придется. Испуганный солдат прикрывал голову руками, пытался даже дать сдачи, но сдался и попросту сбежал.

Они вернулись сюда спустя пару лет после эвакуации. Новое место оказалось не только скучным — серые бетонные стены, однотипные магазинчики и редкая природа, — но и тяжелым морально: на них косо смотрели, в них тыкали пальцем, называли обидными словами, писали на двери родственников пошлости и ругательства, а родственники их попросту обделяли.

— Шухер!..

Они не успели спрятаться. Их было четверо: бабушка, дедушка, Юля и Таня, что на пару лет младше своей подруги. На проселочной дороге, которая успела прорасти высокой до груди травой, появились люди в черных одеждах, шлемах и противогазах. В руках солдаты держали автоматы, готовые выстрелить в них.

Внезапно мужчины в амуниции начали махать руками. Что-то кричали, но издали не расслышать было слов. Солдаты побежали им навстречу, но не успели даже приблизиться, когда из ниоткуда появился сильный вихрь, небо разверзлось над головой, молнии пронзали землю и бегущих по тропе милиционеров.

— А-а-а!! — над головой восемнадцатилетней девушки пролетела стремительная молния и ударила в землю, оставляя черный след.

— Бегите отсюда!! — закричали солдаты.

Старик исчез во тьме заброшенного домика. Бабушка, громко вскрикнув, припала к земле и накрыла голову руками. Сильный вихрь, подхватив комки сухой черной глины и пожелтевших листьев, больно ударил в спину. Юля крепко зажмурилась и попыталась устоять на месте, но порыв буйного ветра подхватил девицу и ее подругу,

унося их куда-то прочь.

Громкий визг, что комом сдавливал горло, наконец вырвался наружу. Ноги барахтались в воздухе, платье рвалось об верхушки деревьев, а ветер все сильнее подбрасывал ввысь, пытаясь поднять двух перепуганных до смерти девиц. Зрачки расширились, заполняя глазные яблоки чернотой. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, а душа ушла в пятки. Татьяна едва не потеряла сознание. Юля пыталась поймать свою подругу, но новый порыв унес ее в другую сторону.

— Танька!!

Внезапно вихрь отступил. Невесомость исчезла, и девушка полетела вниз, прямо на острые верхушки деревьев. Юля крепко зажмурилась и попыталась расслабиться, чтобы не почувствовать адской боли от пронзающих насквозь ветвей. Но это плохо получалось, поэтому она сначала ударилась о ствол сосны, до крови порезалась острыми ветками, а затем повисла на одной из них.

“Чернобыльская Зона Отчуждения ныне покинутое и смертельно опасное место, где люди не смогут жить в ближайшие тысячу, а то и десять тысяч, лет. В некоторых местах сохраняется высокая радиоактивность. Зона Отчуждения строго охраняется, посетителей пускают только по специальному пропуску, а самосел и мародеров каждый раз отлавливает украинская милиция.

Мы не должны допустить, чтобы эти люди не подверглись смертельно опасному излучению и не принесли эту беду кому-нибудь другому. Чернобыль сохраняет нашу память о нем, но, увы, жизни более не пригоден. Мы горюем из-за случившейся в восемьдесят шестом году трагедии и приносим соболезнование тем, что спасал жизни будущих поколений и погиб сам, сражаясь с радиацией и ее последствиями”

В Припяти он живет очень давно. Прошло всего пару лет, когда произошла авария, и люди навсегда покинули город. Чернобыль напоминал злчное местечко, где, помимо радиации, иногда и бесы проживали. Единственный человек, который сумел избежать горькой участи — про девочку из реактора знали даже за пределами Чернобыля! — и прожить больше двух лет в покинутой зоне, это Виталий. Да, обыкновенный бомж. За все это время он напрочь позабыл о жизни прошлой и погрузился в жизнь настоящую, какой бы она не была.

— Ты чего шляєшься? — милиционеры — частые гости заброшенного города. Визг их машин и громко ревушую сирену можно было услышать издалека. Бравые ребята крепкого телосложения в форме часто ловили его на пути к военному городку, расположенного в нескольких метрах от станции.

— Я не шляюсь. Я здесь живу.

— Здесь никто не живет! — поморщились милиционеры. — Это особо опасная зона!..

— А вот и неправда.

— Ты здесь без году неделя!..

— Больше.

— Ты откуда-то бежал?

— Откуда я сбежал, туда уже не возвращаются.

— Ты поговори тут еще! — милиционер наградил Виталия злобным взглядом и убрал его паспорт в задний кармашек милицейской куртки.

— Мужики, ну вы че? Я пришел сюда каяться, а не кому-то что-то доказывать.

— Каяться? Ты кому-то что-то сделал? Убил человека или ограбил кого?

— Я обычный человек со своими слабостями и скелетами в шкафу. Я пришел сюда, потому что мне больше некуда идти.

— Не работаешь, не учишься, все время шляєшься там, где не следует.

Виталий прищурился и всмотрелся в лицо молодого милиционера.

— Но ведь и вы не выполняете требований от людей свыше, — заметил он. — Вы должны были поймать девочку и отправить ее подальше от Чернобыля. Но ведь эта малышка до сих пор на свободе, а вы, уважаемый представитель органов власти, уклоняетесь от своего задания — ловите ни в чем неповинных людей, выгоняете бедных стариков на улицу, а меня трижды обозвали нехорошим словом. Как вы думаете, кто в этой ситуации прав: я или вы, товарищ милиционер?

— Потому то мы вас и ловим, — парень нахмурился, рассматривая Виталия с ног до головы. В его взгляде появилось нечто мерзкое и злобное, а на лице зияла издевательская усмешка, — чтобы в дальнейшем не хоронить вас прямо здесь, и при этом самим не наглотаться радиоактивной пыли. Припять не город для развлечений для таких, как ты. Так что, попрошу отдать свои документы и валить на все четыре стороны, к чертям собачьим. И не дай боже, я увижу твою физиономию еще хоть раз, ты очень сильно за это заплатишься.

Он уже привык к местной флоре, что каждый раз окутывает заброшенный город. К солнцу, что висело над головой и согревало своими теплыми лучами. Зима сменялась летом, лето осенью, которая окутывала Припять желтой листвой и мокрым, пронизывающим холодом, дождем.

И действительно, туристов сюда не водили. Только бывшие жители заслуживали проведать свои дома, оставленные на расправу мародерам; квартиры, внутри которых царили грязь, плесень и всевозможный мусор, что шелестел под ногами. Виталий смотрел на величественные здания, едва достающие до неба с плывущими белыми облаками, и думал — почему райская жизнь всегда заканчивается лютым кошмаром?

По городу были разбросанные книги. Разорванные, в нескольких местах потрепанные, без обложки или половина страниц отсутствует вовсе. Виталя, прогуливаясь по заброшенным дорогам, обнаружил множество произведений — даже отрывки из Библии. Он покачал головой. Надо же, в Советском Союзе продолжали верить в бога, несмотря на запреты и осуждения. Хотя нет, церковь имела общие права со строителями коммунизма.

Негоже советскому человеку верить во всякую ерунду!

Да и шарлатанов сейчас хоть пруд пруди...

Одна из школ уже давно как заброшена. Не горел больше свет в общем коридоре, не раздавались крики детворы и окрики строгих учителей. Некогда райское местечко превратилось в бездну отчаяния, и здание это вместе со всем городом превратилось в место уныния и депрессивных мыслей; в место легкой меланхолии и рвущих душу истерик.

Он плакал. По щекам стекали слезы. В носу появились сопли, мешая дышать. Виталий рукавом рубашки вытер бледное от холода лицо и тихонечко нырнул в полумрачное помещение. Пальцы крепко сжали толстую ветвь, сорванную с первого попавшего дерева. В просторном коридоре жила семья лисят — огненно-рыжая самка со своими, еще пока что слепыми, детенышами.

В тот же вечер Виталий собрался на рыбалку на реке Припять. Приготовил удочки, сделанные собственными руками, поставил рядом алюминиевое ведро без единой ржавчины, сложил припасы, собранные с могилки, в огромный рюкзак и хотел сделать первый шаг, как по спине побежали мурашки. Внутренний голос подсказывал — не поворачивайся, там смерть! Виталя почувствовал запах озона, во рту появился гадкий привкус металла. Он с трудом сглотнул и увидел поле — энергетические всполохи накрывали девочку в школьной форме своеобразным куполом, из которого сыпались в разные стороны молнии, а сильный порыв ветра поднял с земли пожелтевшую листву.

По лицу ручьями стекал пот. Ядовито-красные глаза смотрели ему прямо в душу, и от пристального взгляда было сложно оторваться. Малышка подняла руки вверх, сжимая хрупкими пальчиками сотни сверкающих молний. Когда девочка разжала кулаки, молниеносная стрела ударила в землю. Вторая превратилась в шар, что угрожающе сверкал и готов был взорваться.

“Мне пора отсюда валить!..”

Сумка с припасами и тяжелый рюкзак рухнули в лужу. Ткань тут же намочила и стала похожа на половую тряпку. Все, что находилось внутри, превратилось в жидкую кашу — это, в основном, продукты, собранные с могилки. “Неужели меня так бог наказывает?” — успел подумать Виталий, когда очередная молния пролетела над его головой. Он обернулся и увидел, как девочка, подпрыгнув на месте, взмыла вверх, напоследок ударив электрической стрелой потолок.

“Где теперь искать новое прибежище? На кладбище или у старушек-самосел?”

— Ты что, решила посвятить меня в монашки? — воскликнула Лена, когда автомобиль ее тетушки остановился подле небольшого, окрашенного в нежно-голубой цвет, храма.

— Да нет. И какая из тебя монашка...

— Самая настоящая! — Лена всплеснула руками.

Они подошли к храму и достали платки из дамских сумочек. Надев их на свои головы, резким движением перекрестились и наспех поклонились иконке, что висела над входом.

— Странно. Обычно в выходные бывает многолюдно.

— Может, они перестали верить в библейские сказки? — Лена развела руками.

Тетушка сначала фыркнула, потом хмыкнула и, потянув тяжелую дубовую дверь на себя, вошла внутрь храма.

— И у кого нам предстоит отмаливать грехи? — спросила Лена спустя недолгую паузу — пятнадцатилетняя девушка с открытым ртом осматривала на золотые убранства, на престол, где стоял крест с распятым на нем Иисусом Христом и Евангелие. — Или мы еще не решили, какие именно грехи нам отмаливать?

— Сейчас все узнаешь.

Лена недовольно поджала губы и, пока тетка ждала непонятно кого, принялась всматриваться в темноту. За витыми колоннами скрывалось несколько темных фигур в черных, как сама ночь, сутанах, с ярко-расшитыми балахонами, скрывающие широкий пояс, намотанный на брюки. Они, сложив руки в молитве, что-то бормотали себе под нос. Временами их шепот плавно переходил в жуткое горловое пение, и это выглядело жутко. Мужчины — женщины отсутствовали в своеобразном хоре — начали медленно ходить по кругу, повторяя одни и те же слова, которые Лена узнать так и не смогла.

— О, вот и моя ненаглядная племянница! — девушка вздрогнула от резкого, оглушающего слух, выкрика молодой женщины. Тетя Маша умела выглядеть прекрасно — даже в таком злачном месте, как Чернобыль. — Лена, познакомься, это отец Димитрий. Он готов тебя выслушать и помочь...

Лена уставилась на священника.

Отец Димитрий улыбнулся.

— Здравствуй.

— Это вы меня вытащили тогда из нашего с отцом домика! — воскликнула Лена.

— Все верно.

— Но вы же... вроде чиновником были...

— Да, был. Мне давно хотелось поменять свою жизнь кардинально. Эти серые кабинеты, пыльные помещения, да еще и развал Советского Союза...

Тетушка махнула рукой:

— Даже не напоминай! Как вспомню, так вздрогну!

Отец Димитрий довольно улыбнулся и сказал:

— Не могла бы ты оставить нас наедине?

— Как хотите! Уже исчезла, — Тетя подняла руки вверх и поспешно покинула храм.

Лена проводила ее удивленным взглядом.

— Так что вы хотели мне рассказать, отец Димитрий? Я, кстати, до сих пор помню вас другим человеком.

— Да, я был другим. Но это уже в прошлом. Дмитрий Константинович Демичев, — священник с шутливой строгостью пожал худенькую руку своей спутницы, — бывший чиновник, а ныне — строгий и таинственный священнослужитель.

— Как Клод Фролло? — ожила Лена.

— Возможно. Но я о другом хотел с тобой поговорить.

— Я вас внимательно слушаю.

Как чиновник превратился в священнослужителя

— О Боже, мама, зачем ты ешь эту гадость!.. — он одним прыжком преодолел прихожую, коридор и зал. Ворвавшись на кухню, Дмитрий выдернул миску с клубникой из маминых рук и высыпал ягоду в мусорное ведро. — Больше никогда ничего не собирай, ясно?

— О, Димочка... — матушка растрогалась и внезапно разрыдалась, как маленькая девочка.

Дима присел рядом и обнял пожилую женщину за плечи.

— Ну, чего ты? Не плачь. Слезами делу не поможешь.

— Я просто переживаю.

— Из-за чего?

— Из-за эвакуации этой! Старики, поди, на улицах жить останутся. Никогда такого не было, а сейчас... о-ох-ох... пропади она пропадом, это чертова Перестройка...

— Перестройка тут ни причем. Это просто авария мирового масштаба. Никто не хочет заболеть онкологией и уйти раньше положенного срока.

Дмитрий вытащил пачку сигарет из кармана и, вытащив одну, прикурил заранее зажженной спичкой.

— Я как-то прогуливалась по райцентру, захотела занять очередь в магазин за колбасой и наткнулась на газетный киоск. Думаю, дай-ка я ее куплю и прочитаю, узнаю, что там у нас сейчас творится. И на первой же странице объявление: ищем родителей девочки, такого-то и такого-то возраста, большие синие глаза, длинные и черные как смоль волосы. Девочка якобы была найдена, когда людей из Чернобыля эвакуировали. Видимо, родители о ней забыли, ну, и не стали возвращаться. Хотя я вот их совершенно не понимаю, родителей этих. Значит, оставили девчонку посреди радиации, а сами ноги сделали. Это же перечит всем законам природы! Мать должна защищать свое дитя, а иначе какая она тогда мать, если бросает своего ребенка направо и налево?

— Понимаешь, мамуль, — Дмитрий стоял у окна и всматривался в проезжающих мимо автомобили. Асфальт почернел после проливного ночного дождя, — это очень сложная и необычная история. Про эту девочку мы узнали спустя пару недель после аварии. Свидетелей нет, ее никто не знает. И мы тоже без понятия, каким таким способом ей удалось пробраться на территорию станции и не умереть в ближайшие сутки от сильного облучения.

А потом я случайно подслушал разговор Легасова со своим лучшим другом, Боровым. Он физик-ядерщик. Легасов больше по химической части, но на станции он был не просто так... по крайней мере мне так показалось. Он постоянно куда-то уходил, надолго пропадал, а затем снова возвращался и делал дальше свою работу, будто бы ничего не произошло. Саму девочку я видел, она просто его копия. И, в общем-то, мои самые страшные подозрения сбылись. Легасов отец этой девочки. Он рассказывал об этом Боровому, хотя тот наверняка не поверил рассказам своего лучшего друга. Я поговорил с Щербиной, мы подняли весь архив, и... ничего. Совсем ничего. Она как будто с какой-то планеты. Мы с Борисом договорились: он сделает мне небольшое одолжение, поговорит с ребятами из КГБ, и те выдадут ему нужную информацию. Но у нас снова ничего не случилось, жизнь вмешалась. Щербина подал в отставку, переехал в другое место, а через год мне пришла телеграмма, что Бориса Евдокимовича больше.

И самое смешное, что никто не установил причину его смерти.

Борис же оставил записку, на тот случай, если произойдет нечто схожее с Чернобылем. Знаешь, я даже подумывал, что ему удалось найти настоящих виновников трагедии. Я был в Генпрокуратуре, где все и выяснилось: в тюрьмах сидят невиновные люди. Я даже прочту тебе вслух то, что нам на прощание Щербина написал.

— достает из кармана пиджака смятый лист бумаги —

“Мы провели достаточно мероприятий по ликвидации последствий аварии. Остается лишь законсервировать разрушенный энергоблок, и все, дело в шляпе. На самом деле нет, битва еще только начинается. Когда нас позвали на суд, что проходил в городе Чернобыль, Валерий Алексеевич, мой коллега и самый близкий друг, поведал одну ужасную историю. Его дочь, Алина, провела в реакторе РБМК больше двух лет, и на момент аварии ее вынесло пожаром на поверхность. Но с девочкой во время взрыва что-то случилось, у нее пропал голос, а ее детская психика сильно пошатнулась, из-за она стала неуправляемой. Валера рассказал мне и о человеке по имени Долгожитель, что испортил его жизнь и сломал жизнь маленькой девочки. Он написал для меня адрес. Это в Москве, в одном из жилых кварталов. Но я чувствую, что больше не смогу выдержать груз ответственности, что постоянно лежит на моих плечах. Если бог даст мне еще хоть дольку своей силы, то я смогу со всем этим разобраться. Этот Долгожитель — сумасшедший. Он повергнет в хаос не только Советский Союз, но и весь мир. Этот человек безумен и обидчив. Но его нужно оставить. Но кто, если я однажды не встану с постели? Кто остановит войны по милости великовозрастного мальчика? В таком случае, мне предстоит наблюдать за всем с высоты небес. Это все, что мне удалось рассказать. Корот человеческий век. Рано или поздно все заканчивается. Б.Щ.”

Дмитрий замолчал, выдерживая по-настоящему мхатовскую паузу. Пальцами он теребил края маленького клочка бумаги. Перед глазами встал образ заброшенного людьми города. Как цвела тогда природа, как благоухала радиация, накрывая своей волной и солдат, и обычных, местных, жителей. Он вспомнил, как собственноручно выливал молоко в вырытые заранее ямки. Как ему вместе со всеми ставить эксперименты на коровах и свиньях, а затем безжалостно убивать.

Он едва не валился с ног, переступив порог своего рабочего кабинета. На подоконнике, на столах, полках и стульях лежал тонкий слой пыли. Дмитрий, пошатываясь от усталости, кое-как добрался до кресла и рухнул в него, вытянув ноги в ботинках прямо на столешнице. Хотелось пить. Не кофе и не чай. Дефицитные нынче товары. Лучше что-нибудь покрепче — виски, коньяк, водку в конце концов, чтобы наконец заглушить темные мысли и хотя бы на минутку расслабиться, позабыв обо всем.

Перед ним стояла полуголая девица. Черный купальник, прячущий спелые, словно персики, девственные груди. Трусики — веревочка сзади и веревочка с тряпочкой спереди. Стройные, но бледного цвета, ноги. Кожаные сандалии. Длинные волосы переливались всеми оттенками темного. Пронзительные синие глаза.

— Кто ты, ангел?

Незнакомка усмехнулась.

— Ты правда хочешь об этом знать?

Дмитрий со стоном рухнул на стол.

— Нет, не хочу. Скажи прямо, что ты хочешь.

Девица подошла к столу, за которым сидел мужчина в грязном от пыли пиджаке, и протянула руки над его головой. Незнакомка лишь слегка двигала пальцы, словно прошупывала ауру. Дмитрий почувствовал неприятную и больно режущую сухость — язык сам прилип к небу, заставляя жадно ловить воздух ртом. Неприятные эмоции превратились в пронзающие молниеносные стрелы. Одна такая молния могла ударить прямо в сердце ни в чем неповинного человека, и тот, кто спасется благодаря силам бога, выздоровеет. И с честью примет новые испытания.

В тот же день Дима, как ни в чем не бывало, вернулся домой. Солидный галстук (привезенный, между прочим, из Германии!) съехал куда-то в бок. Штаны замараны грязью и глиной. Люда выбежала из кухни и бросилась к мужу, который сполз по стене на плитус, окрашенные старой советской краской. Женщина схватилась за голову, когда поняла, что в ее любимого мужа вселился какой-то злой дух. Волевое лицо стало бледным, словно мел, на щеках заиграл бордовыми и красно-ядовитыми цветами, заставляя расчесывать кожу до мяса, или пока все тело не станет обителью чудовищных существ, поселившихся в Чернобыле всего пару месяцев назад.

— О боже, Димочка, что случилось с тобой? — Люда заплакала и принялась тормошить своего мужа. Тот никак не реагировал на ее просьбы. Глазные яблоки закатились, изо рта потекла струя темно-бордовой липкой жидкости. — Дима, любовь моя, ответь мне! Не оставляй меня здесь одну!..

— Моя мама умерла пару лет назад. Жена скончалась раньше, и мне пришлось провести с собой наедине несколько бессонных ночей. Человечество должно думать и задумываться о последствиях.

Одиночество самое гнетущее чувство. Как и прелюбодеяние, уныние, печаль, гнев, все они несут зло для обычного человека. Я прожил пару лет в Белоруссии, и как-то задумался над тем, чтобы снова вернуться в Москву. Начать жизнь с чистого листа, так сказать.

— А что же за девица к вам приходила? Ну, вы рассказывали, она пришла к вам лично, а потом вы не стали ничего помнить.

— Я отлично все помню. Помню, как доплелся до квартиры, поднялся ввысь. Люда тогда еще живая была. Она испытала настоящий шок, когда увидела меня, побитого, на пороге квартиры. У меня тогда синяки были по всему телу. Я едва не потерял зрение. А в голове крутилась такая каша, из-за чего меня отправили в психбольницу, откуда я успешно сбежал.

— У меня схожая история. Воспитательница детского сада меня и еще несколько человек перевели в специнтернат, где воспитывались черныбыльские дети. Я сбежала оттуда. Я очень сильно скучала по отцу и хотела его найти. Я до сих пор скучаю по нему и не верю, что он погиб. — Лена опустила голову и разрыдалась. — Меня тетка приютила, а больше у меня никого нет. К матери не вернусь. Она ни разу не вспомнила обо мне. Да, у нее пятеро детей, я пятая и последняя. К тому же меня постоянно преследуют кошмары. Я не видела радужных снов, только своего папу и то, как он уходит, обещая вернуться.

Елена отвернулась от отца Димитрия и начала буравить взглядом иконы в золотистой раме.

— Жить в последнее время стало невыносимо. Мне всего лишь шестнадцать, а я перенесла столько, сколько обычному человеку хватит на всю оставшуюся жизнь. В школе отношения с одноклассниками не сложились. Они считали меня заразной. Дразнили, обзывали, и под конец я не выдержала и бросила школу. Тетку обманывала, хотя она очень занятая женщина, и мои дела ее никак не касались. — Лена вытерла слезы тыльной стороной обеих рук. Размазала по лицу тушь для ресниц и втягивала рвущиеся наружу сопли. — Я уже ничего не ищу. Счастье, которое подарило мне прекрасные детские годы, ушло, оставив меня на растерзание судьбе. Я не думаю, что смогу принять новую реальность, новую жизнь. Перемены напоминают стихийный ветер. Все сметает на своем пути, оставляя лишь самое необходимое. У меня, кроме тетки, больше никого и нет. Но и она отойдет в мир иной. А я останусь одна.

— У каждого своя судьба, свое предназначение. Даже зверюшки живут по природным правилам. Их жизнь кажется интересной, а наша, человеческая, поднадоевшей. Мы любим животных и завидуем им что ни на есть черной завистью. Поел, поспал, и все, больше ничего им и не надо. Но мы же не звери, а люди! У нас есть то, что называется мозгом. Мы можем думать, принимать сложные и не очень решения. Дарить любовь и ласку. Не у всякого животного есть нечто подобное, они живут ради нас с тобой. Представь, каково им вернуться на былые земли и вкушать плоды наших рук? Человечество давно поднялось над зверями, оно может им помочь, а взамен забрать жизнь. Что бы мы не умирали от голода. Чтобы мы не мерзли от холодного ветра или снега. У каждого свой путь.

— Ясно.

— Я вот для чего тебя просил остаться, — через несколько минут произнес отец Димитрий. — Я слышал, что тетя твоя привезла тебя на все лето.

— И?

— Понимаешь, я когда пришел сюда, церковь была в плачевном состоянии. — Отец Димитрий решил начать издали. — Практически все церкви и храмы, что были построены еще несколькими веками ранее, на данный момент заброшены. Большая их часть успела деформироваться. Я видел еще один храм, но он недостроенный, и я даже было решил этот храм божий взять под свое крыло.

Понимаешь, несмотря на радиацию, мы прикладываем кучу усилий, расплачиваемся за прихожан и случайных людей завтраками, обедами и ужином. Часть их приходят из разных уголков Зоны, чтобы помолиться, очиститься или просто поставить свечку.

Так вот, эти люди не пришли сюда, чтобы позавтракать и провести заодно службу.

Кстати, в свое время я просил выделить небольшой автобус, чтобы развозить хлеб и нужные продукты самоселам. Мне отказали. Они в принципе против, что мы кормим тех, кто рано или поздно отправится на тот свет из-за радиации, сказали мне в ответ. Тут еще неподалеку расположился контрольно-пропускной пункт, но вместо солдат на караул поставили местных милиционеров. Самоселы боятся их. Больно они злы на тех, кто возвращается сюда, на свою родину. Они отлавливают их, как крольчат, и отправляют на пятнадцать суток, после

чего въезд в Зону им будет закрыт в ближайшие лет так... десять, если не больше.

Позавчера оцепили наше несчастное поселение. Вокруг Припяти и АЭС выставили охрану. Спецназовцы, милые ребята. Два раза в день они обходят и город, и станцию. Но сегодня утром я увидел в окне людей в милицейской форме. Они держали автоматы, готовые выстрелить. Слава богу, что меня пропустили безо всяких приключений. Один из наших постоянных прихожан сообщил мне на ушко, что те ребята, что пропали без вести, были убиты молнией. Всего одной молнией! Она поразила его прямо в сердце, и... Господь милостивый, да храни ты души наших прихожан и их семей!

— Я одного не понимаю, — выслушав внимательно священнослужителя, спросила Лена, — зачем выставлять охрану вокруг города, который давно уже заброшен? По-моему, там и животные не очень-то живут, приходят только за едой, которую сами и найдут. Если вообще найдут...

— Девочка, — лаконично ответил отец Димитрий и с опаской посмотрел по сторонам.

— Девочка?..

— Совсем еще маленькая, девять лет отроду.

— Хочешь сказать, что охрану выставили только из-за маленькой девочки?

— Я об этом прямо и говорю. Малышка, совсем сирота. За ней так никто и не пришел.

— И что дальше?

— У этой девочки есть необычные способности. Я, конечно, ничего не понимаю в физике, для меня физика это сам Бог, ибо по Его приказу каждое лето становится теплым, а зима — холодной. Девочка может метать молнии, устраивать целые смерчи, а еще изводить радиацией вернувшихся домой людей.

— Я, кажется, догадываюсь, о ком ты мне говоришь...

Отец Димитрий удивленно посмотрел на девушку.

— У нас в детдоме была одна девочка. Очень сильно смахивала на цыганку. Она вроде немая, по крайней мере мы с ребятами так решили, когда вместе с ней ходили на огороды, что находились недалеко от детдома. Сидит, молчит, идут все работать, и она с нами. Это я так, чтобы можно было понять, это просто разные девочки или все же одинаковые? Или это только она одна такая, немного странноватая?

— Странноватая мягко сказано.

Лена с удивлением посмотрела на священника.

— Она убивает людей и не подпускает никого к городу. Чернобыль и так потоп в крови измученных и забитых до смерти людей, а тут еще совсем кроха, маленькая интриганка. — Отец Димитрий улыбнулся. — Знаешь, я тут про проклятие узнал. Оно давно на этом месте висит. Здесь очень-очень давно жил другой народ. У них была своя вера, свои традиции, да и люди эти не очень шумливые, скорее, наоборот — они старались держаться от остального мира как можно дальше. Сначала киевские славяне пытались отобрать у этого народа земли. На самом деле здесь сплошной чернобыльник, вид полыни, горькой. Народ ушел сам, при этом люди проклинали и сам город, и славян, что посмели их выгнать, и самих себя. Они не смогли дать отпор. Они не военные деятели, вполне обычные крестьяне. Про фашистов ты и так знаешь. В общем, вот такая она, история эта. Я всего лишь хочу, чтобы кто-нибудь желающий вместе со мной помог разобраться с историей города. Если появится желание составить мне компанию, обязательно предупреди меня заранее.

Длинные, цвета воронова крыла, волосы больно ударили Игорю по лицу.

— Ой, прости!

Игорю показалось, что в тихом и слегка невинном голосе прозвучали нотки холодного металла, готового пронзить насквозь.

Кошмар вылезла из-под одеяла и, отвернувшись к нему спиной, оперлась руками о подоконник. На затертой поверхности кверху лапками лежали дохлые мухи, одна из них все еще жужжала и пыталась взлететь.

На бледном личике просияла довольная улыбка.

Муха испустила дух, стоило надавить на нее кончиком пальца.

— Ну как там, — за спиной раздался мужской голос, — погода за окном? Тучки, тучки, а солнца все нет и нет?

— Обычная погода. — Девушка пожала плечами. — Погода как погода. А разве это так важно?

— Конечно!

— Ясно.

Игорь взял с тумбочки начатую пачку сигарет и, прикуривая, встал позади, обхватив руками голые груди.

— Здесь очень красиво. Это был Рай на Земле.

— И теперь его больше нет.

Костин удивленно посмотрел на девушку и, что-то пробормотав себе под нос, отошел. Раздавил бычок об стеклянную пепельницу и потянулся за начатой бутылкой виски.

— Если бы не виски, — Кошмар повернулась к фотографу, — никакой бы близости и не было б.

— Ты считаешь меня немощным?

— Ха! — вот и весь ответ.

— Ты слишком жестока. И ты только что разбила мне сердце.

— Тебе разбила сердце не я, а та огромная белоснежная машина.

Тишину разбил громкий смех.

— Ты что, ревнуешь меня к этой машине? Seriously?!

Кошмар, заметив в его взгляде толику недоумения, лишь горько усмехнулась.

— Кстати, насчет Рая и Ада. Они тоже всякими бывают, — она повернулась к фотографу и развела руками, — то, что простому смертному покажется раем, другому будет хорошо в аду. Знаешь, я иногда подумываю собраться и отправиться на тот свет. Хотя, — Кошмар подошла к поближе и разлила полусладкое красное вино по бокалам, — нас и здесь неплохо кормят... пока что.

— Неужели ты в это веришь?

Девушка вновь усмехнулась.

— Мои папа с мамой были обычными тружениками. Каждый день они молились богу, чтобы у них родился ребенок, и, как видишь, со мной все в порядке. — Она перехватила крепкую руку фотографа и ловко вытащила сигарету из его крепких пальцев. — Так что да, я верю.

— Слушай, а как тебя вообще зовут? — после недолгой паузы произнес Костин.

Кошмар посмотрела на него, приподняв от удивления бровь.

— Ты приходишь сюда уже не первый раз. Ты что-то ищешь? — продолжал гнуть свою линию любопытный фотограф.

Девушка смерила его презрительным взглядом.

— Катя.

— О, да вы русская, оказывается.

Кошмар сложила руки на груди.

Помолчав, она внезапно спросила:

— А в Чернобыле всегда так холодно?

— И что ты в ней нашел? Она же страшная, как атомная война!

Марина осторожно выглянула из-за дерева и сделала жест рукой. Девушки послушно легли на землю, прикрывшись желтой мокрой листвой. В нескольких метрах от них милиционеры ходили по густой чащобе, что-то бормотали себе под нос, а затем начинали ругаться, заставляя черных птиц подняться в небо.

Один из милицейской шайки под конец не выдержал и начал палить по грязи у своих ног.

— Ты чего творишь?! Сдурел?

— Я как представлю, чем они сейчас занимаются...!

— Расслабься, хорошо? Она же шлюха...

— Да даже если и шлюха, то только моя!

Марина тяжело выдохнула. Холодный осенний ветер одиноко прогуливался по протоптанной милиционерами песчаной дорожке, задевая своими порывами замерзшие цветы, яркие бутоны, которые уже тронули первые заморозки.

— Их много? — поинтересовалась Юля.

Марина приложила к губам указательный палец.

— Много. Сидите тихо, пока я что-нибудь не придумаю.

Спорить никто не стал.

“Их машина стоит где-нибудь поблизости. Идти напролом не вариант. Я, может быть, и отобьюсь, но вот они... — Марина бросила быстрый взгляд на девушек и вновь всмотрелась в темную чащобу. — Мне нужно отыскать хоть какое-нибудь оружие”

Какое-то время Марина буравила оголенные деревья, чья листва украшала сырую от проливных дождей землю. На небе плыли клочья белых облаков. Наконец собравшись с мыслями и сжав оставшиеся силы в кулак, Марина сделала знак девочкам идти следом. Впереди красовалась еще одна тропинка, не такая заросшая, но природа уже успела сделать свое дело — огромные листья репейника щекотали открытые щиколотки, а колючки цеплялись за джинсы.

Троица вышла на круглую поляну, обставленную высокими и могучими деревьями. Надвигалась мрачная пелена, грозя обернуться новым проливным дождем. До вечера оставались считанные часы — не хотелось бы опоздать или же вовсе встретить дикое животное, что приходило сюда за едой.

Марина свободно выдохнула. Остановившись, согнулась в три погибели и стала откашливаться. Полезла в кармашек джинсов, закурить. И тут же громко обругала себя — несколькими месяцами ранее она оставила сигареты дома, положила в карман зажигалку и одну штучку, на всякий случай.

Откуда она могла знать, что Кошмар перебросит ее сюда, в Зону Отчуждения?

Да и сама кошмарная девица куда-то сгинула.

— Ладно, — заявила Юлия, копошась в листве, — мы пока соберем тут кое-что необходимое, а потом пойдем домой. Думаю, ты не заблудишься.

— Не беспокойся, — усмехнулась Марина, пытаясь вычистить грязь с каблуков, — я уже начинаю привыкать к постоянным переездам. Мне нужно найти девчонку.

— Ну, удачи!

Лес нехотя погрузился в свою привычную тишину. Размеренная жизнь в этих местах усыпляла — хотелось лечь на траву и поспать как следует. Если бы не одно “но” — во-первых, земля здесь до сих пор радиоактивна, а во-вторых, где-то поблизости ходит странная полураздетая девица.

И девочка.

Та маленькая, с пронзительными синими глазами, с темными как зимняя ночь, волосами девочка в школьной форме.

Ветви над головой зашевелились. Зашуршала листва под ногами. Руки похолодели, когда за ближайшими кустами затаился некто, только глаза, как щелочки, горели, пытаясь всмотреться в самые потаенные уголки человеческой души. Марина невольно попятилась назад. Захлопала густыми ресницами, пытаясь отогнать от себя наваждение. Когда она пришла в себя, странное видение исчезло. Пошатываясь, Марина пошла по заросшей тропинке сквозь чащобу, пытаясь не ломать голову над тем, кто это был и что вообще здесь происходит.

Внезапно раздался пронзительный треск. Ветви деревьев прижались к земле. Сухая пожелтевшая листва упала на высокую траву, уже почерневшую от первых сентябрьских заморозков. Пустота и тишина этого места не по-детски давила на психику: вроде в этом лесу уже давненько никто не жил, оставив на память лишь старые, гнилые избушки, большая часть которых стояли закрытыми на амбарный замок.

Что-то прокатилось, что-то осыпалось и упало под металлическим навесом старого деревянного домика. Марина резко повернулась. Никого. Ноги и руки дрожали не только от холода, но и от страха. Она впервые призналась самой себе, что боится. В этом, наверняка, виновато то кошмарное существо в образе полуголой девушки.

“Я буду питаться вашим негативом!”

Но для чего? Зачем?

Не хотелось бы знать наверняка. Шум усиливался. Из ниоткуда появился сильный вихрь, листву закрутило, комки черной грязи раскидало по чащобе, и в один прекрасный момент с крыши полуразвалившегося дома прыгнул гигант с огромной кувалдой в руках. На нем, от утреннего дождя, блестели капли воды. Гладкий и блестящий на вид дождевик. Противогоаз с фильтром. Вспотевшие от дыхания очки и могучие резиновые сапоги.

Марина попятилась, когда незнакомец направил кувалду в ее сторону. Он закружился на месте, словно юла, сорвался с места и кинулся на нее. Напуганная подобной неожиданностью Марина не стала дожидаться своей смерти. Нужно было сбежать от этого чокнутого гиганта, размахивающего большущим молотом. Но как? И где? Ближайшее заброшенное село — Копачи, но спрятаться там совершенно негде.

Марина рванула с места и бросилась бежать куда глаза глядят. Монстр в противогоазе сорвался следом, Его дыхание было слышно за километры отсюда. По спине крупными бусинами катился пот, оставляя на рубашке темно-серое пятно. Мышцы ужасно ныли. Каблук то и дело норовил сломаться. Нет даже элементарного оружия, остро наточенного ножа или Макарова, который Марина носила на протяжении нескольких лет — начало девяностых, разгул бандитизма в России, большую часть которой пришлось и на Западную Украину.

Марина выбежала на опустевшую тропинку. По другую ее сторону расположилось несколько заброшенных домов — большую их часть были снесены и захоронены еще в сентябре восемьдесят шестого. С тех пор много воды утекло, но память запомнила все до мельчайших деталей. Одна из избышек стояла открытая настежь. Военные, среди которых была и сама Марина, вытаскивали из дома мебель, технику, тряпки и захоранивали в нескольких метрах, дабы мародеры не стащили и не распространяли радиацию по всей стране.

— А ну стоять! Куда это ты бежишь?

Марина впала в ступор, услышав мужской голос с украинским акцентом.

— Я?.. — она растерялась.

— Нет, блин, я! — из-за кустов выплыл молодой мужчина с автоматом наперевес. На нем сидела идеально выстиранная милицейская форма — верх с короткими рукавами, темно-синие штаны, подпоясанные черным ремнем. Руки тоже были прикрыты — из-под короткой рубашки выглядывали рукава темной водолазки. И руки в перчатках, того же цвета. — Тех, кого сюда не звали, мы сразу же отправляем в тюрьму! Это опасная зона! Вот поймешь радиацию, принесешь домой, и все твои родные и близкие умрут! Тебе их совсем не жалко?

— Радиация не вирус, оно так не работает, — ответила Марина, переводя испуганный взгляд с одного милиционера на другого — помощник первого выплыл из лесу гораздо позже, но стоял поодаль, чтобы не мешать своему дружку.

— А мне об этом знать не положено! Мое дело вывести вас отсюда! Ты же наверняка уже мать, верно? — мужичок с короткими рукавами начал медленно приближаться. — Есть детки, муж. Разве тебе их не жалко?

— У меня нет ни детей, ни мужа. — И это чистая правда. — Но я та, — Марина повысила голос, — кто спасал ваши шкуры, чтобы вы и ваши потомки не болели всякой дичью, не умерли, как те, кто тушил ваш долбаный реактор! — она от злости треснула кулаком по забору. Тот лишь жалобно пискнул. — Вам не положено вести себя как дикарям, выпущенным из клетки!

— Нам положено ловить нарушителей. Таких как ты, например. — Парень с короткими рукавами помрачнел.

— Вам положено ловить девчонку...!

— Девчонку? Ты веришь в эти байки?

— Верю, потому что видела собственными глазами!

— Тю, бегать за маленьким ребенком скучно, — мужчина скуксился, — когда мы только пришли сюда, то сразу же приступили к заданию. И что же? Никакой такой девочки мы не видели, зато увидели кучу бежавших из тюрем заключенных, мародеров и сталкеров! Это — намного лучше девчонки!

— Вы нарушаете закон Украины.

— А мы и есть закон Украины! Правда, народу маловато, но для авторитета сойдет. Мы устанавливаем здесь правила, а вы их нарушаете!

— Оставьте людей в покое! Тогда вам будет и авторитет, и закон.

Паренек поцокал и пригрозил пальцем.

— Нет, нет, уважаемая ликвидатор, так не пойдет. Если мы всех будет отпускать, тогда кто будет уважать нас и наш закон?

— Это намного лучше, чем держать всех в страхе!

Милиционеры и Марина смотрели друг на друга, и от страстей их щеки начали пылать огнем. Порыв ветра бросал в лицо горсть листьев вперемешку с кусочками земли, пытаясь охладить нервы.

Тучи нависли над лесом, грозя обернуться новым проливным дождем.

Здесь вообще редко светило солнце — особенно в холодные времена. Казалось, Чернобыль омывает незаживающую рану, которую нанесли ему люди.

Вдалеке сверкали молнии. Что-то неизбежное приближалось к месту, где завязалась небольшая перепалка.

— Марина, беги, мы их задержим! — из лесу выбежала Юля и, прицелившись, выпустила из лука стрелу, что угодила одному из милиционеров прямо в голову.

Остальные, схватив автоматы, принялись стрелять, куда бог укажет.

— Марина, беги!

— Нет уж, — проворчала Марина и, скрутив растерянного от столь резкого поворота событий милиционера, выхватила у него автомат, — мы все здесь в одной лодке! Никого бросать не собираюсь!

Она отбежала от дерущихся как можно дальше и выстрелила сначала в одного, после перезарядки — в другого. Милиционеры дрались не на жизнь, а на смерть. Хотя и остальные девушки, что были с луками, выглядели для них как надоедливые насекомые — и убить их не составило бы никакого труда, — однако злодеи с каждой минутой теряли своих дружков и бесились еще больше, ощущая беспомощность.

Юля подошла к убитому милиционеру и плюнула ему в лицо.

— Черти окаянные, — прошипела она и отошла, — никакой жизни, одни угрозы да радиация эта...!

— Я им сказала про девочку, а они меня высмеяли, — хмыкнула Марина.

— Девчонка в Припяти. Сюда она редко заходит.

— Тогда придется идти в Припять. — Марина обошла трупы. — Надо набрать патронов. Что-то мне не верится, что это наша первая и последняя встреча.

— Ловите ее!

Миновав лес и парочку заброшенных сел, Марина вышла на мост и направилась в сторону города. За ночь подморозило, под ногами блестел лед, ходить стало невозможно — подошва открытых туфель всякий раз подскользывала, грозясь упасть. Припятть уже не первый год стояла опустошенной, сверкая в осеннем полумраке пустыми и выстекленными окнами. Станция находилась в трех километрах отсюда и была как на ладони.

Марина пришла в Припятть поздним вечером, когда темнота накрыла город своей периной с нарисованными на ней звездами. Из-за дождевых облаков виднелся кусочек полумесяца, который тут же скрылся, погружая покинутую местность во тьму. Хоть глаз выколи.

Станция вдалеке моргала агрессивно-красными фонарями. Их отсвет падал на “Саркофаг”, создавая иллюзию таинственности и одновременно страха, любопытства. На миг над разрушенным энергоблоком возник образ темноволосой девушки. Ее грудь скрывалась под корсетом, бугры слегка выглядывали из-за плотной ткани. Руки расставлены в стороны, на лице коварная улыбка и темнота вместо глаз. Вокруг нее появился звездопад, что таял в воздухе, не касаясь земли. Казалось, странная девица охраняла покой заброшенного места.

Еще издали раздавались звуки выстрелов. Пули оставляли отверстия в крепких бетонных стенах.

Крики, мат, шум автоматов.

Марина, прибавив скорости, побежала навстречу городу.

Страх упасть, поскользнувшись на льду, тут же отступил, освобождая место для отваги и некоторому безумию, что творился на территории Припяти. Шлагбаум был задран, будка охранника пустовала, а сами же сторожа исчезли в темноте, прихватив первое попавшееся оружие. Над головой засверкали молнии — длинные, короткие, пахнущие скорой грозой и электричеством.

В центре между Домом Культуры “Энергетиком” — у которого, кстати, остался голый фасад, без советских лозунгов и афиш, — и гостиницей “Полесье” образовался купол, больше похожий на шаровую молнию. Во все стороны летели молнии, пытаясь задеть тех, кто отчаянно стрелял в цель, укрытую электричеством.

Марина прищурилась и за искрами разглядела фигурку девочки, девяти лет отроду. Волосы ее были растрепаны, юбка задралась, а на некогда белоснежной рубашке отсутствовали парочка пуговиц. Пронзительные синие глаза наполнились кровью, а из ладоней вылетали одна за другим молнии, поражая несостоявшихся героев прямо в сердце.

— Ловите ее!!

Марина успела скрыться в кустах, когда из ниоткуда появилось энергетическое поле и обвило хрупкую девичью фигурку. Пули отскакивали, едва касаясь электрической сетки и падали наземь. Девочка повела руками, сжала пальцы в кулак, и, нахмурившись, силой притяжения подняла гильзы в воздух. Один единственный жест — и милиционеры вместе с солдатами и спецназовцами упали на асфальт без какого-либо намека на жизнь.

Из-за угла показалась милицейская машина. Сигналила фарами, включила сирену и, поддав газу, направилась к девочке. Та только этого и ждала — малышка размытым движением обернулась и выставила руку вперед.

Автомобиль отлетел на другой конец города.

Марина дрожащими руками вставила найденные ранее патроны в магазин и перезарядила автомат. “Вспомни, чему тебя учили, — подумала она про себя, выпрямляясь во весь рост, — никакой паники, только спокойствие, только хладнокровие и меткость. Попадешь — выиграешь. А если попадут в тебя — проиграешь. Банально, примитивно, но это так”

Пуля прошла навывлет, не задевая маленькую мерзавку. Энергетический купол на мгновение пошатнулся, пошел рябью, и малышке чудом удалось все стабилизировать. В ее глазах засверкали тысячи молний. Девчонка коварно улыбнулась. Пронзительные синие глаза превратились в щелочки. Марина ощущала каждый удар сердца, и, перехватив дыхание, выстрелила еще несколько раз, заставляя девочку отступить.

Девочка размытыми движениями добралась до огромного шестнадцатиэтажного здания и, обернувшись, выпустила еще один импульс. Марина отлетела в сторону. Спецназовцы лежали без сознания, раскиданные по всей площади. Милиционеры сбежали, а большая часть солдат погибла.

Марина с большим трудом поднялась на ноги. Стряхнула остатки земли с помятых джинсов и поспешила за девчонкой, что скрылась внутри многоэтажки. В подъезде раздались звуки работающего лифта. Девчонка направлялась на самый верхний этаж. Смысла ждать не было, и Марина, ускорив шаг, побежала наверх, переступая через одну-две ступеньки. Пришлось снять туфли и бросить их на лестничной площадке.

Марина перезарядила автомат и, выставив его вперед, выстрелила. Пуля прошла сквозь тонкое девичье запястье. Темно-бордовая жидкость потекла вдоль руки, оставляя неприятный липкий след. Девочка удивленно

подняла руку и горько усмехнулась. У ее ног лежал спецназовец без сознания.

— Чего ты хочешь?! Зачем убиваешь ни в чем неповинных людей?! — закричала Марина что было сил.

Девчонка снова усмехнулась. Повернулась спиной и растаяла подобно видению.

Марина бросила автомат и подбежала к лежащему без сознания спецназовцу.

“Он еще жив!..”

Марина задрала водолазку и заметила несколько глубоких ран, нанесенных чем-то острым. Но в руке девочки не было даже намека на нож. Вокруг не оказалось ничего полезного, а все, что осталось, пропиталось радиоактивными отходами.

“До станции всего ничего. Придется его на себе тащить”

— Серега! — держась за рану, еще один спецназовец появился в пустом помещении.

— Помоги, а? — обратилась к нему Марина. — Я отдам тебе должок, обещаю!

Они вдвоем подхватили раненого мужчину и, держась за стены подъезда, спустились на первый этаж.

— Это мой начальник, Серега, — заговорил спецназовец, пока они шли по дороге в направлении к атомной станции. — Мы с ним вместе уже больше семи лет. Он хороший мужик, правда, грубоватенький немного. Эй, а ты случаем, не ликвидатор? Я в былые годы видел вас здесь, как вы все моете и убираете.

— Ну, допустим. И что?

— Да ничего, просто интересно.

— Придется идти напрямик, через стройбазу. Оттуда до медпункта рукой подать.

Марине приходилось уходить за пределы станции, чтобы выкурить сигарету и привести расшатанные нервы в порядок. Она подолгу задерживалась, осматривая недостроенные здания. Вдоль траншеи текла вода, оставшаяся здесь еще с позапрошлой осени.

“Интересно, на сколько меня еще хватит? Время идет, а результатов все нет и нет. Стоило ли вообще во все это влезать? Не знаю. Но я должна найти своих детей! Без них я совсем погибну...”

— О нет...

Марина стояла у окошка, опершись руками об холодный подоконник. Когда мужчина пришел в себя, обернулась и наградила насмешливой улыбкой.

На улице шли проливные дожди. Иногда он замолкал на минуту, а затем разрастался еще больше, погружая опустевший город по утрам в плотный туман. В пепельнице осталась недокуренная сигарета. По коже шли мурашки, а сердце безжалостно билось о ребра, не давая успокоиться.

— Добро пожаловать домой.

Они с трудом пересекли стройбазу, кое-как дотащили раненого до медпункта, оставляя на линолеуме мелкие пятна крови. Их провожали изумленными взглядами. За ними побежала молодая, слегка полноватая, девушка. Работники станции останавливались, перешептываясь между собой и пропуская вперед странную тройцу. Спецназовца аккуратно положили на медицинскую кушетку. Перебрав всевозможные баночки и склянки, с трудом обнаружили нужные лекарства. Медика на посту не оказалось, и Марина взяла всю заботу на себя.

— Жалок век человеческий.

В углу образовалась кошмарная девица. Ее фигурку соткал мрак, прячущийся в мелких трещинах на полу и в стенах.

— Зачем она хотела его убить?

В помещении повисла пауза.

Кошмар как-то странно скукожилась и начала грызть нижнюю губу.

— Можешь не стараться, я все знаю. Та девчонка, она твоя половина. У меня с ней произошел контакт. Она знает, зачем я здесь. Она знает, кто ты. Твои просьбы о победе всего лишь фальшь, ты хочешь соединиться с ней и воздать этому миру за свои травмы и обиды. Поэтому ты доводишь одного человека за другим, хотя никакого права на это не имеешь.

— Допустим. — Девица демонстративно сложила руки на груди. — И что ты теперь будешь делать?

— Все то же самое.

Кошмар фыркнула и тотчас же растворилась.

— Трусиха, — фыркнула Марина.

В помещении стояла гробовая тишина. Марина любовалась маленьким огоньком на кончике сигареты. Мельчайшие кусочки пепла падали на стеклянное дно и тут же переставали тлеть. Какое-то время тяжелые мысли одолевали ее, не давая спокойно вздохнуть. “Жизнь изменилась, и далеко не в лучшую сторону. Мы столкнулись с неизвестным для нас миром, где установлены другие правила. Неужели такое событие, как чернобыльская катастрофа, смогла так резко изменить жизнь? Повернуть все так, как будто ты пробудился ото сна и попал в самый настоящий кошмар...”

— Я смотрю, тебя не больно-то радует возвращение к живым.

Он промолчал.

— Тебя хоть как звать?

— Сергей. Но настоящее имя — Александр.

Марина усмехнулась:

— Отлично! И не объяснишь почему?

— Я один из тех, кто был в момент аварии. — Сергей-Александр присел на кровати. — Прошло десять лет, а я до сих пор как в аду. Родители умерли еще до катастрофы, с женой мы разбежались, и все эти годы я маюсь в нестерпимом одиночестве. Я решил изменить свою жизнь. Я взял себе другую фамилию, другое имя в надежде, что прошлое оставит меня в покое.

— Но оно тебя не оставило.

Мужчина кивнул.

— Закурить есть?

Марина встала со стула и, прикурив сигарету, отдала ее Александру.

Тот спустил ноги с постели и затаился, прикрыв веки.

Сигаретный дым поднялся до белоснежного потолка.

— Тридцать с лишним лет, и никуды нет, — произнес после долгой паузы Сергей-Александр, — я думал, я надеялся, что рано или поздно моя жизнь наладится, что будет все как у всех, но...

— Не получилось.

Александр закивал.

— Нас послали в Припять, чтобы отловить девчонку, — начал свой рассказ он. — Она шандарахнула молнией в автобус, внутри которого были люди. Никто не выжил, все сгорели заживо.

— А зачем вы вообще присматриваете за этой девчонкой?

— Распоряжение Генпрокуратуры.

Марина удивленно приподняла бровь:

— Вот как?

— Боровые сообщили им о некоем человеке по кличке Долгожитель. Так вот, этот Долгожитель уже всем кому только можно насолил. И теперь его ищут. Уже который год найти не могут.

— И как этот Долгожитель связан с девчонкой?

— Он бросил ее в реактор умирать.

Время стремительно улетучивалось подобно песку в жаркой пустыне. Мелкие песчинки секунды, более крупные — минуты, а сам песчаный оазис напоминал дни, месяцы и даже годы. Но сколько бы воды не утекло, весна пришла слишком поздно — в апреле, десять лет назад, стояла сухая и душная жара. За окном бушевала настоящая зимняя метель. Горсть снежинок ударила в стекло. Ветер игрался с деревьями, что находились в паре метров от станции.

Марина в последний раз прополаскала белоснежную тряпочку, напоминающую свернутый в несколько раз бинт, в воде и водрузила ее на разгоряченный лоб мужчины. Несколько дней у Александра наблюдалась высокая температура. Марина ни на шаг не отходила от него, пытаясь вытащить его с того света.

— Зачем ты это делаешь?

— В смысле?

Марина отошла от кушетки и, налив воды в чайник, водрузила его на плитку.

— Зачем ты ухаживаешь за мной?

Она усмехнулась:

— Не любви ради, это точно. Скажем так, если ты умрешь, нам всем придет конец.

Сергей-Александр приподнялся на постель, опершись локтями об мягкую перину.

— В каком смысле?

— Ты уже забыл про девочку? — Марина повернулась к нему, держа в руках чашку с дымящимся напитком.

— А разве она может что-то сделать?

Марина рассмеялась:

— У тебя проблемы с памятью, Сашенька!

Саша хмыкнул:

— Ничего подобного. Просто я не думаю, что девчонка сможет устроить катастрофу номер два.

— А никто и не говорит об катастрофе. Точнее, об ее повторении. Понимаешь, тут такое дело, я в Чернобыле-то неспроста, — Марина достала сигарету из пачки и, поднеся зажигалку, прикурила. — Несколько лет назад пропали двое моих детей. Мальчик и девочка, Витя и Лиза. Мой горячо любимый супруг увез их в неизвестном направлении, а про меня напел, что я якобы умерла от радиации. В общем, если коротко и по существу, мои дети пропали, и лишь один человек может мне в этом помочь. Хотя это даже не человек, а существо, с маской человека. Оно поедает все, что относится к негативу — страх, боль, отчаяние. Таким образом оно набирает силу, чтобы в дальнейшем устроить армагеддон. Ну это я так, чтобы понятнее было. Та девчонка, что устроила войнушку в городе, ее настоящий образ. И она жаждет мести. То, что творилось в Припяти, это самая малость пиздеца, которого нам придется пережить.

— У тебя хоть дети есть. Пусть они далеко, но все же, — немного помолчав, произнес Саша, — а у меня даже котенка, и того нет. Мне тридцать шесть лет. Я дважды побывал на краю, из-за чего у меня возникает определенный вопрос: за что? зачем? для чего все это надо было? Я остался больной, никому не нужный, одинокий. Да, я одинок, да, я устал от своей же компании, но сделать ничего не могу. Мне женщины могут только снится, с моим-то прошлым. Я хочу любви, я хочу хоть немного ласки и понимания. Я устал... — он закрыл лицо руками. — Я так устал, я думал, что наконец-то отмучился, что больше не придется страдать, но ты меня вытащила из этого состояния, и я вынужден продолжать брэнную жизнь... только вот... ради чего?

По бледному лицу пробежала одинокая слеза. За ней еще одна, и еще, давая волю своим чувствам, всему тому, что накопилось в душе. Он так долго держал это в себе, боясь показать, настолько может быть слаб духом человек. Мужчины тоже плачут, в этом нет ничего зазорного. Только социум делает из этого проблему, опускаясь до некрасивых обсуждений и сплетен.

Марина пристально смотрела на него, не отрывая взгляда. Она не стала его корить, лишь внимательно выслушала и, наклонив голову, размышляла над нужными словами. Саша высморкался в наволочку, снятую с подушки, что лежала на кушетке, и закинул ее куда подальше. Его грудь украшали многочисленные раны, нанесенные чем-то острым. Большая часть из них оказались неглубокими. Марина прикурила очередную сигарету и протянула Сергею-Александрю.

— Здесь вообще-то нельзя курить, но сегодня случай особый, — произнесла она, присаживаясь поближе. — О-о-ох, в общем, я тебя внимательно выслушала и сейчас скажу вещь, которая тебе сначала не понравится. Ты должен жить дальше, чего бы в твоей жизни не случилось. Те, кто лежат сейчас на кладбищах, тебе бы позавидовали черной завистью. Ты выжил. Двадцать шесть человек, из которых только ты один — живой. Хотя, я, может быть, ошибаюсь, но все же. Ты вытянул счастливый билетик! — рассмеялась Марина. — Ладно, это была

самая глупая шутка в мире. Ты должен жить дальше, ты понял?

— Зачем? — простонал мужчина.

— Зачем?! Я тебе пять минут назад рассказывала о кошмарной девице! Так вот, дорогой мой Сашенька, если ты наложишь на себя руки, она выиграет. Она станет намного сильнее, чем сейчас! И твоя смерть будет для нее большим плюсом! Я пытаюсь вас всех спасти! Да, потому что я ишу своих детей. Да, только та девица прекрасно знает, где они, но мне не хочется хоронить очередного знакомого, который наложил на себя руки. Один из нашей компашки сравнительно недавно умер. Мы с моим другом разузнали, что, когда он приехал домой, родители и жена от него сразу же отказались, а через день его нашли повешенным. Нет ничего хорошего в подобной смерти. Я не знаю, радуйся птичкам, травке, маленьким кошечкам и собачкам, но не смей обрывать свою жизнь! Я, знаешь ли, тоже не вечная...

День медленно клонился к вечеру. Небо затянуло розовыми всполохами, закрывая собой маленькие, медленно плывущие, облачка, а яркий шар, в последний раз одаривший мерзлую землю своими лучами, скрылся за горизонтом. На станции стало слишком тихо. Александр прислушивался к редким звукам, доносящимся из “золотого” коридора, и тяжело вздыхал, закрывая глаза и погружаясь в дрему, сквозь которую доносились обрывки чьих-то фраз и сумбурные слова.

Что-то тяжелое приземлилось ему на колени. Саша приоткрыл один глаз. Перед ним промелькнула чья-то грудь, едва прикрытая длинными темными волосами. В горле образовался, мешая дышать, тяжелый ком — Александр побоялся спугнуть обнаженную девицу, что водила ногтями по его голому торсу. Незнакомка целовала его в шею, касалась пальцами приоткрытых губ, и это заводило мужчину, у которого давно не было женщины. Саша чувствовал, как его достоинство наливается свинцом, и в голове витают мысли только об одном: ему безумно захотелось переспать с этой девицей.

— Ай!

Александр быстрым движением сел на постель. Схватил девицу за руки, когда та попыталась ретироваться. В пронзительных синих глазах промелькнули одновременно испуг и злая насмешка. Шелковый халат спал на пол, открывая взору маленькую аккуратную грудь с сосками карамельного цвета.

— Дай мне частичку своей любви! — громким шепотом произнес Сергей-Александр, не выпуская из крепких пальцев тонкие девичьи запястья. — Позволь мне овладеть тобой! У тебя прекрасные груди, я хочу их прямо здесь и сейчас!..

Незнакомка вконец растерялась. Пока она обдумывала пути отступления, как Саша, не желая терять времени, опрокинул ее на постель, прижав к матрасу всем своим телом. Девица даже не пискнула, буравя его взглядом синих глаз. Александр наклонился и прикоснулся губами белой шеи. Затем провел языком вдоль груди, коснулся бугорков и оставил на них след от поцелуя. Разум отошел на задний план, когда Сергей-Александр быстрым движением расстегнул брюки, бросил их на пол и, закатив глаза от удовольствия, вошел в девицу, начиная медленно двигаться.

— У меня вчера был секс.

Марина вопросительно посмотрела на Сашу.

— С кем это?

Он моргнул и уставился на потолок.

— Я еще никогда не чувствовал себя таким живым, — через минуту ответил мужчина, облизывая пересохшие губы, — хах, странно звучит, да? У меня давно ни с кем ничего не было, а тут девушка, с темными, как ночь, волосами. У нее дивное тело. Я даже чувствовал, как груди ее трясутся в моих руках. — Саша выставил вперед ладони. — Мне хотелось еще и еще, но наступило утро, я проснулся, а ее уже нет.

— Так кто же это?

Александр тяжело вздохнул.

— Она. Кошмар.

Отец Димитрий пребывал в одиночестве, когда двери храма распахнулись, и в зале появилась темноволосая девушка с каре.

— Что это за люди?

Лена указала на священников в темных балахонах.

— Церковный хор. Они не местные, приезжают сюда раз в год, чтобы отмолить город и попросить прощения у Бога за все те ошибки, что мы совершили.

Лена подошла к окну, за которым шел проливной дождь.

— Я слышала, здесь якобы бунтует маленькая девочка.

— Верно.

— А чего она хочет?

Отец Димитрий пожал плечами.

— Только Богу известно.

— В последнее время об этом Боге только и твердят. Если Бог все-таки существует, то почему он допустил эту катастрофу? Почему Он не защитил людей?

— Бог предпочитает не лезть в дела человеческие. Наверняка Он подавал нам знаки, а мы не сумели их распознать. Иоанн Богослов в древние времена говорил об этом, но его посчитали сумасшедшим, и только спустя пару сотен лет к нему начали прислушиваться.

— А может, это еврейское проклятие? Это была их земля, пока большевики и фашисты не начали их уничтожать.

— Церковь исключает подобные варианты. Этим занимаются неблагочестивые люди, маги и колдуны. Мы их осуждаем. Так угодно Богу — это все, что я могу сказать. Хотел ли Он этого? Конечно же нет. Родители наказывают своих детей во благо, так и Бог наказывает нас за непослушание. А насчет девочки, — отец Димитрий повернулся к Лене, — я все это время был здесь, дитя мое, и видел это чудное создание не один раз. Она приходит сюда потому что у нее нет другого дома, дома, где бы ее любили и ждали.

Лена прищурилась:

— Кстати, вы так и не рассказали, что с вами тогда случилось.

— Что именно?

— Когда какая-то девица ввела вас в жуткий транс.

Отец Димитрий поднес к лампадке заранее зажженную спичку. Приятный запах разошелся по храмовому залу, наполняя теплотой и душевным спокойствием.

— Я был один, когда она заявила. Строительство “Укрытия” только-только закончилось, и я решил, с меня хватит, — не поворачиваясь к девушке, ответил отец Димитрий. — Я решил на время остаться в кабинете, нужно было доделывать работу. И тут она пришла. Я даже и не помню, что именно она со мной сделала. Очнулся уже в местной психбольнице. Меня привязывали к кровати, ибо по ночам начинал ходить и беспокоить больных. Меня вывели, но какой ценой... — протянул бывший чиновник. — Мамы уже в живых не было. Врачи не разрешили мне об этом говорить, была велика вероятность, что приступ повторится. Не прошло и года, как схоронил жену. А в Чернобыль вернулся... вернулся потому что выхода другого не было. Я прошел необходимое для этого обучение и уже который год провожу здесь службы. Монахи эти, — отец Димитрий кивнул на людей в черных балахонах, — сами к нам обратились. Сказали, что у них особая миссия. Я уже начинаю к ним привыкать. Но ты пришла сюда так поздно не ради истории с девицей. Ты пришла рассказать мне о чем-то другом, о том, что тревожит тебя не первый год.

— Батюшка, я уже который год скучаю по своему отцу, — подбирая нужные слова, произнесла Лена. — Это тоска не отпускает меня и по сей день. Я уже знаю, что он умер. Он погиб, спасая нас с вами. А я все принять это не могу!.. — воскликнула девушка, сжимая пальцы в кулак. — Я все это время думала, за что, за что мне все это! Почему он, а не я?! Почему он оказался в тот злополучный момент? Почему он ушел, ничего мне не сказав?! Он был моим единственным близким человеком, которого я безумно любила! Я прошла через ад, как и он, я даже пришла сюда, в Чернобыль, чтобы отыскать его, а тут оказалось, что домик наш снесли, а он уже давно мертв!..

— Пути господни неисповедимы. Никто не знает, что будет завтра. Или через час. Или через две минуты. Нельзя вторгнуться туда, куда простому смертному дорога закрыта. Бог не дает испытаний не по силам, Он знает, сколько ты можешь выдержать. И только Он знает, какая участь ждет тебя завтра. Ты вот проснешься, а все, что мучило тебя вчера, окажется дурным сном. Или ты обретешь смысл в чем-то другом. Или примешь все как есть, не станешь больше сопротивляться. И это тоже входит в планы Бога. Но пока что остается только верить. Любить и

верить. Ты жива, а это главное. Ты жива, а это значит, что все поправимо.

— Лена, это опять ты?

Отец Димитрий повернулся и встретился глазами с роковой красоткой, на лице которой заиграла злая усмешка. На ней сиял черный бюстгальтер, подчеркивающий выпуклость груди, короткие шорты, едва прикрывающие бедра, и ботинки со шнуровкой до колена. Ее длинные волосы были мастерски укорочены.

— Я скучала по вам, отец Димитрий. Надеюсь, вы не успели меня забыть. — Девица поклонилась, скрывая злобную насмешку в уголках губ.

— Я тебя внимательно слушаю. — Бывший чиновник сохранял самообладание, хотя по всему телу бегали мурашки, да и голос заметно сел.

— Скажите, а я достаточно красива, чтобы вы могли совершить со мной грехопадение? — незнакомка принялась крутиться вокруг священника, потрясывая грудями. — Вы не думаете, что этот бюстгальтер лишний, м? — одним движением она расстегнула бюстгальтер и, оголив груди с сосками карамельного цвета, бросила его куда-то в сторону. — А теперь я красива, м?

— Я знаю, зачем ты это делаешь, — ответил священнослужитель, сцепив руки. — Ты хочешь, чтобы мы, люди, попросили у тебя прощения. За все, что совершили или не совершили, — он выдержал паузу и склонил голову. — Я принимаю твою злость, твоё отчаяние, ты одинокое и несчастное создание, в глубине души ты чаешь нашей любви, и хочешь, чтобы тебя одарили вниманием. Я понимаю твою ненависть и принимаю тебя как одного из нас, как человека, который похож на нас, который заслуживает милосердия, как и все дети в нашем непростом мире.

Девица хмыкнула. Насмешка с ее лица исчезла. Она стала серьезна как никогда. Буравила священника взглядом пронзительных синих глаз и молчала, поджав губы.

— Я встаю перед тобой на колени, — вкрадчиво произнес отец Димитрий и встал перед незнакомкой на правое колено, — и от лица всех людей, живущих на этой планете, прошу у тебя прощения. Прости нас и не держи больше на нас зла! — он опустил голову и сжался, словно его хотели ударить. — Прости даже за то, что мы не сделали! Прости за то, что были равнодушны к тебе! Прости и оставь нас с миром!

Девица сильнее поджала губы, буравя священника, сжавшегося у нее в ногах. Подняла глаза, взглядела в лица, запечатленных на золотых иконах, и, развернувшись, поспешила к выходу. На нее смотрели тысячи нарисованных глаз. Отец Димитрий выглядел жалко, но не шелухнулся, пока не хлопнули деревянные двери. С его уст слетел вздох облегчения.

Но надолго ли?..

— Нахрена ты это сделал?! Что ты вообще, блять, делаешь? — кричала словно обезумевшая Марина.

Саща виновато опустил голову.

— Ты отлично знаешь, зачем я здесь! Ты хочешь продлить мои страдания или че?! — негодовала молодая женщина.

— Я не смог удержаться! — в ответ закричал Сергей-Александр. — Она такая красивая, соблазнительная, а у меня бабы давно не было! Я живой, в конце концов! Я, как все нормальные мужики, хочу трахаться! Что в этом плохого?!

— Ничего. — Марина всплеснула руками.

— Если ты так боишься за меня, могла бы и сама дать...!

Раздалась звонкая пощечина.

— Большой извращенец! — хлопнули двери, оставляя Александра наедине с мрачными мыслями.

Он потер ушибленную щеку.

— Да, я извращенец. Ты мне уже давно нравишься.

Рая уже давно не думала о своем будущем. Из зеркального отражения на нее смотрела уставшая от жизни девушка — черными тенями под веками улеглись синяки, провалились щеки, тусклый взгляд карих глаз, фигурка поблекла, висели мешками груди и ноги слегка искривились.

— А мне действительно необходимо идти на это свидание?

Марина вышла из комнаты, неся в руках воздушное платье.

— Конечно. Ты же не хочешь закончить так же, как большая часть моих знакомых. — Она подошла к Раисе и приложила к ней платье, расплавляя легкую ткань, что собиралась воланами на короткой, до голеней, юбке. — Помнишь, я рассказывала тебе историю, как один юноша, по приезду в Чернобыль, застрелился? Молодой совсем, едва восемнадцать стукнуло. Не хотел рисковать, решил все на месте.

— Неужели?..

— Угу.

Раиса пожалала плечами, продолжая всматриваться в собственное отражение.

— А этот, Андрей, он хороший?

— Слушай, если бы он был бы плохой, я бы ни за что его бы не посоветовала бы!.. — воскликнула Марина, вновь убегая в спальню. Через минуту вернулась с ярко-синими сандалиями, которые бросила перед девушкой. — Все! У меня все готово! Переодевайся, приводи себя в порядок и отправляйся в летнее кафе. Я тебе адрес напишу на бумажке, чтоб потом сама нашла. Он будет ждать тебя там же. И ради бога, улыбайся! Не делай страдальческий вид. Ты молодая красивая девчонка! Не нужно ставить на себе крест. — Марина обняла Раю за плечи.

Девушка расплакалась еще сильнее, вытирая слезы маленькими кулачками, будто маленькая провинившаяся девочка.

— Не могу! Я люблю только Васеньку! Почему его нельзя вернуть? Зачем мне кто-то другой?! — говорила она сквозь слезы, всхлипывая и размазывая сопли по бледному личику. — Неужели нельзя все вернуть как раньше все было?!

— Послушай, мне тоже все это не нравится! — повысила голос Марина. — Но у нас нет другого выхода! Не мы виноваты в том, что случилось! Не мы сделали все это, за нас уже давно все решили! Просто... — она тяжело вздохнула, прикрыв веки, — просто прими это как данность, хорошо? Не губи свою жизнь и жизнь ни в чем неповинных людей. Запомни, ты не должна кормить своим отчаянием этого монстра, ни в коем случае! Иначе мы все пропадем...

— Вот это платье? — немного успокоившись, спросила Раиса.

— Да. Мне кажется, оно лучше подойдет. И не забудь про пояс!

Рая застегнула кожаный тонкий пояс и, повернувшись к зеркалу, снова всмотрелась в собственное отражение: девушка с обложки, с чуть кудрявыми волосами, мирно покоящимися на выпуклой груди, слегка блестящие кончики, белоснежный ободок, серебряные сережки, море секса и обаятельности! Платье цвета ночного моря, юбка, идущая волнами, белый передник, подпоясанный ремешком, сандалии на тонкой подошве, ко всему этому дамская сумочка, девушка-мечта.

— И улыбайся! Образ жертвы тебе не идет.

Рая тихонько вышла из квартиры. Закрыла дверь на ключ, поправила дамскую сумочку и направилась вдоль опустевшего коридора до лестничной площадки, откуда спустилась на первый этаж. Красивая девушка не осталась незамеченной: ее соседи, такие же вдовы, лишь тихонько шипели ей вслед, гневно осуждая и ругая за несправедливости этого мира.

Раиса зашла за угол, огляделась по сторонам, вытащила из сумочки пачку сигарет и, прикуривая, выпустила табачный дым в небо. Она незаметно стащила сигареты у подруги, что частенько курила на маленькой кухне, сидя у форточки. Бросила недокуренную сигарету на землю, растоптала его носком сандалия и, поправив наряд, продолжила путь.

Мужчина уже стоял возле входа в летнее кафе. Он заметно отличался от людей, что сидели на открытом воздухе, среди полупустых столиков с развевающимися от порывов ветра скатертями: деловой костюм, галстук, цветы — белые розы, свежий свежий запах лепестков, красота, да и только. Посетители переговаривались между собой, иногда бросали взгляды на странного гостя и улыбались, пряча усмешку в уголках губ.

— Это вы Раиса?

Девушка кивнула:

— Я. — И сцепила руки, неловко улыбаясь.

— Я Андрей! — мужчина принялся раскланиваться.

— Приятно познакомиться, — продолжала улыбаться Рая.

— Пройдем? — Андрей указал на столики.

Она закивала:

— Да-да!

Когда принесли бокалы с мороженым, Андрей принялся рассказывать о себе:

— Когда мне рассказали о вас, я был немного в шоке от услышанного. Вы правда ухаживали за своим мужем до последнего, пока он не умер?!

Рая позволила себе усмехнуться:

— Простите, я думала, у нас разговор будет о чем-то нейтральном, — она отложила серебряную ложечку, — но я не вижу смысла что-либо скрывать. Да, мой муж один из тех, кто тушил четвертый реактор. Он был сильно облучен и умер спустя две недели. Уже столько лет прошло... — девушка хмыкнула, — а я все пытаюсь об этом забыть. Как-то плохо выходит. — На ее лице снова заиграла усмешка. — Я так и не вышла снова замуж, у меня нет детей, и все, о чем я могу думать, так это о ребенке. Если бы был ребенок, моя жизнь обрела бы смысл. А я себе уже давно не нужна. Надеюсь, вы меня отлично понимаете.

— Нет, не понимаю, — сначала на лице Андрея отразился ужас от услышанного, но мужчина взял себя в руки и уверенно произнес: — Вы молодая цветущая женщина! Со всеми бывают трудности и невзгоды, и это не значит, что вы должны на себе ставить крест! Я знаю, что я выполняю роль донора, но... — мужчина набрал воздуха в легкие, прикрыв веки, — во-первых, давайте на “ты”. Нам предназначено провести не один день в постели, не вижу смысла “выкаты”. Мы же не чужие теперь люди, верно? А во-вторых, прекрасная Раиса, помимо оплодотворения... слово-то какое скверное!... В общем, я бы хотел видеть вас... тебя... прекрасная Раиса... в качестве своей спутницы жизни.

— Об этом не может быть и речи!

— Почему? Почему?!

— Потому что мне, кроме моего мужа, больше никто не нужен!

— То есть... Как это?..

— Да, вас, Андрей, правильно проинформировали, мне нужен только ребенок.

Андрей стукнул ладонью по столу:

— Я так не могу! Я мужчина! Мне нужна женщина!

Рая позволила себе усмешку:

— Я думала, вы меня поймете...

Она попыталась встать из-за стола, но мужчина перехватил ее за руку:

— Я так просто тебя не отпущу. Я буду пытаться снова и снова, но мы с тобой будем вместе.

Рая вырвалась и зло посмотрела на Андрея.

— Прощайте. — И Раиса удалилась, покинув нелюбезное для себя общество.

Перед схваткой с девочкой

— Марина!

Она остановилась, оценивающе взглянула на него, смерив пристальным взглядом с ног до головы, и, демонстративно сложив руки на груди, с вызовом в голосе произнесла:

— Ну?

А позади — запятнанная ржавчиной и черными потеками масштабная стена, закрывающая останки энергоблока, разбитого взрывом. Под ногами катились грязь и остатки снега. Когда Марина, в конце холодного месяца, синяя и почти почерневшая от холода — губы девушки напоминали уста покойника, — притащила не без помощи других раненого и бесчувственного спецназовца, на ней, кроме тонких джинсов и открытых летних туфелек, ничего теплее не было. Работники станции, оставшиеся в этих помещениях еще с осени восемьдесят шестого, отлично помнили гостью в качестве ликвидатора, поэтому выделили ей теплую и сменную одежду.

— Я тебя очень внимательно слушаю.

Сергей-Александр поежился и спрятал руки в карманы темных брюк.

— Я бы хотел сказать одну вещь, которая может тебе не понравиться.

Марина поморщилась:

— Не тяни кота за хвост, говори прямо.

Александр заозирался по сторонам:

— Мне бы не хотелось говорить об этом на весь аул, но так как нет больше необходимости это скрывать, я скажу прямо — я хочу с тобой отношений, здесь и сейчас. Ты сама просила!.. — он развел руками, натолкнувшись на немой взгляд темно-карих глаз.

Марина усмехнулась и, бросив взгляд себе под ноги, спрятала руки в карманы джинсов.

— Что-то много желающих в последнее время! — язвительно заявила она.

— В смысле? — Саша всплеснул руками.

— Мне пока что одного хватает!

— Кого?..

— Ну, раз ты об этом заговорил, я тоже скажу напрямую — мой друг и товарищ, с которым я проработала здесь в восемьдесят шестом, тоже не против отношений. — На лице Марины просияла новая ядовитая усмешка. Она склонила голову и в упор посмотрела на Александра. — Мы с ним даже переспали. А что? Он хороший мужчина, одинокий, правда, у него имеется малолетняя дочь, да и я, знаешь ли, прохлаждаюсь в Чернобыле не просто так. И об этом говорю уже не первый раз. Да и, насколько мне не изменяет моя память, ты прекрасно проводишь время с Кошмаром, так что, я не имею никакого желания вам мешать.

— То, что я перепихнулся пару раз с той девицей, ничего не значит!..

— Алекс, мне насрать. Прости. Я помогаю тебе из-за личной выгоды, но спать с тобой не собираюсь. Адью.

— Вы собрались меня преследовать?

Андрей протянул вперед красивый с одурманивающим запахом букет ярко-алых роз.

— Ты думала, что избавишься от меня просто так, да? И, если не быть таким настойчивым, ты ушла и даже не сказала, когда именно произойдет наше соитие. Ну, донорство, если ты так настаиваешь. Ну, я человек, привыкший к романтике, решил сделать это красиво, цивилизованно, хотя, конечно, сейчас совсем другие ценности, и все это вовсе не обязательно, но я мужчина старой закалки...

— Я не хочу делать это в своей квартире. — Раиса сложила руки на груди.

— Хорошо. А не скажешь, почему?

— Тебя это не касается!

— Из-за мужа?

Рая хмыкнула.

— Допустим.

— Ко мне или в гостиницу?

Девушка склонила голову.

— А у тебя есть деньги?

— У меня есть все, чтобы завладеть твоим сердцем!

— И не мечтай. Оно уже занято.

Раиса краем глаза заметила любопытствующие взгляды соседских женщин, наблюдающих за неловкой сценой из своих окон.

— Знаєш, доведеться перенести наше дійство в інше місце, так як сусідки про мене погані думки. Вони заздрять мені і називають мене поганими словами, тому що журналісти наділяють мене великою увагою. А вони теж вдови. Я навіть з подругою через це посварилася. Вона не розуміє, чому у мене запитують про мого Васеньку, а про її Віктора практично нічого не говорять. Тому не хочу спати з чужим мужиком на очах у всіх, — произнесла она, сложив руки на груди.

— Как скажешь. — Андрей пожал плечами. — Слово дамы для меня закон.

Рая спустилась со ступенек и встала рядом с мужчиной.

— Букет я не приму. Договор был о другом.

— Мы вообще ни о чем не договаривались!.. — Андрей всплеснул руками.

Подул прохладный ветер.

Раиса посильнее укуталась в свитер.

— Разве Марина ни о чем тебе не говорила?

Маленькая квартирка была скромно обставлена: диван у стены, мебельный гарнитур из ФРГ, журнальный столик, отодвинутый к окну, и два кресла, одно из которых было убрано в спальню, где стояли лишь кровать да двухсторончатый шифоньер. Окно занавесили большой и прозрачной тюлью, не позволяя темным вечером включить свет — все на виду у всех, как на экране большого телевизора. На кухне шкаф и стол времен революции, холодильник, только что купленный, ну и ванна с туалетом, отдельные, конечно.

— Я живу очень скромно! — Андрей развел руками.

— Ничего страшного. — Раиса улыбнулась.

На улице пошел дождь, стекая по стеклу красивыми потоками. Подул вновь ветер, склоняя деревья к мокрой земле. Полыхнула молния, затем другая, погружая квартирку в темноту — электричеством не попользуешься, все может сгореть в считанные секунды. Шум с улицы помогал отвлечься от посторонних мыслей. Рая смотрела на летний армагеддон за окном и почувствовала, как Андрей подошел сзади и обнял ее, обвивая пальцами хрупкие локти.

— Решил сделать это здесь и сейчас?

— А зачем тянуть с этим? Я настаиваю.

Мужчина поставил букет на столик. Откуда-то появилась бутылка шампанского, пара фужеров и конфеты, шоколадные, купленные в ближайшем киоске. Раиса откусила одну из них и ощутила давно забытый вкус детства. Как будто она еще там, в деревне, недалеко от строящейся Припяти, гуляет со своими подружками. Рая повернулась, заметила улыбку на лице Андрея, и тоже улыбнулась. Расслабилась.

Свитер полетел в кресло, туда же отправилось и легкое летнее платье. Худенькая девушка предстала перед мужчиной в одном нижнем белье. Андрей уже расстегнул пряжку на ремне и провел “молнией” до упора, сбрасывая брюки на пол. Он выглядел просто изумительно — красивый, накаченный торс (спортом занимался, что ли?), худой, стройный, в общем, мечта многих женщин. Рая дрожащими руками обвила его шею и прикрыла веки, позволяя дотронуться до своего лица. Его губы оказались сначала на ее щеке, а потом на устах, оставляя мокрый след.

Они переместились на заранее разложенный диван. Раиса бросила трусы и бюстгальтер на пол, стараясь не думать о морали и собственной нравственности: вот, нынешняя молодежь занимается этим безо всяких там задумок, получая удовольствие и не обещая, что это приведет к чему-то по итогу. Андрей лег на нее сверху, оставшись полностью голым, и смотрел в ее глаза, не отводя взгляда. Рая смутилась, но быстро смирилась — она делает это не просто так, не по прихоти животной, а ради дальнейшей своей жизни.

Андрей покрывал ее тело поцелуями. Гладил руки, груди, ноги слегка подрагивающими пальцами, словно боялся причинить вред. Он старался запечатлеть каждую деталь совершенного женского тела, проводя по нему пронзительным взглядом своих зеленых глаз. Он хотел ее расслабить, замечая скрюченные мышцы, будто девушка ожидала подвоха. Раиса уставилась в потолок, боясь взглянуть на своего любовника. Она старалась не думать об погибшем муже, о предательстве, которое совершается по отношению к нему. С ее уст сорвался невольный стон, когда Андрей опустился ниже, коснулся пальцами заветного бутона и поглаживал его трепещущие лепестки, вдыхая приятный аромат.

Это не казалось неприятным или болезненным. Это было настолько примитивно, пусть и волнующе, с толикой соблазнительности и любопытства, словно тебе восемнадцать лет, и это происходит впервые, под действием алкоголя или животного инстинкта, когда поцелуи зашли слишком далеко, и этого недостаточно, чтобы насытить бушующую страсть. Телодвижения, ощущения все те же, что тогда, в первую брачную ночь, когда молодожены скрепляют брак прикосновениями своих тел. Раиса лежала полностью раскрепощенная, во власти чужого мужчины. Андрей двигался, сначала медленно, словно нехотя, а затем все быстрее и быстрее, будто обезумевший, или за ним гнался сам дьявол.

В квартире царила гробовая тишина, нарушаемая лишь скрипами старенького дивана или стопами совсем еще молоденькой девушки, что справила тридцать три года совсем недавно, на днях. Она выглядела еще свежо, словно бутон розы среди тюльпанов. Красивая цветущая женщина, правда, очень одинокая и замкнутая. Андрей был старше нее на пару лет и тоже выглядел ничего. Иногда им хотелось включить музыку. Радиоприемник, что висел на кухне. Телевизор в зале. Но не могли оторваться друг от друга, размеренно двигаясь и наслаждаясь собственными телами в процессе.

Когда Андрей прикурил сигарету, Рая выхватила ее из его пальцев и затащила, стоя у окна обнаженной.

— Ты куришь?

— Для расслабления нервов.

Он подошел к ней и слегка коснулся ее кожи своим дыханием.

— Продолжим? — на его устах заиграла улыбка.

Девушка потушила сигарету в пепельнице и повернулась к нему.

— Продолжим.

За час до схватки с девочкой

Первый сентябрьский день оказался на удивление теплым. Своей погодой он напоминал начало июня, слегка знойное и очень приятное, с ощущением того, что впереди долгих три месяца, которые пролетят как один день. Деревья все еще стоят в цвету, зеленые, некоторые сгибаемые под тяжестью яблок, что спадали на землю только в конце августа, а то и с приходом первых холодов.

Лена вышла из дома в открытом летнем костюме — коротких шортиках и топе, едва достигающим до пупка — и, присев на скамеечку, что стояла у забора, надела новенькие ролики, купленные тетей в городе. Отпуск в деревне, расположенной в нескольких шагах от Зоны Отчуждения, немного затянулся. Тетя не единожды напоминала об возвращении, но девушка предпочла сдавать экзамены в конце десятого класса, нежели вновь приходиться и уходить с теми, кто ее не любил из-за ее прошлого. В общем, каникулы продолжились.

Лена встала на ролики и подмигнула Александру, что стоял в нескольких шагах от нее.

— Привет. — Мужчина довольно улыбнулся.

Они обнялись и поцеловались.

— Рано или поздно твоя тетя меня убьет, если узнает, что вчера между нами произошло, — произнес Саша.

— Да ладно тебе! — Лена хлопнула его по предплечьям. — Ничего страшного не произошло, тем более, мы давно нравились друг другу, и, в конце концов, что в этом такого? Мы же все-таки предохранялись, верно?

— Конечно, моя госпожа. — Сергей-Александр усмехнулся.

— Ты был классный. Как-нибудь еще повторим. А пока что мне пора. Не скучай!

Лена помахала мужчине на прощание и направилась по тропинке вглубь деревни, в конце которой виднелся густой лес, стеной закрывавший Зону Отчуждения, где царили разруха и радиация. На сердце царили одновременно радость и спокойствие. Внезапно наступившая взрослая жизнь манила приключениями и испытаниями, волнующие душу и разум многих молодых девушек. Лена не любила скуку и серую обыденность, как и стабильность — становилось очень и очень уныло и грустно, когда события шли ровно, словно по накатанной, день изо дня, одно и то же, без шанса на изменения.

Поэтому она связалась с Александром, взрослым мужчиной, который оказался выше ее ожиданий. Девушка-подросток давно заметила на себе пронизательные мужские взгляды — особенно на пикантную часть тела, скрываемую топом с большим количеством рюшек. Большие груди сложно было скрыть даже под прозрачной школьной блузкой, да и, в общем-то, зачем, когда можно этим умело пользоваться?

В голове всплыли вчерашние события: тетушка, уехав из дома по особо важным делам, оставила племянницу наедине с собственными мыслями. Как только иномарка отъехала далеко за пределы деревни, Лена соскочила с дивана, выбежала за забор и перехватила одиноко гуляющего Александра за локоток. Сначала они целовались, умело прячась за разросшимися кустами шиповника, а сейчас, когда помехи временно не стало, любовная парочка уединилась в небольшом домике, поддавшись накопившимся за это время чувствам.

Лена потащила за собой Александра, крупного мужчину, увлекая его на старую деревенскую металлическую кровать. Саша рухнул на хрупкую девушку и принялся расстегивать маленькие пуговички на блузке, но, не сдержавшись, просто разорвал хлипкую ткань в клочья. Елена подавила довольную улыбку, позволяя потерявшему от внезапной любви голову любовнику так же порвать бюстгальтер и сжать крепкими пальцами большие бугорки. Он хотел их так же, как и саму юную соблазнительницу. В этот момент Сергей-Александр не владел собою, своим разумом, им двигали только порочные страсти. Внутри школьницы ему было хорошо и спокойно.

Елена засмеялась, вспоминая телодвижениями тридцатилетнего любовника — как по его лбу катились крупные градины пота, как глаза хищно бегали, пытаясь остановиться на юном личике и запомнить этот легкомысленный, потерянный, взгляд; стоны, срывающиеся с соблазнительных губ; и как отвердевшее мужское достоинство оказалось лучше пальчиков, которые она совала в себя после очередного просмотра порно. Она совершенно забылась и не заметила, как покинула людские места, оказавшись в черте заброшенной радиоактивной зоны, среди которой царили пустота и мертвая тишина.

Лена остановилась. Тропинка, по которой она ехала на роликах, выглядела заросшей и покинутой. Густая трава доставала не только до щиколоток, щекоча нежную кожу, но и до пояса, заставляя опасливо озираться и искать среди зеленой пелены хотя бы намек на обратную дорогу. Впереди простиралось поле, высились маки, красные бутоны которых покачивались из стороны в сторону при легком дуновении ветерка, и еще несколько незнакомых цветов, выглядевшие подозрительно — хотя это было простое ощущение опасности, подкрадывающееся, иногда отпускающееся, временами нарастающее, как снежный ком. Хотелось броситься со всех ног и бежать, куда глаза глядят, но Лена быстро совладала со своими страхами и пошла вперед, в итоге выйдя на более-менее нормальную дорожку.

Молния ударила в землю, подняв небольшое облачко пыли. Еще одна приземлилась совсем рядышком, едва не коснувшись хрупкой и нежной кожи. Лена едва не рухнула на траву, чудом удержавшись на ногах. Небо развернулось над головой, собирая грозные тучи в маленькую точку, из которой посыпались электрические искры. Елена, тяжело дыша, побежала по слегка заросшей тропинке, пытаясь уворачиваться от ударов грозных молний, сыпавшихся на нее одна за другой.

Крик ужаса рвался с приоткрытых губ, но Лена продолжала бег, пытаясь глазами отыскать хотя бы одну фигуру человека, который бы мог ее защитить от внезапной напасти. Она заметила блеклую тень на земле, и краем глаза увидела летевшую над своей головой девочку с длинными и черными, как смоль, волосами.

“Это же Персик!..” — успела подумать Елена, прежде чем новая молния обрушилась совсем рядом, едва ее не коснувшись.

Бледное лицо украшали сдвинутые к переносице темные брови, открытые, плотно сжатые, зубы и губы, превратившиеся в ниточки, едва заметные на покрасневшей от ярости коже. Девочка летела по воздуху будто стрела, испуская сотни грозных молний, поднимая пыль с дорог и тропинок — несколько дней стояла сухая погода, небо было чистым, без единого облачка. Лена старалась не останавливаться, боясь, что маленькая негодница испепелит ее на месте, не пощадит старую подругу, с которой прошла огонь и воду.

Внезапно девочка остановилась. Зависла в воздухе, словно маятник — ветер трепал подол юбки, трогал кончики длинных волос, но малышку это никак не беспокоило. В острых стилетах глаз сверкало что-то недоброе. Лена не хотела узнавать наверняка: инстинкт самосохранения работал на всю силу, и она побежала дальше, боясь оставаться в этом месте, хотя бы минуту провести наедине с дьявольским созданием, выглядящим как обычный ребенок. Откуда-то появились сильные порывы ветра, и, проелозив по земле, поднялись высоко в небо, что разверзлось над головой тысячами молний и оглушающим громом.

Ветер дошел и до слабеньких домиков самоселов. Тронул крыши кирпичных зданий, слегка потрепал бревенчатые избышки и, задрав полы юбок молоденьких девушек, заставил тех схватиться за толстые стволы деревьев, грозя вновь унести куда-нибудь далеко, в соседние заброшенные села.

Марина выбежала из домика, услышав крики своих подруг. Прихватила Калашников, оставленный спецназовцами — так, на всякий случай, — и, перезарядив автомат, бросилась внутрь ветреного порыва, уносясь вместе с ним вдаль. Она заметила изумленные взгляды девушек и повернулась лицом к встречному ветру, что подхватил молодую женщину еще выше, направляя в сторону пустующего города Припять.

Марина была готова к подобной встрече. Она жаждала расправиться с той, что держала оставшихся в Чернобыле людей в настоящем животном страхе, возомнив себя богом. Единственное, что бередило ее душу, так это мысль о том, что это всего лишь маленький ребенок, но пролетевшая мимо нее молния заставила быстро об этом передумать. Девятилетняя чертовка быстро материализовалась рядом, низвергнув еще парочку молний. Девочка быстро накинулась на тридцатилетнюю женщину и принялась ту душить, сомкнув тоненькие пальчики на толстой шее.

Марина вывернулась и больно ударила девчонку ногой по животу. Девочка отлетела в сторону, но быстро вернула себе равновесие и вновь напала на тетку — чего уж греха таить, последняя была достаточно крупной и сильной, но девятилетняя малышка надеялась расправиться с ней силой своих молний, низвергая их одну за другой, и ни разу не попав в цель. Марина не стала дожидаться повторного нападения и, накинувшись на малолетнюю мерзавку, принялась бить ту по лицу.

Последняя молния пронзила молодую женщину насквозь. Она чудом уцелела и отлетела куда-то вдаль, но, чувствуя невероятную боль, начала стремительно падать вниз. Из оставшихся сил Марина зацепилась за карниз одного из зданий и принялась карабкаться, стараясь не смотреть вниз. Что-то пролетело мимо и с грохотом упало на асфальт, разбивая его вдребезги. Марина с трудом залезла на крышу и, сильно хромая, отыскала выход на лестничный пролет, что был перекрыт деревянным шкафом. Она оперлась на него руками и начала отодвигать, пока тот, не слетев по лестнице, не разбился в щепки.

Спецназовцы с криками, выставив вперед оружие, направились к центру города. Они отсиживались в укрытиях, наблюдая за схваткой и никоим образом в нее не вступая.

Девочка распахнула веки. Она лежала на городской площади — между Домом Культуры “Энергетиком” и отелем “Полесье”, — плотно вписавшись в асфальт, оставляя вокруг себя мелкие и широкие трещины. Ей хотелось пошевелить кончиками пальцев, призвать своих способности на помощь, но из руки посыпались лишь маленькие искорки, которые тут же потухли. Из груди вырвался вздох облегчения, когда малышка почувствовала холодное прикосновение смерти. И она потеряла сознание.

Спустя год после описанных в Чернобыле событий

— Марина?..

Она приветливо улыбнулась.

Раиса, не выдержав, обняла подругу за шею, примкнув к той всем телом.

— Ты не представляешь, Мариша, я так счастлива!

Марина даже растерялась:

— С чего это вдруг?

— С того это! — Рая даже подпрыгнула на месте. — Я беременна! У меня теперь появился смысл жизни!

— Поздравляю, — с легким удивлением в голосе ответила Марина.

— Только вот единственное... — девушка стушевалась и отошла.

— Да?..

— Андрей! Он не дает мне покоя! Как мне с ним быть, а? Может, ты знаешь?

Двумя месяцами ранее

Раиса держала справку от гинеколога и не могла поверить своим глазам.

Беременность. Второй месяц.

— Ты что, с ума сошла?! — матушка была в шоке, когда дочь показала ей справку.

— Мам... — Рая тяжело вздохнула.

— Что — мам?! — женщина в негодовании уперла руки в бока.

— Мам, я хотела этого ребенка! — Раиса тоже повысила голос. — Мне надоело жить одной, мне нужен хотя бы кто-то, кто бы подарил мне смысл для подобной жизни! У меня никого нет, ни ребенка, ни котенка! После смерти Васеньки прошло много лет, как и после той аварии, неужели я буду ставить на себе крест?!

— Послушай, Раечка, — матушка обняла дочь за плечи, — не губи ты ни в чем не повинную детскую жизнь. Вспомни, что случилось с Наташей...

— Ее сгубила радиация! Сейчас ее нет в нашей жизни! Неужели ты не хочешь, чтобы я была счастлива?

Матушка закивала головой, принимая слова дочери к сведению.

— А тот мужчина? У тебя с ним что?

— Ничего, мамуля. Мы с ним встречались только ради беременности.

Женщина выпучила глаза:

— Ты использовала мужика в качестве донора?!

— Ну да! — Рая рассмеялась, всплеснув руками.

— Ужас! Раечка, это просто ужас! Надеюсь, он об этом не знает?

— Он прекрасно об этом знает.

— Дочь... Ты действительно сошла с ума...

Раиса вышла из гинекологии, поправив съехавшую с плеча дамскую сумочку.

— Рая!

Девушка вздрогнула и остановилась.

— Андрей?..

Мужчина подбежал к ней, одарив ароматом мужского парфюма.

— Раечка, ну что же ты так? Ты меня уже который день игнорируешь. А я ведь... ведь... — он отдышался, — а я ведь люблю тебя. — Андрей взял ее за руку, нежно касаясь ее тонких пальчиков.

Рая опустила глаза, уставившись пустым взглядом в пол.

— Я же изначально говорила тебе, что люблю только своего мужа...

— Раечка, любимая! Я хочу начать новую жизнь с тобой! Понимаешь? И твоему ребенку нужен будет отец!

— У него будет отец. Мой погибший муж.

Андрей прищурился:

— И как ты ему объяснишь, что он родился спустя много лет после смерти своего отца?

— Я не хотела, чтобы ты вот так бегал за мной и надеялся на что-либо! Я просто хотела ребенка! — Раиса помотала головой, словно происходящее было дурным сном.

— Я все понимаю, но ты мне очень сильно понравилась, и я хочу быть с тобой!

— Это невозможно.

— Из-за твоего мужа?

— Я до сих пор его люблю. Ты этого не поймешь.

— Я все равно тебя добьюсь! — Андрей стукнул ногой. — И добьюсь встречи со своим ребенком! Это не конец, я уверяю тебя!

Заккрытие Чернобыльской АЭС

Несколько людей в белых одеждах выстроились в ряд у приборной панели. Над их головами светились яркие лампочки. Электричество освещало длинный, покрытый золотом, коридор. Установилась гробовая тишина.

На небольшом экранчике маленького телевизора, что стоял недалеко от панели, показалось лицо коренастого мужчины в деловом костюме. Помимо работников станции присутствовало еще несколько людей — журналисты, фотографы, физики-ядерщики, одним из которых был и Александр Боровой, оставшийся в Чернобыле дорабатывать план по укреплению объекта “Укрытие”. Разрушенный взрывом энергоблок прикрыли массивным сооружением, но ученый раз за разом обходил его с разных сторон, почесывал голову и принимался что-то чертить на бумаге ручками и простыми карандашами.

— Еще в восемьдесят девятом я делегировал в Европу с важным поручением, — рассказывал Александр Игорю, что тоже в то время оставался на станции. — Мы тут с институтскими ребятами посоветовались и пришли к выводу, что “Саркофаг”, оно же “Укрытие” хватит ненадолго. Ты видел, какими ржавыми пятнами наш объект покрылся спустя всего несколько лет? — Костин с важным видом кивнул. — Если дождь сделает свое дело, защита рухнет, и радиация снова окажется на свободе. Новой катастрофы будет не избежать...

— И чего вы в Европе добились?

— Мы уговорили их вложиться в создание нового “Укрытия”. Если это рухнет, — Александр постучал пальцем по снимкам, на которых был изображен укрытый разрушенный четвертый энергоблок, — вся радиация снова придет в их страны, и тогда их беды будут намного больше, чем тогда, в восемьдесят шестом. Они обещали нам помочь. По нашим с ними расчетам строительство нового “Укрытия” должно начаться в две тысячи девятом. Посмотрим, как эти ребята сдержат свое слово.

— Итак, — мужчина в белых одеждах обвел присутствовавших пристальным взглядом, воцарилась новая пауза, — мы сегодня собрались здесь по поручению президента Украины, Леонида Кучмы, чтобы в торжественной обстановке... — при слове “торжественной” мужчины опустили глаза и зачесали свои лбы, — объявить о непростом решении, принятом министрами Украины. Сегодня, пятнадцатого декабря, две тысячного года, тринадцать часов, семнадцать минут мы поворачиваем ключ на приборной панели третьего энергоблока, — говоривший мужчина потянулся к черной кнопке и единожды повернул ее, — дабы остановить его навсегда, как первый и второй энергоблоки Чернобыльской атомной электростанции. Нам очень горько осознавать, что авария, произошедшая в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое апреля восемьдесят шестого года не смогла переубедить общественность в безопасности дальнейшего атомного производства, и что общественность потребовала немедленно остановить дальнейшую работу Чернобыльской атомной электростанции. В дальнейшем будут приняты меры по выведению станции из эксплуатации. Аминь.

При последнем слове мужчины удивленно переглянулись и начали потихоньку расходиться.

Яркий свет больно ударил по глазам. Марина прикрыла лицо руками, когда внезапные порывы ветра начали сбивать ее с ног. Она открыла глаза, ощутив под собою невесомость — ей приходилось парить, лететь высоко над землей!

А взрослая девчонка в уже порванном школьном костюме стояла посреди разрушенного взрывом энергоблока и непрерывно взывала к энергии, что вихрями собиралась вокруг маленькой точеной фигурки, снося все на своем пути.

Молния ударила в землю.

Марина упала на землю и принялась ползти, пытаясь встать на ноги. Правое колено оказалось сильно поранено. Из него торчал кусок арматуры, который она, скорее всего, подхватила, пока пребывала в энергоблоке. Калашников валялся где-то неподалеку, до него нужно дотянуться и, схватив дрожащими пальцами, выстрелить несколько раз, прежде чем бестия настигнет ее вместе со своими молниями...

— Проходите, господин президент, вас все уже ждут.

Большие, сделанные из золота двери, распахнулись, пропуская внутрь сначала молодых офицеров, одетых как в девятнадцатом веке, а затем моложавого невысокого господина в деловом смокинге, что стоял в сторонке, опустив глаза.

— Инаугурация Президента Российской Федерации!

Господин зашел в отлитый золотом коридор и ступил на красную ковровую дорожку. Его приветствовали громкими возгласами, махая маленькими флажками и бросая лепестки под ноги. Размеренным шагом он прошелся по светлому помещению, освещенному солнечными лучами, проникающими через толстые стекла окон, и зашел в еще один коридор, через такие же распахнутые золотые ворота.

Бывший Президент вытянулся по стойке “смирно”, пряча выпирающий живот под темного цвета пиджаком. Он захопал в ладоши, когда господин прошелся по ковровой дорожке и приветствовал всех, кто отсалютовал его появление громкими свистами и лозунгами.

Моложавый мужчина поднялся на трибуну и тоже принял равнодушный вид, хотя пальцы его подрагивали от волнения.

— Уважаемый, кхм, уважаемый господин президент, — откашлявшись, произнес джентльмен с небольшой залысиной на голове. Он достал из кармана из заднего кармана пиджака документ и развернул его, — уважаемые участники торжественной церемонии...

На его лице просияла довольная усмешка.

Он стоял недалеко от трибуны и потягивал виски, принесенные слугой на небольшом подносе.

— Уважаемые граждане Российской Федерации, — продолжал джентльмен, говоря в микрофон и обводя волнуящим взглядом собравшуюся у трибуны толпу, — позвольте в этот торжественный момент от имени Центральной Избирательной Комиссии Российской Федерации объявить, что двадцать шестого марта двухтысячного года строго в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Федеральным Законом о выборах Президента Российской Федерации состоялись досрочные выборы Президента нашей страны...

— Интересно, а этот кgbшник, он каков в деле, а? — слегка захмелев от выпитого виски, спросил он у появившегося вновь слуги с подносом.

— Борис попросил меня сказать вам, чтобы вы пока что не высовывались. Он очень волнуется, пока идет церемония.

— Борис боится правды! — не выдержал он, скривив губы в довольной усмешке.

— В выборах приняли участие семьдесят пять миллионов сто восемьдесят одна тысяча семьдесят один избиратель, — продолжил джентльмен, заглядывая в документ.

— Подтасовщик, — фыркнул он, поднося бокал виски ко рту.

— За данного кандидата проголосовало тридцать девять миллионов семьсот сорок тысяч четыреста тридцать четыре избирателя...

— Это потому что я все сделал, я! Не было бы меня, Горбачев бы до сих пор бы гнил на своем посту президента! — выпалил он с насмешливой физиономией. — Каков был Чернобыль, а? А Арзамас? Это я все сделал, ха-ха!

— Господин Долгожитель, вы мешаете церемонии, — сделал ему замечание офицер.

— Заткнись! — рявкнул Долгожитель на молоденького паренька. — Это моя минута славы! Я имею права так себя вести!

— Господин Президент, прошу вас принести присягу народу России...

— О! Сейчас самое интересное! — Долгожителя разморило от выпитого виски.

Моложавый мужчина подошел к микрофону, положив правую руку на Конституцию Российской Федерации.

— Клянусь, при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять...

— Аха-ха-ха! — закатился смехом Долгожитель, перевернувшись в своем кресле. — Аха-ха-ха!

— ...права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства...

— Ну, за тебя, красавчик, — немного успокоившись, Долгожитель поднял вверх бокал виски, отсалютовал его мужчине, стоящему на трибуне, и сделал глоток, от удовольствия закатив глаза.

Толпа принялась рукоплескать, когда моложавый господин закончил свою речь. Люди торжественно приветствовали нового Президента своей страны, улюлюкали и раз за разом произносили его имя и фамилию, подбрасывая вверх флажки и лепестки разнообразных цветов.

— Поздравляю вас, господин Президент, — Долгожитель распахнул свои объятия и заключил в них моложавого мужчину, а затем принялся хлопать того по спине, словно дорогого близкого друга, — от всей души поздравляю! Соизволю вам представиться, я Долгожитель, очень хороший друг вашего учителя, Бориса Николаевича. Он, наверное, рассказывал вам обо мне...

— Что вы хотите? — прервал его речи новый Президент.

— Я хочу предложить вам свое сотрудничество. — Долгожитель низко поклонился.

— Это в каком смысле?

— Ну, вы же не какой-то там дурачок, вы все хорошо понимаете...

— Я новый Президент своей страны, отныне я правлю самостоятельно своим государством! Борис Николаевич рассказывал мне, какими делами вы промышляете, — Борис оценивающе взглянул на Долгожителя, — я, как один из работников государственных служб, против этого, и в случае чего передам вас в руки правоохранительных органов. Они уже давно вас ищут.

Долгожитель гневно взглянул на Президента и злобно сплюнул:

— Ты еще пожалеешь...

— Ты уверена, что мы поступаем верно?

Верочка, двадцатичетырехлетняя девушка с объемными светлыми волосами, забранными в хвост, зловеще усмехнулась, убирая с лица спящей маленькой девочки длинные темные кудри.

— Зато они наконец-то отсюда уйдут! И мы сможем восстановить наш город!

Незадолго до описанного диалога

— Крутяк! Веселимся, ребята!

Огромный костер полыхал среди высокой высохшей травы. Его всполохи едва касались темного вечернего неба, лишь клубы дыма забралась так высоко, привлекая к себе ненужное внимание. Группа молодых людей, одетых в кожаные куртки и джинсы, ботинки с высоким голенищем и шнуровкой, сплоченно сидели вокруг огня и громко орали всякую чушь, выпивая пива и куря сигареты.

Они не боялись, что охрана, всюду снующая, поймает их и отведет в милицейских пункт, а оттуда — уже к родителям, как на расстрел.

— Смотри, че они делают. Разве это здесь не запрещено?

Верочка поморщилась.

— Запрещено. Кажется, нашей доблестной милиции все равно. Костер уже который час горит. Некому больше наш город защитить.

— Думаешь?

— Ага. — Девушка посмотрела на часы на своей руке. — Если мы первыми не нападём и не разгоним эту шваль, никто ничего не сделает.

— Ага. А твоя мама знает, чем ты занимаешься?

Вера недовольно цокнула:

— Мне уже двадцать четыре, я свободный человек и делаю что хочу! Это она не может с этим свыкнуться, мои-то проблемы в чем?

— Она говорит, что мы занимаемся ерундой.

— Конечно! Зато она не занимается ерундой, ища очередного папика!

Подружка, молоденькая девушка с темно-русыми волосами и в кожанке, замолчала, опустив глаза.

— Побежали!..

Две девушки тут же поднялись и направились к костру, стараясь сохранять невозмутимый вид.

— О, смотрите, пополнение идет! — раздался громкий смех вперемешку с бульканьем. — Ну че, девчонки, присоединяйтесь, нам как раз вас не хватало!

— Пошли вон отсюда, — без злобы в голосе произнесла Верочка, выставляя правую ногу вперед.

— Че?!

— Капчо! Хрен через плечо! — встряла Верина подружка, которую, кстати, звали Таней. — Собрали свои манатки и идите вон отсюда!

— Ты кто такая, чтобы здесь командовать?! — один из молодых людей встал, зияя взлохмаченными и блестящими от жирной перхоти волосами. — Это наша местность, вы здесь никто, поняла?!

— Это вы здесь никто, любители приключений на свою задницу, — фыркнула Вера.

— Это ты нам войну, что ли, объявляешь? Из-за того, что мы тебе сказали, что Припять никогда больше жить не будет? Так, что ли?

— Вы радиофилы, идиоты. — Таня покрутила пальцем у виска.

— Кто-кто?!

— Витя, ты пьян, иди домой, — кто-то из молодых людей засмеялся.

— Сам иди домой! — отреагировал с жирными волосами.

— Тушите костер и валите отсюда! — уже с угрозой в голосе произнесла Вера.

— А то че?

— Ментов вызовем, вот че!

— Мы-то уйдем, но потом вернемся, и у нас будет оружие!..

— Ой-ой, и откуда ты его возьмешь? — передразнила парня Татьяна.

Раздался треск затвора, и девушка, повернувшись, удивленно хрюкнула.

В руке Веры засиял Макаров.

— Давай, иди за своим оружием. Я обещаю, что снесу вам всем бошки, если кто-то еще здесь появится. Уяснили?

Молодые люди встали и направились в сторону поля.

— Я еще вернусь. Мы тебе устроим войну. — И паренек с жирными волосами ушел вглубь Зоны вместе со своими друзьями.

Вера опустила пистолет и тяжело вздохнула.

— Ты где его достала? — набросилась на нее Таня.

— У матери, в сейфе. Пойдем. Нам уже пора.

— Что ты делаешь?!

Вера, накинув на голову капюшон от темно-салатового комбинезона, достала автомат Калашникова и перезарядила его, затем убрала его в сумку и посмотрела на подругу, что уставилась на нее шокированным взглядом.

— Прости, — раскаялась Верочка, потрепав Таню за руку, — прости, что я тебя во все это впутываю, но для меня это все важно! Понимаешь, мне было всего шесть лет, когда случилась эта авария, мы с мамой переехали в Россию, а уже спустя десять лет вернулись обратно в Украину. Для меня Припять до сих пор дом родной, я хочу, чтобы она жила как прежде!

— И ты думаешь, что с помощью оружия этого добьешься? — возмущенно ответила Татьяна.

— Мне объявили войну. Ты слышала, что они мне сказали?

— Что они придут с оружием.

— И они пришли!

— Но мы же отбились от них!

— Макаров ничего не решает!

Таня прищурилась:

— Откуда ты вообще умеешь пользоваться оружием?

— Они же меня и научили. — Вера развела руками. — Мы стреляли по банкам, потом по птичкам, но я никогда не думала, что придется стрелять по лучшим друзьям!

— Времена сейчас такие.

— Слушай, — помолчав с минуту, внезапно произнесла Верочка, — у меня появилась одна мысль, но для ее воплощения мне нужна твоя помощь.

— Слушаю внимательно.

Они остановились недалеко от колючей проволоки и оставили велосипеды в густой желтой траве. На улице шел проливной дождь, и Татьяна практически тут же замочила ноги в тоненьких кожаных балетках.

— Почему ты не переобулась?!

— Так я не успела! Ты меня сразу же сюда потащила!

— Ладно. — Вера махнула рукой. — Пойдем. Ты помнишь, где наш лаз?

Таня закивала.

— Молодец.

Верочка присела и, отодвинув острые края проволоки в стороны, первой пролезла на другую сторону.

— Кусачки, — произнесла она, подождав подругу.

— Что?..

— Мы принесли кусачки и обгрызли эту старую проволоку. Менты до сих пор ничего не заметили.

— Так что именно ты хочешь сделать?

— Несколько лет назад здесь происходили военные действия. Ну, почти. — Вера поморщилась. — Говорят, реактор взорвался из-за какой-то маленькой девочки, а девочка похоронена где-то здесь, в Чернобыле. Она когда вырвалась, из реактора-то, нападала на людей, держала всех в стране, ее одолели и убили.

— Ты хочешь оживить какую-то маленькую девочку? Но зачем?!

— Чтобы прогнать отсюда этих остолопов, — фыркнула Верочка.

Прихватив заранее припрятанную лопату с собой, две подруги, обойдя местное кладбище с обратной стороны, остановились у не приметного бугорка, без креста, каких-либо указателей. Вера прицелилась и воткнула совок в землю, поднимая ее вверх. Отбросила куски сухой глины в сторону и произвела то же действие, наступив ногой на наступ, чтобы погрузить его как можно глубже.

Вера отбросила лопату, когда совком коснулась чего-то мягкого, и, спрыгнув в яму, руками принялась откапывать завернутое в одеяло тельце. Татьяна прикурила сигарету, отойдя от могилы как можно дальше, и протянула ее подруге, когда та вылезла наружу, прихватив с собой мертвую девочку.

— Она живая. Дышит еще.

Таня удивленно посмотрела на Верочку:

— Как так?

— Девочка находится в летаргическом сне, — пожала плечами девушка. — У меня мама медик, иногда такие случаи рассказывает, что волосы дыбом встают. Это — одно из них. Удивительно, столько лет пролежать в земле...

— А если бы она была б мертвая?

— Наткнулись бы на ее кости.

— Так ты знала, что она жива? — Татьяна охнула.

— Допустим.

Подруги услышали подозрительные звуки и повернули головы. Девочка, словно по щелчку пальцев, распахнула веки. Комки земли покатались по мертвецки бледным щекам, когда малышка повернулась и вгляделась пронзительными синими глазами в перепуганные взгляды девушек. Девчушка улыбнулась и подняла правую руку. С кончика указательного пальца высвободилась стремительная молния.

Подруг больше никогда не видели.

— Я не могу поверить, что это произошло! — Долгожитель метался по кабинету, словно обезумевший. — Я предлагал ему со мной сотрудничать, но он отказался! За что?! Неужели у него много денег? Много власти? Горбачев и Ельцин обещали мне склонить его на мою сторону, но они не смогли! Я что, так долго игрался в пустоту? Чернобыля оказалось недостаточно? Я что, сошел с ума? Разговариваю с самим собой! — он резко повернулся, но ему ответила тишина.

— Ну-у конечно-о, — протянул Долгожитель, схватившись за голову. — Я же... Я же убил всех, кто участвовал в том эксперименте, даже свою любовницу, Лизу! Ах, Лизонька, ты была лучшей любовницей на свете... — он резко опустился в свое кресло, вытащил из шкафчика рабочего стола пачку сигарет и прикурил, развевая спичку по воздуху. — Если бы ты знала, чем окончатся наши с тобой усилия... — пауза, чтобы вдохнуть пораженными легкими новой порции сигаретного дыма, — если бы хотя бы намекнула, чем все закончится, я бы пытался еще и еще, но нет, на нашем пути повстречался упертый человек, новый господин президент!.. — Долгожитель раздраженно смахнул все, что лежало на столешнице, на пол. — И что теперь, я должен со всем этим мириться?!

Он уткнулся носом в собственный стол, терзая себя не утешительными мыслями и образами. Перед глазами появлялись фантомы убитых им людей — Лиза, девушка с большими грудями и огромным добрым сердцем. Ему даже вспомнились сцены близости, когда в экстазе он утопал в ее бюсте и был счастлив, забывая обо всех своих проблемах. Лиза улыбалась, а в глазах блестела искорка настоящей любви, грозя перерасти в настоящий огонь любви, что пожирал бы все и всех вокруг.

Даже Легасов, этот бездарный химик, иногда появлялся в его мыслях, будоражил кровь и остатки нервов, потраченных впустую...

Внезапно его обдало холодным ветром. Лаборатория, где находился рабочий кабинет, являлась закрытым помещением, находящимся в недрах канализации жилого дома. Коридоры постепенно наполнялись водой, мусором и гнилым запахом отходов. Все двери закрывались на электронные замки. Сначала на амбарные, по старинке, а в нынешний технологический век только на электронные, панельные.

Долгожитель поднял голову, и его обдало новым холодным сквозняком.

— Ты?!

Она встретила его холодным взглядом синих глаз.

— Мне говорили, что тебя убили в Чернобыле. Неужели ты снова выжила?!

Малышка потупилась и внезапно холодно улыбнулась.

— Зачем ты пришла сюда?! Я тебе больше не хозяин!

Девочка пожала плечами. Она молитвенно сложила руки, преподнесла их к носу и, крепко зажмурившись, окутала комнату белесым туманом.

— Что... Что...

Когда густые вполыхи тумана растворились в узких щелях стеклянного пола, из ниоткуда появился хирургический стол, а на нем — забинтованная облысевшая маленькая девочка, как тогда, в далеком восемьдесят третьем, когда эксперимент довел ее до состояния летаргии, нанеся ожоги и увечья, парализующие и кровотокающие.

— Я ждала этой встречи. Все эти двадцать лет я ждала этой встречи. Теперь ты понимаешь, что я чувствую? Я дважды побывала на краю смерти. Дважды она помиловала меня, отпускала в мир живых, ведь на самом деле твоя миссия не закончена. Ты до сих пор желаешь убить тех, кто ни в чем не виноват? — внезапно кабинет превратился в кадр из черно-белого кино, события стали пролетать перед глазами одно за другим. — Ты обвинил страну в том, в чем она не была виновата. Ты ведь на самом деле желаешь то же самого, что и другие люди, живущие в ней, верно? Хочешь семьи, любви, счастья? Но ведь они, люди, не виноваты в твоих бедах. Я... Я начинаю понимать, каким ты видел чернобыльский апокалипсис. Таким ведь, верно?

Долгожитель оглянулся. Его перенесли на одинокий берег нескончаемого, огромного, темного, недружелюбного и холодного моря, в воде которого лежали мертвые тушки дельфинов и китов. Над горизонтом плыла планета, похожая на Землю — или на Луну, объятую пламенем. Континенты превратились в пылающие линии, острова погрузились в адский огонь, а небо стало таким ядовито-оранжевым, что даже облака казались исполинскими созданиями.

— Лондонский мост падает, падает, — Долгожитель повернул голову и увидел одиноко бредущую девушку с длинными темными, как январская ночь, волосами, в одном купальнике. Кончиками пальцев она коснулась его узких плеч и зашла далеко за воду, остановилась и обернулась, продолжая напевать: — Лондонский мост пада-а-

ает...

Долгожитель приподнялся с песка и зашел в воду следом за незнакомкой. Она приветливо улыбнулась и сцепила пальцы в замок, буравя взглядом синих глаз.

— Красиво, да? Я вот смотрю на это небо, и мне иногда бывает так одиноко, а я всего лишь несчастная девушка, брошенная всеми на произвол судьбы.

— Кто ты? — Долгожитель подошел к ней поближе.

— А разве это важно? — девушка наградила его холодным взглядом синих глаз.

— Важно, — настороженно кивнул мужчина. — Меня перенесла сюда маленькая девочка, и мне кажется, вы с ней чем-то похожи...

Незнакомка кивнула.

— Я и есть та маленькая девочка. Алина. Точнее, я ее кошмар, воплощение ее страхов и боли. Я пришла сюда не просто так, — она выставила вперед правую руку и начала любоваться ею на фоне ядовито-рыжего света, своими лучами пронизывающего ее худенькую руку, — ты излучаешь страх. Боль и отчаяние. Ты давно не хочешь жить, и я пришла, чтобы воплотить твоё желание в жизнь. — Кошмар снова сцепила пальцы в замок и улыбнулась.

— Я... Я не понимаю...

— Ну смотри, ты нелюбимый в семье ребенок. — Девушка снова наградила Долгожителя холодным взглядом. — Мать ушла, исчезла, растаяла, словно призрак в ночи. Отца никогда не было, его заменил чужой человек, отчим. Он бил, изменял твоей матери, пока она не исчезла, и избивал тебя, маленького. А хочешь знать, куда делась твоя мать? Она нашла себе другого. У нее появились дети, счастливая семья, а ты стал напоминанием о негативном прошлом, о недавнем аде, который она пережила из-за твоего отца. Он ведь изнасиловал твою мать, верно?

Кошмар подняла глаза и улыбнулась, заметив слезы на лице своего бывшего учителя.

— Меня только одно интересует, — добавила она, насытившись негативом, — ты испортил жизни тысячи людей, развалил большую страну, привнес в мир большое количество несчастий, а принесло ли тебе это удовольствие? Получил ли ты то, что очень сильно хотел?

Долгожитель в упор посмотрел на улыбающуюся девушку.

— Не знаю, — лаконично ответил он.

— Тебе это не принесло облегчения. Людей, тех, кто испортил тебе жизнь, уже давно нет в живых. Ты хотел отомстить тем, кто подарил тебе свободу, кто дал тебе второй шанс построить счастливую жизнь, но не получилось, хотя, сильно пострадали их потомки. Ты ничего не добился. Ты загубил одну маленькую жизнь ради своей прихоти. Я обязана сделать то, что на меня возложено. Прощай. — Кошмар накинулась на мужчину и начала топить его в холодной мутной воде.

Долгожитель пытался дать ей отпор, но отпустил руки и почувствовал, как вода заполняет легкие. И даже прикрыл веки, отдавая себя в объятия смерти. И каково его было удивление, когда обнаружил себя в небольшом хирургическом кабинете, пристегнутым к кушетке. Рядом стояла капельница с чем-то зеленым. Жидкость текла по тонкой трубке, медленно, маленькими каплями, но от одного только ее вида становилось дурно. Мужчина повернул голову и увидел по ту сторону комнаты девочку, забинтованную, облысевшую. Она повернулась к нему и улыбнулась.

— Дядя Долгожитель, как твои дела? Как твое здоровье? В последнее время я чувствую себя очень дурно. Ты уверен, что от этих уколов мне будет действительно лучше? А где моя новая жизнь, дядя? Ты говорил, жизнь простых людей очень скучная, ты хочешь подарить мне другую жизнь. Жизнь в реакторе, да, дядя?

— Да, Алиночка, я не хотел, чтобы у тебя была жизнь лучше моей.

— Неужели ты завидуешь маленькой девочке, дядя Долгожитель?

— Да, завидую, Алиночка, потому что твой папа знаменитый ученый.

— А твой — тунеядец и алкоголик, да, дядя Долгожитель?

— Да, Алиночка.

Она снова улыбнулась.

— Я могу исполнить любое твоё желание. — На лице девочки не дрогнул ни один мускул. — У меня сегодня очень хорошее настроение. Что ты хочешь, дядя Долгожитель?

— Умереть. Устал я, Алиночка.

Девочка хмыкнула.

— Исполнено! — мужчина прикрыл веки, почувствовав холодное прикосновение. Сознание упало в темноту, а с его полуоткрытых уст сорвался последний протяжный вздох. — Завтра тебя найдут мертвым. И больше искать не будут. Прощай, дядя Долгожитель.

— Только в город не ходи, хорошо? — матушка заботливо погладила дочь по светлым, будто бы золотистым, волосам. — Мы с тобой об этом не раз разговаривали...

— Потому что меня заберут злые милиционеры? — девочка подняла голову и посмотрела на грузную женщину в халате.

Ее мама приехала сюда спустя много лет после аварии. Личная жизнь не сложилась — мамин муж часто распускал руки, нигде не работал, а когда все-таки нашел мало-мальскую подработку, встретил другую женщину и бросил матушку. А она, пошатавшись по вахтам, приехала сюда, в Чернобыль, где влюбилась в ликвидатора последствий катастрофы. Он уже был не молод. Но, спустя какое-то время, на свет появилась девочка с карими глазами и золотистыми волосами.

— Пригнись! — шикнула на нее матушка, когда малинового цвета “Жигули” пронеслись мимо контрольно-пропускного пункта. Знакомый любовника матери, охранник в овечьем тулупе, пропустил машину без остановки, заранее зная, что в ней прячется ребенок. Три раза небольшая семья выезжала из Зоны Отчуждения — по законам Украины детей в Чернобыле быть не должно, их нахождение в радиоактивной местности строго запрещено.

Девочку, восьмилетнюю Юлию, обычно прятали в мешках картошки и провозили мимо контрольно-пропускных пунктов. Когда их будто исчезали вдалеке, малышка осторожно высовывала нос наружу и всматривалась в мелькающие мимо деревья с густой зеленой листвой. Смотрела карими глазами на поля, где не стояло ни единой избышки, на мирное течение реки... И именно на ее берег собралась Юля, когда матушка в очередной раз отпустила дочь погулять, взяв с нее обещание не высовываться.

— Дело не в милиционерах, Юлечка, — матушка присела перед ней на одно колено, — и даже не в детском доме, куда ты рискуешь попасть, если нас все же поймают, — она в упор посмотрела дочери в глаза. Девочка опустила их, пряча насмешку в густых ресницах. — В городе живет нехорошее существо...

— Бабайка? — Юля развеселилась.

Женщина усмехнулась:

— Можно сказать и так. Хотя это вполне обычная девочка...

— А, так ты знаешь про мою подружку? А почему ты называешь ее Бабайкой? Она хорошая! — упрекнула дочь собственную мать.

— Просто не общайся с ней, хорошо? — лицо матушки стало строгим.

— Ладно. — Юля тяжело вздохнула.

Девочка вышла из дома, прикрывла за собой деревянную калитку и, прихватив с забора полотенце, направилась на речку, купаться. Стояло жаркое лето. Середина июля. Юля не ходила в обычную образовательную школу, ею занимался оставшийся после аварии старый учитель, учивший девочку читать, писать и считать. Она знала все буквы алфавита и могла сосчитать до тысячи. Учитель соорудил для нее импровизированную школу, отыскав в заброшенной парту, учебники и даже небольшой колокольчик. Юлия садилась за своеобразное обучение и ждала нового лета, когда за окном бушевали ветра, дожди и снега.

Юля подбежала к реке, опустила ногу в теплую воду и, бросив полотенце на землю, принялась снимать с себя сарафан. Она развязала поясok на ярко-оранжевом платье, когда заметила на себе пристальный взгляд темноволосой незнакомки с пронзительными синими глазами. Юлия соврала, что общалась с ней, выдумав себе подружку — здесь среди тишины и пустоты маленькому ребенку было очень одиноко. Во взгляде школьницы блеснули мелкие искорки и тут же исчезли, будто наваждение, зазывая восьмилетнюю девочку идти за собой.

Юля поспешила за странной незнакомкой в школьной форме. Белая прозрачная блузка мелькала среди высокой зеленой травы, как и высокий белоснежный бант, кончики которого развивались на ветру. Девочка с длинными темными волосами несколько раз оборачивалась и награждала Юлию пронзительным взглядом синих глаз. А затем двигалась дальше, понимая, что за ней идут.

Юлия не понимала, что с ней происходит — в голове стучал спокойный и ненавязчивый девичий голосок, шепчущий, просящий, иногда умоляющий и угрожающий. Она спокойно шла за девочкой в школьной форме, что вывела ее в центр огромного опустевшего города, посреди которого стояло большое колесо обозрения. Его опоры уже были задеты ржавчиной, от легких порывов ветра оно поскрипывало, но продолжало стоять как ни в чем не бывало. Незнакомка остановилась, давая восьмилетней малышке насладиться зрелищем. Рядом обнаружился и заброшенный парк аттракционов. Юле хотелось перелезть через маленькую перегородку, но натолкнулась на ослепляющий взгляд школьницы и двинулась за той следом.

Девочка в школьной форме остановилась недалеко от опустевшей школы. Трехэтажное здание успело прорасти маленькими хилыми деревцами, небольшими кустиками с красивыми красными листьями и яркими

желтыми одуванчиками. Юля наградила здание непонимающим взглядом и посмотрела на незнакомку, что стояла к ней спиной, сцепив руки в замок. Школьница медленно повернулась. Ее пронзительные синие глаза стали ядовито-красными. Юля вскрикнула от неожиданности и боли, когда девчонка набросилась на нее и, сомкнув пальцы на тоненькой шее, принялась душить.

Юля беспомощно открывала и закрывала рот, пытаясь больше нахвататься воздуха. Вцепилась в мучившие ее руки девятилетней незнакомки и хотела оторвать их от своей шеи, но девчонка была в разы сильнее нее. И вокруг ни единой души! Сознание начало мерцать, покидая хрупкое тельце. Но Юлия не хотела сдаваться, хотела повидать свою маму, обнять ее и сказать, насколько же сильно она была права. И просто начала лупить кулаками негодницу по лицу, и в итоге попала ей в глаз, отчего девчонка завизжала и отпустила Юлю.

Юля забежала внутрь опустевшего здания. Едва она спряталась в первом же кабинете, открытого настежь, стремительная молния пролетела над ее плечом, едва коснувшись хрупкой детской кожи. Девочка удержалась от визгов и криков, понимая, что это привлечет внимание той, что хотела ее убить. Юлия бегала из угла в угол, а потом, почуввав неладное, спряталась под одну из парт и прижала колени к груди. И вовремя — в комнате появилась та незнакомка, что разминала пальцы и взглядом метала молнии, вглядываясь в каждое подозрительное место.

Юлия выскочила из-под парты, перевернула стол на разгневанную школьницу и метнулась к выходу. Новая молния последовала следом, попав в дверной косяк. Выход из школы оказался свободен, но девочка понимала, что малолетняя преследовательница не оставит ее в покое, а до дома идти очень далеко. Юлия хотела скрыться внутри здания и подождать, пока школьница исчезнет. Она поднялась на второй этаж, пробежала по свободному коридору, обмочив ноги в сандалиях в лужах, что были по всему помещению, и, отыскав нужное место, тут же вновь спряталась, поджав ноги и собрав полы развивающегося сарафана. Юлия старалась успокоиться и дышать тише, но частое дыхание само срывалось с губ, привлекая ненужное внимание.

— Аа!!

Парты поднялись высоко вверх, касаясь ножками потолка. Внезапный порыв ветра поелозил по полу и принялся дуть изо всех, вынося столы за пределы школы. Юлия пыталась устоять на своих маленьких хрупких ногах, но очередной порыв вынес ее в окно, заставляя цепляться за проржавевший откос. Она на миг подняла глаза и увидела злорадствующее лицо школьницы. Девчонка полоснула рукой будто стрелой, пронзая малышку ударом обжигающей молнии. Схватила ее за горло и, пару раз стряхнув, сбросила Юлю вниз, наблюдая, как та падает без сознания на землю.

Мама Юлии вышла из дома с полным воды тазиком. Она выронила его из рук, увидев на протоптанной тропинке девочку с синяками под глазами и синей шеей. Юля с трудом открыла калитку, зашла внутрь двора и, не устояв на дрожащих ногах, рухнула на землю.

— Юля, Юлечка, солнышко мое!.. — матушка ахнула от испуга и, бросившись к бессознательной дочери, принялась ее потихоньку тормошить за плечо. — Юля, Юля, очнись, Юля, золотце мое, что случилось с тобой, моя хорошая, кто напал на тебя? Юля!!

Но девочка продолжала лежать на сухой земле без сознания. Легкие порывы ветра слегка коснулись растрепанных кос, а затем потрепали висевшие лохмотья, некогда бывшие сарафаном.

Женщина, навзрыд рыдая, выбежала за пределы дома и принялась кричать:

— На помощь! Прошу, помогите моей дочери! На помощь!!

Ей ответил лишь гуляющий в поле ветер.

— О боже, Юлечка, ну что ты опять задумала? — плакала несчастная мать, когда повзрослевшая дочь с перекошенным от ярости лицом бросала свои вещи в спортивную сумку. — Куда ты собралась?

— Подальше отсюда! — гневно ответила ей Юля.

— Ну какая муха тебя укусила? Почему ты уходишь? Ну куда ты поедешь?

Девушка остановилась и в упор посмотрела на мать.

— То есть, тот случай тебя ни в чем не убедил? — тихим голосом произнесла она.

— Это была случайность! — взвыла как раненая волчица мать. — И ты сама меня не послушала! Зачем ты туда пошла?!

— А, то есть, ты хочешь переложить всю вину на меня, да? Я правильно тебя поняла? — Юля демонстративно сложила руки на груди.

— Но ведь это правда!

Юлия зашвырнула последнюю вещь в сумку и снова обратилась к матери:

— Ответь мне, пожалуйста, на один вопрос — зачем ты вообще приехала сюда? Тебе что, мало места среди нормальных людей?

— Так надо было! Я работала здесь продавщицей!

— А, то есть, работать среди нормальных людей продавщицей невыгодно было, получается? Или ты от кого-то скрываешься? От своего бывшего муженька?!

— Ну какая разница, Юлечка! Ты же не сможешь работать среди незнакомых людей! У тебя образования нет!

— Благодаря тебе, мамулечка. Ладно, все, мне пора. Меня автобус ждет.

Юля подхватила сумку и направилась к калитке, громко хлопнув дверью.

— Как приедешь, напиши письмо! Я буду ждать!

Девушка показала средний палец и поспешила на остановку.

Рая вышла из подъезда, придерживая темноволосого мальчика за руку.

— Мы сегодня опять едем на кладбище?

Раиса вынужденно улыбнулась.

— Нет, что ты! Сегодня не день смерти папы.

— Мама, ты сегодня ночью опять плакала. Это из-за моего здоровья?

— Да, Толенька, твое здоровье меня очень сильно беспокоит.

Мальчик помолчал, а потом добавил:

— Мне кажется, ты боишься, что я уеду к бабушке, и ты снова будешь умирать от одиночества.

Раиса присела перед сыном и погладила его по предплечьям.

— Я так привыкла, что ты рядом, что мне становится плохо от мысли, что я снова останусь одна. Одиночество это очень плохо, Толенька.

— Тогда поехали к бабушке вместе.

— Толя, я не могу. У тебя школа, а у меня работа.

— Мне придется пропустить две недели школы. Мне кажется, учителя будут на меня ругаться, что я так часто болею.

— Нет, что ты! Они все отлично понимают.

Рая выпрямилась и снова взяла сына за руку, тепло улыбнувшись.

— Пойдем. Нас уже все ждут.

Внезапно сознание начало покидать женщину. Она остановилась, часто-часто заморгала и, приложив руку ко лбу, почувствовала, какой он горячий. Перед глазами все поплыло, и Раиса, не выдержав, едва не рухнула на землю, если Анатолий, ее девятилетний сын, не схватил бы мать за руку, пытаясь удержать ее ногах.

— Мама, с тобой все хорошо? — его голос, всегда такой спокойный, внезапно стал тревожным. — У меня с собой водичка есть, тебе дать?

— Нет, нет! Ты просто... постой рядом...

За их спинами раздалось мерзкое и одновременно злобное шипение. Тени под ногами стали увеличиваться, пытаясь всполохами схватить мать с ребенком и оттащить как можно дальше, чтобы никто из окружающих не увидел расправы над ними.

Толя обернулся и заметил вдалеке полуголую девушку с конском хвостом на голове. Ее пронзительные синие глаза наполнились темнотой, а голос стал шипеть и одновременно рычать, как у озлобленного пса.

— Ой-ой... Это нехорошая тетя...

— Брось меня. Я все равно умру, — из последних сил произнесла Раиса, чувствуя, как сознание окончательно покидает ее.

Анатолий подхватил маму под руки и ринулся бежать в сторону поликлиники. Находилась она в паре кварталов, но не это беспокоило мальчика — странная дамочка, до этого сверля их испытывающим взглядом черных, как ночь, глаз, сдвинулась со своего места и медленным шагом направилась следом, испустив страшные мрачные руки из спины, как какой-нибудь главный злодей из видеоигры.

Раиса облизнула пересохшие от волнения губы и отключилась, повиснув на плече сына.

Мама была тяжелая, как и всякая другая женщина, но мальчик, собрав все свои недетские силы, тащил ее на себе, стараясь не останавливаться и не поддаваться собственному страху. Над его головой пролетали огромные черные клешни, пытаясь зацепиться за волосы или за одежду, порвать ее в клочья.

— Ты хочешь поиграть, упрямый мальчишка?!

— Мама, держись! До больницы осталось совсем немного! — Анатолий поправил съехавшую с плеча матушку.

Она ему ничего не ответила.

— Я убью тебя и твою жалкую мамашу! — рычало озлобленное существо за спиной мальчика.

Толя не мог заметить, как девица, опустившись на землю, обернулось черным зверем, из открытой пасти которого потекла обильная слюна, капая на асфальт. Существо присело на задние лапы и издало оглушающий рык. Волосы девицы превратились в кроваво-красный ирокез, а на лапах появились острые когти. Зверь бил себя по бокам длинным хвостом, прижался к холодной грязи, чтобы совершить огромный прыжок, но промахнулся и ударился об дерево, появившееся словно из ниоткуда. По лбу мальчика крупными градинами катился пот, он молил небеса о пощаде и перевел дух, переступив порог заполненной людьми больницы.

Зверь остался позади, переминаясь с лапы на лапу и проглатывая обильную слюну.

— *Мы еще встретимся, запомни это, мальчишка.*

К Толе подбежали люди в белых халатах, подхватили бессознательную женщину и положили ее на носилки, унося в другую часть больницы.

— Мальчик, ты можешь идти домой. — К Анатолию подошла медсестра.

Он посмотрел на нее своими карими глазами и спокойно ответил:

— Я боюсь. Меня там зверь поджидает.

Марина была сильно удивлена, увидев на пороге своей квартиры девятилетнего мальчика.

— Мама сказала идти к вам. Вы ее лучшая подруга.

— Мама?..

— Мою маму зовут Раиса. — И мальчик опустил глаза.

— Что случилось?! — Марина сильно побледнела.

— Мама в больнице. Врачи сказали, у нее инсульт. А я боюсь быть один, за мной зверь гонится!.. — и

Анатолий горько заплакал, вытирая лицо рукавами пиджака.

— Та-а-ак... Зверь, значит...

— Вы мне верите? Медсестры надо мной смеялись, говорили, что у меня бурная фантазия!

— Верю. Я знаю этого звереныша.

Марина уперла руки в бока, осмотрелась и впустила мальчика в квартиру.

— Посиди здесь. Никому не открывай. Завтра утром пойдешь в больницу и проведаешь маму. А я сделаю все, чтобы она была в порядке!..

И, прихватив куртку, Марина выскочила из квартиры.

Самый настоящий финал. I

Кошмар поприветствовала Марину ледящей улыбкой.

— Я думала, ты больше никогда не появишься, — она осмотрела девицу с головы до ног. Та сильно изменилась: вместо привычных распущенных темных волос конский хвост, в нем сияла пятиконечная звезда, слепленная из странной темной жидкости, очень сильно похожей на нефть. Некоторые пряди окрасились в агрессивно-красный, а более заманчивые места — грудь и ниже пояса — залеплены таким же странным и непонятным пятном, пахнущим газом. Ее глаза наполнились чернотой, а улыбка стала куда зловещей обычного, — особенно когда твое альтер-эго захоронили в черномыльских лесах. Неужели ты выжила? И как тебе это удается? Ты что, неубиваемая?

— Меня можно убить только одним способом, — кошмарная девица улыбнулась, и среди тесен промелькнула чернота, — лишив меня еды. А в этом мире ее предостаточно. Пока вы, черномыльцы, живы, я буду жить всегда! — шипящим голосом произнесла она, пару раз обернувшись вокруг своей оси и, резко присев на землю, приобрела вид чудовищного монстра с красным ирокезом на голове. — Ну что, детки, — зверь поднял лапу и продемонстрировал огромного размера когти, — поиграем!?

Появившийся из ниоткуда сильный порыв ветра сбил Марину с ног. Она отлетела в сторону и, ощутив под ногами асфальт, убрала руки, перед этим прикрываясь от возникшей бури, что сметала все на своем пути. Марина часто-часто заморгала и начала оглядываться по сторонам, пока туман не рассеялся, открывая взору облик идеально чистого бетонного здания с вентиляционной трубой на крыше, а рядом — из такого же материала ржавое, покрытое потеками, сооружение.

Монстр тем временем напал на работавших на территории станции людей, снося перепуганных мужчин и женщин своим длинным, только что отросшим, хвостом, на кончике которого красовался пучок шерсти. Зверь издавал горловой рык, время от времени приседая на пятую точку, распугивая бегущих в разные стороны работников, и начинал кружиться вокруг своей оси, поднимая клубы обычной и радиоактивной пыли. Подоспевшие к этому моменту спецназовцы приготовились стрелять, но чудовище мощной лапой разбросал их в сторонку, запрыгивая и откусывая несчастным воинам головы.

— Я вас всех уничтожу, уничтожу!

Марина подобрала валяющийся у своих ног автомат и перезарядила его, нацелившись в монстра. Пустила несколько пуль в морду громко рычащего зверя и снова перезарядила ружье. Но чудовище вяло отреагировало на выстрелы и, сильно увеличившись в размерах, издало очередной рык, залезая на прикрытый огромным сооружением энергоблок. Своими огромными лапами оно принялось долбить по крыше закрытого металлическими листами реактора, изрыгая проклятия:

— Уничтожу, уничтожу, уничтожу!

— И что теперь делать?! — к Марине подошел Сергей-Александр, забрав шлем и всматриваясь в облик пронзительно рычащего монстра. По мертвецки бледному лицу мужчины градинами катился пот, заливая черную водолазку.

— Убивать! Либо мы его, либо оно нас! — Марина снова наставила на зверя прицел автомата, извергая из него новую очередь из патронов.

— Еб твою мать! — выругался Александр и перезарядил свое ружье, тем самым присоединяясь к подруге по несчастью.

Огромная ракета, рассекая скопившиеся над монстром облака, едва не протаранила энергоблок, заставляя зверя громко взрывать, задрав к морду к небу. Посреди жесткой черной шерсти зияла дыра невиданных ранее размеров, словно толстое тело животного пронзили насквозь длинным острым копьем. Из пасти чудовища вновь потекла обильная слюна, упавшая на края проржавевшего сооружения и потекшая по нему вниз. Зверь начал съезживаться и вмиг обернулся обычной темноволосой девушкой, с перепуганным до смерти лицом.

Над станцией поднялся вертолет, поднимая клубы пыли и несущим винтом разрывая облака в клочья. Из кабины показалась фигурка короткостриженной девушки в свитере и джинсах, на ногах которой красовались ботинки с высоким голенищем. Она спрыгнула на крышу энергоблока и принялась бить девицу руками и ногами, заставляя ту закрываться ладонями от нападков и болезненных ударов.

Марина закрыла открытый от удивления рот и принялась стрелять по девице, что опешила от неожиданного поворота. Некогда бывший монстр приобрел жалкий вид и изувеченное пинками лицо. Кошмар рухнула с крыши энергоблока на землю, пару раз приложившись головой об основания “Саркофага”, и, сделав пару шагов дрожащими ногами, упала на сырую от проливных дождей землю.

Александр подхватил легкое тело девицы и бросился внутрь административно-бытового корпуса, оставив

автомат на ступенях заведения. Марина побежала за ним следом. Двери здания тут же захлопнулись за ней, закрывая путь назад. Она открыла рот, пытаясь громко закричать, но, увидев лица удивленных людей, тут же закрыла его.

Александр скрылся в потемках внезапно опустевших помещений. Свет, как назло, померк насовсем, когда Марина ступила на скользкий линолеум “золотого” коридора. И чем дальше оставшаяся наедине со своими мыслями женщина шла, тем нескончаемее он становился. Во тьме Марина пыталась высмотреть мужской силуэт, но ничего не получалось.

Коридор внезапно пошатнулся. Марина едва удержалась на каблуках. Повернувшись, она увидела идущего за нею крупного мужчину в дождевике и с противогазом на голове. В его руках светилась огромная кувалда. Незнакомец размахнулся ею, и Марина, упав не алюминиевые стены, тут же выпрямилась и побежала вдоль узкого помещения. У нее не было ни автомата, ни пистолета, а сражаться наголо с негативно настроенным человеком с обширным молотом как-то не особо хотелось.

Длинная колючая проволока пронзила насквозь прочные стены. Ее острые концы перехватили мужчину в дождевике и обмотали его всего, с головы до ног. Из сдавленного горла вырвался крик ужаса. Незнакомец пытался вырваться, елозя руками и ногами. Марина отбежала как можно дальше. Чужака с кувалдой било по “золотым” стенам, переворачивало вверх тормашками, им выбило стекла в окнах, и через секунду ровный чистый коридор окрасился кроваво-красными потеками.

Марина оперлась об стену спиной, почувствовав дрожь в ногах. Ее бледное лицо окрасили мелкие капли крови. Коридор наполнился мертвой тишиной. В горле появился тяжелый ком, не давая закричать от увиденного ужаса. Колючая проволока исчезла. По полу остались разбросанными куски человеческого тела. Марина с трудом повернулась спиной к ужасающей картине и, хромя, пошла в сторону выхода.

Картинка покрылась мелкой рябью как сломанный экран телевизора. Коридор заполнили помехи и жуткий белый шум. Пол под ногами пропал. Марина безудержно крутила головой, готовая наконец закричать, но на другом конце кадра заметила ту кошмарную девицу. Она стояла к ней спиной. И внезапно стала маленькой девочкой. Глюк. Снова глюк. Девица. Маленькая девочка. Девица. Маленькая девочка.

Малышка вздохнула полной грудью. Подняла вверх руки и осмотрела тоненькие пальчики.

С ее приоткрытых губ сорвалось:

— Я наконец-то стала собою!..

Что-то холодное и острое коснулось ног. Швырнуло на пол со всей силы, не давая встать, и потащило вглубь темноты. Марина закричала во весь голос, пыталась схватиться за первое попавшееся, но мучения продлились недолго — ее перебросило в помещение, залитое ярким светом. Сознание на какое-то время отключилось, и Марина, распахнув веки, попыталась встать на свои двои.

За спиной послышался подозрительный скрип, словно ржавым гвоздем по стеклу.

Маленькая перебинтованная девочка парила высоко над уцелевшим четвертым реактором. Ее голова была абсолютно лысая, а вокруг худого тельца, покрытого жуткими, гноящимися, ожогами витали сотни длинных острых и колючих проволок. На израненном лице царило настоящее ликование — проволоки, словно намагниченные, припали к ногам, показывая свою преданность и верность.

Лицо Марины исказила гримаса изумления.

— Так это... это... ты...

Пол под ногами женщины начал проваливаться.

На лице девочки появилась искренняя улыбка. Торжество во взгляде. Задранный подбородок.

Она ни о чем не жалела.

— Марина, с тобой все в порядке?!

Марина приподнялась с пола и приложила руку к голове.

— Ох, неплохо меня так приложило... А где я?

Девушка с короткой прической усмехнулась.

— Все там же.

Марина взгляделась в лицо попутчицы и испытала новый шок.

— Мила?!

Мила Боровая склонила голову:

— Да, это я. Прилетела, чтобы навестить мужа, но оказалась втянута в новую битву.

— Кошмар, мать ее...

— Я в курсе. Она меня тоже мучила.

— А девочка?! Она до сих пор в реакторе?

Мила пожала плечами:

— Кто ее знает...

Марина схватила ее за руку:

— Ее нужно немедленно оттуда вытащить, пока не случился новый взрыв!..

— Вот вы где! А я вас повсюду ищу! — Александр перехватил девушек, не давая им уйти.

— Ты где был? Ты че сделал?! — накинулась на него Марина.

— Вернул девчонке то, что принадлежало ей. — Сергей-Александр пожал плечами.

— Чего?!

— Эта Кошмар ее иллюзии и страхи, и нас они тоже коснулись! — повысил голос мужчина. — Она убила бы всех нас, как девчонка этого хотела! И мы все заперты в этой долбанной атомной станции! Нам нужно отыскать выход, иначе она нас всех поджарит!

Не успел он договорить, как станцию тряхнуло. Девушки едва устояли на своих двоих. Мужчины, сидящие в кабинетах, начали медленно сползать на стены вместе со столами, стульями и шкафами. Вся техника, стоящая в музее, макеты в павильоне для туристов, плакаты, книги, компьютеры, ноутбуки вместе с лампами и дорогостоящими люстрами посыпались им на головы. Свет тут же погас. Искры начали сыпаться на людей. Александр, держа одной рукой автомат, другой вытаскивал работников из их же кабинетов и комнат, ибо все, что стояло в них, резко рухнуло, едва не придавливая не успевших убежать.

Марина не удержалась на каблуках и рухнула на Милу. Александр упал на них, придавив весом своего тела.

Помещения погрузились в крошечный мрак.

— Что происходит?!

Тонкий свет фонарика упал на “золотую” стену. Начали медленно вырисовываться деревянные двери вверх тормашками.

— Станцию перевернули вверх ногами!

— Как такое возможно?!

Марина встала, опершись об плечо мужчины.

— Нужно теперь искать выход...

— Не нужно! — она перехватила автомат из рук Александра и перезарядила его. — Нужно отыскать девочку и обезвредить ее, пока она снова что-нибудь не учудила.

— Погоди. Дай я сначала скажу свою правду.

Кошмар распахнула двери административного корпуса и, выйдя на свежий воздух, подставила бледное лицо солнечным лучам.

— Я чувствую себя пророком, дарящим людям правду. Когда мир был в относительной безопасности, истина была скрыта в стенах этого здания. — Она подняла руку и показала на вторую очередь. — В чистом поле может быть зарыта мина замедленного действия. Рано или поздно она все равно взорвется. В том, что реактор взорвался есть твоя вина. В том, что маленькая беззащитная девочка оказалась внутри реактора, твоя вина. Мир оказался в хаосе тоже по твоей вине. — Девица подошла ближе, сверля взглядом пронзительных синих глаз. — Ты довольна? Скажи? Когда ты... вы... поймете, что не все проблемы решают абсолютная власть, жажда отомстить, жажда доказать всему миру, что вы лучше? — Кошмар повела головой и часто-часто заморгала. — Это делают те, кто спасает тысячи ни в чем неповинных судеб. Кормят тех, кто голодает. Защищает тех, кого обижают. Вам не нужна гонка на равных. Не нужна космическая ракета, чтобы быть лучше. Не нужен атомный реактор, чтобы быть умнее. И — не нужно отвечать агрессией на агрессию. Вы те, кто по природе своей лучше, но вы такие же люди, как и все. И для этого потребовался всего лишь один взрыв, всего лишь одна катастрофа, чтобы заставить остальных поверить... вот только во что? И зачем? Когда ты это поймешь, будет слишком поздно. Остановись сейчас. Не девочка виновата в ваших проблемах, — Кошмар больно ткнула пальцем в грудь, — а вы со своей упрямой назойливостью доказать, кто виноват, а кто прав. Не нужны больше невинные страдания. Я уйду. Я возвращаюсь в свое лоно и буду жить там, как прежде. Задумайся. — Она постучала по виску. — Другого времени не будет.

Она словно ждала их — маленького ростика девушка в разорванной школьной форме стояла неподалеку от крышки реактора, лежащей на боку. Когда Марина приблизилась к ней, выставив вперед автомат, то взмахнула руками, призывая всю силу стихии. Волосы ее встали дыбом, искрясь сотнями тысяч молний. Столько же в обеих руках, готовых испепелить любого, кто подойдет ближе.

Девушка открыла рот и издала жуткий горловой звук, откинув голову назад. Порывы ветра подняли ее вместе с реактором высоко вверх. Земля под ногами зашаталась. Яркий свет обнял худенькую фигурку, затмевая полностью лицо, на котором сияла довольная улыбка. Она расставила руки в стороны, прикрываясь металлическими щитами, когда Марина начала стрелять.

— Я думала, что уничтожу вас, но вы оказались сильнее! — крикнула девушка в ответ на новые выстрелы. — Я смерти не боюсь, я желаю вашей вместо своей!

— За что?! Что мы тебе сделали?!

— Вы хотели моей смерти!

— Этого хотели не мы!

— А я почему знаю?! Я хочу, чтобы вы все сдохли!

— Наша смерть не принесет тебе облегчения! Но мы можем облегчить твою жизнь, не убивая тебя!

— Я хотела только одного — я хотела жить! А теперь... а теперь...

Чувствовалось, что девушка потеряла управление. Она держала в руках шаровую молнию, готовясь ее пустить в Марину, но внезапно вновь осветилась ярким светом, опускаясь на землю вместе с пылающим искрами шаром. Марина уже выставила вперед пистолет с глушителем, который ей бросил Александр, и, прицелившись в маленький силуэт, выстрелила.

— А дети? А где теперь мои дети?!

Марина подпрыгнула на стуле и завертела головой. Она только-только переступила порог своей квартиры и опустилась на первый же стул, чувствуя смертельную усталость. На лице засияла довольная и одновременно усталая улыбка. Дети... Леша и Лиза... Два маленьких создания, ради которых ей пришлось пройти через весь этот ад...

— Где они?!

Раздался чей-то язвительный смешок.

На белой стене появился адрес — название улицы и цифра дома.

— О боже, Лиза!

Марина бросилась к светловолосой девушке, сидящей на лавочке в больничном двореке, и обняла ее.

Лизавета посмотрела на нее зелеными глазами и принялась гладить волосы кукольной барби.

— Я не думала, что тебе пришлось пройти через такие мучения, пока я искала тебя и Лешу! — Марина прижала Лизу к груди.

— Леша погиб, — сказала Лиза, смотря в одну точку. — Папу убили. А я заболела. Я ведь еще не пошла в школу, да, мама? Ты сказала, что сама поведешь меня туда, без папы, помнишь?

Марина заглянула в глаза своей дочери.

— Я не знала всего этого, правда, не знала! — она вновь прижала девушку к груди. — Прости меня, Лиза! Прости...

Раиса открыла глаза и, повернув голову, увидела сидящего рядом с кроватью Анатолия.

— Толя...

Мальчик улыбнулся.

— Твои мучения закончены, мама. Больше никакой Кошмар тебя не обидит.

Рая присела на постели и, притянув сына к себе, обняла его.

— Ты не представляешь, в каком аду я жила все эти годы. А теперь мы заживем с тобой счастливо. Я уволюсь с работы, тебя переведу на домашнее обучение, и будем жить с тобой у бабушки дома. Все лето. Всю осень и зиму. Ты согласен?

Александр Боровой переступил порог дома и, положив папку с документами на край стола, снял обувь. Устало прошел в гостиную, прикурил сигарету и, удобно устроившись за компьютером, надвинул очки на глаза.

— Пришла пора мне рассказать о Чернобыле.

Сергей Мирный поправил шляпу и постучал в двери частной компании, занимающейся тем, что раздает сопровождающих для экскурсий по Чернобылю.

— Заходите!

Он улыбнулся милой даме, сидящей за столом.

— О, это вы подавали документы, чтобы вас взяли на работу гидом? Сергей Мирный, правильно?

Сергей закивал, надевая очки.

— Проходите! Садитесь! Сейчас проверим ваши документы.

Девушка заглянула в папку и удивленно произнесла:

— О, вы женаты? Вы в своих книгах не писали, что женились.

Мужчина довольно закивал:

— Моя жена — моя давняя подруга. Мы вместе служили в Чернобыле. Я могу вам ее порекомендовать, если что.

— О, я совсем не против! Второй такой эколог, как вы, нам совсем не помешает!

Андрей продолжает пить.

Однажды его найдут в его собственном доме с бутылкой коньяка в руке.

Он уйдет из жизни в гордом одиночестве, так и не отыскав свою вторую половинку.

— Прости. — Лена сокрушенно взглянула на Сергея-Александра. — Нам с тобой не по пути. У нас большая разница в возрасте. И я решила, что отношения для меня отныне в тягость. Тетушка ругается...

Александр понимающе закивал.

— Понимаю. Ничего страшного! У меня вся жизнь впереди.

Лена продолжает жить в деревне, недалеко от Чернобыле.

Вскоре она выпустит книгу.

Называется книга “Девочка из реактора или как сложилась моя жизнь”.

— Он... Он все еще живой! — из блочного щита управления номер четыре выскочил человек в белой форме. Его коллега по работе усмехнулся:
— Ты еще скажи, что девочка до сих пор в нем.
На небольшом экранчике засветились цифры. Побежала вдоль экрана красная строка.
Ухмылка с лица мужчины сошла.

Алине придвинули небольшой листок бумаги и ручку.

— Вы подписываете свое согласие на участие в специальной военной операции в качестве прямого участника...

— Я же новейшее ядерное оружие, о каком участнике вы говорите?

На нее посмотрели круглыми от удивления глазами:

— Кто вам такую чушь сказал?!

— Вы видели на полигоне мои способности. Вы хотите меня одурачить?

— Тебя уже одурачили, дура! — в кабинет влетел вооруженный мужчина, наставив пистолет в сторону премьер-министра.

Алина подскочила.

— Что ты здесь делаешь?!

— Тебя спасаю! И всю планету!

— Ах, всю планету, — с важным видом протянула девушка, потихоньку выходя из себя. — Знаю, какую именно планету ты спасаешь. Место между моими ногами!

— Хоть в этот раз не будь такой душой! — повысил голос Сергей-Александр. — Я действительно люблю тебя, а не использую как подстилку! Между прочим, мои бывшие бойцы и твой новый хозяин, который называется Президентом, давно заприметили тебя в качестве любовницы! Нравится тебе роль государственной проститутки, а?!

— Не смей меня так называть! — Алина топнула ногой.

— Если ты подпишешь эту бумажку, — Александр навел прицел на небольшой листок бумаги, — то подпишешь приговор всему белому свету! Ты отлично знаешь, что умеешь выделять радиацию, особенно, когда теряешь контроль! Тебя этому реактор наделил, к слову!

— И что?!

— Не подписывай! Этот! Чертов! Договор!

— Боишься за свою дорогую страну? — глаза у девушки начали наливать кровью.

— Я боюсь и за страну, и за тебя!

Алина схватила листок и начала рвать его на мелкие куски.

— Меня давно достала такая жизнь. То не делай, это не делай! — выкрикнула она, подбросив кусочки бумаги в воздух. — Сколько лет я провела в вашей долбанной тюрьме под названием лаборатория! Сколько лет вы ставили на мне опыты! Вы, куски чертового дерьма! Ненавижу вас всех, ненавижу!

— Алина, не начинай... — Сергей-Александр покачал головой.

— Я уже начала! Я раздолбаю вас, вашу долбанную страну и ваш долбаный мир!

— Алина, НЕТ!!

Девушка почувствовала, как гнев ломит заодно мышцы, медленно наливаясь свинцом. Из ее рук вырвались первые пронзающие насквозь молнии, оставляя от присутствующих в зале людей одни голые остова. Алина ощутила легкое покалывание, постепенно переходящие смертоносные укусы — и вновь погрузилась в бесконечную темноту, как тогда, находясь на дне реактора. Как будучи безжизненным трупом выжила, пребывая на грани, питаемая теплом и электричеством, исходящими от громадного работающего прибора...

Спустя секунды маленького ростика девушка обернулась чистой стихией, бесконтрольной, дикой, подпитываемая самой природой. Она взмыла вверх, отбрасывая многочисленные молнии. Алина выглядела как человек — с руками и ногами, — но при этом напоминала источник нескончаемого электрического тока, что поражал все, что находилось в нескольких метрах от него.

Александр опустил пистолет. Его лицо стало мертвецки бледным, когда девушка, сжав кулаки, направила свой гневный взор на него. И рухнул бесчувственным на сияющий пол, истребленный безжалостной молнией.

Алина бросилась к окну и выпрыгнула на улицу. Растворилась сотнями мелких искр и извергала одну молнией за другой, убивая ни в чем неповинных людей.

У тех, кто избежал подобной участи, случилось головокружение, тошнота и обильная рвота.

Алина поднялась высоко в небо. Оценивающе посмотрела на мужчин в военной форме и бросилась на север, извергая по пути новые молнии.

Когда она оказалась в нужном месте, остановилась. Снова пригляделась к своему бывшему дому, где провела двадцать семь лет и два года внутри разбитого пожаром реактора, и нанесла первый удар. Третьим ударом разгневанная и бесконтрольная девушка снесла сияющую на солнце “Арку”, за ней следом сильно повредила и

объект, тридцать с лишним лет скрывающий радиацию. Алина обернулась чистой молнией и ударила в сам поврежденный реактор, растапливая затвердевшее ядерное топливо и бетон.

Больше книг на сайте - Knigoed.net